

Министерство образования и науки РФ
Иркутский государственный университет
Институт социальных наук
Кафедра государственного и муниципального управления

Электронная хрестоматия по курсу

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

для студентов 4-го курса направления подготовки
Б3.В.ДВ.3.1

081100.62 «Государственное и муниципальное управление»

Автор-составитель: канд. филос. наук, доцент Полюшкевич О.А.

2014 г.

Оглавление

РАЗДЕЛ 1. СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА..4	
Белкина Т.Д. Диагностика городского развития с помощью системы индикаторов	4
Добрынина В.И., Ляховец А.С. Города современной России: урбанизационный подход.....	17
Сабуров Е.Ф. Город как общество.....	21
Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала.....	31
Костко Н.А. Социальное управление городом: методологические основы исследования и тенденции развития.....	47
РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРА, ИДЕНТИФИКАЦИЯ И САМОЧУВСТВИЕ ГОРОЖАН.....54	
Добрецова Н.Н. Рурализация и поглощение городской субкультуры	54
Каганов Г.З. Горожанин в городе: идентификация с Землей и Небом. Часть 1.....	62
Каганов Г.З. Горожанин в городе: идентификация с Землей и Небом. Часть 2.....	74
Каганов Г.З. Городская среда: преемство и наследования	83
Антанасиевич И. Современная городская легенда в системе постфольклора	93
Васильева Л.А. Топофилия восточного города.....	101
Кокс Х. Секулярный город	103
РАЗДЕЛ 3. ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНЫХ СТРУКТУР, ИНСТИТУТОВ, СИСТЕМ И ОТНОШЕНИЙ.....129	
Белова Т.П. Городское пространство как сфера этноконфессиональных отношений	129
Головин В.В., Лурье М.Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село	141
Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и "злоупотребление публичностью"	156
Лысова Н.Ю. Город как пространство культурно-исторической памяти.....	175
Абрамова Е. "Круглый стол" и открытая дискуссия "Коллективная память в городском пространстве"	176
Сальникова В. П. Образ города в контексте региональной культуры	180
Турома С. Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления.....	181
Рыжова Т.С. Город в социокультурном пространстве региона	190

РАЗДЕЛ 1. СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Белкина Т.Д. Диагностика городского развития с помощью системы индикаторов¹

Урбанизация и информация о городах. Одним из характерных признаков XX в. был стремительный рост городов в мире, прежде всего в Европе и Америке. Этот процесс, инициировавшийся, главным образом, появлением кардинальных технологий в промышленности и сельском хозяйстве, кардинально изменил образ жизни многих миллионов людей, с одной стороны, предоставив им новые возможности, а с другой - заставив столкнуться с вызовами времени.

Если за период с 1800 по 1900 г. население городов мира возросло лишь с 5 до 13% [1, с. 25], то в 1950 г. оно достигло 28,9%, а в 2000 г. - 47%. Число городов с населением 100 тыс. чел. и более, составившее в начале XX в. 360, к концу века превысило 2000, а городов-миллионеров увеличилось с 16 до 300. Если в ста самых крупных городах мира в 1800 г. в среднем проживало 200 тыс. чел. населения, в 1950 г. - 2,1 млн. чел., то в 1990 г. - 5 млн. чел.

Наиболее быстрыми темпами в последние десятилетия прошлого века росло городское население в развивающихся странах, что во многом объяснялось общей динамикой роста их населения (табл. 1) [2, с. 5].

Таблица 1

Доля городского населения и темп его прироста в странах с разным уровнем развития, 1970 - 1995, %

Группа стран	Доля городского населения		Прирост, в год 1970 - 1995 гг.
	1970 г.	1995 г.	
Наименее развитые	12,7	22,9	5,1
Развивающиеся	24,7	37,4	3,8
Индустриально развитые	67,1	73,7	1,1

В итоге, в общей численности городского населения мира быстро сокращалась доля населения Европы и росла Азии и Африки (табл. 2) [3, с. 8]. В 1990 г. из 281 города с числом жителей более 1 млн. 118 находились в Азии, 61 - в Европе и 72 - в Америке.

В списке крупнейших городов мира на первые позиции постепенно выходят города развивающихся стран. Из городов развитых стран только Токио удается пока сохранить ранг крупнейшего города мира (26,4 млн. чел. в 2000 г.). Нью-Йорк же, занимавший вторую позицию в 1980 и 1990 гг., в 2000 г. переместился на пятое место (16,6 млн. чел.).

стр. 77

Таблица 2

Распределение городского населения по регионам мира, с 1950 по 1990 г., %

Регион	Городское население		Население городов-миллионеров	
	1950 г.	1990 г.	1950 г.	1990 г.
Африка	4,5	8,8	1,8	7,5
Америка	23,7	23,0	30,1	27,8
Азия	32,0	44,5	28,6	45,6
Европа	38,8	22,8	38,0	17,9
Океания	1,1	0,8	1,6	1,3

¹ Белкина Т.Д. Диагностика городского развития с помощью системы индикаторов // Проблемы прогнозирования. 2007. №2. С. 77-89.

По прогнозным расчетам ООН-ХАБИТАТ, население мира к 2030 г. достигнет 8 млрд. чел. (в 2000 г. насчитывалось 6 млрд. чел.), соответственно городское население увеличится с 2,9 до 4,9 млрд. чел., т. е. его доля составит 61% [4, р. 186]. При этом наиболее высокие темпы процесса урбанизации будут характерны для стран с низким уровнем экономического развития (табл. 3) [4, р. 189].

Таблица 3

Оценка и прогноз уровня урбанизации и темпов роста городского населения в мире, %

Показатель	Степень урбанизации		Темп роста городского населения	
	2000 г.	2030 г.	2000 - 2010 гг.	2020 - 2030 гг.
Группы стран с доходами на человека в год*, долл.				
высокими - 9836	77,3	84,7	0,8	0,6
средними - 766 - 9835	50,8	69,0	2,1	1,2
низкими - 765 и меньше	28,1	45,3	3,1	2,9

* Классификатор Всемирного Банка.

Что касается России, то в середине XIX в. примерно лишь 8% ее населения проживало в городских поселениях. В страну городов и горожан Россия превратилась менее чем за 100 лет. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, проведенная в 1897 г., показала, что тогда в границах современной РФ насчитывалось 430 городов, в которых проживали 15% россиян. По данным последующих переписей, доля горожан в конце 1930-х годов составила треть населения, к концу 1950-х - уже половину. В начале 2006 г. городское население России равнялось 73%. По прогнозным расчетам Федеральной службы государственной статистики России (Росстат), к 2015 г. доля городского населения увеличится незначительно и составит 73,5% общей численности населения, а к 2025 г. - 76%. При этом общая численность городского населения сократится приблизительно на 2 млн. чел., при сокращении общей численности населения с 2005 по 2025 г. почти на 8 млн. чел. Предполагается, что реальный прирост городского населения произойдет в эти годы только в Центральном, Уральском и Южном федеральном округах, но он не сможет компенсировать сокращения численности населения в других регионах [5, с. 7]. Несмотря на отрицательную динамику изменения численности городского населения России, которая объясняется, прежде всего, общим сокращением населения, в перспективе страна станет более урбанизированной, чем прежде.

стр. 78

Система городов в XXI столетии представляет собой социальную, культурную и экономическую основу мира. При этом вместе с урбанизацией в города переместились (или формируются под воздействием городов) наиболее серьезные мировые проблемы. Важнейшие из них - бедность, преступность, ухудшение качества окружающей среды, одностороннее развитие сферы услуг, бездомность. Отсутствие понимания их разрушительного воздействия на человека и необходимости разработки противодействующих мер может привести в будущем к катастрофическому усугублению этих проблем. Достаточно обратить внимание хотя бы на одну из них - жилищную, чтобы понять всю важность разработки эффективной политики городского развития.

По расчетам ООН, в 2001 г. население трущоб составляло 0,9 млрд. чел. Предполагается, что городское население мира с 2003 по 2030 г. увеличится на 1,9 млн. чел. Можно себе представить, какое фантастическое количество жилья необходимо построить за эти годы для (ориентировочно) 2,8 млрд. чел. [4, р. 5], чтобы решить жилищную проблему. Расчетные данные ООН-ХАБИТАТ о потребности населения мира в новых жилых единицах в 2005 - 2030 гг., мягко говоря, не оставляют надежд на реальность их достижения [4, р. 4].

Средний размер потребности в новом жилье, млн. ед.		
	всего	877,4
	ежегодной	35,0
	дневной	0,096
	часовой	0,004

В наступившем веке города станут критическим фактором проблемы выживания человечества.

Между тем на бытовом уровне нередко представления, что именно города являются источниками многих проблем и не только собственно городских, но и общенациональных. Зачастую роль городов пытаются выразить в устаревших понятиях, противопоставляющих "городское" "сельскому", при этом города представляются паразитирующими на подлинном развитии и разрушающими национальную культуру. Эти представления, легко укореняясь в общественном сознании, приносят значительный вред. Разрыв между значимостью развития городов и отношением к ним отражает глубокую и в определенном смысле весьма серьезную проблему, обусловленную неспособностью оценить ее в полной мере. Нередко используемые характеристики городов упрощены и не дают достаточно верной информации.

Представляется, что многие явления и процессы, определяющие урбанизацию недостаточно изучены, а следовательно, отображение проблем городов, перспектив их развития и возможностей остается искаженным. Многие города как развитых, так и развивающихся стран "страдают" от информационного голода, ощутимо снижающего их эффективную городскую политику. Между тем важность согласованного развития всех элементов города необычайно обострилась, что еще более актуализирует планирование его социально-экономического развития, уже ставшего реальностью в России. Отсутствие необходимой информационной базы для выработки эффективной городской политики затрудняет развитие этого процесса и снижает обоснованность планов. Не уделяется должного внимания и мониторингу реализации планов и программ.

Устойчивость современных обществ зависит от понимания проблем города и рационального управления его развитием. Именно города становятся полигонами для оценки устойчивости общественно-политических систем, оптимальности деятельности правительств, уровня экономического развития стран, эффективности программ борьбы с социальной несправедливостью. Чтобы выжить в XXI в., города должны стать объектами пристального изучения, являющегося обязательным условием обеспечения устойчивости развития этих сложных, быстро изменяющихся систем.

Для наблюдения за обеспечением устойчивого развития городов и предотвращения сбоев в городской деятельности возрастает необходимость внедрения современных и эффективных методов диагностики состояния городов, а также количественной оценки результатов проводимой политики.

стр. 79

Городская статистика. Центральным звеном в системе формирования массива первичной информации о жизни и деятельности граждан, предприятий и организаций, которая собирается из разных источников, является Росстат. В составе статистической службы в регионах имеются областные (республиканские, краевые) отделения, а в них (но далеко не во всех субъектах РФ) отделы городской (муниципальной) статистики.

На практике процесс создания муниципальной статистики и взаимодействие статистических органов с местными органами исполнительной власти происходят неоднозначно. Поскольку местное самоуправление не входит в вертикаль государственной власти (а органы статистики являются государственными организациями), то муниципальная статистика, по существу, выпала из системы государственной статистики. В настоящее время муниципальные органы исполнительной власти не заинтересованы в передаче информации органам статистики, а органы статистики в регионах соответственно - местным властям. Доступ к информационным фондам предоставляется на безвозмездной основе федеральным органам государственной власти и управления, территориальным комитетам Госкомстата России и государственным организациям, имеющим право на получение информации Госкомстата России; на договорной основе - всем остальным пользователям.

В целях улучшения информационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления, в 1995 г. вышло Постановление Правительства Российской Федерации "О развитии системы муниципальной статистики" [6]. Согласно этому Постановлению Министерству Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике, Минэкономики России и Минфину России было предложено разработать примерный перечень статистических показателей социально-экономического положения муниципальных образований. В конце 1996 г. Госкомстат выпустил два постановления "Об утверждении схемы N1-пг (паспорт социально-экономического положения городов Российской Федерации)" и "Об утверждении унифицированной системы показателей, характеризующей социально-экономическое развитие города, района, сельского поселения, для разработки прогнозов развития эти населенных пунктов" [7].

В сентябре 1999 г. Росстатом была разработана "Унифицированная система показателей, характеризующая социально-экономическое положение муниципального образования" [8, 9] Она предназначалась для руководителей муниципальных образований, принимающих управленческие решения по вопросам, входящим в компетенцию органов местного самоуправления. При ее подготовке были рассмотрены предложения свыше 100 органов местного самоуправления, 20-ти органов исполнительной власти субъектов РФ, а также 17-ти федеральных органов исполнительной власти. Унифицированная система показателей муниципальной статистики прошла апробацию в регионах РФ.

Типовой перечень показателей данной системы разрешалось подвергать изменениям с учетом специфики муниципального образования. Весьма примечательно, что согласно пояснениям к данному документу, методология определения показателей, включенных в перечень, входит в компетенцию соответствующих органов, предоставляющих информацию о них. Источниками информации являются территориальные структуры федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ.

Порядок финансирования этих работ определялся следующим образом. Сбор статистической информации и обмен ею между органами местного самоуправления и территориальными структурами федеральных органов исполнительной власти субъектов РФ осуществляется на безвозмездной основе в рамках ежегодно утверждаемой в установленном порядке федеральной программы статистических работ, финансируемой за счет средств федерального бюджета.

стр. 80

Информационное взаимодействие между органами местного самоуправления, территориальными структурами федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, не предусмотренное федеральной программой статистических работ, происходит на договорной основе.

Предложенная Госкомстатом России система показателей содержала 25 блоков информации практически по всем сферам хозяйственной и социальной жизни муниципального образования. Наличие подобной комплексной информации в городах, безусловно, способствовало бы постоянному мониторингу деятельности и на этой основе более обоснованному определению перспектив развития города. Однако она имела ряд следующих существенных недостатков.

Система показателей не сопровождалась методическими рекомендациями по их расчетам. Более того, методика расчетов, согласно пояснениям к документу, должна была определяться на местах. Практика показывает, что в этом случае смысл показателей не тождественен при сравнении не только между разными муниципальными образованиями, но и в динамике. Следовательно, резко снижается ценность разработок.

По существу, в системе почти полностью повторялся набор статистических показателей, рассчитываемых по регионам - субъектам Федерации, и слабо учитывались особенности муниципальных образований.

В системе содержалось недостаточно показателей, которые отражали бы процессы институциональных и социально-экономических перемен и новых явлений в жизни городов, что особенно важно на современном этапе развития.

Тем не менее следует признать, что наличие подобной информации в городах было бы большим шагом вперед в развитии городской статистической базы данных.

Практически единственным комплексным информационным материалом о социально-экономической ситуации, поступающим в муниципальные образования из Госкомстата России безвозмездно и регулярно, являлся так называемый паспорт города. Паспорт содержит показатели по стандартным разделам: население, финансы, занятость и безработица, положение основных секторов экономики, развитие общественной инфраструктуры, состояние окружающей среды и др. Он позволяет оценить социально-экономическую ситуацию в муниципальном образовании в целом, однако для проведения более глубокого анализа объема этой информации недостаточно. Дополнительную информацию необходимо либо извлекать из отраслевой статистики, которая находится в подразделениях местных администраций или других организациях, либо получать в органах государственной статистики на коммерческой основе. Для прочих потребителей в большинстве случаев недоступен и этот ограниченный ресурс. По-прежнему, проблемой является методическое и организационное обеспечение составления паспорта города.

Базы данных о городах в России и за рубежом. Высокая потребность в статистической информации о муниципальных образованиях и городах при существующих ограничениях ее получения привела к тому, что различные организации (государственные и негосударственные), занимающиеся муниципальной проблематикой, начали создавать базы данных по городам.

Так, Минфедерации России в рамках Федеральной целевой программы государственной поддержки развития муниципальных образований и создания условий для реализации конституционных полномочий местного самоуправления (последняя редакция утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 декабря 1999 г.) предусмотрело разработку предложений по государственной поддержке развития муниципальных информационных систем и муниципальной статистики. Но работа была приостановлена, поскольку в 2001 г. Минфедерации России было упразднено.

В развитие Градостроительного кодекса Постановлением Правительства от 11 марта 1999 г. (N 271) было утверждено "Положение о ведении государственного градостроительного

кадастра и мониторинга объектов градостроительной деятельности в Российской Федерации". Согласно Положению, Градостроительный кадастр включает в себя большой блок информации для регулирования градостроительной деятельности и осуществления контроля за соблюдением градостроительного законодательства. Следует, однако, заметить, что этой информации совершенно недостаточно для планирования городского развития.

Попытки составления баз данных по городам предпринимались также при проведении ряда общероссийских мероприятий, в рамках которых создание информационных блоков не являлось основной целью.

С 1997 г. Государственный комитет по строительству и жилищному комплексу РФ (ранее Госстрой России) проводит ежегодный конкурс на звание "Самый благоустроенный город России". Перечень характеристик (показателей), представляемых на конкурс, охватывает широкий круг сфер городского хозяйства. Они весьма красочны и достаточно интересны в условиях крайне ограниченной информации о жизни городов в последнее десятилетие. Но в Положении о представлении материалов отсутствуют методики расчета показателей, и есть все основания полагать, что в каждом городе к расчетам подходили по-разному, исходя из стремления представить город в наилучшем виде.

Большой опыт составления баз данных по городам накоплен в различных ассоциациях муниципальных образований. Прежде всего, это Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (АСДГ). С 1992 г. в ней действует информационная сеть (ИС), осуществляющая деятельность по пяти направлениям: информационное; методическое; обмен опытом работы специалистов администраций городов; учебно-консультационное; проектно-инновационное. Она располагает справочной информацией о городах Сибири, Дальнего Востока и частично Урала.

Информация социально-экономического характера собирается непосредственно в муниципальных образованиях, прежде всего в городах. Городские власти в ряде случаев формируют массив достаточно объективного статистического и аналитического материала, доступного "внешнему" пользователю. Наиболее динамично развивающимся ресурсом информации о городах являются городские Интернет-сайты, обычно официальные страницы городской администрации. Проблема использования информационных ресурсов городов заключается в их ограниченной насыщенности, так как они обычно содержат только самые общие сведения о городах. Относительно более подробные данные приводят только крупные города. Публикуемая в разных городах информация различается набором показателей, глубиной ретроспективы, степенью обработки и другими параметрами, что затрудняет ее систематизацию.

Источниками информации о социально-экономическом положении муниципальных образований являются проблемно-аналитические исследования, учебно-методические пособия и справочники по проблемам ситуационного анализа социально-экономического развития российских городов и районов. Например, в 5-томном издании ученых-регионалистов В. Н. Лексина и А. Н. Швецова [10] представлены сопоставимые за ряд последних лет данные (70 - 100 показателей) о социально-экономической ситуации почти в 600-х городах и в 1900-х районах всех субъектов РФ.

Фонд "Институт экономики города" (ИЭГ) с 1999 г. занимается разработкой системы индикаторов для мониторинга социально-экономического положения муниципальных образований. В 2001 г. был создан проект, получивший название "Городской Барометр", реализуемый в рамках Программы "Социально-экономическое развитие и управление на местном уровне: новое качество роста" при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) [11].

Стремительный процесс урбанизации и недостаток знаний мирового сообщества о реальном состоянии городов, в которых проживает большая часть населения

мира, привели к необходимости создать в системе ООН специальное подразделение. В декабре 1977 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о создании Комиссии по населенным пунктам для содействия развитию международного сотрудничества в области населенных пунктов, жилищно-гражданского строительства и строительных материалов. Секретариатом и исполнительным органом Комиссии ООН по населенным пунктам стал основанный в октябре 1978 г. Центр ООН по населенным пунктам (ХАБИТАТ). Сегодня программа ООН по населенным пунктам - ООН-ХАБИТАТ - координирует деятельность внутри системы ООН в области устойчивого развития населенных пунктов.

Первая конференция ООН по населенным пунктам, получившая название ХАБИТАТ I, состоялась в Ванкувере (Канада) в 1976 г. Через двадцать лет, в 1996 г. в Стамбуле (Турция) состоялась Вторая конференция ООН по населенным пунктам (ХАБИТАТ II). На ней были приняты основополагающие документы Центра ООН по населенным пунктам: Повестка дня ХАБИТАТ, так называемый Всемирный план действий по устойчивому развитию населенных пунктов, и Стамбульская декларация, в которой главы государств и правительств мировых держав приняли обязательства по обеспечению безопасности, жизнеспособности, продуктивности и устойчивого развития населенных пунктов на всей планете. Следующей крупной вехой в деятельности ХАБИТАТ была состоявшаяся в июне 2001 г. в Нью-Йорке 25-я Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН "Стамбул + 5", посвященная оценке реализации Повестки дня ХАБИТАТ в городах мира. В ходе сессии страны - члены ООН единогласно приняли Декларацию о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии, в которой четко обозначены принципы и цели устойчивого развития городов и других населенных пунктов.

За годы работы ООН-ХАБИТАТ удалось достичь определенных результатов. При этом самое важное - наконец удалось обратить внимание общественности на насущные проблемы и нужды населения, проживающего в городах. В Декларации о городах и других населенных пунктах в новом тысячелетии специально подчеркнута решимость мирового сообщества "повысить осведомленность о проблемах населенных пунктов и способах их решения путем полного и открытого распространения информации" [12, п. 37]. Для этого правительства, местные органы власти и партнеры по Повестке дня ХАБИТАТ должны "регулярно проводить мониторинг и оценку своей собственной работы..., выявлять и распространять наилучшие виды практики и применять показатели развития жилищного хозяйства и населенных пунктов" [12, п. 62].

Эти задачи решаются при помощи созданной Центром ООН по населенным пунктам (ХАБИТАТ) Глобальной Городской Обсерватории (ГГО). Деятельность ГГО направлена на содействие местным властям и общественности в сборе, интерпретации и использовании эмпирических данных об условиях и перспективах развития городов, в определении направлений инвестиционной политики и разработке социально-экономических городских программ. В рамках ГГО формируется сеть национальных и локальных городских обсерваторий. В настоящее время под эгидой ООН-ХАБИТАТ создается сеть локальных городских обсерваторий в городах РФ.

Мониторинг реализации Повестки дня ХАБИТАТ ведется этими структурами по международной системе городских индикаторов. Данные о развитии городов поступают в ГГО более чем из 150-ти стран мира*.

* В России наблюдения по международной программе городских и жилищных индикаторов с начала 1990-х годов проводит Научно-исследовательское некоммерческое партнерство "Город-Регион-Семья" (НИИП "ГРС"). Их основными результатами стали доклады на Международной конференции ХАБИТАТ-II в Стамбуле (1996 г.) и на 25-й Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке (2001 г.). Специалисты

Программа ООН по населенным пунктам (ООН-ХАБИТАТ) была организацией-пионером в сборе городских индикаторов. Она начала эту работу в 1991 г. с Программы жилищных индикаторов, предназначенных для отслеживания исполнения задачи улучшения жилищных условий. В 1993 г. система жилищных индикаторов была дополнена рядом индикаторов, характеризующих уровень развития городов с точки зрения рациональности и достаточности предоставления общественных услуг. На основе этих двух баз созданных специально для анализа устойчивости развития городских поселений была создана первая обширная система городских индикаторов. По этой системе был проведен сбор информации и расчет индикаторов более чем в 150-ти странах мира. Эта информация была представлена мировому сообществу на крупнейшем саммите городов, состоявшемся в Стамбуле (ХАБИТАТ II, 1996 г.). Результаты исследований четко показали весь спектр городских проблем в разных странах мира. На основе этих исследований странами - членами ООН на саммите в Стамбуле была принята программа, в которой обозначили цели и обязательства правительств для достижения устойчивого развития городов (Повестку дня ХАБИТАТ). На ООН-ХАБИТАТ возлагалась задача постоянного мониторинга развития городских поселений, а правительства стран обязались регулярно отслеживать тенденции городского развития. Конкретизация целей и задач в Повестке дня ХАБИТАТ потребовала совершенствования ранее принятой системы городских индикаторов, что можно считать вторым этапом ее развития, или вторым вариантом. Эта система индикаторов предназначалась для оценки реализации Повестки дня ХАБИТАТ. Информация по реализации Повестки дня ХАБИТАТ по вновь разработанной системе впервые была широко представлена на Специальной сессии ООН по городам, состоявшейся в Нью-Йорке в 2001 г., и проанализирована в Глобальном докладе по городам мира. В Докладе были приведены сведения и по десяти городам России в контексте решения мировых проблем урбанизации.

Третья база данных ООН-ХАБИТАТ по городам мира также увязывается с Повесткой дня ХАБИТАТ, а также с задачами по достижению Целей развития тысячелетия, принятых мировым сообществом в 2000 г.

Индикаторы состояния городов характеризуют такие проблемы, как доступность жилья, ветхое и аварийное жилье, развитие инфраструктуры, возможность населения пользоваться различными услугами, загрязнение окружающей среды, уровень и возможности развития местного самоуправления и др. В целом система городских и жилищных индикаторов включает более 20 тыс. элементов информации. Положенные в основу системы индикаторов показатели разработаны так, что позволяют формулировать основополагающие проблемы городов и служить мощным инструментом при выборе и обосновании приоритетов городского развития в процессе стратегического планирования. Данная система применяется почти в 150-ти странах мира. В общем перечне этих стран 14% составляют страны с переходной экономикой.

Следует отметить, что система городских индикаторов ХАБИТАТ сформирована четко в соответствии с программными задачами реализации вышеназванных документов, принятых мировым сообществом и позволяет заинтересованным кругам, общественности, органам местного самоуправления сравнивать отраженные в этой базе данных города.

В настоящее время термин "индикатор" широко используется в практике городского планирования. В связи с этим важно определить понятие "индикатор" и его отличие от статистического показателя.

Диагностика городского развития с помощью системы индикаторов. Индикатор - это информация, подобранная по какой-либо специальной проблеме и способствующая выбору направления ее решения. Под индикаторами обычно понимается

их способность упрощать сложную проблему, сводя ее оценку к нескольким количественно или качественно определенным показателям. Для различных целей могут использоваться разные формы индикаторов. Сегодня в практике мониторинга за рубежом появились такие новые термины, как индикаторы выполнения или успеха, индикаторы процесса по сравнению с состоянием, индикаторы оценки результативности принятия решений или индикаторы управления и т. д. Индикаторы применимы на микро- и макроуровне. Масштаб наблюдений колеблется от оперативного управления проектом до анализа и диагностики состояния целого региона или города. Особенно широко системы индикаторов распространены при анализе эффективности реализации программ преобразований в секторе общественных услуг [13, 14]. В дополнение к количественным разрабатываются индикаторы, содержащие качественные характеристики с целью более полной оценки процессов.

При всем разнообразии систем индикаторов, каждому индикатору в любой системе присуще свойство, которое собственно и определяет его назначение. Правильно сформированные индикаторы позволяют предвидеть будущие тенденции, обеспечивать раннее информационное предупреждение, оценивать последствия принятых решений, определять приоритеты в решении проблем, сравнивать ситуации на определенный момент времени и в динамике. Системы индикаторов в предельно концентрированном виде должны отражать сущность целей и задач, поставленных программой, планом, управленческим решением.

Без обоснования систем индикаторов относительно целей и задач любой их набор остается бесполезным инструментом при принятии решений, разработке планов и программ и мониторинге их реализации. Это и есть основной признак индикатора. В этом смысле он может быть и статистическим показателем, и параметром, рассчитанным на базе статистических данных и оперативной информации, и качественной характеристикой. Поэтому нельзя согласиться с определением индикатора, которое дано, например, в работе [15, с. 21], где под индикатором понимаются "относительно несложные удельные и структурные показатели, получаемые расчетным путем из первичных показателей. Часть из них уже существует в официальных статистических материалах, часть - представляет собой новые показатели".

Цель разработки систем индикаторов - совершенствование процессов управления социально-экономическими преобразованиями путем формирования баз данных (количественных измерителей и качественных характеристик) для диагностики ситуации при подготовке программ, планов, нормативно-правовых актов и оценке результатов их реализации.

Система индикаторов предназначена для обеспечения обратной связи. Построенная на регулярной основе с помощью современных методов организации она позволяет более точно определять узкие места в процессе управления городом и постановке программных задач и аргументировать направления будущих преобразований.

Регулярное измерение (оценка) - важнейшая часть любой системы управления деятельностью, направленной на получение максимума результата и минимизацию негативных последствий. Если измерители определены ошибочно, то неизбежны неправильные решения. Даже в том случае, когда программные установки не реализуются по причине дефицита каких-либо ресурсов, в том числе финансовых, мониторинг необходим, хотя бы для принятия правильных решений при данных ресурсных ограничениях.

Таким образом, основными задачами при разработке системы индикаторов являются:

- диагностика социально-экономической ситуации при подготовке программ, планов, принятии управленческих решений и оценке результатов их реализации;

- формирование набора количественных измерителей и разработка качественных оценок, которые позволят обоснованно определить направления преобразований и проанализировать их результаты;

- предоставление информации пользователям в понятной и удобной форме.

Системы индикаторов могут применяться различными организациями, принимающими участие в разработке стратегических и текущих планов, нормативно-правовых актов, программ, а также в их реализации. Если цель разработки системы индикаторов можно сформулировать относительно однозначно, то формирование системы предполагает необходимость различать индикаторы, оценивающие ситуацию в преддверии разработки городских планов, программ, при принятии управленческих решений (назовем их индикаторами диагностики ситуации - ИДС), и индикаторы диагностики выполнения принятых решений (назовем их индикаторами диагностики результатов - ИДР).

Предложения по разработке планов, программ, новых управленческих решений обычно появляются в ситуациях, требующих неких изменений или более четкого регламентирования. Они могут быть вызваны кардинально изменившимися социальными и экономическими условиями, внедрением принципиально новых технологий, сменой идеологических установок и т. д. В каждом конкретном случае следует выяснить причины возникновения этих предложений, и на ранней стадии разработок иметь информационную базу в виде системы индикаторов для проведения предварительного анализа с целью аргументированного и обоснованного выбора направлений и механизмов преобразований, оценки рисков внедрения и оптимальных временных рамок реализации. К числу обязательных составляющих ИДС относятся:

- основная цель разработки (плана, программы, нормативно-правового акта);

- перечень групп и слоев населения, для решения проблемы которых принят документ;

- время, в течение которого предполагается реализовать данный документ.

Поскольку ИДС должны быть определены на стадии, предшествующей разработке документа, когда идея его создания оформлена лишь как предложение, то конкретными задачами на этом этапе можно считать формирование блоков индикаторов, которые в максимальной степени информировали бы о положении в таких сферах социально-экономической жизни общества, проблем которых касается данный документ. Так, при разработке стратегического плана развития города, как правило, основной целью является улучшение качества жизни горожан. В этом случае логично оценить на данный момент основные характеристики качества жизни в городе: демографические показатели, уровень развития системы здравоохранения, образования, состояние окружающей среды и т. д. Система ИДС не должна быть громоздкой и вмещать всю информацию о городе (вплоть до характеристик уровня развития производства), что, конечно, важно, для города вообще, но не для реализации конкретной цели.

При разработке системы ИДР следует, прежде всего, выявить цели, которые должны быть достигнуты при принятии данного документа. Требования к информации, т.е. к системе ИДР, должны базироваться на оценке достигнутых результатов. Конкретизировать задачи и планируемые результаты, (которые в идеале должны быть четко сформулированы в документах) нередко достаточно трудно из-за размытости формулировок. При этом очень важно различать такие из них, как "задачи". "деятельность", "результат". Для этого важно выяснить, соответствует ли та или иная формулировка, трактуемая в документе как задача, достижению конечных результатов. Если это так, то мы имеем дело действительно с постановкой задачи. Например, улучшение жилищных условий семей - это задача, ввод жилья - это деятельность для достижения задачи. Наиболее точным показателем для

измерения результата будет ввод жилых единиц (квартир или односемейных домов) в расчете на количество домохозяйств за рассматриваемый период времени.

Приведем пример из практики. Один из российских городов по показателю ввода жилья, измеренному в квадратных метрах общей площади на 1000 населения, вошел в первую пятерку городов-лидеров. Это позволило администрации города в отчетных докладах постоянно оперировать этой цифрой, как неким достижением, направленным на улучшение качества жизни горожан. Вместе с тем расчеты показали, что, если измерить ввод жилья количеством жилых единиц на 1000 населения, то окажется, что город занимает весьма далекое от первой пятерки лидеров место. Ответ очень прост. Средний размер введенных жилых единиц в России в те годы составлял 60 кв. м общей площади, что объяснялось резким расслоением общества по доходам и строительством наиболее доходными слоями населения особняков. Таким образом, средняя цифра, приводимая в отчетах городской администрации, не могла свидетельствовать об улучшении жилищных условий горожан. Данный пример характеризует важность выбора показателей мониторинга для характеристики истинной ситуации.

Для возможно более точного определения набора индикаторов необходимо в преддверии их разработки четко уяснить программные задачи, которые составят основу структурирования системы индикаторов на блоки, соответствующие достижению конкретных результатов.

Основными характеристиками индикаторов являются:

- адекватность целям, задачам и результатам;
- полнота отражения (будущих или достигнутых) результатов;
- значимость оценки планируемого или достигнутого;
- ясность индикатора для тех, кто его рассчитывает или оценивает, а также для пользователей при подготовке аналитических материалов;
- широкая сфера применения. (Предполагается, что в перечень войдут индикаторы, которые измеряют результат реализации плана (программы) не только в той области экономики, где действуют, но и в тех, на которые оказывают значимое влияние);
- информационная доступность данных для расчета индикатора или его качественной оценки;
- невозможность разночтений (однородность) при его расчете;
- временная определенность индикаторов, предполагающая отслеживание его значений.

Индикаторы могут иметь количественную определенность или представлять собой качественную оценку, поскольку не все процессы можно охарактеризовать с помощью количественных измерителей. Обычно качественная оценка - это перечень вопросов, на которые должны ответить соответствующие потребители услуги или те, на кого в перспективе будет воздействовать запланированная акция. В этом случае индикатор представляет собой краткий опросный лист, с перечнем интересующих вопросов и предлагаемым выбором ответов на них ("да", "нет", "неудовлетворительно", "удовлетворительно", "хорошо", "отлично" или иными).

Как ИДС, так и ИДР следует ранжировать по их значимости для достижения конкретных результатов, задач и целей. Это необходимо, прежде всего, для проведения в дальнейшем аналитических исследований, удобства применения системы пользователями, формализации процесса сбора и агрегирования данных. Важная задача при этом - предотвращение субъективизма в ранжировании индикаторов. Для этого можно предложить следующий подход к процессу ранжирования: условно разделить всю систему на индикаторы *ключевые* и *вспомогательные*. К ключевым следует отнести те индикаторы, которые в наиболее полной мере отражают содержание целевых установок и задач, к

вспомогательным те, которые отражают действия (деятельность), которые способствуют достижению целей плана (программы, проекта).

Накопленный опыт показывает, что для получения качественных оценок необходима обширная и достоверная информация. В связи с этим нелишне вспомнить высказывание английского экономиста Дж. Стэмпа, относительно коллизий сбора

стр. 87

и использования информации: "Правительственные учреждения очень энергично накапливают статистические данные. Их собирают, возводят в n -ю степень, извлекают кубический корень и рисуют замечательные диаграммы. Но никогда не следует забывать, что каждая из этих цифр изначально исходит от деревенского наблюдателя, который пишет любую чертовщину по своему вкусу" [16, с. 5]. Чтобы по возможности избежать такой печальной ситуации, необходимо представлять системные связи между индикаторами. Они гораздо важнее, чем высокая точность значения какой-либо одной переменной при не очень высокой точности остальных данных. Данные, недостаточно точные для подробного изучения какого-либо индикатора или анализа его краткосрочных колебаний, могут быть вполне приемлемы для оценки в целом.

Некоторые индикаторы, например средний размер домохозяйства, изменяются крайне медленно. Поэтому ими можно пользоваться без опасения, при необходимости экстраполируя их. Другие ряды данных, например, цены и доходы, напротив, изменяются очень быстро. В данном случае основная задача - получение более свежей информации. Для таких данных, как безработица, жилищный фонд, предпочтительнее применять значения среднегодовые, но можно использовать и значения на конец года.

Возможна следующая последовательность выполнения работ по созданию и применению систем индикаторов:

- структуризация системы индикаторов по блокам в соответствии с поставленными программным документом целями и задачами;
- создание системы индикаторов (количественных и качественных);
- ранжирование индикаторов по значимости;
- методические рекомендации по использованию системы индикаторов;
- разработка программного продукта;
- методическое сопровождение программы для сбора информации и расчета индикаторов на местах и агрегирования информации на более высоком уровне;
- предложения по организации работ по мониторингу на местах и агрегированию информации на более высоком уровне.

* * *

Активизация деятельности по разработке систем индикаторов для оценки состояния городов, а также по реализации в них программных мероприятий, обеспечивающих устойчивое развитие, особенно оптимизацию предоставления общественных услуг, - сегодня насущное требование практики городского хозяйствования. Об этом было заявлено с трибуны Третьей сессии Всемирного Форума Городов, состоявшегося в июне 2006 г. в Ванкувере (Канада) и собравшего почти 11 тыс. делегатов со всего мира: членов правительств, местных властей, представителей международных организаций и городских ассоциаций, общественности, профессионалов в области градостроительства и бизнеса. На заседании Круглого стола "Доклады о состоянии городов" участники Форума отметили, что произошло смещение теоретических оценок результативности городских программ в сферу практической управленческой деятельности, способствующее урегулированию городских проблем и выработке политики обеспечения устойчивого развития городов.

В России городские ассоциации и общественные объединения стремятся иметь полную и по возможности систематизированную информацию о проблемах городов и результативности городской деятельности. Ярким примером служит проведенный

впервые в России в Казани в октябре 2006 г. Всемирный день ХАБИТАТ: "Города - источники надежд", собравший мэров и руководителей городских администраций.
стр. 88

Организаторами его стали Евроазиатское отделение Всемирной организации "Объединенные города и местные власти" и Программа ООН по населенным пунктам - ООН-ХАБИТАТ.

Предоставление общественных услуг в России, как и в других странах мира, сосредоточено в основном в городах. Именно поэтому можно говорить о локализации национальных проектов по здравоохранению, образованию и жилью в городах, которые направлены на кардинальные преобразования в этих сферах хозяйствования. Как было заявлено в процессе их подготовки и обсуждения, необходимо в кратчайшие сроки организовать достаточную и надежную инфраструктуру реализации проектов, а также мониторинг всех работ. Предполагается, что контроль выполнения национальных проектов будет сквозным, графики сетевыми, а мониторинг электронным.

Таким образом, необходимость упорядоченного накопления и широкого использования информации в практике планирования осознана как в городских администрациях, так и в высших эшелонах власти. Это свидетельствует о насущной потребности разработки теоретических основ и практических инструментов диагностики ситуации при подготовке программ, планов, принятии управленческих решений и оценке результатов их реализации.

Литература

1. Пивоваров Ю. Л. *Урбанизация // Народонаселение стран мира. М.: Финансы и статистика, 1983.*
2. *The State of the World's Cities Report 2001. United Nations Centre for Human Settlements (UN-HABITAT) // Oxford University Press, 2001.*
3. *An Urbanizing World. United Nations Centre for Human Settlements // Oxford University Press, 1996.*
4. *Financing Urban Shelters Global Report of Human Settlements. 2005. UN-HABITAT. 2005.*
5. *Предположительная численность населения Российской Федерации до 2005 г. Федеральная служба государственной статистики. Стат. бюлл., 2005.*
6. *"О развитии системы муниципальной статистики". Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 1995 г. N 1044.*
7. *Об утверждении схемы N1-нг (паспорт социально-экономического положения городов Российской Федерации). Государственный комитет Российской Федерации по статистике. Постановление от 13 сентября 1996 г. N 116.*
8. *Об утверждении унифицированной системы показателей, характеризующей социально-экономическое развитие города, района, сельского поселения, для разработки прогнозов развития этих населенных пунктов. Государственный комитет Российской Федерации по статистике. Постановление от 26 декабря 1996 г. N 149.*
9. *Об утверждении унифицированной системы показателей, характеризующих социально-экономическое положение муниципального образования. Постановление Государственного комитета Российской Федерации по статистике от 9 января 1988 г. N 2.*
10. *Лексин В. Н., Швецов А. Н. Муниципальная Россия. В 5 томах. М., 2001.*
11. *Фонд "Института экономики города". Проект "Городской барометр". Сентябрь 2003.*
12. *The Habitat Agenda. UN-HABITAT. Istanbul, Turkey, June 1996.*
13. *Harry P. Hatry. Performance Measurement Getting Results. The Urban Institute Press. Wash. D.C. Copyright 1999.*

14. Joseph S. Wholey. *Evaluation and Effective Public Management*. Boston: Little, Brown, 1983.

15. *Индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований*. М.: Фонд "Института экономики города", 2002.

16. *Habitat Debate*. UN-HABITAT, 2001, Vol. 7, No. 3.
стр. 89

Добрынина В.И., Ляховец А.С. Города современной России: урбанизационный подход²

ДОБРЫНИНА Валентина Ивановна, профессор кафедры бизнеса и управленческих стратегий Института бизнеса и делового администрирования, доктор философских наук (г. Москва).

ЛЯХОВЕЦ Анна Семеновна, доцент кафедры социальной работы Российского государственного социального университета (филиал в г. Ивантеевке Московской области), кандидат социологических наук.

Для адекватного понимания происходящих в современной России процессов и событий необходимо исходить из методологической посылки, что Россия всегда представляла собой неотъемлемую часть мирового сообщества, являясь во все исторические периоды специфической частью человечества, одинаково открытой Востоку и Западу и реализующей свою, автохтонную и полиэтничную, культуру континента¹. Все массовые процессы современности в той или иной мере происходят в России, которая в настоящее время рассматривается большинством исследователей как трансформирующееся общество и одновременно общество риска, в котором все массовые процессы происходят достаточно хаотично и случайно, так как детерминированы множеством разнообразных факторов².

Одним из наиболее массовых процессов современности, характеризующих все страны и народы, является процесс тотальной урбанизации. Международные организации, работающие под эгидой ООН, отмечают, что с начала 2005 г. половина населения Земли уже живет в городах, численность городского населения в течение ближайших десятилетий будет возрастать преимущественно за счет миграции населения из трудоизбыточных регионов и «классической» внутренней миграции населения из деревни в город. Для высокоразвитых стран мира (США и Западная Европа) характерны процессы внешней миграции из всех стран мира. Во многих других государствах, в том числе и в России, происходят процессы пополнения численности населения городов за счет как внешних, так и внутренних миграционных потоков.

Урбанизация в полной мере характеризует российское общество. В течение XX в. для России был характерен переход к городской модели расселения. За сравнительно короткий исторический период большинство населения России стало городским, в то время как на протяжении многих веков в России преобладала деревенская, преимущественно крестьянская, модель расселения, характерная для традиционного общества с патриархальными отношениями, в которых семья выступает не только кровнородственным социальным институтом, но и определенной хозяйственной ячейкой общества.

Накануне Октябрьской революции горожанами были не более 12 % населения Российской империи, а за годы советской власти численность горожан в РСФСР увеличилась до 72 %, что привело к появлению сложных социокультурных проблем,

² Добрынина В.И., Ляховец А.С. Города современной России: урбанизационный подход // Регионология. 2011. №2. С. 43-50.

связанных с процессами адаптации мигрантов и усиливающейся маргинализацией населения, вызванной быстрыми темпами урбанизации СССР³.

Переход к городской модели расселения существенным образом изменил не только материально-технический и экономический базис общества, но и вызвал радикальные перемены в образе жизни людей, переселившихся из деревни в город. Этот переезд изменил их культурные традиции, интересы и потребности, ценностные ориентации, нормы и стандарты поведения. Изменились не только формы и способы жизнедеятельности, но и духовная культура новых горожан.

Урбанизационные процессы в советский период шли разными путями. Во-первых, существенно трансформировалась социальная структура крупных городов бывшей Российской империи. Многие из них стали промышленными центрами, в которых создавались не только промышленные предприятия, но и появлялись образцовые «соцгородки» и районы новой застройки, ориентированные на «новый быт» и образ жизни, максимально свободный от «тяжкого наследия прошлого» и приобщающий женщин-трудящихся к работе на фабриках и заводах, а не к отупляющей «семейной каторге». Рост городского населения в крупных городах создавал большие трудности с обеспечением жильем вновь прибывших и на многие десятилетия обрекал мигрантов первого поколения на жизнь в общежитиях, коммунальных квартирах, перенаселенных и необеспеченных бытовыми удобствами домах⁴.

Поэтому показательно то, что накануне перестройки (1985—1991 гг.) 15 % взрослого экономически активного населения города проживали в общежитиях и более 50 % — в коммуналках, бараках и малогабаритных квартирах ко-ридорно-казарменного типа, а не в отдельных квартирах, имеющих весь набор современного бытового комфорта, что заставляло специалистов по урбанизации делать неутешительный вывод о недоурбанизированности российских городов по ряду показателей⁵.

Вторым видом урбанизации страны являлась модель нового социалистического города, возникшего вместе с новым индустриальным производством практически на пустом месте. Это были города, обслуживающие нужды производства. Именно потребности производства определяли качественную специфику «социалки», комплекс образовательных учреждений и их профиль, систему здравоохранения, деятельность учреждений культуры. Другими словами, основой жизнедеятельности города становилось градообразующее предприятие, чаще всего относящееся к военно-промышленному комплексу⁶.

Особенно очевидными эти процессы градостроительства были характерны для городов-новостроек, возникавших там, где создавались индустриальные гиганты. Достаточно вспомнить Магнитогорск, Норильск, Комсомольск-на-Амуре, а в более позднее время — Тынду, Набережные Челны, Ноябрьск. Кроме образцово-показательных «соцгородков», немалая часть населения этих городов ютилась в бараках и временках, «балках» и утепленных кузовах машин, где велась работа «вахтовым методом», так как многим советским экономистам казалось нерентабельным создавать города со всеми удобствами и развитой городской инфраструктурой, особенно в районах добычи полезных ископаемых, проявляя беспокойство не о жителях города, а о том, что такой город окажется «экономически невыгодным» через 20—30 лет. Подобный тип монопрофильных городов в условиях деиндустриализации страны, дополненной особенностями новейшего финансово-экономического кризиса, особенно наглядно проявил негативные особенности, характерные для этого вида поселений.

Особой моделью советских городов накануне перестройки можно считать города-наукограды. Достаточно часто они возникали на базе старинных малых городов или деревень, сравнительно недалеко расположенных от крупных центров, но все-таки за городской чертой, вдали от соблазнов большого города. Так появились Академгородок рядом с Новосибирском, Обнинск, Дубна и многие другие наукоцентры вокруг Москвы. Нередко радикальные преобразования касались старых городов России. На их базе

возникали научно-технические или военно-технические центры. Это Пушкино, Серпухов, Черноголовка, Плисецк и другие малые города, получившие «второе рождение». Максимальная индустриализация страны за годы советской власти и строительство больших городов привели к тому, что накануне перестройки отечественные специалисты по урбанистике по-новому стали рассматривать малый город в масштабах всероссийских городских поселений.

В разгар перестройки, по данным последней Всесоюзной переписи населения СССР в 1989 г., общее количество городов в РСФСР составляло 999, из них городов-миллионеров было всего 8 (что составляло 0,8 % от их общего количества). Больших городов с населением свыше 100 тыс. жителей было 152 (чуть более 15 %), а средних (с населением до 100 тыс. чел.) — 138 (13,8 %). Большинство городов (709, или 70,9 %) составляли малые города с населением до 50 тыс. чел. Характерно, что в них жили всего 17 % населения, в то время как в мегаполисах и больших городах проживало более 70 % (из них в мегаполисах — свыше 26 %) ⁷.

В современной урбанистике считается очевидным, что концентрация населения в больших городах и мегаполисах является значимым социальным индикатором, выявляющим общий среднестатистический и отнюдь не достаточный уровень материального достатка большинства населения, покидающего родные места в надежде найти работу в городе. Численность и процветание малых городов являются свидетельством роста среднего класса — базисной основы и оплота постиндустриального общества, или общества потребления.

По официальным данным за 2008 г., в России проживали 142 млн чел., 103,77 млн чел. из них были горожанами, причем 25 млн чел. проживали в 11 городах-мегаполисах с населением более 1 млн чел., и еще около 40 млн чел. — в городах с населением от 250 тыс. до 1 млн чел. Такие города также в полной мере являются «джунглями цивилизации», где выживает сильнейший, о чем беспристрастно сообщает статистика девиантного и делинквентного поведения населения городов ⁸.

Годы перестройки, связанные с системным кризисом и радикальными изменениями во всех сферах жизни российского общества, существенным образом сказались на общей численности городского населения, которого становится меньше, несмотря на внутреннюю миграцию. Этот парадокс объясняется тем, что большая часть городского населения относится к старшим возрастным группам, и физические потери старших возрастов не компенсируются ни рождаемостью, ни внутренними мигрантами. Например, население Санкт-Петербурга с 1990 по 2008 г. сократилось почти на 0,5 млн чел.

Малых городов русской провинции, в которой сохранялись лучшие традиции и нормы русской духовной культуры и отечественной ментальности, далекой от суетной жизни в столицах и тем более «в заграницах», становится все меньше. Анализ статистических источников свидетельствует о том, что за 1989—2008 гг. количество малых городов, население которых составляет не более 5 тыс. чел., сократилось почти вдвое, городов с населением до 10 тыс. жителей — на 20 %, городов с населением до 100 тыс. жителей — на 10 % ⁹.

Анализ результатов эмпирических исследований социальной структуры современного российского общества позволяет представить его в виде пирамиды, вершиной которой являются элита, составляющая 0,5 % от общей численности населения, и 4—5 % — субэлиты. Примерно 20—25 % можно отнести к среднему классу. В основании этой пирамиды лежат нижние слои, граница между которыми весьма условна и подвижна, однако она определяется беспрецедентно высоким уровнем дифференциации доходов и стремительно усиливающимся имущественным расслоением.

Происходит и переоценка ценностей большого и малого города, связанная с трудовой занятостью, условиями труда, заработной платой, жилищными условиями, транспортом, местами рекреации, другими нормами и ценностями, определяющими образ жизни россиянина, живущего в большом или малом городе. Эти различия весьма

существенны. Одна из значимых особенностей малых городов России, качественно отличающих их от европейских, — продолжающаяся веками недоурбанизированность, проявляющаяся в качестве твердого покрытия городских магистралей, централизованного газоснабжения и зачастую отсутствия централизованного водоснабжения. Нередко малые города пересекаются с железнодорожными путями или автомагистралями, что существенно осложняет их экологию.

Реализация лозунга 70-х гг. «экономика должна быть экономной», помноженная на современные российские рыночные отношения, привела к свертыванию, особенно в малых городах, и без того весьма малоразвитой социальной сферы (клубов, библиотек, дворцов спорта и культуры), а повсеместное снижение рождаемости привело к существенному сокращению малокомплектных школ, отъезду из малых городов семей с детьми школьного возраста.

Молодое поколение покидает свою малую родину и пополняет ряды трудоизбыточного населения страны, стихийно формируя потоки внутренних мигрантов и делая невозможным возрождение социально-экономической жизни большинства малых городов современной России, потому что детей и подростков, которые ранее составляли основу населения малых городов, в настоящее время в стране меньше, чем в 1990 г., на 13,61 млн чел.¹⁰

Малый город выступал мощным фактором социализации, транслирующим подрастающему поколению принятые нормы общения и культурные традиции, принципы социального контроля за каждым человеком как члена малого, но твердого в своих принципах городского сообщества, в котором не было существенных резких социальных контрастов, «чужаков» с другими культурными установками и нормами поведения. Другой существенно значимой проблемой современных малых городов является обветшавшее жилищно-коммунальное хозяйство, не говоря уже об удовлетворении потребностей и интересов горожан в жилье, отвечающем современным представлениям об уровне комфорта. Принудительная приватизация большинства квартир, находящихся в государственной, муниципальной или ведомственной собственности, не дает гарантий по улучшению жилищных условий, но плата за жилье в приватизированных квартирах повсеместно и ежегодно увеличивается. Кроме того, в малых городах нет масштабного жилищного строительства, а «средние» по России цены на жилье, как и ипотека, соотносятся с желаниями банков и строительных компаний получить как можно больше прибыли, а не с реальными материальными возможностями жителей городов. Такое же необузданное стремление к получению прибыли характеризует и другие организации, в той или иной степени связанные с ЖКХ.

Повседневная жизнь в современном российском, особенно малом, городе делает каждого горожанина универсальной личностью в том смысле, что на его плечах лежит забота о жилище, тепле в доме. Он помнит о том, что возможны любые перебои и не только со свежими овощами или фруктами, но даже с хлебом, солью, спичками и другими незамысловатыми товарами повседневного спроса, не говоря о приобретающих характер катастроф местного масштаба, перебоях со светом, газом или водоснабжением и канализацией.

Среднестатистический «коренной» житель российского города (немаргинал или мигрант первого поколения) трудолюбив, терпелив и усерден. Таких жителей сравнительно немного (их примерно от 30 до 50 % от общего числа горожан), но они составляют неотъемлемый элемент главного богатства страны, ядро ее человеческого капитала, беречь и развивать который призваны все структуры власти.

Демографическая ситуация в современной России такова, что в ближайшие десятилетия будет продолжаться сокращаться население страны. В связи с этим все усилия российского общества необходимо будет направить на максимально возможное возрастание стоимости человеческого капитала, подрастающих поколений, воспитание,

образование и обучение которых становится главной проблемой для всех стран и народов, заинтересованных в своем процветании и устойчивом развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2003. 541 с.

² См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.

³ См.: Город как социокультурное явление исторического процесса: сб. ст. / Рос АН, науч. совет по комплексной проблеме «История мировой культуры». М.: Наука, 1995. 351 с.

⁴ См.: Яновский В.В. Город как система и объект управления: введение в проблемы управления городским хозяйством периода реформ: учеб.-метод. пособие. СПб.: Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1995. 163 с.

⁵ См.: Могилевский Р.С. Проблемы качества жизни крупного города (опыт социологического исследования) / под ред. П.Н. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 141 с.

⁶ См.: Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обзорный доклад / под ред. И.В. Липсица. М.: Издат. дом «Хроникер», 2000. 256 с.

⁷ Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 2008. С. 89, 100—102.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Рассчитано авторами по: Российский статистический ежегодник ...С. 100—102.

Сабуров Е.Ф. Город как общество³

Человек - существо городское.

*Аристотель*¹

Город и не-город

Проблема смысла, роли и цели местного самоуправления может рассматриваться как политическая, этническая, экономическая, экологическая и даже религиозная. Это одна из проблем, требующих для своего описания не отдельной отрасли общественных наук, а того пока смутного целого, которое в последнее время стали называть гуманитарной наукой.

Но если сегодня мы еще не можем говорить о гуманитарной науке как о реальном факте, то осознание ее необходимости уже появляется. Так, ранее историки, философы или политологи с недоумением относились к книгам Х. Ортеги-и-Гассета или И. Хейзинги, а теперь работы Ф. Фукуямы или Д. Норта становятся бестселлерами в среде научной интеллигенции. Идут споры о том, может ли готовящаяся к возникновению наука в качестве метода или даже аппарата воспользоваться экономическим подходом к человеческому поведению, намеченному Г. Беккером и развивающемуся в трудах некоторых сторонников институциональной теории. Сегодня приходится констатировать отсутствие научного аппарата, адекватного проблеме местного самоуправления, что, конечно же, не дает права пренебрегать самой проблемой. Поневоле придется воспользоваться технологией эклектического "перескакивания", если такой способ рассмотрения темы вообще может считаться научной технологией.

В основе проблемы местного самоуправления исторически и экономически лежит понятие "полиса". По крайней мере это незыблемо. Полис и община - наиболее древнее и

³ Сабуров Е.Ф. Город как общество // Общественные науки и современность. 2004. №3. С. 29-38.

глубокое обозначение людской организации. Именно благодаря осознанию этой общности появилась возможность разграничения и различения "своего" и "чужого" человека.

Первое осмысление проблемы мы находим в библейском рассказе об Аврааме. К сожалению, последующими веками в качестве наиболее интересного из него выбран эпизод жертвоприношения Исаака. Стараниями экзальтированных исследователей,

¹ Расхожий вариант этого утверждения (человек - существо политическое) - полностью на совести переводчиков.

Сабуров Евгений Федорович - доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем инвестирования, научный руководитель Института развития образования Государственного университета - Высшая школа экономики.

стр. 29

из которых, безусловно, самого великого почтения заслуживает С. Кьеркегор, этот эпизод заслонил собой все остальное в рассказе об Аврааме.

Воздавая должное религиозному энтузиазму последователей всех трех авраамических религий, однако, вынужден заметить, что законность такого подхода к проблеме Авраама крайне сомнительна. Для христиан это было бы все равно, как если бы, кроме факта распятия и воскресения, все остальное в Евангелии было бы откинуто как несущественное. В том числе и то, ради чего, собственно, Иисус пошел на муки. Скоро, как замечал Г. Белль, нам и Нагорную проповедь объявят поздней вставкой.

Обращаясь к нравственному, нормативному, как сказали бы мы, посланию Авраама, прежде всего замечаешь институционализирование общинного проживания людей. Бросается в глаза идея "городов". Те, кто в городе, - свои. Те, кто приходит, - чужие. Чужой остается чужим, пока он не признает себя своим, то есть не входит в общину. Община имеет общий институт, служащий ее защите, - царя. Тот, кто пришел и попросил покровительства царя, - свой. Этот акт налагает на него определенные обязательства - прежде всего участие в ополчении под водительством царя.

Тут же должен оговориться, что русский перевод еврейского слова "мэлэх" словом "царь" совершенно не адекватен. Безусловно, речь идет о князе, или на западный манер принце, но никак не о царе. Это принципиально важно для понятия проблемы местного самоуправления. Кстати, термин "князь" проясняет существовавшую практику именно для нас, связанных с русской историей.

Как нам хорошо известно, в русской практике князья "призывались". Они не имели "части" в городе. Им предоставлялось кормление за военные услуги. Город призывал князя, и князь со своей кочующей дружиной обеспечивал "крышевание" городу. Для того чтобы понять, насколько князья не были сами городскими людьми, достаточно посмотреть на механизм их смены в стабильные времена. Сын не наследовал отцу. Старший из князей Рюриковичей "крышевал" самый богатый город - Киев. По его смерти на город садился его следующий по старшинству брат, уходя со второго по "жирности кормления" города, а на его место садился либо третий брат, либо, если такого не было, сын старшего брата.

Такая система говорит о том, что княжеский род - не властители так называемых "княжеств" с наследственно-монархической системой. Княжеский род - это профессиональные офицеры со своими отрядами, которые либо придерживаются собственного порядка смены городских гарнизонов, либо в зависимости от воли города приносятся напрямую. Нам еще придется вернуться к роли и смыслу князей-принцев в истории муниципальной экономики, но сейчас попробуем прочитать рассказ об Аврааме как нормативное высказывание.

Послание Авраама можно свести к двум тезисам. Первый состоит в том, что за все надо платить. Конечно, просьба о покровительстве либо принятие в дар других услуг или собственности не осуждается, но подчеркивается, что это ограничивает свободу и не дает

возможности в дальнейшем осуществлять рациональный выбор своего поведения. Неоднократные попытки что-то бесплатно предоставить Аврааму, даже, казалось бы, из самых невинных или дружеских побуждений, пресекаются им достаточно резко и во всяком случае безоговорочно. Таким образом, декларируется обеспечение свободы финансовой ответственностью.

Второй тезис авраамовского повествования заключается в так называемом гостеприимстве. Чужой, являющийся беззащитным, поскольку он находится далеко от своей "крыши"-князя, неприкосновенен. Интересно, что войны между "городами" при этом не осуждаются, но насилие над "чужим" объявляется беззаконием. Именно нарушение этого закона, а отнюдь не гомосексуализм, порожденный воспаленным сексуальным воображением интерпретаторов, послужило причиной наказания Содома и Гоморры.

В противоположность авраамическому посланию приблизительно в то же - по историческим меркам - время мы видим другой "город". В кносском дворце отвергнут принцип платы за услуги и товары. Реализован идеал полной несвободы. Критский

стр. 30

коммунизм весьма интересен. Весь город представляет собой огромную коммунальную квартиру, поражающую нынешнего путешественника двумя туалетами и двумя ванными, мало отличающимися от современных. В "городе" не существует семьи и частной собственности. По мнению свободолюбивых греков, Крит (Кнос) - лабиринт, из которого необходимо кого-нибудь освободить. Избираемый властитель Кносса "минос", с точки зрения греков, лишен производительных сил. Царицу покрывает бык, и от этого акта рождается чудовище.

Собственно, именно классическая Греция и дала нам термины "полис" и "политический". Именно греческая практика осмыслила понятия "тиран" и "демократия". Тиран - это князь, взявший на себя не только обязанности военной защиты полиса, но и суд, и законотворчество. В противоположность этому афинская демократия признает только временного князя - военного, а суд и законотворчество отдает городской общине. Конечно, смысл тирании и демократии значительно глубже, но для наших рассуждений данного разграничения вполне достаточно.

Древние рассказы по своей наивности выбалтывают четкое рациональное понимание проблемы, то самое, которое со всей сложностью нашего мышления мы утаиваем даже от себя. В основе проблемы лежит понятие свободы. Кнос есть город несвободы. Он характеризуется нищей, но стабильной обеспеченностью; разумным, но слабо производительным трудом; избранным управлением, но абсолютно ограниченными законами; энергичной, но традиционной народной религией (корридой).

На противоположном полюсе находится Авраам. В нашей терминологии его следует назвать анархо-либертарианцем. Он идет на любые издержки, чтобы сохранить свою свободу. Он кочевник. Место кочевья он покупает или арендует. Воду (колодец) он покупает. Защиту обеспечивают его вооруженные работники. Для наших рассуждений важно, что Авраам тем самым обеспечивает себе возможность не вступать в "город". Авраам не платит подати и вообще не несет никаких обязательств, потому что он платит "за все". Даже за место для могилы жены. Принципиально.

Теперь легче осознать особость еврейского, греческого и русского города, не вдаваясь в разграничения между общиной, сообществом или обществом. Город - это не соединение анархических гениев вроде Авраама и не человекобычье стадо Кносса. Город - это отказ от свободы и борьба за минимизацию этого отказа. Динамичное противостояние себе самому - естественное состояние горожанина. Экономика не может пройти мимо этого феномена, отмахнувшись ничего не значащими словами о психологической противоречивости человека. Теория рационального выбора велит нам внимательно

рассматривать все выгоды и издержки для понимания того, почему избран тот или иной уровень свободы-несвободы.

Для дальнейших рассуждений крайне важно понять, что у нас нет другого инструмента рассмотрения проблемы города, чем экономический подход к человеческому поведению. Авраам богат. Благодаря своим стадам или, вернее, рациональной организации животноводческого хозяйства, он может нести значительные издержки, обеспечивая не только собственное благосостояние, но и закладывая фундамент для процветания предполагаемого потомства. Именно абсолютная свобода Авраама, его анархо-либертарианство, дает ему возможность вступить в диалог с Богом, то есть осуществить *religio* (связь). Следует заметить, что Авраам - единственный из людей, которому знатоки данного вопроса усвоили имя "друг Божий". Мы видим триумф Авраама, но откровенно говоря, лично я не очень верю в то, что его жизнь была серией ослепительных побед. В моем скептицизме меня утверждает пример М. Ходорковского. Впрочем, если Ходорковский не сломается, то он рискует стать национальным героем, по крайней мере. В любом случае не могу скрыть своего восхищения перед людьми, которые платят за все.

Тем не менее авраамическое послание имеет отношение к проблеме города, потому что обозначает ту грань, ту позицию, которую должен занять человек, не входящий в город. Существует соблазн, оттолкнувшись от Авраама, Ходорковского или любого бомжа, объявить городом Кносс. Действительно, чем не одна из форм города? Одна-

стр. 31

ко представляется весьма сомнительным объявлять городом семью, даже если она состоит из множества членов. Город - не просто собрание людей. Город скорее можно трактовать и как собрание семей.

В чем здесь собственно проблема с экономической точки зрения? Если у группы людей есть одинаковое представление об издержках и выгодах, то есть если у них есть одна рационально обнаженная цель, то экономист может рассматривать эту группу как одно целое. Это целое может быть и Авраамом, и Кноссом. Если же, наоборот, мы имеем дело с конгломератом, у каждого члена которого есть свои различающиеся, своеобразные цели, свои подсчеты издержек и выгод, но тем не менее это не разрозненные атомы, а чем-то соединенный конгломерат, тогда это город.

В институциональной теории принято рассматривать фирму как пучок контрактов. Возможно, город тоже плодотворно было бы рассмотреть как пучок контрактов семей. Во всяком случае, контракт города с князем-менеджером как результат обсуждений на собрании акционеров-горожан нуждается в институциональном осмыслении.

Обращая столь пристальное внимание на взаимоотношение города и князя, мы невольно отдаем дань модной в России проблеме власти. Устаревшее слово "власть", изжитое в языках, обслуживающих демократические страны, продолжает навязывать русским представление о князе как о властителе, владельце. Действительно, в формуле призвания князя иногда присутствовала фраза "владей нами". Надо сказать, что это была, конечно, лукавая фраза. Речь не шла о владении в современном экономическом смысле хотя бы потому, что князь мог быть в любую минуту изгнан. Это была лесть, то есть в переводе на современный русский язык - вранье.

Лесть-ложь никогда не бывает безобидной. Как бы ни думали составители призывающих грамот, как бы ни редуцировали их призывы потенциальные князья, но слова никогда не бывают безнаказанными. Язык отнюдь не нейтрален к действительности. Он способен ее творить.

Странноприимство интересно его нарушением. Здесь весьма широкий спектр. От убийства до введения импортных пошлин. Важно, что ощущение горожан сообществом основывается на ощущении негорожан чужими. Если мы осознали, чтоприятие странника создает рынок, то что-то должно этому противостоять. Самого серьезного внимания в

этом смысле заслуживает прославленная веками фраза: "Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых". Как известно, эта фраза послужила указанием горожанам отказываться от общей трапезы с чужаками. В свою очередь именно этот запрет придал невероятную ценность совместному преломлению хлеба. Таким образом, возникает понятие о горожанине, с кем можно садиться вместе за стол, и чужаке, которого надо кормить и привечать, но не сажать за один стол со своей семьей. Идея границы органична для города и весьма искусственна для территории. Город группируется вокруг торговой площади и огораживает жилища "своих" стеной. Наоборот, территория не имеет центра и испытывает затруднения в определении "своих", а значит, и в проведении границы. Наше современное сознание запутано понятиями столицы (псевдоцентра) и государственной границы (барьера между своими и чужими). Нет нужды доказывать, что схема империи - город и концентрические круги, исходящие от него, - не имеют отношения к территориальным завоеваниям принца. Принц мечется в поисках легитимности, поскольку иначе он не сможет избавиться от статуса наемного работника. Переход от "крышевания" к владению подразумевает задействование над- и межполитических технологий, в частности представление о нации рождается из той же фразы: "Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых" с помощью расширенного толкования понятия "чистых" и "нечистых".

Проблема поселенческого принципа

Князь, посаженный на город, начинает играть в свою игру. С точки зрения рационального выбора ему представляются две возможности закрепления власти. Во-первых, он может захотеть преобразовать свое единоначалие (монархию) в наследст-

стр. 32

венное. Это довольно трудно и нелогично с точки зрения горожан. Тем не менее харизматики, пользуясь своим обаянием, иногда удачливы в реализации таких планов. Мы видим, как в совершенно других условиях это удалось, например, Г. Алиеву.

Второй путь состоит в отходе от поселенческого принципа. Этот путь представляется невероятным, но именно он оказался наиболее рациональным. Князь города организует набеги на соседние города. Это нормально. Собственно говоря, это - рутинная практика. Князь-то и призван горожанами, чтобы противостоять таким набегам со стороны соседей, но в то же время и чтобы при удобном случае самому грабить чужие города.

Однако революция состоит в том, что князь не грабит или не только грабит, но и "завоевывает" другие города. Более того, он объявляет своей собственностью (владением) безжизненные земли между подвластными городами. Деяние, казалось бы, бессмысленное. Если завоеванные города интересны тем, что платят князю дань, то безжизненные земли вовсе бесполезны.

Очень долгое время - тысячелетия - шел спор о рациональности отказа от поселенческого принципа. Первые государства представляют собой весьма странные образования. Князь, победивший соседних князей и заставивший их города платить дань (налоги), объявляет себя князем князей. Несмотря на то, что на завоеванные города он посадил своих князей, что весьма сложно, он остается лишь городским князем. Это еще не революция. Революция происходит тогда, когда князь объявляет себя царем и очерчивает границы, включая в свои владения ненаселенные земли.

Отныне люди, выбравшие участок для поселения внутри этих границ, становятся подданными царя, которого они не призывали на царство. Так возникают села (поселения), которые милостью царя живут и в этом смысле противостоят городам, вовсе не радуясь такому обороту событий.

Первое зафиксированное противостояние - противостояние Афин и Спарты. Мы не можем восстановить, что происходило в период становления Египта или Вавилона, но Пелопонесские войны обнажили нам свой смысл. Египет и Ассирийско-Вавилонское царство растворились и ушли в небытие. Афины одержали викторию над Спартой, прямо-таки по

Фукуяме. Наступил конец истории. Либеральная демократия городов торжествовала над автократией государств.

Рассматривая проблему самоуправления поселения-города и отказа от поселенческого принципа ради созидания государства, мы не можем пройти мимо фигуры Александра Македонского. Не надо думать, что эта седая древность не имеет отношения к насущной реальности. В сущности, нападение Александра на Персию сходно с нападением Д. Буша (старшего и младшего) на Ирак. Либеральные и демократические Афины (Нью-Йорк) призвали "отморозка" из Македонии (Техаса) для отражения персидского (исламско-ваххабитского) терроризма. Героизма Леонида на Фермопилах или победы в Саламинском сражении оказалось недостаточно.

Послание Александра не менее важно для нас, чем послание Авраама. Если послание Авраама - маргинально-анархическое, то послание Александра - имперское. Послание Авраама - это отрицание города как структуры, ограничивающей свободу. В основе его мы прочитываем предостережение нашему стремлению к пониманию между людьми. Послание Авраама настаивает на примате нашего личного контакта с Богом, включая все его псевдонимы типа "человечества, человечности, духа, сущности, Человека, природы, научного прогресса" или прочих безвкусных слоганов. Напротив, послание Александра говорит нам о героизме или же подвижничестве в распространении города на безжизненные пространства. Есть город. В этом городе - правда. Те, кто вне города, - несчастны. Их надо завоевать не ради взимания налогов, а ради распространения правды. Таким образом, князь становится миссионером, а город - мессией.

Имперская идея равносильна идее образцового города, от которого, как концентрические круги, расходятся завоевания. Таким образом был Рим. Римская идея - прежде всего миссионерская идея. Непреодолимая ошибка нашего понимания истории состоит в раскрашивании школьных карт в цвета Римской империи. Мы переносим на Рим наши

стр. 33

представления о государстве. Но Рим не был государством. Он был городом. Не было понятия "гражданин Римской империи". Было понятие "гражданин Рима".

Происхождение государства противоположно происхождению города. Одержимые желанием господства принцы завоевывали пространства, заботясь не о жизни населения, но о собственном престиже. Нельзя не согласиться с Г. Гегелем и А. Кожевом в том, что мегалотимия лежит в основе становления государств.

Государство противостоит империи. Империя имеет в основе своей город. Государство не просто равнодушно к городу - оно стремится его уничтожить.

Здесь важно не противопоставление рабов и господ. Рабы были и в Афинах, и в Риме. Правда, вопреки фантазиям К. Маркса они не играли значимой роли в экономической жизни городов. Скорее, они обеспечивали психологический комфорт так называемым свободным людям, от этого чувствовавшим себя признанными людьми первого класса. Что касается "отвязанных" принцев, то им действительно необходимо было признание, но не рабов, а подданных.

Нарушение поселенческого принципа крайне важно для понимания истории людей и истории становления либеральной демократии. Было бы, конечно, непростительной ошибкой выстраивать временную линию, на которой вначале лежали города, а потом возникали территориальные образования. Несмотря на то, что умозрительная логика диктует именно такую последовательность развития человеческого общежития, мы слишком часто убеждаемся, что логика и история - две вещи несовместимые, как задолго до нас утверждали древние греки.

А. Токвиль говорит, и с этим нельзя спорить, что демократия может возникать только "снизу". Демократия - дитя городов. Необходимость устойчивой организации общежития делает демократию необходимой. Борьба за признание, изначально присущая

человеку, в чем трудно спорить с Гегелем, либо приводит к взаимоуничтожению, либо к приемлемым формам общежития.

"Отвязанный" принц, "крышующий" любую по размерам территорию, не может насадить демократию, какой бы народной любовью и признанием он ни пользовался. В обоснование этого тезиса можно привести много аргументов. Все они безусловны и неинтересны. Предоставим это англосаксонским мыслителям. Уместно, кажется, привести здесь только фразу Ф. Достоевского насчет того, что пусть мир провалится, а мне чтоб чай был. Такое мировоззрение "человека из подполья" является, на мой взгляд, нормальным, массовым и не дающим возможности принцам властвовать и насаждать свои принципы общежития.

Ошибка исследователей, слишком серьезно относящихся к принцам и противостоянию "господин-раб", состоит в пренебрежении к результатам социопсихологических изысканий. Лидером не становится наиболее выдающийся из ребят в детском сообществе. Им становится тот, кто наиболее адекватно потакает желаниям большинства людей.

Принцы выполняли очень важную функцию. Они объединяли под своим владычеством население, придерживающееся сходных обычаев и нравов. Они воспитывали и пестовали национализм и религиозную исключительность. Циничные, одержимые доблестью, как правило, этнически чуждые - так уж получилось в истории - они оформляли и рационализировали этос, противостоящий либерализму.

Историки, на мой взгляд, находятся под излишним обаянием слова "империя", трактуемого ими лишь как завоевание. В идее империи лежит прежде всего мораль. Имперское сознание - одержимость моральной правотой. Если мы этого не поймем, то никогда не сможем как-то ответить на исламский вызов.

В основе действий Наполеона Бонапарта лежала мораль Великой французской революции. Сегодня, расслабленно и понимающе глядя в прошлое, мы должны честно сказать, что в основе его действий лежал город Париж. Как в свое время Афины через македонца, поздний Рим через провинциальных "отморозков", так и Париж через обольщенного им корсиканца распространял свои взгляды на весь мир путем завоеваний. Для нас интересно, что наполеоновское действие было имперским в чистом - городском - виде.

стр. 34

Однако мы не можем отрицать того, что некоторые принцы даже до Наполеона пытались взять на вооружение моральный принцип для оправдания своих поползновений на территориальные поглощения. Пример Цезаря волновал русских, испанских и британских князей.

Стремление противостоять поселенческому принципу толкало князей в объятия религиозной нетерпимости. Православие русских, католичество испанцев и протестантизм британцев были теми соломинками, за которые ухватились принцы в своем желании уничтожить гражданское общество.

Россия, которая, конечно же, интересуется нас больше всего, находится сегодня на распутье. Что дальше? Отказавшись от имперского сознания Третьего Рима, путинская Россия стала "больным человеком Европы", каким в свое время была Оттоманская империя. Б. Ельцин не смог сыграть роль Ататюрка. Выставив на люди "пакет Козака", русские призванные, выборные принцы заявили о своем реальном существовании и тем самым о противостоянии европейской цивилизации, пошедшей по пути либеральной демократии.

Сегодня, когда на несчастную Россию обрушился закон о ликвидации местного самоуправления, наши отечественные демократы поддержали этот закон. Стоит вспомнить: когда в России группа молодых экономистов была назначена либералами и демократами, они посчитали, что быть либералом означает ограничить эмиссию. Это не

вышло. Инфляция была фантастической. После долгих лет проб и ошибок, тем не менее, задачу решить удалось. Однако при этом бюджетная иерархия стала полностью оторвана от уровней людских нужд.

Призванные принцы - будь то Александр Невский, солнцевская группировка или российские демократы - абсолютно чужды либеральной идее. Токвиль учил нас, что либеральная идея перестает быть только идеей, а становится реальностью лишь в городе.

Субсидиарность и нон-централизм

Принцип subsidiarности, провозглашенный Римским папой, стал основой становления новой Европы. Поскольку Россия продолжает ощущать себя империей, то есть территориями, завоеванными московским князем, приходится еще раз разбирать, что же означает этот принцип.

Город - это город. Он - основное. Все остальное - лишь производное от него. Люди, живущие в городе, зарабатывают себе на жизнь. Из своих денег они отдают часть на общие нужды, "скидываются". На что имеет смысл "скидываться"? Например, я вряд ли способен провести водопровод, канализацию и газ к своей квартире на пятом этаже в своем доме. Лучше и дешевле на это "скинуться" с соседями. Но уж муниципалитет здесь не при чем. Им на это деньги я не дам. С какой стати? Они наймут десятки бюрократов, которые будут меня регистрировать, проверять документы, делать вид, что они напряженно работают. Получать зарплату будут из моих денег! И за что? Но в принципе я не против того, чтобы дать деньги муниципалитету на асфальтирование улиц, по которым невозможно стало ездить. Я, правда, хотел бы знать, кто и как их расходует. Деньги-то мои. И нелегко мне достались.

Более того, если так уж исторически получилось, что принцы, одержимые религиозным, моральным или иным духом, разделили нас на государства и среди этих государств существуют некоторые совершенно безумные, то я согласен какие-то деньги отдать на защиту от безумцев. Но опять же хочу понять, кто и на что конкретно будет их тратить. Может, я лучше сам обеспечу свою защиту, наняв охранника? Докажите мне, что танки из Нижнего Тагила эффективней. Я не уверен в этом.

Общепризнанное понимание принципа subsidiarности таково. Все общественные финансы собираются на том уровне бюджетной иерархии, где возможно наиболее эффективное решение проблемы, ради которой эти финансы собираются. Эффективное решение подразумевает, что на данном уровне бюджетной иерархии должно быть создано управление выделенными финансами, а эффективность управления может быть оценена только теми, кто финансирует органы управления.

стр. 35

Несмотря на столь понятное определение принципа subsidiarности, на практике оно подвергается еле заметным словесным, но весьма существенным реальным изменениям. Так, в расхожей трактовке говорится, что проблема должна решаться на самом низком уровне бюджетной иерархии, который способен ее решить. Такая трактовка принципа subsidiarности приводит к возможности поразительных манипуляций.

Невозможность решить проблему на уровне микрорайона объясняется отсутствием бюджета микрорайона. Невозможность ее решения на уровне города объясняется недостаточностью доходов городского бюджета. Происходит подмена причин и следствий. Если проблема касается микрорайона, то почему нет бюджета микрорайона? Если проблема касается города, почему расходная часть не соответствует доходной? Кто и почему забрал доходы в вышестоящие бюджеты?

В своем глубинном основании принцип subsidiarности - взаимопомощи - призван противостоять анархо-либерализму и обеспечивать городу выполнение функции людского общежития. Не все способны жить, как Авраам. Но все хотели бы так жить. Принцип subsidiarности предполагает законный компромисс. Мы не идем в леса вслед за Г. Торо,

мы не отрицаем сосуществование вместе с Л. Толстым, но мы готовы платить "за все". Однако при этом хотим понимать, за что платим.

На практике происходит иначе. Расхожая трактовка принципа subsidiarности опасна тем, что бюджетная иерархия отрывается от реальных задач. Бюджетная иерархия, оказывается, имеет иное основание, ее происхождение не связано с реальными нуждами людей, а отсюда следует, что нехватка денег в том или ином бюджете не имеет отношения к его расходной нагрузке, а значит, к его прямому предназначению.

И это действительно так. Если мы вспомним имперскую схему, то вынуждены будем согласиться со взглядом, что население готово было жертвовать своими доходами ради распространения усвоенной или первооткрытой морали. Издержки миссионерства включали в себя не только денежную часть. Сюда входили и время, и даже жизни солдат. Концентрация средств в имперском бюджете оправдывалась верой в правоту миссионерской задачи. Как это ни странно, в каком-то смысле принцип subsidiarности соблюдался.

Пренебрежение принципом subsidiarности или даже его полное забвение произошло, когда наемные принцы возомнили себя владельцами городов, то есть и людей, живущих в них. Воспользовавшись естественно возникшим институтом налогов, принцы ввели инструменты эффективного администрирования, равносильные грабежу. Теперь часть доходов населения отбиралась, и в случае "уклонения" от рэкета на людей налагались санкции вплоть до разорения, тюрьмы или еще больших наказаний. Такая система была уже очень далека от "складчины" на городские нужды или услуги наемного князя. Принцип subsidiarности вполне мог бы удовлетворить материальные претензии принцев, при условии соблюдения условий найма.

Почему же князья не пошли на это? Почему В. Путин гонит Ходорковского, несмотря на то, что эти гонения наносят вред стране? Если он наемный работник, то это незаконно, если он владелец русских людей, то это неразумно. В чем же дело? Позволю себе предположить, что даже в века так называемого крепостного права принцы не чувствовали себя владельцами людей. Их амбиции простирались весьма далеко, но все-таки не за такие горизонты. Принц, как правильно написал Фукуяма, а задолго до него Платон, - человек высокого духа (чести). Этот самый дух (честь) он, в отличие от Авраама, воспринимает как некий орган. И этим самым органом он мерится с соседом - у кого больше. Именно такая функция полезности принцев и породила то, что на экономическом, да и человеческом языке называется коварством, то есть злонамеренным нарушением контракта.

Проблема существования городов - не нарушение принципа subsidiarности в конкретных случаях, но принципиальное несоответствие бюджетной иерархии принципу subsidiarности. В последнее время происходят манипуляции, с одной стороны, прикрывающиеся принципом subsidiarности, с другой - проявляющие явное коварство с точки зрения этого принципа. Речь идет о децентрализации.

стр. 36

Само это слово говорит о суверенной легитимности центра, который владеет периферией, видимо, в результате божественного волеизъявления. Этот владетельный центр по своей воле делегирует периферийным правителям некоторые функции, исходя из собственного разумения о дееспособности подчиненных ему (центру) периферийных чиновников.

Децентрализация оперирует понятием мандата. С этой точки зрения суверенитет принадлежит государству. Сам принцип суверенитета был изобретен для оправдания закрепления принцев над полисом или, вернее, территорией вне зависимости от воли населения. Мы можем наблюдать, что, например, в одном из самых успешных и долговечных межполитических образований - Венеции - такого понятия не существовало. Перенос суверенитета с принцев на народ, осуществленный философами XVIII в., мало

что изменил, так как роль народа взяло на себя централизованное управление государством. Суверенное государство как преемник принца обладает правом выдачи мандатов. Субъектом политической жизни, то есть жизни города, оказывается находящийся вне его принц (центр, выборный правитель), который выдает городу мандат, позволяющий или даже обязывающий его, например, заасфальтировать улицы.

Однако сегодня мы видим не протест городов против антидемократической системы "суверен-мандат", но довольно жалкое требование обеспеченности мандатов. Мэры городов, толпящиеся в приемной губернатора, или же губернаторы, "договаривающиеся" с федеральным министром финансов, - это очень далеко от либеральной демократии. Более соответствует сегодняшнему состоянию общества и его задачам требование нон-централизма, уже прозвучавшее в Швейцарии и получившее отклик в германской науке о городе.

Нон-централизм апеллирует к современному способу построения общества, имеющему глубочайшие древние корни. Это способ, который Токвиль назвал "искусством объединяться".

В разных отраслях гуманитарной науки разными исследователями используются три термина, которые, в сущности, описывают один и тот же феномен. Однако традиции, лежащие за тем или иным термином, отличаются друг от друга, и это позволяет сегодня рассматривать феномен современной городской социальной организации более объемно.

Определений *гражданского общества* достаточно много, и это показывает, что здесь задача выбора единственно правильного - неплодотворна. Наиболее важным является подчеркивание способности и желания людей объединяться для защиты или культивирования своих интересов. Разломы общества по линии недовольства больших групп людей своим социальным положением или отношением к собственности уже довольно давно породили политические (первоначально сугубо городские) партии. Сейчас партийная система, так же как и профсоюзная, теряет свою значимость, и даже в нашей стране такие объединения, как клуб правозащитных организаций Народная ассамблея, Российский союз промышленников и предпринимателей, Опора России, многочисленные землячества, организации солдатских матерей, не оформленные по рациональным соображениям "питерский клан", содружество ветеранов спецслужб, благотворители, просветители и многие другие, начинают приобретать все большее влияние. Гражданское общество подразумевает наличие в одном человеке разных интересов. Изменение соотношения старых и появление новых интересов - постоянный процесс, не дающий обществу достичь равновесного состояния. Однако способность ассоциироваться, выявлять интересы и договариваться внутри и между ассоциациями делает гражданское общество более устойчивым, чем любую форму централизованного типа.

Исследования человеческого поведения, и особенно экономического, привели к созданию *институциональной теории* (новой институциональной, неинституциональной и т. д.). Институты, организующие общество, самым прямым образом влияют на его эффективность, доступность благ для человека и выбор поведения. Лоббирующая роль институтов может оцениваться и подвергаться критике. Впрочем, институцио-

стр. 37

нальный подход переносит упор с проблемы "интересов" на проблему "прав". Институты рассматриваются как пучки прав собственности. Институциональный подход обвиняют в излишнем экономизме. Не думаю, что это верно. Во всяком случае, при достаточно широкой трактовке понятий "защита прав" и "контракт" институциональный подход позволяет посмотреть на описываемый феномен современной городской социальной организации с еще одной немаловажной позиции, также подчеркивающей эффективность нон-централизма.

Претензию на наиболее общий подход в последнее время предьявляет термин *социальный капитал*. Прежде всего теория социального капитала пытается найти

измерители, позволившие бы проводить межстрановые оценки, а также улавливать изменения социального капитала во времени. Это заставляет более жестко ставить вопрос об эффективности либеральной демократии как современной формы организации городского общества. Несмотря на то, что при этом несколько в стороне оказывается проблема интересов и неравновесности, волнующая теорию гражданского общества, и почти совсем игнорируется проблема прав и контрактов, лежащая в основе институциональной теории, пристальное внимание к проблеме устойчивости нецентралистского общества делает теорию социального капитала очень перспективной.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать выводы о том, что городское общество нельзя рассматривать исторически, то есть как феномен появления и реализации идей. Уже на заре человечества мы видим во вполне законченном виде противостояние анархо-либертарианства и "искусства объединяться", выявление интересов, коммунизм и либерализм, контракты с городскими менеджерами, наличие социального капитала на основе нецентрализованно выработанной морали. История показывает нам лишь борьбу честолюбцев (тимократов) с городом путем то ли потакания городским претензиям, как в имперской схеме или в схеме типа Венецианской республики, то ли прямого противостояния при сколачивании государственно-территориальных образований. Сегодня мы можем констатировать чрезвычайную разнородность и разноценность имеющихся институтов. Перед нами развернут их широкий спектр: от гражданского общества Северной Америки через колебания вокруг принципа субсидиарности в Европе и России, а также через семейно-корпоративное своеобразие Дальнего Востока до морализаторских ассоциаций исламского мира. История оказалась спрессованной в одно время, да и была ли она, история? Можно ли в таком случае говорить о конце истории? Да сколько угодно. И когда угодно это можно было делать.

Все идеи либеральной демократии, нецентрализма и рационального гражданского общества были выдвинуты (и реализованы) давным-давно. В этом смысле лично мне в качестве конечного пункта истории очень симпатична дантовская Флоренция. Почему бы не считать концом истории именно флорентийское устройство? Это было бы не менее логично, чем заявление Гегеля о конце истории в 1806 г. или современные утверждения, что конец истории - это США конца XX в.

Вот уже лет тридцать, как среди макроэкономистов стало модно говорить о конце экономики, связанном с научным триумфом неоклассического синтеза. Однако теперь даже до макроэкономистов доходит, что невозможно делать качественные прогнозы без оглядки на институциональную теорию, которая, в общем-то, не совсем экономика.

Выскажу осторожное желание. Мне кажется, хорошо бы постмодернистам, постструктуралистам, постисторицистам, постэкономистам помнить, что в конце XIX в. глубокоуважаемый Дж. Томпсон в своем эпохальном докладе провозгласил конец физики. Он перечислил несколько задач, которые осталось решить, и торжественно закрыл свою любимую науку, как прочитанную книгу.

И что после этого началось!

стр. 38

Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала⁴

Россия - страна с огромной территорией и сокращающимся населением. Эту территорию нужно "держат" и связывать воедино. Именно такую функцию выполняют города как опорный каркас расселения. Городов в России немногим более тысячи. Сокращение численности населения неизбежно, и в таких условиях самое главное -

⁴ Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. №5. С. 5-19.

эффективно использовать человеческие ресурсы, воспроизводить и наращивать в первую очередь их качество. Эти ресурсы также концентрируются в городах, и чем больше город, тем, как правило, выше концентрирующийся тут человеческий капитал.

Почему же очевидные истины не становятся основанием политики, направленной на системную поддержку модернизации экономики и человеческого капитала российских городов? Выделю несколько причин. Первая - города все еще воспринимаются как функциональное приложение к заводам и фабрикам, еще жива ментальность советской индустриализации, создававшей города в чистом поле (чаще - в тайге и тундре). В рамках таких стереотипов все просто: будут работать заводы, будет жить и город. Вторая причина - города естественно развиваются как полифункциональные и поэтому сложные территориальные организмы, ими трудно управлять. В них более разнообразный социум, больше внутренних противоречий, более сложной, как у любого развивающегося организма, должна быть система согласования интересов в целях развития. А как это сделать с помощью модных ныне директивно-вертикальных методов управления? Третья причина - сохраняющийся уравнительный подход к развитию пространства: в городах и так больше ресурсов, потому им "делиться надо". Дежурный лозунг губернаторов - надо поддержать периферию!

Тем не менее концентрация человеческих и экономических ресурсов дает городам объективные преимущества развития и без всякой поддержки со стороны властей. Позитивное влияние эффекта масштаба исследовано в региональной науке (можно сослаться, в частности, на [Нефедова, Трейвиш, 1998; Fujita, Krugman, Venables, 2000]), этот эффект проявляется везде, в том числе и в России. Роль центров развития и модернизации выполняют именно города, однако в разной степени и с разным ка-

Зубарева Наталья Васильевна - доктор географических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, директор региональной программы Независимого института социальной политики.

стр. 5

чеством роста. В современной России сформировались четыре типа городов-центров роста [Зубаревич, 2006]:

- федеральные города Москва и Санкт-Петербург и их агломерации;
- города-"миллионники" и близкие к ним по численности¹, их агломерационные преимущества на фоне федеральных столиц заметно слабее, как и концентрация человеческого капитала;
- остальные крупные города-центры регионов (с населением 200 тыс. человек и более), развивающиеся под влиянием статусного фактора и концентрации населения;
- до начала нового кризиса центрами роста были также монопрофильные города с ведущими предприятиями крупных компаний, в основном экспортно-ориентированных; их развитие обеспечивалось более высокими, по сравнению с большинством муниципалитетов, доходами бюджетов и населения, но оно не имеет устойчивого характера из-за влияния конъюнктуры мировых цен на сырье и полуфабрикаты.

Модернизирующий эффект опережающего экономического роста проявился в этих городах по-разному, и не все из них смогли нарастить человеческий капитал и далеко не все готовы к конкуренции за человеческие ресурсы.

Крупнейшие города - центры модернизации

Важнейшую роль в развитии страны играют наиболее модернизированные федеральные города и "миллионники", где сконцентрировано почти 20% населения страны. Воздействие агломерационного эффекта (эффекта масштаба) в крупнейших городах максимально и они выигрывают конкуренцию с остальными городами России. Конкурируют они и между собой, но условия явно неравные.

Наиболее велик социально-экономический отрыв столицы: до сих пор принято говорить о Москве и "остальной России". Появившийся в 2000-е гг. штамп "две столицы" - сильное преувеличение с экономической точки зрения. Сохраняющаяся сверхконцентрация экономических ресурсов в Москве обеспечивает ей устойчивое доминирование: на Москву приходится более 23% суммарного валового регионального продукта (ВРП) всех регионов страны (на Санкт-Петербург - менее 4% в 2008 г.), причем за годы экономического роста доля столицы выросла. Москва - единственный в стране крупный город постиндустриальной экономики, в структуре ее ВРП 80% составляют услуги, концентрация торговли и платных услуг в столичной агломерации (вместе с Московской областью) достигает 23 - 29%. Концентрация инвестиций также остается высокой, хотя они перераспределились внутри столичной агломерации: в конце 1990-х гг. каждый шестой рубль инвестировался в Москву, а в 2008 г. - каждый девятый, но с учетом инвестиций в Московскую область все осталось по-прежнему (см. табл. 1). Снижение доли столицы в объеме ввода жилья в последние годы имело двойную природу - не только из-за активизации строительства в других городах, но и потому, что строительство переместилось из столицы в Московскую область, оставаясь в пределах агломерации. Суммарно в столичной агломерации вводится каждый шестой квадратный метр жилья в стране. На фоне столицы и ее агломерации доля Санкт-Петербурга мала по всем индикаторам и немногим выше доли города в населении страны.

Гигантская концентрация финансовых и инвестиционных ресурсов в Москве не только ускоряет модернизацию потребительского поведения москвичей, но, как пылесос, вытягивает в столицу наиболее конкурентоспособные человеческие ресурсы со всей страны, не говоря уже о притоке низкоквалифицированных мигрантов из других стран. В Санкт-Петербурге происходит то же самое, но в гораздо меньших масштабах.

¹ По переписи 2002 г. было 11 "миллионников" (Волгоград, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Уфа, Челябинск). Численность населения в двух из них теперь ниже миллиона человек, что не меняет их роли как крупных "точек роста".

стр. 6

Таблица 1

Доля крупнейших городов в основных социально-экономических показателях России за 2008 г. (в %)

	Москва		Санкт-Петербург		прочие "миллионников" ¹¹		Всего	
	1998 г.	2008 г.	1998 г.	2008 г.	1998 г.	2008 г.	1998 г.	2008 г.
Население	7	7(12*)	3	3	9	9	19	20
Инвестиции	6	11 (16*)	4	4	7	7	27	22
Ввод жилья	10	5 (17*)	3	5	10	13	23	23
Оборот розничной торговли	29	17 (23*)	8	4	11	18	48	39

* С Московской областью.

Городам-"миллионникам" трудно конкурировать со столичной агломерацией. Тем не менее импульс роста и модернизации распространяется по иерархической системе городов - от федеральных к менее крупным. Динамика этого процесса имеет разную скорость, некоторые города-"миллионники" растут и развиваются быстрее за счет преимуществ, обеспечиваемых базовыми факторами: экономическими ресурсами своего региона, выгодным местоположением, высокой концентрацией человеческого капитала,

институциональными преимуществами. Влияние этих факторов определяет победителей и проигравших в конкурентной борьбе внутри группы "миллионников" и близких к ним по численности городов. Но пока это промежуточные результаты, так как трансформация экономики городов-"миллионников" далека от завершения и реальная конкуренция еще впереди. В ней участвуют и другие крупные города с населением около 800 тыс. человек и более (Воронеж, Краснодар, Саратов, Красноярск). Тенденции их развития можно оценить по трем параметрам, сформулированным в виде вопросов:

- удастся ли им перетянуть на себя более существенную часть экономической активности и ресурсов, сгладив тем самым огромное отставание от федеральных городов, особенно Москвы, обладающей особыми преимуществами?

- насколько "миллионники" и близкие к ним по численности города различаются между собой по уровню социально-экономического развития, существует ли "разность потенциалов", отражающая результаты конкуренции между ними?

- каковы перспективы развития агломераций городов-"миллионников" с учетом человеческих и экономических ресурсов их собственных регионов?

Российская статистика не позволяет оценивать развитие в границах крупных агломераций, они четко не определены, поэтому приходится ограничиваться анализом статистики городов. Расчеты показывают, что суммарный вклад 11 городов-"миллионников" в основные социально-экономические показатели страны стал увеличиваться в последние годы. Заметно вырос их вес в розничной торговле за счет прихода крупных торговых сетей и роста платежеспособного спроса (с 11 до 18% за 1998 - 2008 гг.). Постепенно растет их доля в жилищном строительстве (с 10 до 13%), что также указывает на рост доходов населения. Самая большая проблема "миллионников" - низкая доля инвестиций (7%), она меньше доли этих городов в численности населения страны (9%). Причины невысокой инвестиционной привлекательности в основном институциональные. Это высокие барьеры для получения разрешений на строительство и ведение бизнеса, скудость бюджетов городов-"миллионников" и небольшие бюджетные инвестиции. Источники доходов муниципалитетов ограничены по сравнению с федеральными городами, которые как субъекты Федерации получа-

стр. 7

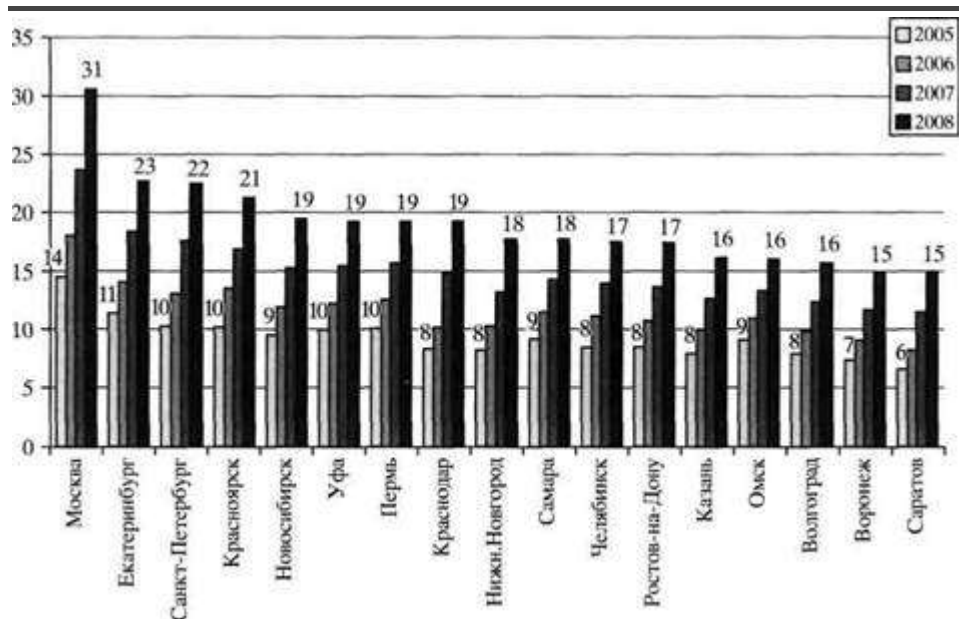

Рис. 1. Средняя номинальная заработная плата в крупнейших городах России в 2005 - 2008 гг. (в тыс. руб.).

ют более значительные по объему налоги на прибыль, на доходы физических лиц, акцизы и т.д.

Конкуренцию за человеческие ресурсы, как правило, выигрывают те агломерации, в которых заметно выше зарплаты. По данным статистики, преимущество Москвы значительно и оно растет (см. рис. 1). В 2008 г. средняя заработная плата в столице составляла 31 тыс. руб., в других крупнейших городах - от 23 тыс. руб. в Екатеринбурге и 21 тыс. руб. в Красноярске (в них более высокие зарплаты нивелируются более высокой стоимостью жизни) до 15 - 16 тыс. руб. в Казани, Омске и Волгограде. В конце 1990-х гг. различия в легальной заработной плате были меньше, но Москва резко выделялась максимальными душевыми доходами населения а не легальной заработной платой. Благодаря отрыву по заработной плате и душевым доходам населения, столица притягивает трудовых мигрантов. Во всей российской чистой миграции (разнице между миграционным притоком и оттоком) за 2006 - 2008 гг. на Московскую столичную агломерацию приходится 60%, на Санкт-Петербург - 18%, на остальные регионы и города остается совсем немного. Различия в зарплатах между другими городами-"миллионниками" недостаточны, чтобы влиять на межрегиональную конкуренцию за рабочую силу. Как и менее крупные региональные центры, они притягивают трудоспособное население своего региона.

Для того чтобы города-"миллионники" были привлекательными для мигрантов с высоким человеческим капиталом, они должны иметь более развитую социальную среду и качество населения. Понятия эти комплексные, их трудно измерить. Фактором модернизации социальной среды служит высокий уровень образования населения, он же является компонентом качества населения. К сожалению, проанализировать структуру населения по уровню образования можно только на основе данных занятого городского населения всего региона, а не конкретного города, а в регионе она зависит от особенностей расселения. Тем не менее картина различий очень показательна: регионы с крупными городами-"миллионниками", которых больше всего в

стр. 8

Поволжье и на Урале, не выделяются высокой долей имеющих высшее образование среди занятого городского населения (не более 25%). Это следствие советской индустриализации Урала и Поволжья, когда наиболее востребованными были работники со средним профессиональным образованием, преобладающие в структуре занятых. Москва и Санкт-Петербург, где 42 - 43% занятых имеют высшее образование, сильно опережают остальные регионы страны. Среди остальных крупногородских субъектов РФ качеством городского населения выделяются регионы с ведущими вузовскими центрами страны, например Томская область (36% городских занятых имеют высшее образование) и Новосибирская (32%). Таким образом, явное преимущество в виде более высокого человеческого капитала, способствующего модернизации социальной среды, присуще федеральным городам, а для городов-"миллионников" оно ограничено своим регионом. Заметных различий между этими городами нет, за исключением Новосибирска. В результате социальная среда и человеческий капитал не обеспечивают явных сравнительных преимуществ кому-то из крупных городов.

Развитие торговли и рынка жилья, приток инвестиций служат основой для усиления центральных функций крупных городов, но сопоставлять индикаторы нужно с большой осторожностью. Показатели объема розничной торговли в городах с 2007 г. рассчитываются без учета малого предпринимательства. Это большой сегмент торговли, но он измеряется неточно, с помощью дооценок. Его исключение из статистики также искажает дифференциацию городов. Города с большой долей торговли на рынках, например Новосибирск, который служит перевалочной базой китайских товаров и японских автомобилей для Сибири и Урала, явно недооценены по объемам розничной торговли. В 2008 г. по душевому обороту без учета малого предпринимательства лидировали Краснодар (более 80 тыс. руб. на человека), Самара и Нижний Новгород (более 60 тыс. руб. на человека). Самара ухудшила свою позицию, так как в начале 2000-х

гг. она имела максимальный показатель благодаря продажам автомобилей. Менее всего развиты крупные и средние торговые структуры в городах - центрах более бедных и аграрных регионов из-за барьеров низкого платежеспособного спроса (Воронеж, Саратов - менее 40 тыс. руб. на человека), а также на востоке страны, где барьеры расстояния замедляют проникновение торговых сетей (Красноярск, Омск - менее 30 тыс. руб. на человека).

Жилищное строительство более активно ведется в городах юга, поскольку там больше приток мигрантов в региональные центры и жилье строится в основном за счет средств населения. Динамика этого показателя не всегда устойчива (см. рис. 2). Быстрее всего росло жилищное строительство в Краснодаре, Челябинске и Новосибирске (в два раза за 2005 - 2008 гг.). Нестабильное развитие рынка жилья в Самаре связано с институциональными причинами - борьбой за власть в городе, затормозившей процесс выделения земель и разрешительной документации на строительство. Низкие показатели ввода жилья в Волгограде и Перми - также следствие институциональных барьеров. "Рывок" Красноярска в жилищном строительстве форсировала политика региональных властей, но надолго этого не хватило. Кризис негативно повлияет на показатели 2009 г., особенно в регионах экспортной промышленности, в которых спад экономики был более сильным. Преимущество рынка жилья городов юга станет более явным.

На различия в развитии крупных городов как центров розничной торговли и строительства жилья влияет платежеспособный спрос населения и институциональная среда. Душевые показатели ввода жилья и товарооборота торговли различаются по крупнейшим городам существенно - в три-четыре раза. По обоим индикаторам выделялся Краснодар благодаря ускоренному росту экономики юга. Подготовка к Олимпиаде-2014 также ускорила развитие Краснодара и, в меньшей степени, Ростова-на-Дону. Среди городов Урала выделяется Екатеринбург, концентрирующий финансовые ресурсы большой Свердловской области. Благодаря металлургической специализации в области до начала кризиса 2008 г. быстро росли доходы населения. В Поволжье более устойчиво развивались Казань и Уфа, также концентрирующие доходы разви-

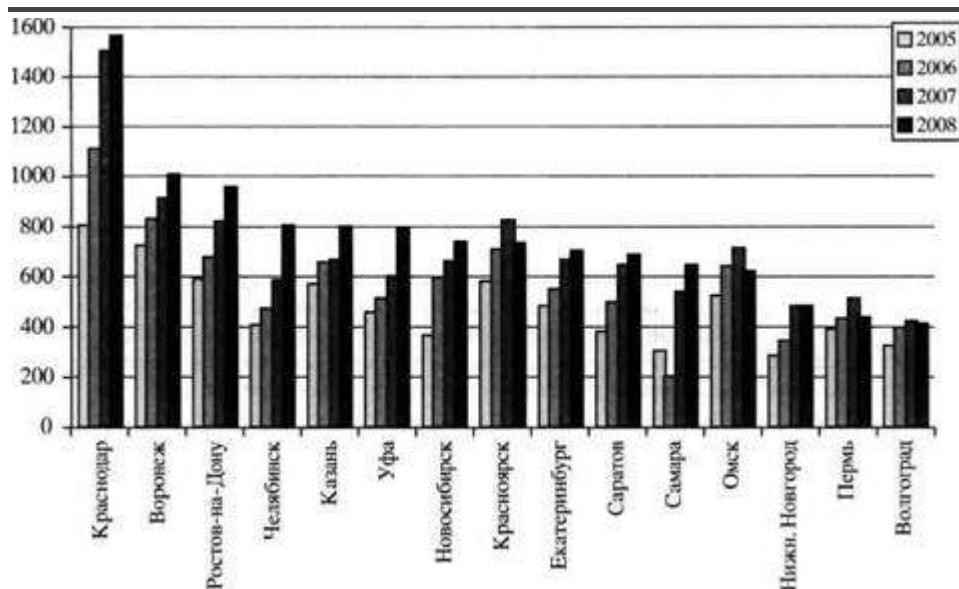

Рис. 2. Ввод жилья в 2005 - 2008 гг. (в м² на 1000 человек).

той нефтедобычи и нефтепереработки своих республик и, кроме того, получившие немалые федеральные инвестиции. Все остальные города не выделяются устойчивыми преимуществами. В целом "миллионники" Поволжья, Урала и Сибири не только отстают от федеральных городов, но и получают сильного конкурента в виде крупных городов

Юга. Приморские регионы Юга стали новой зоной экономического роста, и столичные города этих регионов опережают другие крупные центры страны.

Перспективы развития крупных городов можно оценить, сравнивая душевые инвестиции в основной капитал (см. рис. 3). Москва и Санкт-Петербург лидируют здесь с большим отрывом, при этом нужно учитывать и большую численность их населения. В результате объем инвестиций в столицу на порядок больше, чем в других городах, причем более трети всех инвестиций обеспечивал гигантский столичный бюджет (в середине 2000-х гг. его доля в инвестициях превышала 40%). Санкт-Петербург по душевым показателям проигрывает Краснодару, несмотря на все усилия по привлечению инвесторов. При этом только в 2007 г. объем инвестиций в северную столицу вырос в полтора раза за счет финансовой поддержки федеральных властей и пополнения городского бюджета путем переноса юридических адресов крупных корпораций. Концентрация инвестиций обеспечивает федеральным городам сохранение преимуществ развития и на перспективу.

Прочие лидеры делятся на две группы. Во-первых, это центры регионов, получающих особую поддержку федеральных властей. В столице Татарстана треть инвестиций также шла из бюджетных источников, в основном региональных, так как федеральные власти перечислили значительные средства в бюджет республики на подготовку празднования тысячелетия Казани. Росту инвестиций в Краснодар, помимо объективных преимуществ выгодного местоположения, способствует подготовка к Олимпиаде-2014, двукратный рост инвестиций в 2008 г. дал огромное преимущество городу. Особое отношение федеральных властей к тому или иному региону или городу (ранее - к Татарстану, в последние годы - к Санкт-Петербургу и Краснодарскому краю) усиливает их конкурентоспособность, хотя трудно назвать такую конкуренцию честной.

стр. 10

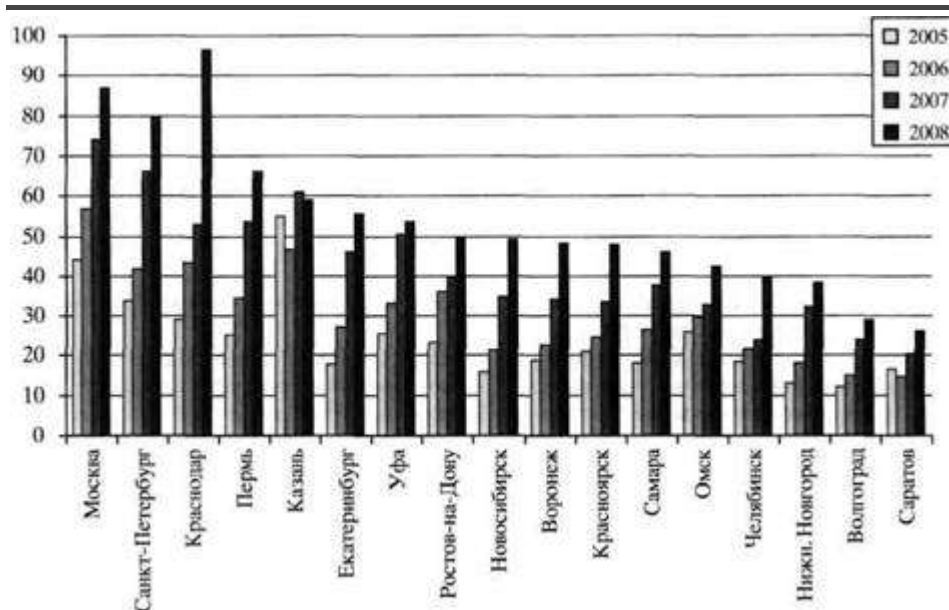

Рис. 3. Душевые показатели инвестиций в основной капитал в текущих ценах (тыс. руб. на человека).

Во-вторых, душевые инвестиции выше в других городах-"миллионниках" (Пермь и Уфа), но по иной причине. Эти города сохранили промышленную специализацию, поэтому инвестиции крупного бизнеса идут в нефтеперерабатывающую промышленность, а не в инфраструктуру и в сектор услуг. Остальным городам труднее конкурировать с лидерами, особенно в неравных условиях, создаваемых федеральным центром. Как и по другим индикаторам, аутсайдеры по объему инвестиций - Саратов и Волгоград. Крупные

города Поволжья в целом теряют позиции, за исключением Казани. Схожий тренд характерен и для Омска.

Экономическая устойчивость развития "миллионников" и близких по численности городов создается не только сектором услуг, но и промышленностью. Баланс двух секторов экономики очень разный. Душевые показатели промышленного производства максимальны в крупных центрах нефтепереработки (Пермь, Омск, Уфа), за которыми следуют центры металлургии (Волгоград и Челябинск). Показатели в 2,5 - 3,5 раз ниже лидеров типичны для городов со специализацией на машиностроении, так и не преодолевшем кризисного спада 1990-х гг. (Воронеж, Саратов, Краснодар, Новосибирск, Казань). Эти города быстрее становятся сервисными. Кроме того, в них изменилась структура промышленности и ее рынков сбыта: более устойчиво развивались пищевая промышленность и другие импортозамещающие отрасли, обслуживающие рынок самих городов-центров и своего региона, то есть ближние рынки сбыта. Благодаря сочетанию торговых, инфраструктурных и промышленных функций формируется более устойчивый экономический ландшафт крупных региональных столиц, что в целом повышает их конкурентоспособность.

Переоценивать достоверность статистики не стоит: она позволяет только в первом приближении оценить и сопоставить развитие городов-"миллионников" и близких к ним по численности. Но даже эти замеры показывают, что конкуренция между ними пока в зачаточном состоянии. Города "второго эшелона" слабо различаются на фоне Москвы, собирающей все преимущества в сверхконцентрированном виде. Подавляющему большинству "миллионников" явно не хватает финансовых и инвестиционных

стр. 11

ресурсов, многим - человеческого капитала, редко кому удастся притягивать мигрантов из других регионов, хотя миграционная статистика по городам неточна. Более вероятно динамичное развитие крупных городов Юга и Екатеринбурга (после выхода из экономического кризиса). Для Казани неясна возможность ускоренно развиваться без особой финансовой поддержки Татарстана из федерального бюджета. Потенциал Самаро-Тольяттинской агломерации слабо использовался в период экономического роста, а начавшийся кризис еще более замедлит здесь развитие из-за резкого обострения проблем занятости на предприятиях машиностроительного кластера. Остальные "миллионники" также нуждаются в улучшении институциональных условий, особенно в кризисный период. Динамика оборота торговли за 2009 г. показывает, что в крупногородских регионах более заметно снизились доходы населения и потребление, что угнетает развитие сектора услуг.

На развитие крупнейших городов будет влиять и более долгосрочный фактор - возможность концентрации человеческих и экономических ресурсов своего региона. Для некоторых агломераций, например Самаро-Тольяттинской, такая возможность уже почти исчерпана, концентрация населения области в агломерации близка к предельной (см. табл. 2). Для крупных региональных центров Юга и республик Поволжья процесс урбанизации не завершился, поэтому можно прогнозировать дальнейшую и значительную концентрацию населения и экономики в центре. На Урале и отчасти в Пермском крае многочисленные промышленные города также будут в перспективе отдавать человеческие ресурсы крупнейшим агломерациям, хотя и с меньшей скоростью, чем традиционные миграции из села. Возможности дальнейшей концентрации населения и экономики - значительный ресурс в конкуренции крупнейших городов между собой, и здесь выигрывают Юг и республики Поволжья.

Тенденции развития менее крупных региональных центров практически не отличаются от "миллионников". Их рост достаточно устойчив благодаря концентрации сервисных функций и импортозамещающей промышленности, обслуживающей

региональные рынки. В постсоветский период столичный статус оказался важным преимуществом, позволяя концентрировать экономические ресурсы.

Во всех региональных центрах, независимо от численности их населения, заметно выросла заработная плата относительно средних заработков жителей своего региона: если в 1990 г. превышение составляло 2 - 4% по группам региональных столиц с разной людностью, то в 1998 г. - 15 - 19%, а в 2006 - 2008 гг. - более 20%. Наиболее интенсивно росли эти различия в период децентрализации и перераспределения политических и экономических ресурсов в пользу регионов. Но и после смены политического вектора на централизацию экономика региональных столиц развивалась быстрее, чем всего региона. Это следствие агломерационного эффекта: чем крупнее региональный центр, тем более развит в нем спрос на новые рыночные отрасли и выше их концентрация, что приводит к опережающему росту оплаты труда. Максимальным он был в региональных центрах с населением более 500 тыс. человек.

Влияние столичного статуса особенно заметно в развитии торговли: доля региональных столиц в товарообороте торговли своего региона выросла почти вдвое - с 30 - 35% до 55 - 60%. Концентрация торговых функций практически не зависит от людности, все города, обладающие столичным статусом, продолжают концентрировать потребление и услуги, то есть становятся более современными городами с растущим постиндустриальным сектором экономики. Проблема в другом - эта концентрация происходит за счет "опустынивания" сельской периферии и малых городов регионов, утраты ими большинства сервисных функций.

Устойчивость развития региональных столиц связана не только с сектором услуг, но и с промышленностью. В двух третях городов-центров прекратилась деиндустриализация: сокращение их доли в промышленном производстве региона в годы кризиса сменилось небольшим ростом. Как и для "миллионников", новый этап промышленного развития региональных центров - импортозамещающий и поэтому устойчивый, а экспортные производства чаще расположены в других, менее крупных нестоличных

стр. 12

Таблица 2

Доля крупнейших городов (агломераций) в показателях своего региона в 2008 г. (в %)

	Численность населения	Численность занятых	Обрабатывающая промышленность	Ввод жилья	Оборот розничной торговли	Инвестиции
Краснодар	15	24	17	31	45	37
Краснодар	15	24	17	31	45	37
Уфа	25	25	45	34	59	42
Ростов-на-Дону-Батайск	27	34	51	56	57	41
Казань	30	32	18	41	57	38
Екатеринбург	31	35	19	56	65	39
Красноярск	33	34	29	63	52	27
Челябинск-Копейск	35	40	37	49	70	36
Пермь	36	42	54	52	77	59
Саратов-Энгельс	40	51	57	66	70	42
Воронеж	41	55	51	76	66	60

Нижний Новгород-Дзержинск	46	55	33	46	75	38
Волгоград-Волжский	51	64	88	63	82	64
Новосибирск	53	64	68	74	82	77
Омск	56	66	94	69	93	83
Самара-Тольятти-Новокуйбышевск	62	73	83	70	88	65

городах. Для региональных столиц промышленный рост позитивен, он обеспечивает сбытовые связи с прилегающими рынками.

Хотя возможности развития крупнейших городов (агломераций) и менее крупных региональных столиц различаются, но других ведущих центров модернизации в стране пока нет и не предвидится, как минимум, в среднесрочной перспективе. Если это так, то главная задача федеральных и региональных властей - поддержать естественные факторы роста этих городов, уже проявившиеся в период экономического подъема. Прежде всего необходимы общее улучшение инвестиционного климата и точечные госинвестиции в инфраструктуру, поддержка инновационных социальных программ, направленных на рост человеческого капитала, отказ от дальнейшей централизации всего и вся. И тогда импульс роста и модернизации будет распространяться нормальным эволюционным путем - от крупнейших центров к менее крупным городам и периферии. Кризис тормозит диффузию инноваций вниз по иерархической системе городов, поэтому задача снятия барьеров и улучшения институциональной среды становится еще более значимой.

Монопрофильные города: наследие индустриальной эпохи

Монопрофильными считаются города, в которых более 25% населения занято на одном предприятии или группе предприятий одной отрасли. В конце 1990-х гг. из 1090 городов России около 440 - 450 соответствовали критериям монопрофильных [Монопрофильные... 2000]. Огромное число монопрофильных городов - следствие ускоренной индустриализации, почти треть городов была создана в советские годы при строительстве промышленных предприятий. Плановую экономику не волновали колебания рыночных цен и нестабильность "стояния на одной ноге", которого не может быть в естественно развивающихся городах. Расплачиваться приходится потомкам.

стр. 13

Индустриализация оставила свой след в виде монопрофильных городов не только в России. Проблема "ржавых городов" раннеиндустриальных отраслей, предприятия которых оказались устаревшими, неконкурентоспособными, резко сократили производство или даже разорились, существует во всех развитых странах. В США она решается благодаря более высокой мобильности населения, покидающего такие города и находящего другие места работы. В странах Западной Европы старопромышленные регионы и города получили значительную поддержку государств для экологической санации территории, развития инфраструктуры и переподготовки занятых, чтобы привлечь в эти города инвестиции из других отраслей, чаще всего сервисных.

В России не произошло ни оттока населения, ни санации. Большинство моногородов пережили сильнейший кризис при переходе к рыночной экономике и затем с трудом выживали, потеряв значительную часть занятых и получив новых собственников, зачастую не спешивших модернизировать производство. Однако есть и иные примеры - монопрофильные города некоторых отраслей стали "кормильцами" своих регионов: продукция их предприятий оказалась востребованной мировым рынком благодаря

относительной дешевизне и меньшим затратам на экологию (металлургия, целлюлозное производство, минеральные удобрения) или росту спроса и цен на энергоносители (города нефтегазодобычи). Как правило, эти предприятия принадлежат крупным бизнес-группам и частным компаниям или естественным монополиям.

В целом к городам - "вотчинам" крупного бизнеса можно отнести более 150 городов (без закрытых территориальных образований - ЗАТО), это каждый седьмой город страны. В большинстве таких моногородов размещены предприятия крупных частных компаний, 15% составляют города естественных монополий и госкомпаний (Газпром и др.). Всего в моногородах крупных компаний живет 12 млн. человек или 11% городского населения страны.

До кризиса социально-экономическая ситуация в монопрофильных городах крупного бизнеса была разной. Есть более благополучные, в которых сосредоточены базовые предприятия крупных компаний (7% городов страны и городского населения). Еще около 6% - второстепенные для крупного бизнеса. В них, как правило, размещены менее крупные и менее прибыльные производства, которые были куплены бизнесом в 2000-е гг. При почти одинаковом количестве базовых городов крупного бизнеса и менее значимых для него городов в последних живет только 4% городского населения страны. Базовые города в среднем почти вдвое крупнее (110 тыс. и 60 тыс. жителей) и уже поэтому более жизнеспособны.

Самыми малыми размерами отличаются города естественных монополий (бывшей РАО ЕЭС, Газпром). Это также наследие советских лет, когда строились небольшие обслуживающие города при крупных электростанциях и в районах добычи газа. В 1990-е гг. малонаселенность оказалась преимуществом, содержать социальную сферу было дешевле. Но у этого преимущества есть и обратная негативная сторона - вся социальная политика компаний в таких городах становится вынужденно внутрикорпоративной, так как большинство жителей связаны с основным производством.

Различия в концентрации городов крупного бизнеса по регионам очень велики. Каждый пятый субъект РФ, особенно нефтегазодобывающие и металлургические регионы, выделяется их заметной концентрацией, а максимальное число монопрофильных городов крупного бизнеса имеет Свердловская область (см. табл. 3).

Базовые города крупного бизнеса, в которых расположены важнейшие активы компаний, с 1990-х гг. выделялись более высокими заработками (в 1,5 - 6 раз выше средних по региону) и доходами муниципальных бюджетов. Однако к середине 2000-х гг. разрыв между такими городами и региональными центрами в заработках сократился практически во всех регионах страны. Дело в том, что в центрах регионов быстро росло число высокооплачиваемых рабочих мест в сфере управления и секторе услуг, а также повышалась заработная плата многочисленных бюджетников. В промышленных моногородах темпы роста заработков были ниже, крупный бизнес не стал с такой же скоростью наращивать зарплаты занятых (то есть свои издержки),

стр. 14

Таблица 3

Регионы с наибольшим числом монопрофильных городов крупного бизнеса

	Регион	Число моногородов	Численность их населения (тыс. чел.)	Доля городском населении региона (%)
1	Свердловская область	17	1481	38
2	Ханты-Мансийский АО	13	1031	79
3	Иркутская область	8	768	38
4	Ленинградская область	7	339	31

5	Республика Татарстан	7	636	23
6	Республика Башкортостан	7	508	19
7	Мурманская область	7	232	28
8	Пермская область	6	500	24
9	Нижегородская область	5	277	10
10	Челябинская область	5	694	24
11	Республика Коми	4	271	35
12	Самарская область	4	878	34
13	Ямало-Ненецкий АО	4	289	68
14	Красноярский край	4	394	18
15	Республика Хакасия	3	159	41

как бюджет страны. Тем не менее благодаря более высоким доходам довольно быстро шла модернизация потребления жителей "богатых" моногородов нефтяников, газовиков и металлургов: это и отдых за границей, и платное обучение детей в более престижных вузах, и рост потребительского кредитования. Именно базовые города крупного бизнеса обеспечили в 2000-е гг. прорыв модернизации (в основном потребительской) за пределы региональных столиц, помогая передать этот импульс дальше на периферию. Но устойчивого развития в городах с монопрофильной экономикой быть не может, что и показал новый кризис, начавшийся в 2008 г.

Еще одна проблема большинства таких городов - относительно невысокое качество населения и преобладание занятых со среднетехническим образованием, за исключением ЗАТО-"атомградов". Развитие человеческого капитала и среды моногородов сильно зависит от политики крупного бизнеса. Далеко не все компании вкладывали средства в повышение качества населения с помощью социальных программ и содействия развитию других сфер местной экономики, чтобы рост мобильности и адаптивности населения помог пережить неизбежные для моногородов конъюнктурные колебания цен на их продукцию. В металлургических городах Урала с маломобильным населением крупный бизнес вынужден был воспроизводить старую советскую систему, фактически беря на содержание социальную сферу. При такой политике средств на программы повышения качества населения, как правило, не оставалось. В городах с менее привлекательными активами бизнес выжимал последние соки из имеющихся предприятий, а города так и оставались фабричными слободами или поселками недавних мигрантов. Развитие моногородов зависит и от политики властей регионов. Например, большие бюджетные инвестиции в социальную сферу городов сверхбогатого Ханты-Мансийского АО помогают наращивать человеческий капитал и обеспечивают лучшие перспективы (пока есть ресурсы нефти), в то время как социальная среда и качество населения многих индустриальных городов Урала и Сибири крайне неблагополучны.

В период экономического роста проблема моногородов слабо осознавалась массовым сознанием и властями и только в ходе кризиса стала одной из центральных и крайне политизированных. Неизбежность "переформатирования" функций таких городов диктуется законами развития экономики, промышленная монофункциональность уходит вместе с раннеиндустриальной эпохой. Но проблема не может

стр. 15

рассосаться сама собой, нужна специальная и затратная региональная политика. В 1990-е гг. она хотя бы декларировалась, но денег не было. В 2000-е гг. ощущение рисков развития моногородов быстро исчезло, ведь они либо процветали, либо начали выходить из кризисного состояния - в экономике было много денег, росли заказы на продукцию. Но кризис напомнил, что такие города не могут быть устойчивыми центрами развития.

К концу 2009 г. Минрегионразвития подготовило список из 25 городов, особо нуждающихся в антикризисной поддержке. Были привлечены несколько международных консалтинговых компаний для разработки планов модернизации моногородов. В бюджете выделено 10 млрд. руб. на мероприятия по поддержке. Но масштабы проблемы таковы, что быстрого решения быть не может, федеральные власти пока действуют в режиме "пожарной команды".

Ближние и дальние перспективы социально-экономического развития городов

Ближние перспективы - выход из кризиса, который сильнее всего бьет по моногородам. Сначала под удар попали города с предприятиями металлургии, целлюлозно-бумажной промышленности и производства минеральных удобрений из-за резкого снижения мирового спроса и цен на сырье и продукцию первого передела. Еще более сильным и длительным стал кризис в городах машиностроительной специализации, обернувшийся масштабной и застойной безработицей, особенно в ее скрытых формах (неполная занятость и административные отпуска)².

Для крупнейших городов ударом стал глобальный финансовый кризис, породивший проблемы банков, строительства и розничной торговли. Более сильным рискам подвержены более модернизированные территории - такого кризиса еще не было в постсоветское время. Спад сервисной экономики и строительства в городах-"миллионниках" был значительным, но опыт предыдущих кризисов показывает, что полифункциональная экономика агломераций более адаптивна, особенно если институциональная среда не душит бизнес, в том числе малый, который в этих регионах развит лучше. Для двух крупнейших агломераций страны это утверждение тем более верно, но за некоторые перекосы придется расплачиваться.

Москва получила наибольшие преимущества от экономического бума 2000-х гг., став центром прибыли естественных монополий и большинства крупных сырьевых компаний, на ее долю приходилось 26% всех собранных в стране налогов при 7% населения. Доля налога на прибыль организаций в ее бюджете достигала в 2007 г. 66%, это намного больше, чем в монофункциональных экспортных регионах. Бюджет столицы страны рос как на дрожжах (на 200 млрд. руб. ежегодно), позволяя не думать об эффективности расходов и тратить деньги на инвестпроекты с сомнительной отдачей. В 2009 г. доходы бюджета столицы сократились на 22%, что заставило власти жестко ограничивать расходы. Бурный рост экономики Московской области сопровождался очень рискованной политикой заимствований, ее долг превышает 60% доходов бюджета, и за это тоже придется платить, но скорее, федеральному бюджету. На Московскую область в 2007 - 2008 гг. приходилось 12 - 13% от всего ввода жилья в стране, поэтому негативные последствия спада в строительстве и риски для покупателей жилья оказались максимальными. Тем не менее при первых признаках выздоровления экономики агломерации федеральных городов вновь станут лидерами роста - агломерационный эффект устойчив.

Для региональных центров кризис оказался более болезненным: в них новый бизнес в секторе услуг быстро рос и поэтому был особенно уязвим. Бюджеты федеральных городов имеют "жировую прослойку", которую можно использовать, а все прочие

² Анализ кризиса в регионах представлен на сайте http://atlas.socpol.ru/overviews/social_sphere/kris.shtml.
стр. 16

крупные города сидят на голодном бюджетном пайке, будучи муниципальными образованиями с ограниченными собственными доходами (большинство налогов перечисляется в федеральный и региональные бюджеты). К группам риска в крупных городах относится и небедное население - покупатели жилья и представители малого бизнеса. Легальный малый бизнес и до кризиса находился под прессингом

неэффективных институтов и коррупционных выплат, а при ухудшении экономических условий часть из них уходит в тень или разоряется. В федеральных городах в малом бизнесе занято 26 - 28% работающих, в региональных центрах их доля, скорее всего, близка к этим цифрам (данные отсутствуют). Это более модернизированная и адаптированная часть населения, принадлежащая к нарождающемуся среднему классу.

Социальные последствия кризиса для двух типов моногородов разные. В своих базовых городах крупные компании (металлургические, нефтегазовые, химические, целлюлозно-бумажные) сохраняют ядро занятых, уменьшая издержки путем снижения заработной платы, перевода на сокращенную рабочую неделю и частично оплачиваемые отпуска. Высвобождается персонал низкой квалификации и многочисленные занятые предпенсионных возрастов, вспомогательные подразделения переводятся на аутсорсинг. Государственные меры поддержки занятости позволили перевести значительную часть высвобождаемых работников на общественные работы, оплачиваемые из бюджета. Базовые для бизнеса города переживут новый кризис, для них время "переформатирования" еще не наступило. Взрывоопасная проблема - высокая закредитованность населения жилищными и автокредитами: банки неохотно разрешают пролонгацию выплат по ним. Несмотря на проблемы занятости, меры по переселению из таких городов малоэффективны: население будет держаться за лучше оплачиваемые рабочие места, надеясь на временный характер кризиса, а молодежь и так уезжает.

В моногородах с худшими, второстепенными или непрофильными активами для крупных компаний (трудоемкие предприятия машиностроения, старые металлургические заводы и др.) проблемы острее и имеют долгосрочный характер. Случаев остановки неконкурентоспособных градообразующих предприятий в 2009 г. было немного, но идет массовое высвобождение занятых. Социальные риски не должны заслонять тот факт, что кризис ускоряет объективный и неизбежный процесс санации худших активов, начавшийся в 1990-е гг., но прерванный в годы экономического роста. Правительством заявлены меры снижения социальной напряженности - социальная помощь (пособия по безработице, жилищные субсидии и др.), переподготовка высвобождаемых работников, переселения. "Больные" города придется лечить долго, развивая функции местных центров и создавая новые рабочие места. Расходы на санацию в основном ложатся на федеральный бюджет, у регионов нет необходимых финансовых ресурсов на эти цели.

Кризис не вечен, и нужно думать о задачах развития на более длительную перспективу. Понятно, что моногорода надолго останутся головной болью российских властей, но в большинстве из них население стареет и сокращается, поэтому процесс изменения функций идет эволюционным путем, а снижению социальных рисков должна способствовать согласованная политика властей и бизнеса, которая включает санацию занятости, компенсации высвобождаемым занятым, поддержание социальной инфраструктуры, рост социальной и территориальной мобильности и т.д. Рецепты известны и отработаны в других странах, ими нужно пользоваться.

Основной долгосрочной задачей остается социальная модернизация (повышение качества населения, улучшение социальной среды городов). Она транслируется в пространстве двумя путями - по иерархической системе городов (от крупнейших к менее крупным) и из центров агломераций на их периферию, в пригороды. Каждый путь нуждается в своих "подпорках".

Перед началом кризиса модернизация образа жизни населения дошла до крупных региональных центров, и этот "фронт" требует особого внимания. Во-первых, крупным городам нужна поддержка, чтобы в стране сложился устойчивый каркас центров модернизации и, наконец, ушла в прошлое система координат "Москва-остальная

стр. 17

Россия". Смогут ли концентрировать качественные человеческие ресурсы из других регионов крупные макроцентры, такие как Екатеринбург, Новосибирск, Ростов-на-Дону,

Нижний Новгород, а также другие города-"миллионники" Поволжья, Урала и Сибири? В сложившихся институциональных условиях прогноз, скорее, негативный, поскольку большинство этих городов не имеют необходимых преимуществ в виде более высокого уровня жизни и качества населения, которые бы обеспечивали необходимую "разность потенциалов" и привлекали внешних мигрантов (мигранты из своего региона едут и так).

Во-вторых, у крупных городов, и не только "миллионников", но и других региональных центров, должно быть больше финансовых ресурсов для развития, а это означает изменение межбюджетных отношений в регионах, иные пропорции распределения налогов между уровнями бюджетной системы. В-третьих, необходимо стимулировать привлечение инвестиций, что позволит создать новые рабочие места и улучшить социальную среду таких городов. Без радикального повышения уровня и качества жизни в крупных городах человеческие ресурсы всей страны будут и дальше концентрироваться в Московской столичной агломерации и, в меньших масштабах, в Санкт-Петербурге. Но вместо поддержки крупных региональных центров и снижения институциональных барьеров для инвестиций федеральные и региональные власти заняты борьбой с мэрами и местным самоуправлением.

Федеральные власти давно лелеют мечты об укрупнении региональной структуры, регулярно возникают планы объединения нескольких регионов "под крылом" большого и более развитого, с сильным центром. Эти планы рождаются под лозунгом создания "самодостаточных регионов". Лозунг в рамках единой страны бессмысленный: крошечный американский штат Мэн благополучно здравствует, совершенно не претендуя на самодостаточность. К развитию и модернизации крупных городов эти проекты также имеют отношение. Казалось бы, административное объединение облегчает стягивание населения в крупный центр, который становится более конкурентоспособным. Но при этом деградируют бывшие региональные центры, потерявшие этот статус после объединения. Из них вымываются все ресурсы - человеческие и финансовые; так работает центр-периферийный механизм пространственного развития. А ведь импульс модернизации должен перемещаться из крупнейших центров "вниз", по иерархической системе городов... И чем меньше будет региональных центров, тем медленнее модернизация будет распространяться в пространстве.

Второй путь, то есть "ближняя" диффузия инноваций из крупного центра в пригороды, облегчается при формировании агломераций. Российские власти пытаются использовать административные меры, надеясь с их помощью создать агломерации на базе крупных городов и расположенных неподалеку городов меньшего размера. Мировой опыт показывает, что таким способом агломерации не рождаются, и вообще "объединительные идеи" малопродуктивны. В развитых странах территорию объединяют маятниковые трудовые миграции, развитая инфраструктура и тесные экономические взаимосвязи.

Давно доказано, что агломерации формируются естественным путем. Ее "мотор" - возможность снижения издержек бизнеса и обеспечение лучших условий для удовлетворения спроса потребителей. Государство может помочь формированию агломераций, вкладывая ресурсы в инфраструктурные проекты, стимулируя интеграцию экономики и рынков труда близлежащих городов. Для этого не нужно объединять муниципалитеты в некую административную "агломерацию", требуется снизить барьеры, мешающие экономической интеграции. К сожалению, в России само государство создает такие барьеры, жестко предписывая муниципалитетам ограниченный круг полномочий и тем самым ограничивая свободу развития. В результате и институциональные, и демографические барьеры развития агломераций усиливаются.

Вместо снижения институциональных барьеров модный "проектный подход" предлагает порой абсурдные решения. На грани фантастики балансирует проект агломерации Владивостока с Находкой и Уссурийском, до которых "всего лишь" 100-

150 км по безлюдным автодорогам депопулирующего Приморского края. Еще более яркий пример - проект "агломерации" Вологда-Череповец. Можно потратить много денег на то, чтобы построить шикарный автобан между трехсоттысячной Вологдой и трехсоттысячным Череповцом, разделенными сотней километров, но агломерации все равно не получится. Это не региональная политика, а закапывание бюджетных денег. Именно такие проекты дискредитируют жизнеспособные механизмы инфраструктурной поддержки. Не бывает искусственных агломераций, их невозможно создать волевым усилием, не имея базовых предпосылок.

Несмотря на отсутствие адекватной политики властей, естественные тенденции пространственного развития будут и дальше стягивать население в крупные города и их пригороды. При создании благоприятных институциональных условий для бизнеса он сам экономически свяжет пространство: ведь агломерационный эффект снижает экономические издержки. Что нужно для ускорения процессов формирования агломераций, которые могут стать наиболее важными зонами социальной модернизации и концентрации высокого человеческого капитала в России? Прежде всего это:

- снижение административных и институциональных барьеров, как в сложившихся агломерациях (например, между Москвой и Московской областью), так и в формирующихся (например, Самара-Тольятти);

- стимулирование горизонтальных связей для принятия согласованных решений по развитию территории; механизмы согласований продуктивно работают в Большом Париже или Лондоне, но почему-то нереализуемы в российских агломерациях;

- масштабные инвестиции государства в транспортную и городскую инфраструктуру, без этого пространство не "сшивается";

- инвестиции в качественное образование для модернизации городского социума и социальной среды;

- регулирование процесса развития агломераций методами городского планирования, выделение зон с разным статусом (жилые, производственные, рекреационные) и резервных территорий для развития;

- формирование имиджевой политики, которая в развитых странах усиливает конкурентные преимущества агломераций.

Все вышеописанные подходы и меры давно известны и успешно применяются в разных странах. Неужели мы снова будем искать свой особый российский путь?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зубаревич Н. В. Города как центры развития современной России // Городской альманах. Вып. 2. М., 2006.

Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обзорный доклад. М., 2000. Т. 1.

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Сильные и слабые города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998.

Fujita M., Krugman P., Venables F.J. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. Cambridge (Mass.), 2000.

стр. 19

Глобализация, все в большей степени охватывающая все сферы современного общества, предполагает интенсификацию всех видов связи и отношений, усиление интернационализации и взаимозависимости, что в конечном итоге приводит к двум взаимоисключающим тенденциям: усилению отдельных полюсов власти, силы и капитала в общемировой системе и вращению значимости и роли каждого отдельного элемента системы, будь то национальное государство, отдельный регион или город. Современные мировые тенденции требуют более пристального внимания к городам, где эти тенденции наиболее ярко проявляются и отчасти зарождаются, приобретая глобальные формы.

Город – это целостный организм, открытая, сложная и специфическая система, подвергаемая изнутри воздействию не менее сложных элементов, осуществляющих свои действия в его рамках и подчас расшатывающих эту целостность (например, действия администрации предприятий, вмешательство вышестоящих структур в дела города). Все это сказывается на механизме управления городом и требует изыскания новых форм взаимодействия всех элементов системы.

Город является одной из форм организации пространства, одним из факторов формирования и определения границ региона. Как форма организации пространства, которая в настоящее время трансформируется, город приобретает новые черты и свойства. Город представляет собой широкую урбанизированную зону, сложную систему с многоуровневыми связями и отношениями, возникающими между ее различными элементами, которые сами по себе являются общественными организмами, имеющими свои закономерности существования и тенденции развития.

Социальное развитие в городах - часть социального развития в системе общественного целого, оно детерминировано обществом. В то же время социальные процессы в городе имеют свою специфику, закономерности, вызванные теми процессами, которые являются частью, подсистемой социума.

Говоря о городе как о социологической категории, нельзя не упомянуть о имевшем место противопоставлении различных форм поселения (особенно крупных и малых форм поселения). Основное внимание, средства и силы были направлены на развитие крупных городов. В последнее время среди ученых-урбанистов наметился отход от такого отношения к малым формам расселения. Каждое из поселений имеет право на жизнь и развитие на объективной основе общественного территориального разделения труда для выполнения своей специфической социальной роли.

Независимо от форм расселения город должен выполнять свою главную функцию - создание благоприятных условий для развития сущностных сил человека, без решения этой задачи не только человек обречен на жалкое существование, но и сам город.

Существует целый ряд методологических подходов к определению сущности города как социальной системы. Например, видение города как организации, предприятия. Данный подход имеет методологическое обоснование в трудах немецких ученых по региональной экономике конца XIX века: Иоганна Тюнена, Альфреда Вебера, Александра Кристаллера – теории регионального штондорфа, обосновавших возможность получения экономического преимущества в случае учета пространственного фактора размещения - аллокации, что имеет место и широкое распространение и в настоящее время во многих европейских государствах. Территория признается конкурентоспособной не только вследствие близости источников сырья, рынков сбыта и производства, но и качества рабочей силы, комфортной и безопасной среды окружения, способности населения и,

⁵ Костко Н.А. Социальное управление городом: методологические основы исследования и тенденции развития // Вестник РУДН. 2005. № 6-7. С. 237-245.

прежде всего, власти к инновациям, использования в системе управления законов менеджмента.

Городское сообщество в целом стало рассматриваться как корпорация, управляемая квалифицированным менеджментом в лице городских властей. В основе данного подхода лежит методологическая посылка о тождестве организации и системы. В качестве механизма объединения интересов жителей муниципальных образований предлагается корпоративизм, когда «каждый житель, являясь членом муниципального образования, удовлетворяет свои потребности и интересы в индивидуальном развитии путем реализации интегральных корпоративных интересов через взаимовыгодную совместную деятельность»[8,с.22].

Интересен сам подход к территориальному пространству города, во-первых, как к целостной системе, особому элементу в конкурентной борьбе за лучшие условия жизнедеятельности в рамках как национального государства, так и мирового сообщества в целом. Во-вторых, определяется место городов в общей системе мироустройства. Речь идет о новом этапе, который уже получил свое идентификационное определение в понятии «глобализация», когда конкуренция перерастает границы конкретных предприятий и корпораций и захватывает в свою орбиту новых участников, но уже в лице целых народов, стран и континентов.

Город становится той первичной ячейкой, где закладываются основы успешности всей нации, через его экономику, социальную среду и население, активно участвующее в данном процессе. И кто имеет набор наилучших показателей, тот и побеждает.

Экономический подход к обоснованию понятия города как системы во многом был сориентирован концепциями «полюсов роста» и «центров роста» (Ф. Перру, Дж. Фридман, Ж.-Р. Будвиль), где локализационная составляющая рассматривается в качестве фактора развития и экономического роста.

Институционалисты обратили внимание на необходимость учета не только экономических факторов, но и социальных, которые, как правило, носят качественный характер и напрямую связаны с социокультурной сферой общества. Они же в структуру социальной системы, необходимой для успешного экономического развития, включили целый ряд показателей социального характера, такие как: стабильное общество, легитимность институциональных основ общества, доверие между субъектами рыночной экономики, человеческий капитал. Социокультурные и экономические показатели скорее рассматриваются как равные составляющие взаимосвязи и взаимодействия по достижению целей развития социальной системы, которой является город.

Город как сообщество, как социум предполагает наличие объединительных характеристик, прежде всего идентификационных. М. Кастельс указывал, что поиск идентичности можно соотнести с формированием, осознанием национальной идеи как объединяющего символа страны. «Идентичность – процесс, через который социальный актор узнает себя и контролирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесенность с другими социальными структурами»[6,с.43]. Идентификация как объединительная характеристика является продуктом жизнедеятельности города и населения на протяжении всего его пути развития.

Если исходить из теории И. Гоффмана, социальная идентичность – это естественная роль индивида, которая есть результат освоения ситуации, в которой находится индивид. Он может менять роль, и здесь достаточно много вариаций. П. Бергер и Т. Лукман рассматривают социальную идентичность скорее как роль, навязываемую ситуацией, именно она манипулирует индивидом, который в результате может потерять свою идентичность. В первом случае, индивид осваивает ситуацию – «определяет ситуацию» (термин У. Томаса). Во втором, - ситуация управляет индивидом.

Согласно интерпретациям как И. Гоффмана, так и Бергера и Лукмана можно управлять социальной идентичностью, в первом случае – косвенно, во-втором – планово.

Другой вопрос, как возникает эта ситуация, кто тот, или что создаёт эти ситуации? По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «реальность ситуации тождественна повседневной реальности, она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность»[7,с.100].

Идентификационная среда обитания - это всё городское пространство, какая-то его часть или части, характеризующиеся, прежде всего, элементами своей социокультурной и исторической неповторимости, своеобразием застройки, планировки, облика, традиций, устоев, образа жизни горожан.

Одним из вариантов достижения данного условия является нацеленность городского управления на полицентричность развития города, когда каждый район составлял бы идентификационную среду обитания, был оптимальным, функциональным, комфортным, удобным и безопасным для проживания горожан.

В структуре городского сообщества присутствует целый набор элементов в виде локальных сообществ, отношения и связи внутри которых могут быть охарактеризованы как более тесные, что обусловлено общностью интересов, статусов, положения в обществе и другими социальными проявлениями, то есть первичными признаками локального сообщества. Локальное сообщество существует в рамках городского сообщества и имеет с ним общие границы, что отличает его от, скажем, сообщества организации, где границы более жесткие и определенные.

И на локальном уровне возможно решение проблем социального развития, направленного на достижение удовлетворения потребностей человека.

Для более детального анализа проблемы можно использовать методологию М. Вебера. Веберовская трактовка идеального типа предполагает, что это «теоретическая конструкция, представляющая определенный аспект социальной реальности в индивидуальном своеобразии, логической непротиворечивости и рациональной правильности»[5,с.355]. При этом мы можем рассматривать идеальный тип как определенную норму, которую можно использовать в исследовательской работе в качестве ориентира, определенной аналитической модели для обоснования как самой социальной реальности, так и нормы, образца с которым можно сверять возможные отклонения, считывать их, изучать в динамике, что позволит найти факторы, оказывающие влияние на отклонения, и даст возможность управлять этим процессом.

Можно сказать, что мы, тем самым, с помощью логического моделирования апробируем на идеальной модели все те процессы, которые могли бы быть, но которых в реальной жизни необходимо избежать. Другими словами, это позволяет осуществить социальный эксперимент при минимальных социальных последствиях и издержках, который, в свою очередь, может быть и многовариантным, а также корректируемым реальной практикой.

Принципиально важным является положение М. Вебера о том, что в ходе построения идеального типа исследователь идет по пути выделения ценностей, которые определяют изучаемое социальное явление, и уже на данном этапе осуществляет оценивание и обособление отдельных элементов из объективной реальности. Таким образом, происходит процесс их акцентации как в ходе исследования, так и в реальной жизни.

В связи с этим, не менее важным является вопрос о критериях, отборе тех или иных объектов или явлений реальности, из которых в последствии будет сконструирована идеальная модель. В качестве таковой выступает в данном случае город как социальная система, в рамках которой посредством социального управления активизируются её основные элементы.

В качестве методологической базы для анализа социального развития можно использовать концепцию устойчивого развития. Тем более, что к выводу о возможности ее использования в качестве управленческого инструментария подводит весь ход мирового современного развития, тенденции и процессы, которые связывают с понятиями глобализации, новой информационно-технологической революции, её информационно-

коммуникативными технологиями. Помимо этого, изменены способы производства и скорость происходящих изменений. Подобные глобальные трансформации привели к новому состоянию экономики, она приобретает дисперсный характер.

Изменение способа производства – рассредоточение производства, уход от вертикальной структуры производства и управления, создание сложных сетевых структур создает предпосылки для устойчивого развития в рамках региона, поскольку сегодня любая территория может стать центром развития и инноваций.

Именно город обладает рядом конкурентных преимуществ, позволяющих ему стать такой территорией, это:

- доступность (территориальный фактор, сосредоточение транспортных путей);
- наличие инфраструктуры, в том числе, информационно-коммуникативной;
- благоприятный экономический, политический, законодательный климат;
- наличие высоко профессиональных кадров.

Особое значение в данном процессе приобретает социальное управление.

Здесь необходимо уточнить соотношение и сущность некоторых терминов. Первое – местное самоуправление рассматривается в качестве организационно-правовой основы жизнедеятельности городского сообщества. Второе – муниципальное управление рассматривается в качестве специфической формы определенного уровня управления – городского, местного управления. Муниципальное управление осуществляется в границах муниципального образования, которое в данном исследовании ограничено рамками города. Третье – муниципальное управление рассматривается не только как управление муниципальной собственностью и хозяйством, но и как управление жизнеобеспечением и жизнедеятельностью всего городского сообщества, в связи с чем можно считать понятия «муниципальное управление» и «городское управление» в нашем контексте тождественными. Они могут рассматриваться в расширительном толковании как условие и инструмент воспроизводства населения на определенной территории.

Считаю не правомочным отождествлять муниципальное управление только с муниципальной службой и сводить содержание муниципальной деятельности к «координации усилий *активной части граждан*, (*курсив мой – Н.К.*), составляющих местное сообщество, и субъектов, хозяйствующих на рассматриваемой территории, с использованием имеющихся ресурсов»[8,с.23].

Индивид, местное сообщество закрепляют посредством норм права свою волю, возможность и необходимость на самоуправление, что является результатом естественно-исторического развития человеческого сообщества. Местное самоуправление есть одна из форм стремления человека к демократии и свободе.

Существует несколько форм участия населения в управлении городом: пассивные и активные.

К пассивным формам участия населения в управлении можно отнести: контактную работу депутатского корпуса и различных служб администрации города с населением, посредством работы с обращениями граждан, публикации документов и материалов по проблемам развития городского управления, выступления первых лиц городской власти в средствах массовой информации, общение в режиме on-line, информационные страницы городских властей в Интернете.

К активным формам участия населения в управлении городом можно отнести: создание различных общественных союзов и объединений населения для решения проблем, собрания, референдумы, работа ТОСов, обращения и запросы граждан и др., где также требуется поддержка активности населения со стороны властных структур, в том числе, через расширение доступа к информации и возможности выражения мнения горожанами.

Кроме того, отвечая на вопрос, почему в настоящее время такой большой интерес вызывает местное самоуправление и все, что с ним связано, приходишь к пониманию, что

это обусловлено во многом теми функциями, которые выполняются органами местного самоуправления на определенной территории.

Эти функции определены законодательно в Конституции РФ, на федеральном и региональном уровнях. Однако они гораздо шире и объёмней, так как непосредственно и прямо затрагивают жизнедеятельность каждого человека на конкретной территории. Главная и определяющая функция – это создание условий для формирования социальной общности людей в рамках социально ориентированного государства, что, в свою очередь, является целью развития российского общества и нормой конституционного права.

Местное самоуправление представляет собой горизонтальный срез управления в государстве, обеспечивающий единство всего общества. Кроме того, местное самоуправление является реальным механизмом активизации общественной инициативы снизу для достижения поставленных целей не только местного сообщества, но и государства в целом.

Повышение эффективности городского управления необходимо рассматривать в качестве условия не только достойного удовлетворения потребностей жизнеобеспечения людей, но и как фактор конкурентоспособности и развития всего городского сообщества.

Городское сообщество прежде всего рассматривается как партнерское сообщество равных ассоциированных членов, каждый из которых от данного взаимодействия получает не просто какие-либо виды преференций, а долгосрочные условия для решения и достижения каждым из участников взаимодействия своих проблем и интересов в режиме бесконфликтности и непротиворечивости. Например, частный бизнес благодаря взаимодействию с властью минимизирует свои риски, муниципальный сектор экономики оптимизирует свою деятельность как равный партнер рыночных отношений, тем самым выполняя функцию управляющего собственностью от имени населения, что в свою очередь оказывает влияние на местные власти.

Население получает основные дивиденды в виде новых рабочих мест, повышения уровня и качества жизни и т.д. Однако требуется разработка целого механизма по налаживанию системы отношений, взаимной увязки и согласования интересов.

Элементы и отношения взаимодействия, формирующие основания для городского сообщества как определяющего фактора всей системы муниципального управления, представлены на рис. 1.

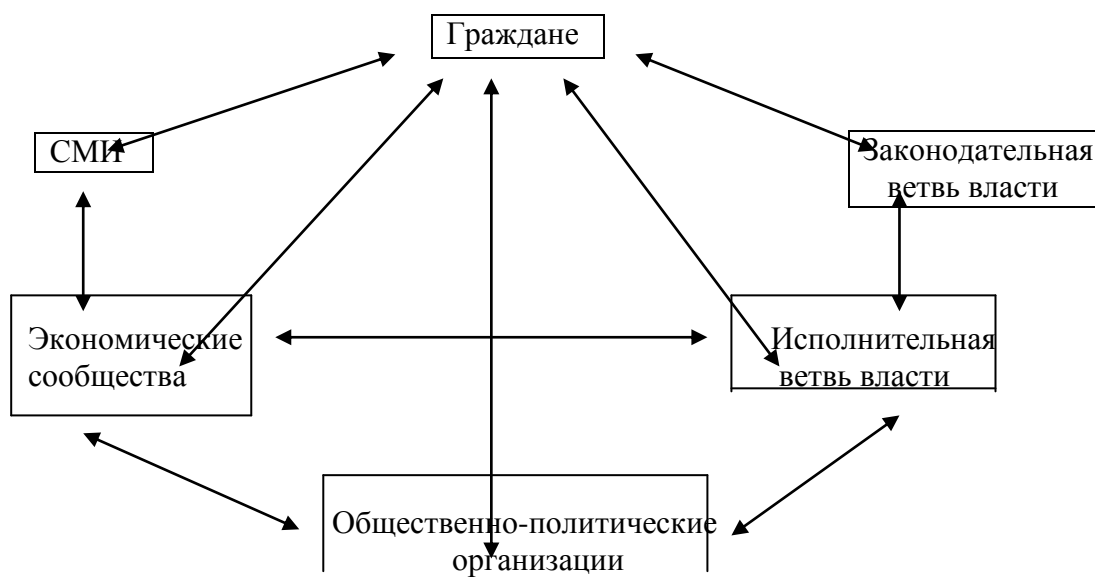

Рис. 1. Элементы и отношения городского сообщества

В Европе в последнее время получил распространение термин «частно-общественное партнерство» в рамках городского сообщества[9,с.54-57]. Частно-общественное партнерство нужно рассматривать скорее как форму отношений заинтересованных сторон. Например, в Германии – это форма экономических отношений, организационное соединение интересов бизнеса, власти и населения, своего рода новый вид предприятия, действующий в условиях усложняющейся конкуренции. Данному предприятию отводится ряд специфических функций: работа на городское сообщество; обязательное при этом достижение экономических целей, что является определяющим в создании частно-общественного партнерства.

В данном опыте интересна идея взаимодействия и определяющей роли взаимной зависимости сторон (власти, бизнеса и населения) в процессе достижения конкретной цели, существенным дополнением которой должен стать приоритет социальных целей, а экономическая эффективность рассматривалась бы в качестве одного из инструментов их достижения.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в настоящее время нет ни правовых, ни моральных, ни иных сдерживающих механизмов (даже в Германии) превращения структур частно-общественного партнерства в обыкновенных хозяйствующих субъектов, в предприятия с частными интересами и с целеполаганием на достижение только прибыли любыми средствами, что подтверждает мысль о невозможности рассматривать данные объединения как предприятия нового поколения, которые органично должны встроиться в социально ориентированную модель государства.

В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления», ст.32, п.2 присутствует норма, согласно которой органы местного самоуправления в праве координировать участие предприятий, учреждений и организаций в комплексном социально-экономическом развитии территории. Вопрос в том, каков механизм координации. Механизмы реализации взаимодействия между активными элементами социальной системы, коей является город видится в:

- формировании целей, направлений, приоритетов и способов перспективного развития региона;
- разработке концептуальных основ взаимодействия власти, бизнеса, науки и образования;
- законодательном оформлении концептуальных основ взаимодействия;
- разработке социальных заказов для каждого участника взаимодействия;
- использовании социальных технологий управления.

Кроме того, необходимо разрабатывать интеграционную модель развития города, которая предусматривает комплексный подход в достижении поставленных целей и задач социально-экономического развития. Данный подход должен включать:

- анализ демографической ситуации в городе, прогноз его состояния на перспективу с возможными выводами об изменении структуры населения, особенно относительно его пространственного расселения;
- определение функциональной направленности городских зон, т.е. отнесение отдельных районов к промышленной, селитебной, рекреационной, социокультурной зонам;
- определение значения и роли центра города, переходных зон, окраин и новостроек различных районов города, пригорода, определение тенденций развития города;
- обеспечение города дифференцированными (т.е. для различных социальных слоёв, половозрастных групп, с учетом разнообразия интересов и потребностей) и многообразными объектами социальной инфраструктуры, жильём, зелеными зонами;
- экономический блок городского хозяйства должен включать в себя отрасли экономики инновационного характера, которые могут работать на перспективу и удовлетворять как экономическим целям, так и социальным;

- изучение возможности имеющегося рынка труда удовлетворять потребностям перспективного развития города;
- включение в программу раздела комфортности проживания в данном городе, одним из вариантов является нацеленность городского управления на полицентричность развития города, когда каждый район города составлял бы идентификационную среду обитания, был оптимальным, функциональным, комфортным и безопасным для проживания горожан;
- изучение внутрирегиональных связей и интеграции между различными районами, городами;
- определение основных способов достижения поставленных целей, управленческих механизмов, ориентирующихся на кооперацию четырех составляющих современного управления: это собственно власть, бизнес, наука и образование, гражданское общество с опорой на имеющиеся ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельская Н.* Меланхолический Ницше // Эксперт. – 2002.– №17.
2. *Берк Э.* Правление, политика и общество. / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л. Поляковой. – М.: «КАНОН – пресс- Ц», «Кучково поле», 2001.
3. *Воронин А.Г., Лапин В.А., Широков А.Н.* Основы управления муниципальным хозяйством. Учебное пособие. – М.: Дело, 1998.
4. *Иванова Л.В.* Муниципальное управление в Красноярске: проблемы становления // Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень. Изд-во РАГС. 1998.
5. История теоретической социологии. В 4-х т. / Ответ. Ред. И составитель Ю.Н. Давыдов. – М.: Изд-во «Канон +» ИО «Реабилитация», 2002. – Т.2.
6. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. *Курбатов В.И.* Современная западная социология: Аналитический обзор концепций: Учебное пособие. Серия «Учебники и учебные пособия». – Ростов на Дону: «Феникс», 2001.
8. *Шумянцева Н.В.* Муниципальное управление: Учеб. Пособие – М.: Экзамен, 2002.
9. *Шуссманн К.* Примеры эффективного частно–общественного партнерства в реализации городской экономической стратегии // ЕВРОГРАД. Информационное издание. Активизация социально-экономического развития городов и регионов.– №13. – 2000.

РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРА, ИДЕНТИФИКАЦИЯ И САМОЧУВСТВИЕ ГОРОЖАН

Добрецова Н.Н. Рурализация и поглощение городской субкультуры⁶

Н. Н. Добрецова, Урбан Институт, Проект ЮСАИД "Развитие местного управления в Центральной Азии - II", Бишкек, Кыргызская Республика

Тысячелетиями города, подобно невероятной силы магнитам, качественно и количественно аккумулировали вокруг себя человечество. Не подлежит сомнению очевидный положительный результат урбанизации - именно с развитием городов связаны культурное и промышленное развитие стран, углубление процессов этнической консолидации и другие положительные тенденции. Но наряду с этим урбанизация чревата множеством негативных последствий, имеющих, прежде всего, экологический и социокультурный характер. Неконтролируемая, ложная урбанизация, сопровождающаяся рурализацией городов и миграцией из села в город, способна нанести тяжкий вред государствам в стадии становления, особенно небольшим и небогатым.

Масштабы этих процессов сегодня таковы, что многие столицы бывших советских республик рискуют превратиться в "трущобные" мегаполисы, аналогичные африканским Лагосу и Браззавилю.

XX век на территории бывшего СССР прошел под знаком урбанизации и индустриализации, с одной стороны, и социально-политических катаклизмов - с другой. Немалое значение имели также и различия в исходных уровнях социально-экономического развития и стадиях демографической эволюции в различных частях Российской империи и бывшего СССР.

стр. 116

В последние столетия темпы урбанизации выросли настолько, что впору стало говорить о доминанте урбанизации над всеми остальными процессами развития нашей цивилизации, так как именно урбанизация определяет сегодня облик человеческого вида в глобальном смысле.

В ближайшие 30 лет практически весь прирост населения мира будет сконцентрирован в городских поселениях. Городское население по-прежнему растет быстрее, чем население мира в целом. Совокупное число горожан мира в 2003 г. достигло 3 млрд. человек, а к 2030 г. возрастет до 5 млрд. Сельское население за тот же период, напротив, слегка уменьшится - с 3,3 до 3,2 млрд. человек¹.

Уровень урбанизации населения мира увеличивался на протяжении всего XX века. Начиная с 1950 г., когда ООН впервые представила данные о городском населении по странам мира, его доля возросла с 30% до 47% в 2000 г. В 2003 г. на городских территориях проживало 48% населения мира, а к 2007 г. будет преодолена отметка в 50% и впервые в истории человечества число горожан превысит число сельских жителей. Ожидается, что к 2030 г. доля городского населения поднимется до 61%.

Главный миграционный тренд XX века - переселение из сел в города. В границах бывшего СССР село отдало городу за этот период около 100 млн. человек, что, по крайней мере, на четверть превысило естественный прирост сельского населения. Наиболее интенсивный отток из села наблюдался в период коллективизации (1,6 млн. человек в год за 1927 - 1938 гг.) и после Второй мировой войны, когда село возместило военные потери городов².

⁶ Добрецова Н.Н. Рурализация и поглощение городской субкультуры // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2006. №9. С. 116-129.

В городах в конце 80-х годов проживало 74% населения России, так что страна по статистике относилась к урбанизированным. Однако на самом деле значительная (если не

¹ World Urbanization Prospects: The 2003 Revision. - United Nations, New York, 2004; World Population Prospects: The 2002 Revision. - United Nations, New York, 2003.

² Зайончковская Ж. А. Экономическая и социальная модернизация и внутренняя миграция в России и в СССР. Материалы научной конференции в ознаменовании десятилетия Центра демографии и экологии человека ИНИ РАН. - М.: 1998, 21 - 22 декабря.

стр. 117

большая) часть городского населения, особенно в районах более поздней урбанизации, имела сельские корни. Как отмечает А. Г. Вишневский, в 40 - 50-е годы "советские города были захвачены вчерашними крестьянами", этот поток принес с собой сельское сознание, поэтому "страна урбанизовалась, но сами города рурализировались".

Подавляющее большинство горожан - это выходцы из села в первом или во втором поколении. Доля горожан в третьем поколении, по примерным оценкам, меньше 20%. А потомков дореволюционных горожан еще меньше, например, в Москве - около 3%. Эти горожане были буквально растворены огромным притоком сельских мигрантов. К тому же значительная часть городов создавалась на новом месте, и в них не было основ городской культуры и образа жизни³.

Наступление нового столетия мало изменило ситуацию, по крайней мере, в странах бывшего СССР. Со всей очевидностью для этих стран наблюдается опасность гиперурбанизации, причем ложной, рурализированной гиперурбанизации. В Европе и Северной Америке эта опасность минимизируется естественными и объективными факторами: с одной стороны снижаются темпы роста населения как такового, с другой - налицо экономический рост. Но гиперурбанизация в развивающихся странах Азии, Африки, а теперь и в странах СНГ опасна вдвойне, так как происходит вширь (а не вглубь, как в развитых странах). Чаще всего там преобладает ложная урбанизация, когда на фоне стремительного роста городского населения почти или вовсе отсутствует экономический рост. Такие мегаполисы не стали и вряд ли в обозримом будущем станут двигателями экономического роста и структурных преобразований в экономике. Напротив, во многих случаях они начали выступать в роли главных центров социально-экономического кризиса, став средоточием острых социальных противоречий и контрастов, таких как безработица, жилищный кризис, преступность и т. п.

³ Алексеев А. И., Зубаревич Н. В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е гг. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М.: 1999. С. 83 - 94.

стр. 118

Положение усугубляется тем, что города, особенно большие, продолжают привлекать беднейших сельских жителей, которые пополняют прослойку маргинального населения. Происходит активная рурализация городов, следствием которой становятся размывание городской культуры, снижение общего интеллектуального и культурного уровня населения. Особенно ярко это проявляется в наиболее экономически слабых странах Африки: в столице Гвинеи концентрируется 81% всего городского населения страны, Конго - 67, Анголы - 61, Чада - 55, Буркина-Фасо - 52, в столицах еще нескольких стран - от 40 до 50%.

В азиатских республиках бывшего Советского Союза эти процессы усугубляются за счет маятниковой миграции, а также эмиграции наиболее образованной и обеспеченной части городского населения за рубеж, особенно в Российскую Федерацию.

В азиатских странах Содружества (за исключением Казахстана) самые крупные города - это столицы государств. В некоторых столицах сосредоточено до половины и более городских жителей (в Армении - примерно 53%, в Молдавии, Киргизии, Азербайджане - около 44%), в Таджикистане - более трети, в Белоруссии - около четверти. В столицах России и Украины проживает почти 10% всех горожан этих республик. В Казахстане 14% горожан живет в Алматы и 6% - в Астане. По сравнению с переписью 1989 г., концентрация городского населения в столицах усилилась почти во всех государствах (за исключением Армении и Таджикистана)⁴.

Украина

В середине XIX в. численность населения только одного украинского города превышала сто тысяч человек. Перед Второй мировой войной в больших городах проживало уже 6 млн. человек. За 1960 - 1980-е гг. число украинских горожан увеличилось более чем вдвое - с 17 до 36,5 млн. человек. Также

⁴ Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня "Население и общество" Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. <http://www.demoscope.ru/center/center.htm>
стр. 119

более чем в два раза - с 8 до 17 млн. - выросло и число жителей городов с населением свыше 100 тыс. человек.

Согласно результатам Всеукраинской переписи населения 2001 г., численность городского населения Украины составляет 32,574 млн. человек, или 67,2%, сельского - 15,883 млн. человек, или 32,8%. Из 454 городов 37 - города с населением от 100 до 500 тыс. человек, в девяти городах насчитывалось свыше полумиллиона жителей, в пяти из них - превышало миллион.

Рурализация Украины активизировалась в начале 1990-х в результате социально-экономического кризиса. В 1960 - 1980-х гг. сальдо миграции сельского населения Украины составляло минус 150 - 250 тыс., а сальдо городского населения - плюс 150 - 350 тыс. человек в год. С началом экономического кризиса поток мигрантов из сел стал меньше, вместо этого возрос обратный миграционный процесс: в условиях увеличения уровня безработицы и невозможности найти достаточно оплачиваемую работу увеличилось значение подсобных хозяйств как надежного средства получения прибыли. В течение 1992 - 1993 гг. из городов в села мигрировало на 120 тыс. человек больше, чем в противоположную сторону. Во второй половине 1990-х годов потоки мигрантов из города в село и из села в город уравнились.

Грузия

По данным на 2001 г., население Грузии составляло 4989285 человек, плотность населения - 71,6 человека на 1 км²; доля горожан - 58%. Население столицы по сравнению, скажем, с показателями 30-х годов прошлого столетия, когда в Тбилиси насчитывалось всего около полумиллиона человек, возросло. В Грузии, как и во многих развивающихся странах, наблюдается процесс ложной урбанизации, который подразумевает рост численности городского населения, но не сопровождается обеспечением числа рабочих мест. Прибывшее в город сельское население пополняет армию безработных, а недостаток жилья вызывает появление неблагоустроенных городских окраин с антисанитарными условиями жизни. Часто проблемы

стр. 120

с жильем решаются самовольным захватом помещений фабрик, школ, детских садов. Такая ситуация, к сожалению, типична для многих столиц стран СНГ.

Казахстан

В 90-е годы произошел резкий перелом в урбанизационных процессах Казахстана. В советское время специфика урбанизации здесь заключалась в зависимости развития городов от индустрии, причем в городах преимущественно оседало восточноевропейское население (русские и, в меньшей степени - украинцы). Коренное население, занятое в основном в сельскохозяйственной и перерабатывающей сферах, проживало в селах. Распад Советского Союза привел к фундаментальным системным изменениям, одним из последствий которого стал массовый выезд русскоязычного населения (прежде всего горожан) из республики. В то же время аграрные реформы капиталистического типа привели к заметной внутренней миграции казахов из села в город. В сравнении с советским периодом произошло некоторое увеличение их миграционной подвижности. По данным первой советской переписи 1926 г., в городах проживало лишь 2% казахов. Перепись 1939 г. фиксирует увеличение численности до 16% (удельный вес казахов-горожан вырос за 12 лет в 8 раз). В основе столь значительного повышения доли казахского городского населения лежит комплекс причин, важнейшей среди которых явилась политика коллективизации и перевода казахов на оседлый образ жизни. В 1959 г. в городах проживало 24,3% казахов, в 1979 г. - 30,9%, в 1989 г. эта доля достигла 38%⁵. Эти данные показывают, что еще в конце 80-х казахи оставались "аграрным этносом", но в 90-е ярче проявилась тенденция его урбанизации.

К чему это привело? Если в конце 1980-х годов удельный вес русских в городском населении был 50,8%, а казахов - 27,1%, то к концу 90-х соответствующие доли составили 41,1% и 43,1%. Большинство городского населения составляют теперь казахи⁶. В этом отношении характерен пример

⁵ Казахстанская правда. 2002. 27 ноября.

⁶ Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи 1999 года в Республике Казахстан. Алматы, 2000. С. 6 - 14 стр. 121

Алматы: с 1989 г. по 1999 г. численность ее населения выросла вроде бы незначительно - с 1071927 до 1129356 человек, но за тот же период количество представителей европейских национальностей сократилось почти на 133 тыс. человек. Рост был достигнут за счет сельских мигрантов⁷.

На самом деле численность сельских мигрантов в городах намного выше, так как многие проживают там, не регистрируясь. По неофициальным оценкам, число сельских жителей, переселившихся в города в 1989 - 1998 гг., составило 2 млн. человек, или почти 25% современного городского населения республики⁸.

Получается, что более четверти современного городского населения - "новые горожане" - вчерашние сельские жители. Многие из этих людей, в отличие от их предшественников 1970 - 1980-х гг., сознательно стремившихся к смене сельского образа жизни на городской, едут в город от безысходности. Им чужды городская жизнь, отвечающие ей нормы поведения, подстраиваться под них готовы далеко не все. Да и город предоставляет им минимум возможностей для адаптации - не находят они в нем ни постоянной работы, ни своего жилья, ни доступа к образованию. "Существует закономерность, выражающаяся в том, что на одно свободное рабочее место в городе претендуют три человека, приезжающие из сельской местности. Не получившие работу мигранты, как правило, остаются в городе, занимаясь непостоянной временной работой или вливаясь в криминальную деятельность"⁹. Ибо возвращаться в село не имеет смысла.

Российская Федерация: Урал и Сибирь

В северной части Урала и во многих регионах Сибири городское население урбанизировано в большой степени, хотя точнее следует сказать, что оно индустриализировано: города при заводах не создают условий для формирования

полноценного городского образа жизни. Намного хуже здесь и природно-климатические условия, поэтому вместо рура-

⁷ *Забирова А. Т.* Тенденции миграционной подвижности казахов (на примере Астаны) // СОЦИС. 2002. № 9. С. 93 - 100.

⁸ Начнем с понедельника. 2000. 15 сентября.

⁹ Казахстанская правда. 2002. 26 ноября.
стр. 122

лизации в депрессивных городах усиливается маргинализация горожан, растут криминогенность и апатия на фоне резкого, ничем не компенсируемого снижения уровня жизни.

Характеризуя ход и особенности урбанизации в России, историк А. С. Сенявский делает важный вывод: "Не нужно забывать, что в "переходном" обществе и город не мог существовать в "чистом виде", как нечто по сути сформированное, и был явлением переходным, со множеством издержек этого состояния"¹⁰. Можно добавить, что история России, не только в XX веке, состояла из "переходных" периодов. И города как зеркало страны это отразили.

Стремительная урбанизация определила молодость городов, непродолжительность их "городского стажа". Хронический дефицит средств - следствие "остаточного принципа" финансирования, не позволили городам укрепить градообразующую базу, развить инфраструктуру, осуществить благоустройство, поднять жизненный уровень жителей. Молодость и недостаток средств не позволили стереть сельские черты, имевшиеся у многих городов с рождения, даже тогда, когда это было целесообразно. А. Г. Вишневский напоминает: "В Западной Европе быстрому количественному росту городов в XIX-XX веках предшествовали столетия их качественного возвышения"¹¹. А у сотен российских городов городской стаж составил несколько десятилетий.

Но сохранение аграрного элемента в территориальной структуре городов лишь отчасти можно объяснить дефицитом средств. Часто вместо решительной реконструкции старых районов осваивались свободные земли за пределами сложившейся застройки. Препятствием реконструкции выступали также естественные причины: малоэтажная застройка полугородского-полусельского характера занимала территории, неудобные для многоэтажной застройки. В итоге доля аграрного элемента в городах СССР была очень высока.

¹⁰ *Сенявский А. С.* Урбанизация в России в XX веке. Роль в историческом процессе. - М.: 2003. С. 80.

¹¹ *Вишневский А. Г.* Серп и рубль. - М.: 1998. С. 95.
стр. 123

Анализ земельных балансов 181 города СССР разных размеров показал, что средняя доля аграрного элемента в них составляла 32,3%. Интересно, что в малых городах она была меньше, чем в больших, соответственно 27,6% и 34,4%, в крупных - 42,5%, в крупнейших - 42,5%. В среднем по СССР территории усадебной застройки занимали в 1971 г.¹² 74% общей площади жилых районов городов¹³.

В данном контексте наиболее интересны следующие выводы¹⁴ относительно характера рурализации российских городов Урала и Сибири:

- сельские черты присущи российским городам от рождения. Аграрная деятельность горожан существовала всегда. В зарубежных городах она со временем утрачивала свое значение, в постсоветской России произошел ее значительный всплеск. В некоторых городах РФ производство садово-огородной продукции стало товарной отраслью и определило профиль города, что, впрочем, имело место и в прошлом;

- самой массовой причиной возникновения сельских черт в российских городах явилось их сельское происхождение. Сотни городов получились в результате "вызревания" из фабричных и кустарных сел, заводских поселков (жители которых составили "рабочие-крестьяне"), слобод, станиц, пристанционных поселков;

- индустриализация, на волне которой проходила российская урбанизация в XX веке, как ни парадоксально на первый взгляд, способствовала сохранению и умножению сельских черт в городах, особенно в образе жизни их обитателей, значительную часть которых составили вчерашние сельские жители;

- причинами, обусловившими устойчивость и жизнеспособность сельских черт в российских городах, явились молодость городов, не успевших вследствие непродолжительности городского стажа стать истинными городами, дефицит средств,

¹² Стоит отметить, что "аграрный элемент" в составе городских земель трактовался довольно расширительно. В него включались: а) сельскохозяйственные земли за пределами городской застройки, но в пределах городской черты; б) сельскохозяйственные земли в пределах городской застройки; в) жилые кварталы одноэтажной застройки.

¹³ Кудрявцев А. О. Рациональное использование территорий при планировке и застройке городов СССР. - М., 1971. С. 79.

¹⁴ Ланно Г. М. Российский город - симбиоз городского и сельского // Демоскоп Weekly. 2005. 7 - 20 ноября, http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/analit06.php#_FNR_31#_FNR_31 стр. 124

который постоянно испытывали города, невысокий уровень жизни населения, для которых аграрные занятия служили необходимым подспорьем;

- наряду со "скрытым городским населением" существует и "скрытое сельское население". Его доля высока в малых городах и поселках городского типа. Показательно, что с начала 90-х годов сотни поселков городского типа вновь обращены в сельские населенные пункты (в одном лишь 2004 г. преобразованы 266 поселков городского типа), граница между городским и сельским населением проходит через поселения, а не между ними.

Необходимо отметить, что характер рурализации городов в Российской Федерации существенно отличается от процессов, происходящих сегодня в столицах стран СНГ, особенно в Казахстане и Кыргызстане. В России города, будучи "симбиозом городского и сельского начал", благодаря концентрации в них прогрессивных видов деятельности, достаточно успешно выполняют свои городские функции. Рурализация городов не разрушала и не разрушает базовые, приоритетные составляющие города. Сельские черты городских поселений в России не сделали (и не делают) российскую урбанизацию квазиурбанизацией. Процесс возрастания роли городов в жизни общества в России очевиден. Города-лидеры, сосредоточившие прогрессивные отрасли и виды деятельности, обеспечили модернизацию страны, прорыв в более высокие сферы экономики, технологии, науки, образования, культуры. Тогда как в Алматы, Бишкеке и Оше можно наблюдать именно квазиурбанизацию и рурализацию не в лучших ее проявлениях.

Кыргызская Республика

Большую часть прошлого века в республике наблюдался значительный миграционный прирост. Однако в отдельные периоды на динамику населения Киргизии заметное влияние оказывала эмиграция. В первой половине столетия она принимала формы вынужденных или принудительных переселений. Миграционные процессы увеличивали этническое разнообразие страны вплоть до 1970 г. В дальнейшем, особенно после провозглашения независимости, численность

стр. 125

коренного населения увеличивалась как в абсолютном, так и в относительном выражении. После 1970 г. Киргизия становится территорией миграционного оттока населения. Но в 1959 - 1970 гг. здесь наблюдалась самая высокая интенсивность притока мигрантов среди всех республик Средней Азии.

В 1979 - 1989 гг. среднегодовой прирост всего населения Киргизии мало изменился по сравнению с предшествующим десятилетием, а его величины в городской и сельской местности были практически одинаковы (количество городов при этом не изменилось).

Республика продолжала терять своих жителей в миграционном обмене, но этот процесс впервые вышел за пределы Советского Союза. Темпы прироста населения указывали на значительные и увеличивающиеся различия между северными и южными областями. Структура миграционных потоков изменялась, поскольку относительно большие масштабы стали приобретать перемещения населения внутри республики, особенно из сельской в городскую местность¹⁵.

В абсолютном выражении общая численность участников внутренних миграционных процессов, по данным официальной статистики, за период 1996 - 2000 гг. составила более 412 тыс. чел. (249 тыс. чел. - межобластная миграция и 163 тыс. чел. - внутриобластная). Но поскольку значительная часть переселенцев не выполняет установленных процедур регистрации на новом месте жительства, эти цифры весьма заниженные. Некоторые эксперты считают, что, учитывая маятниковую и сезонную миграцию, определить точное число внутренних мигрантов вообще невозможно, по другим оценкам, оно может составлять до 800 тыс. человек.

Становление рыночной экономики обозначило зоны "притяжения" и "отталкивания" мигрантов. К зонам "притяжения" относятся Бишкек и Чуйская область, образовавшие крупную агломерацию и сохраняющие в течение всего переходного периода положительное сальдо внутренней миграции.

¹⁵ Шулер М., Абубакирова Т., Торгашиова Л. Динамика численности и изменения в размещении населения Киргизии. Население Кыргызстана / Под ред. З. Кудабоева, М. Гийо, М. Денисенко. Бишкек, 2004. С. 106.
стр. 126

Направления внутренней миграции зависят и от дифференциации доходов. Так, среднедушевые доходы бишкекских жителей в 2001 г. превосходили доходы жителей Нарынской области почти в 4 раза, Джалалабатской - в 2,8 раз, Иссык-Кульской и Ошской - в 2 раза, а более высокие доходы и, следовательно, большая покупательная способность притягательны для мигрантов, ориентирующихся на такие формы занятости, как продажа и перепродажа товаров.

За исключением Бишкека и Чуйской области, все остальные регионы республики - это зоны "отталкивания", там сохраняется отрицательное сальдо внутренней миграции.

Характерную черту внутренней миграции определяет массовый приток сельского населения в города, одновременно отражающий кризисное состояние аграрного сектора республики и диспропорции между уровнем жизни в городе и на селе. Дополнительный фактор, обуславливающий миграционную активность сельских жителей, - традиционно более высокий, чем в городах, темп прироста населения, который обостряет проблему количественного несоответствия трудовых ресурсов спросу на них.

Национальный состав участников внутренней миграции закономерен, поскольку мобильность отдельных этнических групп в целом определяется их долей в общей численности населения. Исключение составляют узбеки, чья оседлость обусловлена традиционной формой занятости - земледелием. Составляя 14,1% населения, узбеки демонстрируют крайне низкую миграционную активность, на их долю приходится только 2% перемещений по территории республики. Степень участия представителей других национальностей во внутренней миграции представлена следующим образом: кыргызы,

составляющие абсолютное большинство населения, - 73%; русские - 15%; украинцы - 2%; татары - 1%; прочие - 8%. Для Кыргызстана характерно компактное проживание представителей отдельных национальностей (русских и украинцев - в г. Бишкеке и Чуйской области, узбеков - в южных регионах, граничащих с Узбекистаном). Можно предположить, что этническая дифференциация мобильности населения служит одним из факто-

стр. 127

ров, влияющих на вовлеченность областей республики в процесс внутренней миграции¹⁶.

Гипертрофированный рост Бишкека на фоне продолжающейся пауперизации сельских районов провоцирует социальную, политическую, экономическую и психологическую напряженность. В социально-политической жизни республики возникла новая традиция - так называемые "походы на Бишкек". Начиная с 2004 г., агрессивно настроенные жители отдаленных районов республики периодически предпринимают марши на столицу с достаточно аморфными политическими целями. Апогеем такого поведения стали события 24 марта 2005 г., названные "кыргызской революцией"; последовавший за ними стихийный всплеск вандализма и мародерства отразил социальные отношения по оси "город - село".

Отметим, что большая часть попавших "на марше" в столицу сельчан не возвращается на место постоянного проживания, а тем или иным способом оседает в Бишкеке. Официальные данные о населенности столицы Кыргызстана противоречивы. На начало 2002 г. численность населения Бишкека составляла около 800 тыс. человек, в 2005 г. руководители республики озвучили цифру 1 млн. с учетом незарегистрированных мигрантов. Весной 2005 г. в Бишкек, по некоторым данным, одновременно въехало от 1,5 до 10 тыс. человек, которые впоследствии перевезли сюда свои семьи и родственников и приступили к самовольному захвату пригородных земель, а также незастроенных земельных участков в черте города. С учетом многодетности сельских кыргызских семей, число новых мигрантов могло составить до 70 тыс. человек. Косвенно эти данные подтверждаются резким увеличением объема потребляемой питьевой воды и электроэнергии на фоне сокращения объемов производства.

Инфраструктура Бишкека однозначно не справляется с наплывом мигрантов, не прекращаются конфликты вокруг самовольно захваченных городских и пригородных земель.

¹⁶ Недолужко Л. Основные причины и тенденции миграции населения Кыргызстана. http://www.open.kg/ru/materials/math_migration/math_migration_4
стр. 128

Причины гипертрофированного, ложноурбанистического разрастания Бишкека лежат в плоскости общего экономического развития Кыргызстана за последнее десятилетие, характерного не только для этой республики, но и для других стран постсоветского пространства.

В столице Кыргызстана произошло практически полное разрушение "старой" субкультуры, сформированной во второй половине XX века во многом на базе субкультуры таких развитых мегаполисов, как Киев, Ленинград и Москва. Именно оттуда во Фрунзе в войну было эвакуировано до 2 млн. человек и десятки организаций - носителей городской субкультуры европейских центров России и Украины - заводов, театров, научно-исследовательских институтов, медицинских институтов и клиник. На базе этих эвакуированных организаций были созданы уникальные киргизские технологические, научные, в том числе медицинские и культурные школы, породившие всплеск развития городской субкультуры Фрунзе в третьей четверти XX века. Эмиграция

90-х и внутренняя миграция свели на нет этот субкультурный слой, не создав альтернативы. Хотя последнее десятилетие в городе формировалась "новая волна" носителей городской субкультуры, эта прослойка оставалась незначительной и неспособной противостоять натиску аграрной субкультуры.

Массовость внутренней миграции привела в конечном итоге к тому, что уже не мигранты вынужденно вливались и адаптировались к городской субкультуре, а города под натиском тысяч мигрантов были вынуждены приспособливаться к правилам, стереотипам и логике аграрной субкультуры.

Приходится констатировать, что в сложной социально-экономической и не всегда стабильной политической ситуации в стране правительство Кыргызстана не обращает должного внимания на проблемы внутренней миграции и рурализации обеих столиц. Но сделать это необходимо, так как дальнейшая ложная урбанизация и рурализация создают угрозу консолидации нации и сохранению городской субкультуры как плацдарма для прогресса и дальнейшей интеграции Кыргызстана в мировую человеческую цивилизацию XXI века.

стр. 129

Каганов Г.З. Горожанин в городе: идентификация с Землей и Небом. Часть 1⁷

Когда изучается поведение и самочувствие горожан, то обычно исследуются их связи с функциональной машиной города, с его социально-культурной средой, с его экологической ситуацией. Тут накоплены разнообразные и почти необозримые знания о взаимодействии и самоотождествлении городского человека с социальными, профессиональными, этническими, религиозными группами и структурами, о его включении (или намеренном невключении) в производственные, потребительские, образовательные, управленческие, досуговые и другие системы и сети, о его ценностных ориентациях и нравственных установках, а также о его реакции на городской климат, на состав воздуха и воды, на уровень шума, излучений, вибраций и т.п. Настаивать на том, что все эти взаимодействия, все эти прямые и обратные связи формируют горожанина, который в свою очередь формирует среду своего обитания, - это примерно то же, что настаивать на впадении Волги в Каспийское море.

И пусть читатель простит мне эти трюизмы, тем более, что я хотел бы обратить внимание на факты совсем уж банальные: под ногами горожанина всегда находится земля (даже если он стоит на крыше небоскреба: там нередки особняки с лужайками, поросшими травой и кустами), а над его головой небо (даже если он едет в метро: достаточно поднять голову, скажем, в центральном нефе станции "Маяковская", чтобы увидеть в овальных плафонах картины небес - то с летящими птицами и аэропланами, то сквозь ветви деревьев). Земля и небо замыкают горожанина в свой круг, или, выражаясь в старинной манере, "обстоят" его: с крыши небоскреба или из кабины вертолета, то есть "с неба", он смотрит именно на городскую землю, а поднимаясь из подземного перехода, сперва видит именно городское небо. Вот в эти простейшие, очевидные вещи - "обстоятельство земли" и "обстоятельство неба" - и хотелось бы всмотреться внимательнее, чем мы обычно делаем.

Хотелось бы всмотреться потому, что они, на мой взгляд, формируют горожанина ничуть не меньше, чем любые группы, системы, структуры, сети и экологические факторы. И если воздействие снизу - от земли и сверху - от неба, как правило, не осознается городским человеком, то от этого оно не становится менее значительным. Даже безотчетное самоотождествление с землей и небом города остается тем необходимым фоном, который сообщает глубинный смысл рисунку всякой личной судьбы

⁷ Каганов Г.З. Горожанин в городе: идентификация с Землей и Небом // Человек. 2001. №3. С. 50-66.

и делает ее законченным целым. Что вообще значит фон, способный все связать и объединить, показывает такая притча (привожу ее по памяти): когда Ван Дейк пришел к

Каганов Григорий Зосимович - доктор архитектуры, ведущий научный сотрудник Института теории и истории архитектуры и градостроительства. Постоянный автор журнала.

стр. 50

Рубенсу проситься в ученики и на вопрос о том, что он умеет писать, ответил: "Фоны", то мастер сказал, что учиться молодому человеку больше нечему.

Говоря о земле и небе, имеет смысл использовать оба эти слова как термины принципиально нестрогие, то есть сохраняющие множество явных и скрытых значений, или коннотаций, каждый раз зависящих от контекста. Кроме того, стоит принимать во внимание не только то, что находится буквально под ногами и над головой, скажем, почву и облака, но и все, что так или иначе связывается с образом земли и неба в обыденном сознании и воображении горожанина, независимо от того, насколько он склонен замечать и учитывать такие связи. Ниже намечены лишь некоторые из них, поскольку в пределах одной статьи не удастся обсудить вопрос со всех сторон.

Подпочва

То, что лежит под поверхностью городской земли, всегда очень занимало горожанина - не как предмет праздного любопытства, а как важнейший фактор выживания. С незапамятных времен выбор места для поселения определялся не только его географическими качествами, но и излучениями земли, когда полезными, а когда и вредными для человека. Метафизика и практический эффект поиска хороших и плохих (геопатогенных) зон опирались на уверенность в том, что человек от природы высоко чувствителен к воздействию всего, что скрыто в земле, и потому имеет достаточно причин идентифицироваться с подземной жизнью.

стр. 51

Сейчас эта исконная уверенность подтверждена массой специальных экспериментов и полевых исследований. В Санкт-Петербурге в последние годы были даже составлены карты геопатогенных зон, предлагалось ввести их учет в городские строительные нормативы. Основанием для этого послужили многолетние наблюдения за распределением заболеваний в зависимости от места проживания в городе. Еще в XIX веке было ясно, что в определенных местах городская земля излучает нечто губительное, и традиционная петербургская чахотка не может объясняться только плохими жилищными условиями - ей были одинаково подвержены обитатели домов и квартир - как самых лучших, так и самых худших в санитарном отношении. Эта тема занимала не только врачей, но и поэтов: хорошо была известна, например, поэма Якова Полонского "Миазм" (1868), драматически изображавшая несчастную судьбу ребенка из очень богатой семьи, живущего в роскошном особняке и гибнущего от воздействия злых сил, обитающих в глубине земли под особняком. Поэт считал, что эти силы мстят жителям города за гибель тысяч людей

стр. 52

при строительстве невской столицы. Нынешние исследователи трактуют проблему отнюдь не романтически: источником опасности признаны многочисленные подземные водотоки, в разное время возникшие при осушении местных болот или ликвидации малых речек дельты Невы. Установлено, что они создают значительные концентрации отрицательной энергии, пагубно влияющей на человека, постоянно находящегося в зоне таких концентраций. И поэтическую, и прагматическую версии можно одинаково считать

примерами жизненно важной, хотя и целиком отрицательной идентификации горожанина с городской подпочвой.

За четверть века до мистических откровений петербургского поэта английские санитарные врачи сделали чисто прозаическое открытие на ту же тему: "В 1844 году под Виндзорским замком [с XVII века любимой и преимущественной резиденцией британских королей, по размерам близкой к тогдашним городам. - Г. К.] обнаружили 53 переполненные выгребные ямы - причину постоянных хворей и недомоганий обитателей дворца"¹. Тут сама собой напрашивается аналогия между городами, веками борющимися с собственными отбросами, и человеческими организмами, не всегда справляющимися с эвакуацией отходов пищеварения. Недаром В. Гюго в "Отверженных" (1862) называл подземную систему городских стоков "утробой Левиафана".

Вообще же рациональное отношение к "подземному" ярусу города лишало его ореола мистического зла и даже придавало ему сугубо положительный смысл. Так обстояло дело с древними цистернами под Иерусалимом (и не только под ним), позволявшими населению выживать в засушливые сезоны года или в периоды длительных осад. Со Средних веков, продолжая выполнять функции водохранилищ, они стали предметом любопытства паломников. Посетив, например, храм Воскресения, можно было рядом, из руин соседнего здания, называемого "Сокровищницей Св. Елены", спуститься в одну из цистерн: "Внутри оно лестница, иссеченная в утесе, с лишком 60 ступенями сводит во мрак глухого подземелья, весной наполняемого водою, и на конце его, как утверждают, виден древний алтарь"².

Другим известным примером внедрения под землю была сеть городских сточных коллекторов под древним Римом, выразительно описанная Плинием Секундом: "Для этого были прокопаны холмы, и город <...> стал висячим и под ним проплывали на лодках <...> Под ним протекают, сведенные вместе, семь рек и стремительным течением, подобно бурным потокам, неудержимо все увлекают и уносят, а усиленные вдобавок лавиной дождей, сотрясают дно и стены, иногда Тибр, раздувшись, устремляется против их течения, и сталкиваются внутри встречные потоки, - и все же прочность этого сооружения непоколебима. <...> передают, что величину полостей он [царь Тарквиний Приск, первый строитель коллекторов, VI в. до н. э. - Г. К.] сделал такой, чтобы по ним мог пройти обильно нагруженный сеном воз"³. Сама патетичность этого пассажа показывает, сколь значительное место занимала городская подпочва Рима в воображении одного из лучших представителей тогдашней столичной культуры.

В том же Риме совершенно особой формой обживания земли под городом стали в первые века н. э. знаменитые христианские катакомбы. Особенны они не только тем, что впервые внесли, так сказать, свет во тьму - свет бессмертия в традиционную тьму могил, но и тем, что через 16 или 17 веков вновь стали местом благочестивого подвига: здесь 11 лет, с 1889 по 1900 г. провел во тьме, холоде и

¹ Вебер Ю. От грязи - к порядку / Пер. с англ. // Интеллектуальный форум. 2000. N 1, май. С. 13. Статья является развернутой рецензией на книгу: Reid D. Paris Sewers and Sewermen: Realities and Representations. Harvard, 1990.

² Муравьев А. М. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей первой половины XIX века / Сост. К. Ургузова. М., 1995. С. 202.

³ Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. XXXVI, 104- 108 / Пер. с латин., предисл. и примеч. Г. А. Тароняна. М., 1994. С. 135.

стр. 53

сырости русский художник Федор Рейман, самоотверженно и благоговейно копируя фрески катакомбных капелл и коридоров и жертвуя этой исключительно тяжелой работе свое зрение и здоровье⁴. Иван Цветаев планировал выставить эти копии в специальном

отделении Музея изящных искусств в Москве, воспроизводящем архитектуру катакомб, но план его не удался. Жаль. Если бы удался, то этот отдел музея стал бы не только уникальной экспозицией, но и памятником редкому образцу самоидентификации петербургского академического живописца с культурой городских подземелий, которая перестала существовать много веков назад.

Освоением подземного уровня города с середины XIX века занимались одновременно инженеры-сантехники и археологи. Насколько тесно в реальности связаны подземная и надземная жизнь города, показывает, в частности, история парижской канализационной службы. Хотя город давно страдал от неэффективного удаления отходов, что служило причиной жутких эпидемий, и попытки улучшить дело предпринимались много раз, но по-настоящему решить проблему удалось только при радикальной реконструкции Парижа в 1850 - начале 1870-х годов по программе префекта города барона Эжена Османна, когда, благодаря гигантским сносам на поверхности земли, можно было, наконец, проложить разветвленную сеть туннельных коллекторов. Сходная проблема существовала и в Лондоне, хотя решалась она в те же годы с помощью трубопроводов нового образца, проложенных под всем городом. Правда, перекрытые сводами туннели существовали и раньше, но они не столько решали проблему стоков, сколько служили совсем другим целям. Об одной из них упоминает в своих путевых записках 1848 года Ральф У. Эмерсон (видимо, американца особенно поражало такое использование технического устройства): "15 апреля. Среди промыслов, придуманных с отчаяния, есть отыскивание колец, шиллингов, чайных ложек и пр. в отбросах коллекторов, куда их смыло из уличных стоков. Эти коллекторы так велики, что вы можете пройти под землей огромные расстояния. М-р Колмен видел человека, вышедшего из-под земли со связкой подсвечников.

- Умоляю, сэр, где вы вошли?

- О, это в семи милях отсюда, - отвечал тот. Говорят, Чадвик проехал под всем Лондоном верхом на маленьком буром пони"⁵. В отличие от американского поэта и философа жителем Лондона городская канализация казалась своего рода продолжением обычных улиц. Для многих это была часть их повседневности, и они идентифицировались с нею не меньше (а кто-то и больше), чем с наземной жизнью.

Что касается городской археологии, то хорошо известно, как трудно вести раскопки "по живому" в плотно застроенных кварталах. Тем не менее существует множество примеров включения археологических находок в подземный ярус нынешних городов. Москвичи отлично знают фрагмент Китайгородской стены, раскрытый в переходе под Китайским проездом. Энтузиазм, с которым горожане идентифицируются с такими древностями, говорит сам за себя. Конечно, в городах удается раскрыть лишь ничтожную часть их прошлого, ушедшего под землю. Да и в случае удачи не всегда можно сохранить найденное. Около 1960 года, копая в Москве котлован для нового здания библиотеки (не помню уже, где именно), строители на довольно большой глубине наткнулись на каменную стену, которую археологи отнесли к IX веку. Для подробного обследования и даль-

⁴ Аксененко М. Б. Русский художник Федор Рейман // Введение в храм: Сб. статей в честь И. Е. Даниловой / Под ред. Л. И. Акимовой. М., 1998. С. 594-601.

⁵ Цит. по: Saint A., Darley G. The Chronicles of London. N.Y., 1994. P. 191. стр. 54

нейших раскопок надо было остановить стройку, но Министерство культуры на это не согласилось, и стена снова ушла под землю⁶.

Можно утверждать, что современная фаза освоения городского "субшафта" (термин, употребляемый в западном дизайне для всего, что лежит ниже "дневной поверхности" земли) в целом успешно нейтрализует тот зловещий образ, который традиционно

порождала скрытая под землей жизнь. И, тем не менее, несмотря на всю прагматическую положительность нынешнего подземного пространства, в глубине культурной памяти горожанина продолжает жить древняя

⁶ Сообщено Г. П. Бельской.
стр. 55

мифология подземного царства, не подвластного человеческой воле и потому подозрительного или просто опасного. В городской молве постоянно циркулируют слухи о загадочных обитателях дальних туннелей метро - гигантских червях, крысах размером с собаку и т.п. Независимо от правдоподобия слухов, все эти существа состоят в родстве с фольклорными персонажами вроде добрых и злых гномов, прячущих клады (гномов ведь тоже кто-то обязательно видел своими глазами, а кому-то доводилось с ними говорить). Поэтому Владимир Гиляровский и назвал свои репортажные заметки 1886 года о посещении московских сточных коллекторов "В царстве гномов", хотя ничего умильного там не было и в помине, зато в избытке присутствовали все признаки царства смерти: крошечная тьма, теснота, духота, нестерпимая вонь и полузанесенные илом собачьи (а по уверениям туннельных рабочих, и человеческие) трупы⁷.

В нынешнем городе встречается резко выраженная форма отвержения подземных коммуникаций: горожане иногда отказываются пользоваться метро по трудно объяснимой причине: "Знаете, подземелье, как-то давит...". Так в ходе социологического обследования, проводимого в 1982 году в Москве, ответил на вопрос интервьюера респондент, от которого меньше всего можно было этого ожидать, - молодой цветущего вида мужчина с высшим образованием, потомственный москвич, живущий на Садовом кольце. Едва ли дело было в слабом здоровье или недостатке цивилизованности. Скорее, тут безотчетно работала вышеупомянутая мифологема подземного царства. Такого рода устойчивые фигуры воображения легко сосуществуют с какими угодно рациональными структурами сознания.

Любопытно, что наш респондент оказался единомышленником того знаменитого горожанина, о коем уже шла речь, - Плиния Секунда. Тот был категорически против проникновения под землю: "Мы проходим по всем жилам земли и живем над выдолбленной нами землей, удивляясь тому, что порой она разверзается или сотрясается, - словно это, действительно, не может вызываться негодованием священной родительницы [то есть Матери-Земли. - Г. К.]. Мы проникаем в ее внутренности и ищем богатства в обиталище духов усопших, как будто она недостаточно благодатна и плодоносна там, где ступают по ней. <...> То губит нас, то влечет нас в преисподнюю, что она укрыла глубоко, то, что рождается не вдруг. И пусть ум, устремляясь до пустого пространства [то есть до конца мира. - Г. К.], вычислит, за сколько веков наступит конец исчерпания ее, докуда проникнет алчность"⁸. Звучная риторика Плиния в разные эпохи бывает вполне современной, и под нею лет двести назад могли бы подписаться любые последователи Жан-Жака Руссо, а сейчас любые "зеленые", хотя XXXIII книга "Естествознания", открывающаяся этим пассажем, посвящена всего лишь добыче металлов. Но для нашей темы важен не нравственный, не антицивилизаторский и не экологический пафос славного античного энциклопедиста, а совсем другое.

Во-первых, это уже встречавшийся нам образ городского мира, надстроенного над подземными пустотами. Но здесь он ненадежно повис над ними, он лишился прочной опоры и подвергается опасности. Стало быть, уже тогда "висячие города" вызывали противоположные чувства: восхищение человеческим искусством, но и страх расплаты за вторжение в скрытую жизнь "священной родительницы" - земли.

Во-вторых, это отчетливая оппозиция почвы ("там, где ступают") и подпочвы ("обиталище духов усопших"). Ее можно понимать

⁷ Гиляровский В. А. Трущобные люди // Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1989. С. 97-104.

⁸ Плиний Старший. Цит. соч. XXXIII, 2, 3. С. 39.
стр. 56

как противостояние царства живых и царства мертвых, двух фаз человеческой судьбы; но можно понять и как сосуществование мира людей и мира потусторонних сил, в норме закрытого для человека. Но так как человек от этой нормы все время отстывает, тут и обнаруживается, насколько оба эти мира зависят друг от друга и друг в друге нуждаются. Идентификация с подземным миром, пусть в данном случае резко отрицательная, оказывается условием развития наземного мира. Ведь все, что так красноречиво осуждает Плиний, нужно именно для процветания обитаемой среды: землю "копают ради богатства, в поисках золота, серебра, электра, меди, где-то - ради роскоши, в поисках гемм для пальцев и красок для стен, где-то - ради безрассудства, в поисках железа, которое в войнах и убийствах милее даже золота"⁹. Все, что здесь с возмущением перечислено, не просто питало цветение античной цивилизации, но и складывало фундамент нашей истории - чем она была бы без античных гемм, без позеленевших античных бронз, без чудом сохранившихся росписей стен и проржавевшего древнего оружия? И дело не только в антиках - такова роль и скифских или славянских древностей. Мы ведь тоже раскапываем землю в поисках этих драгоценных осколков, повсюду ищем их с рвением, необъяснимым с точки зрения Плиниева морализма. С таким рвением ищется не то, без чего можно легко обойтись, а то, без чего жить нельзя. Археология - безусловно, самое яркое проявление современной идентификации с подземным уровнем мира. Извлеченные из глубины земли остатки чьих-то культур - это необходимые части живого организма культуры нашей. Так что, в конечном счете, все те, кто когда-то нарушили запреты своих богов и пошли на риск, рисковали ради нас (конечно, не подозревая того), ради культурной полноценности нашей среды. Вторгаясь в подземные "обиталища духов", они на самом деле обеспечивали наше выживание на "дневной поверхности" мира.

Почва

Сразу хочу оговориться, что слово "почва" здесь и далее будет употребляться вне всякой связи с "почвенничеством" как определенной общественно-культурной установкой, возникшей в середине XIX века. Так что слово "почва" будет означать почву в буквальном значении.

В городе, по-настоящему благоустроенном, горожанин ее почти не видит, поскольку все замощено или засажено. О почве и ее свойствах знают не обыватели, а городские инженерные службы - и так было с глубокой древности, с тех пор, как в городе научились формировать искусственную обитаемую среду. И чем сильнее она отличалась от среды первоначальной, природной, тем больше городской человек гордился ею как своим произведением. Сколь бы плохой ни оказалась природная почва, ее с незапамятных времен умели пересоздавать: осушали и дренировали, укрепляли ряжами и шпунтами, прорезали каналами, копали пруды, мостили и застраивали, насыпали привезенный издалека плодородный слой, высаживали несвойственные месту травы, цветы, деревья и т.д. Точно так же все происходит и сейчас. Даже в тех особых случаях, когда почву необходимо оставлять открытой (например, вокруг корневых шеек деревьев), ее принято засыпать слоем сосновой коры, чтобы корни дышали, но земля не давала пыли и грязи. Словом, в норме горожанин исходной почвы в городе видеть не должен. Стоит ли в таком случае говорить о ней?

⁹ Плиний Старший. Цит. соч. XXXIII, 1. С. 39.
стр. 57

Стоит, потому что поверхность земли массой живых связей связана с подсознанием городского человека. Повторим то, что уже было сказано выше, по поводу подпочвы: в подсознании, куда уходит корнями культурная память, продолжают жить и действовать фундаментальные мифологемы, многое определяющие в поведении нынешнего горожанина, а его здравому рассудку предоставляется возможность окружать и маскировать работу этих мифологем любыми рациональными обоснованиями. Одна из таких мифологем, также упомянутая выше, - это Земля как живое, родящее и кормящее священное тело. Почва - это как бы ее кожа. Как человека тянет с

стр. 58

нежностью прикоснуться к коже любимых существ, так у него всегда была потребность прижиматься телом к Земле, гладить ее, а в определенных, особо значимых случаях в разных культурных традициях было принято целовать ее. Более того, в земледельческих культурах, в том числе в русской, существовал языческий обычай в некоторые сезоны года "на земли яко с женою играти" - его православная церковь строго осуждала и запрещала. В сущности, возделывание земли тоже составляет одну из форм любовного акта с нею. Эти хорошо известные явления, много раз описанные в трудах по истории культуры, уместно вспомнить потому, что нынешний городской быт также содержит их, хотя и в другом обликий.

Огороды и садовые участки, на которых значительная часть горожан проводит довольно много времени, дают возможность именно такого общения с землей, с почвой. Конечно, на уровне здравого смысла дело объясняется необходимостью иметь собственную картошку, ягоды, зелень и пр. Но не все удается объяснить на уровне здравого смысла. Есть много семей, доходы которых, бесспорно, позволяют обойтись без огородных хлопот. И, однако, люди из таких семей не меньше времени, чем люди малообеспеченные, проводят на своих участках, причем делают это с видимой охотой. Некоторые из них прямо говорят, что им "приятно в земле повозиться". Дело, значит, в потребности общаться с землей - видеть и трогать ее (пусть даже вскапывать и культивировать с помощью инструментов), чувствовать ее запахи, испытывать радость от этого общения. Здесь момент сугубо положительной идентификации с землей налицо.

Известно, что большинство городского населения России живет в малых и средних городах. Там горожане гораздо ближе, чем в городах крупных и крупнейших, знакомы с почвой уже потому, что уровень благоустройства намного ниже, и большая часть городской земли ничем не закрыта - она свободно пылит летом и раскисает весной и осенью. Огороды, а у многих и сады, находятся прямо в городе, и горожане с детства знают, как выглядит, как пахнет и как ведет себя здешняя почва. Здесь участок земли составляет такую же принадлежность повседневного быта семьи, как обстановка квартиры или одежда. Без такого участка, особенно сейчас, в "период полураспада" государственной экономики, в провинции выжить едва ли возможно. Так что здесь земля остается кормилицей в прямом смысле, и идентификация с нею не менее насущна и буквальна, чем была на протяжении тысячелетий во всех земледельческих цивилизациях. Хотя это и может звучать нелепо, но по сути дела, смысловая дистанция между населением столиц, живущим в основном на заработок, и населением провинций, живущим в основном натуральным хозяйством, есть сейчас дистанция между ранним капитализмом и ранним феодализмом.

В связи с образом земли-почвы следует отметить еще один момент. Для жителей столиц жизнь малых городов, не отделяемая резкой чертой от жизни деревень, по старой руссоистской традиции, восходящей к образу счастливой Аркадии, бывала до недавних пор окружена ореолом некой неясно представляемой добродетели, состоящей в том, что там "живут близко к земле", и потому все - и среда и люди - как-то правильнее и здоровее физически и нравственно. Не будем сейчас выяснять, так оно на самом деле или нет. Этому посвящено большое количество литературы, в которой представлены все "за" и

"против". Обратим внимание только на то, что сама культурная среда великогородского типа всегда порождала образ "неправильного" города и "правильной" деревни, и мерой пра-

стр. 59

вильности/неправильности была удаленность от земли, создаваемая образом жизни. Иначе говоря, критерием здесь служила степень прямой идентификации с землей, точнее с поверхностью земли: чем легче была прямая идентификация (как в деревне), тем, значит, все "правильнее"; чем косвеннее и опосредованнее идентификация (как в городе), тем все "неправильнее".

В этом контексте понятно существовавшее весь XIX век и сохранявшееся до 1917 года обыкновение господ в обеих российских столицах ездить на кутежи в полусельский загород, где специально для этого держались иногда очень недурные рестораны. В Санкт-Петербурге таковым было, например, небезызвестное заведение "Вилла Родэ" на Черной речке. Примечательно, что до него на этом месте более 30 лет находились сад и ресторан "Аркадия"¹⁰. Именно в таких негородских местах окраин любил бывать Александр Блок, а одно из них, в Озерках, дало повод к его знаменитой "Незнакомке". О противоположной петербургской окраине, на много верст тянувшейся вверх по Неве, А. Блок с явным энтузиазмом писал матери, что она, как и другие огромные полусельские окраины, остаются чисто русскими по облику и духу, резко отличаясь от небольшого и компактного европейского ("немецкого", как написал в кавычках А. Блок) центра. В этих настойчивых блужданиях по окраинам виден поиск земли, с которой чувствовалась острая потребность идентифицироваться, в то же время целиком оставаясь не просто носителем, но и творцом великогородской культурной традиции.

Наверное, никто из ведущих фигур серебряного века не выразил эту потребность так ярко, как Павел Муратов, в частности, потому, что выразил по совсем стороннему поводу, возникшему совсем в другом месте. Осенью 1908 или 1909 года он гулял на окраине (опять окраина!) Флоренции на левом высоком берегу Арно, у самых городских стен, взбирающихся вверх по холму в сторону Порта Романа. Только что прошел дождь. "Мы поднимались тихо, глубоко дыша, вдыхая запах оливок, земли, влаги - крепкий запах флорентийской осени. Тихо навстречу нам спускались сумерки. <...> Впечатление серафической прозрачности охватило душу с никогда не испытанной до тех пор силой. Глубокое молчание было нарушено лишь шорохом капель и падением маленьких созревших плодов. Было слышно, как бьется сердце. <...> Влажное дыхание такого деревенского вечера способно надолго освежить сухость, возникшую от слишком прилежного общения с "пылью веков" в музеях и галереях. Флоренция жива <...> И для русского путешественника, может быть, особенно дорого, что здесь всегда чувствуется близость деревни"¹¹. И это пишет, это чувствует рафинированный эстет (тогда такое слово звучало только похвально) и англоман, поклонник, переводчик и комментатор самой изысканной британской эссеистики, автор лучших тогда статей по старому и новому западному искусству (можно не добавлять, что обожатель и редкостный знаток ренессансной Италии), - пишет и чувствует так, будто идет не над берегом Арно, а над берегом родной речки Битюга в Бобровском уезде. И для него, тончавшего ценителя и певца любого настоящего искусства (начиная с отечественного - страстно увлекался иконой и прекрасно писал о ней), Флоренция, со всеми ее палаццо, картинами, скульптурами и преданиями, жива потому, что в ней землей и деревней пахнет, - ведь так должно было пахнуть в его родимом городке Боброве Воронежской губернии. Вот она, идентификация с землей.

¹⁰ Степанов А. В. Комментарии к кн.: Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. СПб., 1999. С. 327.

¹¹ Муратов П. Образы Италии. М., 1993. С. 153.

Рельеф и вода

"Была в лесу глупа деревня. Люди в лайды жили, широкого места никогда не видали, дак уж...", - так начинается один из шедевров северной народной словесности, сказка про Догаду, в фонетической записи (поэтому читается с оканьем), сохраненная Ольгой Озаровской, которая в 1920-х годах была такой же подвижницей двинского, шекнинского, печорского, обонежского фольклора, как Ф. Рейман в 1890-х был подвижником римских катакомб¹². Поскольку "лайда" - это нечто глухое, замкнутое, дыра, то весь смысл такого зачина состоит в резкой оппозиции тесной темной щели и широкого светлого простора. Здесь в терминах топографии кодируются основные человеческие ценности: теснота - это темнота недомыслия простор - это свет разума. Рельеф местности, с ее подъемами и спусками, сужениями и расширениями, становится изображением ценностных смыслов.

Точно так же переживается рельеф в городе. В одном из своих мемуаров Федор Шаляпин описал полное разочарование от Санкт-Петербурга, когда юношей впервые попал туда после того, как в самом начале своей артистической карьеры провел несколько лет в гастрольных скитаниях по Волге и Кавказу. Глубоко, хотя и совершенно безотчетно проникшись драматизмом тамошних городских пейзажей - то с ярким контрастом высокого и низкого волжских берегов, то с домами, громоздящимися на кавказских горных склонах - он страстно хотел увидеть главное в столице, воплощение своего идеала: царский дворец, сияющий белыми стенами на вершине самой высокой горы. На деле все оказалось плоским, низким, довольно

¹² Озаровская О.Э. Пятиречие. Л., 1931.
стр. 61

бесцветным, ничто не сияло, дворец стоял где-то среди прочих домов. Этот городской пейзаж не читался как пространственное воплощение ценностной конструкции, незаметно сложившейся в юношеском воображении. Правда, лет через десять плоская земля Санкт-Петербурга стала для него столь же родной, как и всякая русская земля, легендарный чемодан с которой он возил с собой по всему миру, - нужна ли лучшая иллюстрация к самоотождествлению с землей?

Итак, городской рельеф. Крупные, хорошо видимые формы земли, и не только видимые, но ясно ощущаемые всем телом при ходьбе и езде, - трудно себе представить, чтобы этот опыт не отложился исподволь в воображении, а затем всю жизнь не окрашивал бы переживание и оценку обитаемой среды? Дело не ограничивается только большим или меньшим волнением земной поверхности. Она всегда воспринимается вместе со всем полезным и вредным, пышным и жалким, что растет на этих поверхностях и придает им цвет и фактуру, резко меняющиеся по временам года. Бесконечно разнообразные формы растительных масс, их разная плотность, сумрачность или прозрачность, их живое волнение и разные голоса под ветром (пушкинские "широкошумные дубравы" - один из таких голосов, уловленный с поразительной интонационной точностью), а также их хозяйственный, санитарный или декоративный смысл - все они вместе с рельефом составляют уникальную физиономию городской земли, всегда имеющую свое выражение.

Она, эта земля, не отделима от воды, которая по ней течет, на ней стоит или с ней соседствует и обязательно имеет свой все время меняющийся цвет, свою всегда подвижную поверхность и свой характер, тихий или буйный. Вода, отражающая землю и небо, - самый привычный, но и самый пленительный мотив городского пейзажа. Стоять на берегу или на мосту и смотреть на воду можно столько же, сколько смотреть в глаза любимого человека, - без конца. Вид, звук и запах воды - это, может быть, самые глубокие запечатления, которые оставляет в душе всякий городской пейзаж, хотя на поверхности

памяти могут оставаться образы более отчетливые, созданные формами земли и архитектуры. Скажем, ровный и мирный шум низенького водопада¹³ по всей ширине Влтавы в самом центре Праги может запоминаться глубже, чем необыкновенный по красоте и патетичности пражский рельеф или прекрасная, на редкость разнообразная городская архитектура.

Вода еще потому играет в городе исключительную роль, что она показывает небо там и тогда, где и когда горожанин его практически не видит. Ведь поле зрения человека распространяется, как известно, вверх от горизонта глаз примерно на 30 градусов, а вниз на 60 градусов, так что в норме горожанин видит план земли и отчасти застройку, а небо - или на достаточно открытом месте, или задрав голову. Вода же попадает в основную (ниже горизонта глаз) часть поля зрения, и горожанин видит ее всегда, если она есть. И в ней всегда, хотя смотрит вниз, видит небо, правда, не всегда зеркально отраженное, а чаще измененное рябью. Этот слегка головокружительный, слегка сбивающий с толку безотчетный эффект - одна из причин гипнотического воздействия воды на воображение городского человека. Стоять на мосту и смотреть на воду - значит максимально усиливать этот эффект, значит смотреть как бы в бездонную глубину живого колышущегося неба, и пристрастие горожан к такому времяпрепровождению не смогли свести на нет даже столь неотрази-

¹³ Влтава, как реки во многих городах Европы, еще со Средних веков была перегорожена поперек шпунтовой стенкой, создававшей небольшой, около полуметра, перепад воды. Делалось это как ради рыбной ловли, так и в интересах обороны.

стр. 62

мые и сокрушительные гипногенные средства, как телеэкран и видеозапись (до них такую роль, но с меньшим успехом, брало на себя кино). Хотя изрядную часть зрителей они от воды отвлекли: лет сто назад, когда кинематограф еще не вошел широко в городской быт, на мостах стояло и смотрело на воду больше народа, чем бывало позже, когда кино стало общедоступным развлечением. Любые изображения мостов и набережных - картины, гравюры, фотографии - второй половины XIX и начала XX века непременно показывают таких зрителей. Разумеется, они меньше всего думали о созерцании небес. Если бы их спросить, что их здесь так привлекает, то, скорее всего, они ответили бы, что речная (озерная, морская) жизнь и вид города. Это была бы чистая правда: и зрелище многообразной жизни на воде, и открывающаяся отсюда панорама города завораживают, и на них можно смотреть часами.

Вот только одно свидетельство, и приводится оно потому, что принадлежит человеку сугубо сухопутному, да к тому же описывающему место, от рождения ему совершенно чужое: "Дом, в котором мы живем, стоит почти на площади, кругом много пространства. Из окон превосходный вид на перспективу Екатерининского канала <...> Жизнь на барках, движение, выгрузка. То привезут на барке мебель с дач и перед окнами выгружают, то камень, плиты и особенно целый лес барок с дровами тянется за Калинкиным мостом до моря <...>, а вон и море - сегодня солнечный день, ты смотри, какой блеск, сколько света там вдали! Так и уходит в бесконечность, и чем дальше, тем светлее, <...> А посмотри направо: вот тебе вся Нева, видно до Николаевского моста. Адмиралтейство, доки, Бертов завод. Какая жизнь здесь, сколько пароходов, буксирок, таскающих барки, и барок, идущих на одних парусах! Яликов, лодочек всяких покровов. Долго можно простоять, и уходить отсюда не хочется <...> я не жалею, что приехал сюда опять. Слава Тебе Господи!!!"¹⁴ . Это осенью 1882 года Илья Репин, выросший на юге в жаре и пыли, среди садов, чумацких телег и лошадей (семья держала постоянный двор и конный торг), в нагорном, высоко над Донцом стоявшем Чугуеве, пишет Василию Поленову о Санкт-Петербурге, которого Поленов терпеть не мог, и пытается объяснить, за что он так любит этот плоский, как стол, холодный и чинный северный город. С точки

зрения нашей темы, самое замечательное в столь восторженном признании в любви - это его сосредоточенность на зрелище воды. С верхнего этажа дома у Покровской площади прекрасно видны все типы водных пространств столицы - канал, Нева и Финский залив. Репин смотрел вниз, как смотрят с мостов и набережных, только стоял выше и видел дальше. Его как художника захватывает зрелище речной жизни само по себе. В то же время его как горожанина живо интересуют все связи этого зрелища с городской повседневностью, в которой он отлично ориентируется: письмо написано 5 октября, и он отмечает, что мебель свозят обратно в город после дачного сезона, и тут же указывает верный признак предстоящей зимы - наплыв дровяных барок, а заодно и старания запастись стройматериалами (камень в плитах), пока еще не кончилась навигация. Но главное - это солнце, ослепительно сияющее в воде, и благодарность Господу за радость видеть и впитывать в себя всю эту картину, художественная законченность которой совершенно неотделима от будничного, хозяйственного смысла и от ощущения нормального и счастливого течения жизни.

Любопытно, что Репин только в словесной форме, но не в живо-

¹⁴ Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания / Сост. Е. В. Сахарова. Общая ред. и вступ. ст. А. Леонова. Изд. 2-е. М.; Л., 1950. С. 182-183. стр. 63

писи, выразил свою привязанность к неродному для него невскому ландшафту. Дело, может быть, в том, что словесность куда аналитичнее живописи: художник пишет как бы всем телом, а словесность опирается на глубокую рефлексивность. Только словами удастся описать скрытое воздействие городского пейзажа на структуры личности горожанина. Недаром именно в словесной форме младший современник Репина, Томас Манн, дал образец тонкого анализа внутренней связи между своим родным любекским пейзажем и своим отточенным литературным стилем: "Любек как особый пейзаж, язык, архитектура <...> может быть обнаружен и во всей моей писательской деятельности, от начала до конца, определяет ее и господствует в ней. <...> Мне кажется, что море, его ритмичный шум, его трансцендентная музыка живет повсюду в моих книгах - даже и на тех многочисленных страницах, где я прямо ничего о нем не говорю. <...> В конце концов, я ведь пользовался его палитрой, и если кое-кто находил, что мои краски блеклы, тусклы, сдержанны, - что же, видимо, повинны в этом просветы между серебряными буками, открывавшими бледные, словно пастельно нарисованные море и небо, на которых отдыхал мой взгляд, когда я был ребенком и был счастлив"¹⁵. Замечу, что Т. Манн использует детали художнического обихода (палитру, краски, пастель, рисование), когда ему нужно подчеркнуть чисто органическое, свободное от рефлексии усвоение ландшафтных впечатлений. Здесь один из лучших писателей XX века дал себе труд продумать и объяснить согражданам (цитирована его речь на торжествах 1926 года по случаю 700-летия городских вольностей Любека), как именно городской пейзаж незаметно формирует душу человека и как человек в глубине своего творческого воображения не просто отождествляется с родным пейзажем, но и становится для него, этого пейзажа, средством выражения. Конечно, абсолютному большин-

¹⁵ Манн Т. Любек как форма духовной жизни. Пер. с нем. / Собр. соч. в 10 т. Т. 9. М., 1960. С. 81-83. Море. стр. 64

ству горожан это не могло и не должно было приходиться в голову, хотя они ровно в такой же мере подвергались воздействию городского неба и городской земли, и это воздействие в той же мере сказывалось в их поведении, вкусах и, как отметил Т. Манн, даже в выговоре, но не обязательно в их суждениях.

Не следует думать, что живая связь между городским рельефом, водой и растительностью, с одной стороны, и человеческим типом горожанина, с другой, оставалась предметом специального внимания только людей искусства. С древности этим занимались также люди противоположного склада - представители естественных наук. Можно считать, что основателем этой традиции был Гиппократ, патриарх медицины современного типа, который признавал только опытное знание и ко всему остальному относился скептически. Впрочем, едва ли он действительно положил начало этой традиции, скорее продолжил, упорядочил, развил и облек в четкую, даже инструктивную форму: "...Если кто придет в незнакомый ему город, он должен обратить внимание на его положение для того, чтобы знать, каким образом он расположен к ветрам или восходу солнца, ибо не одни и те же свойства имеет город, лежащий к северу и лежащий к югу, а также расположенный на восход солнца или на запад. Также и на это следует обращать очень большое внимание, как обстоит дело по отношению к водам, пользуются ли они болотными и мягкими водами или жесткими, вытекающими с высоты и каменистых мест, или же солеными и неудобными для варения. И на самую землю должно обращать внимание, голая ли она и лишенная вод или заросшая и орошенная, и расположена ли она на местности углубленной и удушливой от жаров или же на высокой и холодной; и на образ жизни людей, какой они охотнее ведут: преданы ли питью, ядению и праздности или же любят заниматься физическими упражнениями и трудами, много едят и не пьют"¹⁶. И дальше идет составленная по последнему слову тогдашней науки (оно оставалось последним по меньшей мере полторы тысячи лет) ландшафтная типология городов и точно соответствующая ей физическая и социально-психологическая типология горожан. Вот, скажем, город на склоне, обращенном к северу: "Прежде всего, воды - жесткие и холодные, люди же должны быть крепкими и сухими <...> и нравы у этих людей скорее дикие, чем кроткие"¹⁷. С городами, обращенными в другие стороны, "дело обстоит так: те, которые расположены на восход солнца, естественно, более здоровы, чем те, которые обращены к северу и ветрам теплым [то есть к югу. - Г. К.], хотя бы расстояние между ними было только один стадий. <...> Внешний вид людей бывает цветущим и свежим <...> Люди одарены ясным голосом; по нраву и рассудительности лучше северян, поскольку и все прочее там рождающееся превосходнее"¹⁸. Конечно, сейчас способность узко локальных изменений рельефа (стадий - около 180 м) столь жестко детерминировать психофизическую конституцию людей кажется сильным преувеличением, а во всей топике суждений проступают черты древнейшего космологического мифа. И все же сама убежденность великого медика и натурфилософа в глубинной связи души и тела горожанина с городской землей и небом - вот что внушает полное доверие.

Тут нужно сделать одно дополнение, с которого, может быть, следовало даже начать обсуждение вопроса о городской земле. Дело в том, что эта земля не остается на протяжении жизни города чем-то неизменным. Наоборот, она постоянно возделывается и переделывается человеком и становится одним из основных памятников город-

¹⁶ Гиппократ. О воздухах, водах и местностях. Избранные книги. / Пер. с греч. проф. В.И. Руднева. Ред., вступ. ст. и прим. проф. В.П. Карпова. М., 1936. С. 278-279. Трактат предположительно написан в середине 420-х гг. до н. э. Это одно из очень немногих сочинений Гиппократа, которые признаются бесспорно аутентичными.

¹⁷ Гиппократ. Цит. соч. С. 280-281.

¹⁸ Гиппократ. Цит. соч. С. 282.

стр. 65

ской культуры. Уже Плиний считал, что горожане живут как бы на крыше гигантских, скрытых в земле субструкций. Точно такое же ощущение испытал "Дядя Гиляй" (В. Гиляровский) в московском сточном коллекторе: когда по мостовой над ним

проезжали пролетки, то оглушительный грохот давал понять, что уличная жизнь идет на кровлях целого подземного города, о котором москвичи ничего не знают, хотя улицы повсюду сообщаются с ним многочисленными решетками. Так что городская земля, помимо своей естественной конституции, была еще и произведением инженерно-строительного искусства и воздействовала на формирование горожанина в ответ на его воздействие на ее форму. Спускаться и подниматься по склону холма по грунтовой тропинке, или по вымощенному серпантину, или по улице-лестнице, или в вагончике фуникулера - это совершенно разные виды телесного и душевного опыта, и они оставляют в воображении горожанина разные следы, по-разному настраивают его.

(Окончание следует.)

стр. 66

Каганов Г.З. Горожанин в городе: идентификация с Землей и Небом. Часть 2⁸

Воздух и картина небес

Гиппократ в цитированном трактате "О воздухах, водах и местностях" недаром уделял "воздухам" особое внимание, и в названии трактата они стоят на первом месте. Пусть легендарный врач описывал воздействие "воздухов" в привычных ему и понятных его ученикам диагностических терминах, - это не отменяет самой первостепенности воздушного фактора. Впрочем, на первый взгляд кажется, что воздух в городах если и различается, то разве теми своими характеристиками, которыми занимаются вслед Гиппократу метеорологи и санврачи. А так, для рядового горожанина - воздух и воздух. Ну, иногда почище, иногда погрязнее. Это верно, но это не все.

Для горожанина, и прежде всего для рядового горожанина, воздух на самом деле - не пустота, а тело, и горожане чувствительны к размерам воздушных тел не менее, чем к размерам тел земляных, каменных, деревянных и прочих. В ходе уже упоминавшихся полевых обследований мне неоднократно приходилось сталкиваться с такими оценками разных мест в городе: "Воздуху тут много" (с явно одобрительной интонацией) или наоборот: "Как-то воздуху маловато" (с интонацией упрека). Такие слова обычно сопровождалось типичными жестами рук и плеч: при "много" руки разводились, ладонями как бы указывая некий крупный габарит, а при "мало" - сводились, как бы отмеряя габарит слишком мелкий. Этот телесный язык бывает выразительнее слов и иной раз сообщает о смыслах, которые словами не передашь. Так и в данном случае: жесты произвольно придавали словам не просто пространственный, но именно телесный смысл, как бы обнимая невидимые, но осязаемые, почти осязаемые воздушные тела.

Но это лишь одна сторона дела. Другая состоит в том, что во всяком теле, которое может (хотя бы неосознанно) различить воображение горожанина, должна быть жизнь. Мне уже доводилось обсуждать в журнале эту особенность среднего воображения¹, и здесь нет надобности подробно на ней останавливаться. Достаточно отметить лишь главный ее момент: в "своей", то есть полностью освоенной среде обитатель подсознательно наделяет все компоненты этой среды свойствами живых существ и относится к ним как к живым, имеющим свой нрав, судьбу, приятные и неприятные качества и пр. При этом его здравый смысл сохраняет все свои обычные суждения, и когда человек говорит, например, об автомобиле: "Тачка пока ничего, бегаёт", то звучит это так, будто речь идет о лошади или соба-

Каганов Григорий Зосимович - доктор архитектуры, ведущий научный сотрудник Института теории и истории архитектуры и градостроительства. Постоянный автор журнала.

Окончание. Начало см.: Человек. 2001. N 3.

⁸ Каганов Г.З. Горожанин в городе: идентификация с Землей и Небом // Человек. 2001. №4. С. 28-38.

¹ Каганов Г. З. Обитаемая среда: апология воображения // Человек. 1993. N 4. С. 5-26.
стр. 28

ке (подсознательно так и есть), хотя на уровне здравого смысла он отлично знает, что подразумевается ВАЗ такой-то модели такого-то года.

Таково же отношение его и к воздушным телам своего города. Когда горожанин говорит: "Чего-то на этом углу всегда свистит, везде тихо, а тут ветродуй какой-то", то он имеет в виду не метеорологическое обстоятельство и его объективные причины, а скверный характер конкретного воздушного тела - перекрестка. Со временем "ветродуй" может превратиться в неформальное имя данного места (в среде все настоящие имена - неформальные). И так происходит не только в быту. Мне пришлось однажды присутствовать на обсуждении дизайна временных жилищ для Крайнего Севера. Один из экспертов объяснял силу ветров и объемы снегопереноса так: "Снег там, он такой: если в стенке дырочку гвоздем пробить, то за полчаса набьется и всю комнату завалит". Здесь, в профессиональной аудитории, привычной к обращению с объективной информацией и сложными логическими конструктами, тоже работал чисто средовой образ снега-злодея, который ведет себя как взломщик. Это оказалось эффективнее таблиц, уравнений и диаграмм, эффективнее потому, что адресовалось прямо к навыкам средового воображения, с которым постоянно имеет дело дизайнер.

Стало быть, городской воздух - всегда живой. Он то задымленный, то прозрачный, то поблескивающий микроскопическими кристалликами льда в мороз, то сырой, полный невидимых капелек влаги, то сухой, с тонкой взвесью пыли, то холодный, то горячий, дрожащий над раскаленным асфальтом, то застойный и тяжелый, будто мертвый, то несущийся и завихряющийся, взметающий листья, бу-
стр. 29

мажки, песок. А что творится в туман! Вот когда городской воздух становится не просто видимым, но и почти осязаемым телом молочного цвета. Особенно впечатляющими бывают верховые туманы, при которых слой тумана отстоит от земли на расстояние от нескольких метров до нескольких десятков метров. Тогда все, что под ним, то есть нижние этажи застройки, земля и вода, стволы и нижние ветви деревьев, мостовые опоры и т.д., ясно видны на любом расстоянии, видны в идеально рассеянном свете совершенно без теней ("свете чистилища"), но начиная с уровня, на котором стоит туман, вся верхняя половина города, как срезанная, исчезает в непроницаемо плотной белизне. При верховом тумане иногда бывает солнечная погода, и тогда все его "одеяло" так насыщено светом, что на него трудно смотреть.

Но даже не столь экзотический, а обычный туман может совершенно менять картину города: "Она [Нева в центре Петербурга. - Г. К.] вся покрыта белым туманом, протянувшимся над нею в виде бесконечно длинной и бесконечно высокой горной цепи <...> и только высокие мачты бесчисленных кораблей высовывают свои острые вершины из этого, поглотившего все, тумана <...> все это окрашено в тускло-перламутровый цвет, повсюду что-то фантастическое и чудесное"². Если учесть, что автором этого прочувствованного пассажа был Глеб Успенский, известный прежде всего своими протокольно точными "физиологическими" очерками-исследованиями городской жизни, то становится понятно, что может значить воздух в городе и как он способен влиять на воображение.

Выше было мельком упомянуто о задымленности воздуха как одном из возможных его состояний, значимых для горожанина. Сейчас мы воспринимаем дым в городе как нечто резко отрицательное. Но так было не всегда. Веками многочисленные дымы над городскими домами означали мирную, нормально устроенную жизнь. С появлением фабрик, а особенно пароходов (в начале 1820-х годов), дым из их труб стал

общепопулярным признаком прогресса (и не только технического) и воспринимался целиком положительно, каким бы густым и черным он ни был. Пожалуй, только сооружение в середине XIX века железнодорожных станций вплотную к жилой застройке впервые стало вызывать, и то лишь иногда, неудовольствие от угольного паровозного дыма: "Паровики дымятся смрадом", - брюзжал князь Петр Вяземский весной 1858 года, хотя вовсе не был противником прогресса, и заводские трубы его не раздражали.

Но что вызывало неизменный восторг, так это белый пар, не только от локомотивов, но и от любых паровых машин. Любопытным тому свидетельством может служить небольшая акварель выдающегося мастера этой техники Луиджи Премацци "Вид Невы у Академии художеств" (1850, Государственный музей истории Санкт-Петербурга), где смысловым центром широкой невольской панорамы сделаны не знаменитые здания или только что построенный - первый в городе! - Благовещенский мост через Неву, а клубы черного дыма и струя белого пара где-то вдаль, на фоне бесцветного неба, причем дым образует темную подкладку, на которой пар особенно светится своей белизной. Пар стал здесь выразительным иносказанием живого духа города, и то, что художник за дальностью не может показать (а зритель не может разглядеть), откуда пар идет, приобретает свою смысловую функцию: белая струя, как сильный выдох, вырвалась и улетает в небо как бы из самого массива застройки, где до-

² Успенский Г. И. Эпизоды из петербургских сезонов: Нравоописательные очерки// Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1950. С. 384. Написано в 1867 году.
стр. 30

ма и мостовые конструкции смешаны в одно неделимое целое. Это выглядит как энергичное дыхание городского тела, живущего, оказывается, полной жизнью, хотя на первый взгляд композиция целиком задана огромным пустынным простором зеркально-неподвижной Невы и монотонной полосой зданий на низком берегу Васильевского острова. Воздух таких панорам всегда неправдоподобно стерилен и ясен, и город кажется вплавленным в толщу абсолютно прозрачного стекла, как муха в янтаре. Так что сама по себе эта панорама никак не может вызывать чувства живого напряжения, у нас на глазах возникающего в теле города. Скорее, наоборот, она создает образ летаргического сна. Недаром вскоре, в середине 1860-х годов, Родион Раскольников будет стоять на Благовещенском мосту, смотреть на эту самую панораму с ее вечно прозрачным воздухом (без непрозрачного дыма и пара, имеющего свой телесный объем) и чувствовать, **что обьят "духом немоты и какого-то отрицания"**, как было сперва сказано в черновике Ф. Достоевского³.

Пейзаж Л. Премацци передает как раз момент пробуждения, момент вторжения новых компонентов в неизменную картину городской земли и неба, ту картину, которая входила в прочно усвоенный горожанами образ среды их обитания. Художник, как чувствительный прибор, среагировал на это новшество, и его реакция показывает, что такого рода вторжения не разрушали традиционный образ, а напротив, дополняли и усложняли его. Легко себе представить, как шедший по набережной петербуржец останавливался, чтобы не только на всю эту невидаль посмотреть, но и вслушаться в звуки новой жизни, далеко разносившиеся над водой, - в свист и шипение пара, в ровный гул или тархтение машин, в звонкий стук по металлу или какие-то глухие удары, от которых вздрагивала земля. Нам сейчас уже трудно представить острую и полную восторга реакцию тогдашних горожан на это деловитое, без лишней помпы переустройство обитаемого мира, на это начало еще одной новой эры - эры прогресса.

Вернемся к образу дыма, летящего в городском воздухе и исчезающего в небесах. Место его в городской культуре со временем менялось. Пожалуй, вплоть до Второй мировой войны в искусстве (и можно полагать, в воображении горожан) всех стран промышленные дымы были нормальной частью "небесной линии" городов. Одним из

лучших тому подтверждений служит превосходная ксилография в два тона Анны Остроумовой-Лебедевой "Вечер" (1931), где черный силуэт города на фоне догорающего заката весь состоит из заводских труб с дымами, похожими на вымпелы, реющие на ветру. Они выглядят торжественно и почетно, поскольку дымящиеся трубы заводов повсюду ассоциировались с индустриальным подъемом и процветанием. И только страшные пожары времен войны, вызванные варварскими бомбежками густонаселенных городов, изменили отношение к дыму в городском небе. Ведь дым из труб показывал, что опасный процесс горения приручен и поставлен на службу горожанину, а дым пожара означал, что дикая стихия огня вырвалась на свободу. После войны все реже можно встретить изображение городских дымов, полные прежнего энтузиазма. Более того, с 1960-х годов началось экологическое движение, резко отрицательно маркировавшее любые промышленные выбросы в воздух. В итоге к 1980-м годам городское небо во всех индустриально развитых странах очистилось, и сейчас там лишь изредка можно увидеть легкий водяной

³ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Рукописные редакции // Полн. собр. соч. Т. VII. Л., 1973. С. 125.
стр. 31

пар, летящий из серебристых, изящных, увитых спиральными сварными швами металлических труб, причем зимой его клубы приобретают скульптурную законченность и столь эффектно украшают небеса, что кажутся произведением новейшего городского дизайна, вроде ночной подсветки облаков цветными прожекторами.

Воздух города полон не только испарений, влаги, взвесей, дымов, изморози, которые придают ему цвет и уменьшают его прозрачность, делая дальние планы менее различимыми, погружая их в дымку разных оттенков и тем самым увеличивая глубинность пространства и усиливая живописность или драматизм городского пейзажа. Воздух города полон еще и запахов. Объективная стереохимическая природа запахов такова, что обонятельные образы чрезвычайно устойчивы и хранятся в памяти десятками лет, минуя контроль сознания и окрашивая другие впечатления - зрительные, слуховые, осязательные. Поэтому городские запахи составляют существенную часть "пространства идентификации" горожанина с его средой. Именно запах, уловленный когда-то в детстве или связанный с эпизодом юности, может оказаться главным индикатором пригодности среды для нормального обитания. "Раз здесь пахнет точно, как пахло там-то и тогда-то, значит, это место может стать моим", - примерно так можно воспроизвести логику отождествления с новым, не вполне "своим" местом, неожиданно совпавшим по обонятельному признаку с другим, безусловно "своим" местом, даже если оно было таковым много лет назад и сейчас уже давно не существует. Объективно не существует, а субъективно продолжает жить (в памяти) и действовать, то есть задавать средовые предпочтения и управлять реальным поведением горожанина. Конечно, у запаха может быть и отталкивающий образ, он может напоминать о чем-то тягостном и страшном, и тогда его внезапное припоминание будет означать, что наделенное им место никак не годится в качестве "своего".

Изучение роли запахов в городской культуре началось в конце 1960-х годов, тогда же, когда стал формироваться подход к городу как к особому типу обитаемой среды. Вряд ли это совпадение случайно. С тех пор обонятельному коду, существующему в городском

стр. 32

сообществе, посвящены бесчисленные экспериментальные и историко-культурные штудии. В частности, выявлены глубокие различия между разными культурными традициями в их отношении к запахам. То, что резко отрицательно маркируется (и тем самым выделяется) одной традицией, может совершенно не замечаться другой. Дмитрий

Захарьин собрал очень характерные примеры столкновения разных культурных стандартов по части запаха, идущего от людей и от мест их обитания, в частности, те, которые сохранились в записках западных дипломатов, посетивших Россию в XVII веке⁴. Вот некоторые из них.

Швед Пер Перссон (Петр Петрей), военный комиссар при экспедиционном корпусе короля Карла IX (около 1620 года): "Москвитяне <...> не стыдятся также кашлять, харкать, икать и выпускать кое-что задницей за обедом в гостях, в церквах или в другом месте, на улице или на рынке, да еще смеются и очень потешаются тем".

Готторпский посланник Адам Олеарий (между 1632 и 1636 годом): "Обычно их [русских. - Г. К.] блюда готовятся с чесноком и луком. А от этого все их помещения и дома, и даже великолепные великокняжеские покои и дворцы в Кремле, да и сами русские, когда они с тобой говорят, да и все места, где они даже немного побыли, - все источает сильный и нам, немцам, отвратительный запах".

Австрийский дипломат Августин Мейерберг (1661-1662 годы): "В продолжение стола они вдруг раздражаются звонкою рыготней, с отвратительным запахом непереваренной смеси чеснока, лука, редьки и водки, и эта рыготня <...> сливаясь с громкозвучными испарениями их желудков, обдает окружающих самым вредным серным смрадом".

Профессор из Дуйсбурга Йоханн Арнольд Бранд (1673 год): "Едва мы выстроились в надлежащем порядке, как один из тринадцати русских бояр вдруг так рыгнул, что мы все перепугались. Еще более мы удивились тому, что подобное происходит без всякого порицания со стороны царя и других приближенных".

Стоит отметить, что контроль над телесными запахами в западных обществах эпохи барокко имел целью как можно меньше травмировать собеседника или сексуального партнера и потому существовал на достаточно ограниченном пространстве, не дальше комна-

⁴ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории// Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII-начало XX в. / Сост. Н. Н. Мазур. Россия-Russia. М.- Венеция. 1999. N 3 (11). С. 54-70.
стр. 33

ты, а на городскую среду вообще не распространялся. Какие запахи наполняли город середины XVIII века, об этом с гротескным преувеличением пишет Патрик Зюскинд: "В городах того времени стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей. Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни - скверным углем и бараньим салом; непроветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни - грязными простынями, влажными перинами и остро-сладкими испарениями ночных горшков"⁵. А вот обонятельный образ парижской улицы: "Улица пахла как обычно - водой, помоями, крысами и овощными отбросами"⁶. Здесь преувеличений почти нет, так как на улицы действительно выливались помои и выбрасывались отходы, по ним стекала дождевая вода, для чего мощению придавался уклон к середине улиц. Николай Карамзин, не склонный к преувеличениям и в целом восхищенный Парижем, тем не менее, считает своим долгом упомянуть "подле блестящей лавки ювелира - кучу гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущую ручьями из мясных рядов, - зажмите нос и закройте глаза. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете <...> сливается в Париж нечистота и гадость"⁷. Хотя в культуре сентиментализма вообще, а в карамзинских "Письмах русского путешественника" в особенности, явственно доминируют зрительные - и, уступая им в значимости, - слуховые образы городской среды, все же обонятельные впечатления так шокировали "чувствительного" москвича, что с таким Парижем идентифицироваться он категорически не желал и другим не советовал.

Запах имеет еще одно существенное для городской среды свойство: у него есть пространственная фигура, есть собственный воздушный объем, границы которого устанавливаются на нюх. Запах где-то начинается и где-то кончается. И, хотя не всегда его границы можно очертить точно, тем не менее, он может устойчиво связываться с конкретным местом, и разные участки городских сред могут четко маркироваться по запаху. Обонятельная топография всегда была очень важной проекцией любой обитаемой среды. В замечательной, давно уже ставшей живой классикой книге Георгия Кнабе о жизни античного Рима характерные запахи римской толпы описаны со столь впечатляющей достоверностью, что обонятельная окраска городского пространства приобретает статус одной из ярких черт портрета всей тогдашней средиземноморской цивилизации⁸. И так было не только в древности и не только в Средиземноморье.

"Каждая петербургская улица имеет свой особенный, ей одной только свойственный запах. <...> Иногда, обыкновенно рано утром или поздно вечером, в холодную погоду, запахи эти делаются <...> почти осязательными, сгущаясь в неблагоприятный туман или теплый пар"⁹. Трудно найти более точное свидетельство реально существующей обонятельной топографии города. Запахи бывают "почти осязательны" - вот пространственная фигура городского запаха, с которой на деле, а не на словах сталкивался горожанин и которая служила опознавательным знаком места, куда более запоминающимся, чем любые вывески, хотя его и нельзя было зарисовать или точно описать словами. Важно, что москвич Аполлон Григорьев зафиксировал это явление в среде, ничем не похожей на родную Белокаменную, в среде чужой, но зато интенсивно им обживаемой и обследуемой на предмет ее "присвоения", превращения в "свою".

⁵ Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы / Пер. с немец. Э. В. Венгеровой. М., 2000. С. 5.

⁶ Там же. С. 49.

⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 284.

⁸ Кнабе Г. С. Древний Рим: история и повседневность. М., 1984.

⁹ Григорьев А. А. Заметки петербургского зеваки // Репертуар и Партеон. 1844. Книжка двенадцатая. С. 741. стр. 34

Что касается "картины небес", то здесь такое словосочетание употреблено не случайно. Дело в том, что небо в городе выглядит и переживается именно как картина, то есть как некоторая автономная реальность, отделенная от обыденного мира, заключенная в раму и предъявленная нам в этой раме. Город с его домами, крышами, деревьями, проводами образует ту раму, в которую для горожанина всегда заключено зрелище живущих своей жизнью небес. Даже если дома низкие, они занимают края поля зрения в любом случае, включая тот, когда горожанин специально поднимает глаза, чтобы взглянуть на небо. Как бы высоко ни был устремлен его взгляд, рама города все равно останется в поле периферийного зрения после того, как узкий луч центрального зрения перестанет эту раму фиксировать. А средовые образы, как показала Галина Лебедева, в значительной степени формируются как раз периферийным зрением¹⁰. Так что образ неба в воображении горожанина существует всегда в виде картины, обрамленной верхними контурами города. Английское слово skyline, получившее сейчас в виде кальки "небесная линия" права гражданства в русском языке, со всей определенностью свидетельствует, что обыденное сознание давно уяснило (раз уж закрепило в языке) тот факт, что небо с земли вообще воспринимается не иначе как в земной раме.

Горожанин в повседневной жизни видит небо над собой не обязательно в виде достаточно обширной картины. Часто небо видно где-то в узком просвете между домами, и тогда массивная рама городского тела настолько превышает небольшую площадь видимого неба, что приходится говорить уже не о картине в раме, а об окошке в глубокой

амбразуре. Недаром Хосе Ортега-и-Гассет заметил о живописи: "В раме есть что-то от окна, как в окне - от рамки. Холст - это <...> брешь в невероятное, открывающееся в благословенном окне рамки"¹¹. Именно городское обрамление делает зрелище небес частью нашей среды.

Н. Карамзин в "Письмах русского путешественника" с чувством говорит о том, как за границей вспоминал "тех, с которыми родился под одним небом, питался одним воздухом, учился произносить первые звуки, играл в младенчестве на одном поле, вместе плакал и улыбался"¹². А чем, казалось бы, "небо, под которым родился", по существу отличается от небес над другими местами? Примерно такие же облака или лазурь. Есть, конечно, чисто объективные различия, зависящие от географической широты и расстояния до океана. Но "небо, под которым родился", отличается даже от тех небес, что видны в других местах, на одной с ним широте и в одном климатическом поясе, хотя картина неба там объективно не будет отличаться от той, какую видишь в отечестве.

Да, картина будет та же - но рама другая. Картину (когда на нее специально смотришь) видишь центральным зрением и более или менее отдаешь себе в этом отчет. А раму обычно видишь периферийным зрением и никакого отчета в этом себе не отдаешь. Но рама оказывается тем важнее, чем больше похожи друг на друга картины. Как раз на своей широте и в своем климатическом поясе смысл картины неба полностью определяется ее рамой, хотя о раме-то думаешь меньше всего. Просто чувствуешь, что "небо какое-то другое". На деле другой оказывается зрительная периферия, то есть верхние контуры окружающего городского пейзажа. Его "небесная линия" (ровная или изрезанная, сплошная или прерывистая и т.д.),

¹⁰ Лебедева Г. С. Периферийное зрение как субстрат среды // Психология и архитектура: Материалы научной конференции в Лохусалу, март 1985 года / Под ред. М. Хейдметса, Ю. Круусвалла и Т. Нийта. Таллинн, 1985. Т. 2.

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о рамке / Пер. с исп. Б. Дубина // Этюды об Испании. Киев, 1994. С.150.

¹² Насколько мне известно, в европейской традиции начал специально штудировать эффекты первых лучей утреннего солнца, скользящих среди тесных городских улиц, превосходный немецкий график Георг Шарф, с середины 1810-х до середины 1850-х годов работавший в Лондоне. Масса его зарисовок на эту тему хранится в Британском музее. Похоже, что художник вынашивал замысел большой работы, изображающей очень раннее утро в тогдашней столице западного мира.

его основные цвета, его резкая или затуманенная видимость регистрируются боковым зрением и живут в памяти собственной, неподконтрольной сознанию жизнью и не дают о себе знать, пока не подвернется случай взглянуть на небеса в другом месте. Вот тут и оказывается, что картину на самом деле формирует рама, а сознание выносит свою оценку зрелища в целом по подсказке зрительной периферии. И горожанин не без основания полагает, что в другом городе "небо какое-то другое". Только основание дает не небо, а город.

Особое место в образе земли и неба занимает линия горизонта, так сказать, "небесная линия" самой земли. Всюду, где появляется какая-то возможность, глаз ищет ее. И когда она вдруг обнаруживается, пусть даже в узком случайном просвете, взгляд останавливается на ней настолько, насколько позволяют обстоятельства. Горизонт обладает неодолимой, магической притягательностью, и в городе больше, чем где бы то ни было. Во всяком старом русском городе, расположенном на высоком речном берегу, есть участок береговой террасы, откуда хорошо видны низкие заречные дали и где всегда стоят скамейки, чтобы можно было сидеть и долго смотреть туда, вдаль, на горизонт, покрытый синими лесами. Эта картина запоминается на всю жизнь, и, хочет того человек

или нет, от нее отсчитываются, с ней невольно сверяются все дальнейшие впечатления от городских сред. Общаясь с коллегами из таких городов, мне приходилось не раз замечать, что их реакция на пространственную ситуацию городских районов Москвы и Петербурга, застроенных в 1950-е годы (широкие площади и проспекты, просторные дворы "сталинских" домов-каре), была отрицательной: "Тесно у вас тут!". Это звучало странно для тех, кто привык к плотно застроенным кварталам московского или петербургского центра, но было вполне понятно в устах людей, с детства привыкших к виду горизонта, открывающемуся в самом главном месте родного города.

Если город велик, но где-то в нем все-таки есть место, с которого виден горизонт, то такое место приобретает исключительную значимость, и туда ходят и ездят специально, а смотрение на горизонт становится одним из важных городских ритуалов. Например, в Санкт-Петербурге таким местом по традиции была пустынная стрелка Елагина острова. В XIX - начале XX века было принято ездить туда в светлую часть дня, останавливаться неподалеку от самой оконечности острова, обязательно выходить из экипажей, подходить к кромке земли пешком и подолгу смотреть вдаль, на пустой горизонт залива, где лишь изредка можно было разглядеть паруса яхт. Сами собой прекращались все светские разговоры, и царило молчание, иногда столь долгое, что в других ситуациях оно стало бы просто невыносимым. Но здесь, в атмосфере отправления культа, наоборот, была бы невыносима болтовня.

Надо заметить, что сейчас, когда многие горожане живут на верхних этажах высоких домов вблизи границ города, вид окрестностей и линия горизонта вновь становятся частью повседневного образа обитаемой среды, как оно веками было в старых городах. Правда, большинству горожан не нравится жить так далеко от поверхности земли. Зато нередко можно услышать от них, что тут "неба много", и особенно это ценят те, кто долго жил в тесном центре. Контакт "с небом" иногда принимает совершенно неожиданные формы. Хочу рассказать об одном таком происшествии.

стр. 36

Многоэтажный новый дом, на последнем этаже которого жила в Санкт-Петербурге близко знакомая мне семья, оказался точно на пути полетов стаи чаек с Финского залива на отвалы какого-то окраинного пищекомбината (рано утром) и обратно (перед сумерками). Так как стая всегда летала на определенной высоте, а именно на высоте последнего этажа, и маршрут не мог меняться (поскольку он жестко привязан к градиенту магнитного поля Земли), то на подлете к дому стая делала сложный маневр, разделяясь на две колонны, облетая дом справа и слева, а потом снова соединяясь. Это перестроение дважды в день сопровождалось криком чаек, который сам по себе уже воспринимался как "привет с неба", тем более, что они пролетали прямо перед окнами. Как-то раз при их возвращении одна из чаек, видимо, при маневре не поняв, к какой колонне ей надо примкнуть, сбилась с курса, полетела прямо и со всего маху ударилась головой о стену как раз над самым верхним балконом, на который она и рухнула без сознания. Ее подобрали чуть живую и догадались поместить на воду, налив полную ванну. Пока ее устраивали, то заметили, что она окольцована, и на кольце стоит номер и слово Poland. Весь вечер и всю ночь она не подавала признаков жизни, и дети очень горевали. Но под утро всех разбудил грохот в ванной - это массивная тяжелая птица, придя в себя, пыталась взлететь, попутно опрокидывая все подряд. Международную путешественницу, бившую мощными крыльями размахом около метра, кое-как сгребли в охапку и выпустили с балкона при полном ликовании детей. У этой семьи есть право сказать, что они, благодаря последнему этажу, знакомы с небесами (ведь "птицы по небу летают") не только зрительно.

Все позиции, касающиеся идентификации с землей и небом, выделены вполне условно, поскольку между ними на самом деле нет границ. Разве можно отделить, скажем, деревья или воду от воздуха? Они в реальной среде никогда не воспринимаются и не

переживаются по отдельности и являются человеку только как одно непрерывное трепетное тело: воздух входит в объем древесных крон и все его движения видны и слышны в листве, и все это вместе отражается в воде, тоже отзывающейся на малейшее дуновение.

А куда отнести дождь? Недаром во всех мифологиях мира это полное слияние земли и небес считалось их священным браком, и в глубинах культурной памяти таковым и остается. Художественное воображение по-своему интерпретирует эту древнейшую мифологию, представляя землю как мокрое зеркало, отражающее небеса. Особенно ярко оно сияет в городе, где твердые покрытия сразу, при самом легком увлажнении, теряют вид и цвет земли и становятся повторением света и цвета неба, на чем за последние 120-130 лет строились сотни прекрасных произведений живописи, графики, фотографии и кино.

А по какому ведомству числить свет, скользящий по земле утром и вечером и волшебным образом преображающий городской пейзаж? Эту тему все изящные искусства тоже разрабатывали и варьировали по сезонам года на протяжении не менее полутора столетий, причем впервые этот чисто урбанистический эффект был замечен и оценен, кажется, во второй четверти XIX века в крупнейшем городе того времени, Лондоне. Столь же богаты возможностями любые атмосферные и климатические явления - снег и иней, серый или яркий день, светлая или темная ночь, увиденные и пережитые в городе. И чем плотнее городская ткань, чем дальше городская среда ушла от природы

стр. 37

по пути превращения города в произведение искусства, тем ярче будут в ней все эти природные эффекты. Они были замечены и выделены как художественные сюжеты только на очень высокой ступени развития городской культуры. Ни одна раннегородская формация не эстетизировала таких сюжетов.

Выше уже не раз было упомянуто о могущественном, но скрытом воздействии образа земли и неба на городское сознание, или точнее, воображение. Не так часто удается встретиться с образцами ясного понимания и детального описания этого воздействия, на которые можно было бы опираться как на документы. Ведь для того, чтобы опознать в себе этот глубинный образ и дать ему яркое выражение, требуется не только способность и склонность к тонкой саморефлексии, но и немалый словесный дар. И все же такие образцы есть. Кроме речи Томаса Манна, не могу не процитировать Михаила Осоргина, замечательного русского писателя, изгнанного из отечества на "пароходе философов" в 1922 году и на всю свою заграничную жизнь сохранившего на редкость живое чувство и четкое осознание идентификации с родной средой. Вот он описывает свою пожизненную связь с городом детства, где главная улица "шла <...> от опушки пригородного леса до соборной площади, откуда был вид на Закамье - с высокого левобережья нашей замечательной стальной реки. Если я начал с описания родного дома, в котором жил только маленьким, раньше всех возможных ясных воспоминаний, то только для того, чтобы не упустить реки и леса, моих настоящих родителей. Весь с головы до ног, с мозгом и сердцем, с бумагой и чернилами, с логикой и примитивным всебожеством, со страстной вечной жаждой воды и смолы и отрицаньем машины, - я был и остался сыном матери-реки и отца-леса и отречься от них уже никогда не могу и не хочу. <...> Нижний край зеркала реки был украшен деревянной резьбой пристаней и барок, верхний отделялся зелено-синей полосой от воздушного ничего. Мы, тутошние, рождались в просторе, ковшами пили воздух и никогда не считали себя ни царями, ни рабами природы, с которой жили в веками договоренной дружбе. Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном неслыханными десятинами, никогда не знавшими крепостного права, и что голубая кровь отцов окислилась во мне независимыми просторами, очистилась речной и родниковой водой, окрасилась заново в дыхании хвойных лесов и позволила мне во всех скитаньях остаться простым, срединным,

провинциальным русским человеком, не извращенным ни сословным, ни расовым сознанием"¹³.

По-моему, невозможно сказать ни лучше, ни точнее. Вся мощь и языческая красота заросшей лесами земли и вся чистота дышащего воздуха-неба, который вдыхают, как живую воду, и за которым неявно стоит образ "Духа Святого, Господа животворящего" - вот что до краев наполняет эту прозу и звучит как благодарственная молитва. Все, что ей в моем тексте предшествует, можно, пожалуй, рассматривать как непомерно затянувшееся предисловие. Теперь к ней нечего добавить. Разве что еще раз перечитать.

¹³ Осоргин М. А. Времена. Автобиографическое повествование // Осоргин М. Времена. Екатеринбург, 1992. С. 489-490. Очерк "Времена", по которому назван весь том сочинений, написан в 1942 году во Франции, но передает впечатления, сложившиеся в России еще в 1880-х годах.

стр. 38

Каганов Г.З. Городская среда: преемство и наследования⁹

Когда заходит речь о нынешней городской среде, то одним из общих мест оказывается рассуждение о том, что вновь создаваемая среда (скажем, жилые районы) не имеет органической связи со средой традиционной, исторически сложившейся (скажем, со старым городским центром). Рассуждение, в общем, справедливое, и его часто выражают другими словами: между новой и старой средой нет линии культурного наследования, одна не является преемственным развитием другой. При этом как-то само собой принимается, что наследственное и преемственное - это одно и то же, и оба слова используются просто как синонимы. Но действительно ли они равнозначны? Действительно ли средовое преемство и наследование имеют одну и ту же природу? Вот в этом и хотелось бы разобраться.

Преемство и наследование: постановка вопроса

Условимся под преемством понимать передачу и усвоение культурных норм, образов, смыслов и артефактов непосредственно "из рук в руки", когда их носители реально или виртуально вступают друг с другом в прямой контакт. При таком понимании преемник должен "застать в живых" того (или то), кто (или что) передает ему некую культурную ценность. "Из рук в руки" берется в кавычки, потому что таким должно быть живое ощущение преемника, но неважно, будет ли таким физический акт передачи.

Под наследованием условимся понимать передачу и усвоение культурных норм, образов и пр. непрямым путем, не "из рук в руки", а через то или иное посредство и/или на той или иной временной дистанции, то есть таким путем, который исключает непосредственный контакт между теми, кто передает, и теми, кто усваивает культурные реалии. При таком понимании наследование может состояться только после "смерти" того, кто (или что) оставляет наследство. Для наследника переживание этой "смерти" будет оправданным и основополагающим моментом наследования.

Слова "живые" и "мертвые" берутся здесь в кавычки не только потому, что все предложенное различие достаточно условно, но и потому, что в приложении к культуре граница между "живым" и "мертвым" (если она вообще уловима) пролегает совсем не там, где ее обычно ищет повседневный здравый смысл. В частности, постулированное Платоном "забывание" и "припоминание" идей гораздо лучше соответствует природе обращения культурных норм, образов и пр., чем образы рождения и смерти во всей их бесповоротности.

Надо только отметить, что для преемника перенимаемая культурная реальность будет "живой" лишь настолько, насколько он способен вбирать ее

⁹ Каганов Г.З. Городская среда: преемство и наследования // Человек. 2000. №4. С. 49-62.

Каганов Григорий Зосимович - доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства. Постоянный автор журнала "Человек".

стр. 49

всем своим существом, а она способна сохранять для него всю свою телесно-чувственную полноту, независимо от того, какие именно чувства и страсти она в нем вызывает и возможен ли между ними физический контакт. И, напротив, наследник, отделенный чертой "смерти" от наследуемой культурной реальности и лишенный прямого жизненного контакта с нею, должен сделать сознательное и намеренное усилие для приобщения к наследию.

Возьмем несколько примеров, находящихся на разном временном расстоянии от сего дня, и будем переходить от более общих и удаленных от нас ситуаций к более частным и близким.

Как показал Эрвин Панофски, античное искусство на протяжении всего Средневековья вплоть до середины XIV века оставалось живой реальностью, преемственно вовлеченной в текущую художественную практику, несмотря на то, что для христианского воображения греческое и римское язычество было сатанинским измышлением. "К классическому миру подходили не исторически, а прагматически, как к чему-то <...> живому и потому потенциально полезному и потенциально опасному" (1). С одной стороны, в XIV веке сиенцы могли украсить городскую площадь статуей Венеры, "недавно откопанной и почитавшейся как "творение Лисиппа"", но с другой стороны, задолго, лет за двести до этого, "появились поистине устрашающие рассказы <...> о молодом человеке, который надел свое кольцо на палец статуи Венеры и сделался добычей дьявола" (2). Поэтому, когда Сиена проиграла военную кампанию Флоренции, "статуя низвергли, разбили на куски и обломки тайком похоронили на вражеской земле" (3). Обратим внимание на страстное и телесное отношение к античным артефактам и на бесцеремонно житейское обращение с ними - именно это и указывает на подлинное преемство от античной традиции. Оно полностью оборвалось лишь к концу XIV века, так что в первой половине XV века, когда возник новый интерес к античности, оказалось, что она уже мертва, и ее опыт надо воссоздавать умозрительно, штудировав классических авторов и ведя систематические раскопки. Это был уже заупокойный культ, полный благоговейного поклонения. "Дистанция, созданная Возрождением, лишила античность ее реальности. <...> Ренессанс пришел, чтобы понять, что Пан умер - что мир древних Греции

(1) Панофски Э. Ренессанс и "ренессансы" в искусстве Запада. Пер. А.Г. Габричевского. М., 1998. С. 98.

(2) Там же. С. 99.

(3) Там же.

стр. 50

и Рима (то, что мы называем *sacrosancta vetustas* - "священная древность") давно потерян, как рай Мильтона" (4). В наших терминах. Ренессанс осознал себя наследником античности и посредством учено-художественных трудов вступил в права наследования.

Другим примером может послужить сопоставление эпизодов из отечественной истории двух- и полуторавековой давности.

Скажем, русский дворянин екатерининского времени невольно и органически сохранял в своем усадебном быту не только многие черты, но и сами основы помещичьей жизни XVII века. "Третья, меньшая комната [их в доме всего и было три - Г.К.] имела много назначений; она сообщалась с задними сенями и служила одновременно девичьей,

лакейской и детской" (5). Вот откуда идет истинная линия преемства: барчуки и барышни тогда в большинстве семей проводили детство в девичьей и лакейской, через задние сени выходившей на хозяйственный двор. Вот где они напивались всеми без разбора - сладкими и горькими, добрыми и недобрыми - соками, идущими из глубоко традиционной культурной почвы. Никакое образование потом не могло отменить этот фундаментальный опыт. Тем самым дворянин оказывался (пусть ненамеренно и неосознанно) прямым преемником культуры Московского царства, хотя намеренно и осознанно старался порвать с его "готическою грубостью" и причаститься "европейского обычая", стать "родившимся в России французом" (6), наследником западной культуры, которая никогда не была для него живой и своей, а усваивалась умственно и с усилием, из книг, от наемных учителей и изредка из образовательных путешествий по Европе.

Между тем живший через полвека после него российский интеллигент (в том числе дворянин), узнавая о культуре Древней Руси из книг и лекций профессоров Московского университета, умственно и с усилием старался

(4) Там же.

(5) Описание состоятельного барского дома 1760-х годов цит. по: Врангель Н. Старые усадьбы:

Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С. 41. (6) Выражение В.О. Ключевского из его доклада "Евгений Онегин и его предки", читанного 1 февраля 1887 года в Обществе любителей российской словесности. См.: Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 420.

стр. 51

стать ее наследником, то есть наследником того же Московского царства. Случалось, что он тоже отправлялся в образовательное путешествие, например, из Петербурга в Москву: "Я сделала для себя каникулы, по примеру почти всех Петербургских жителей, в Июле и Августе месяцах: <...> еду посмотреть древнюю столицу нашу, которую так давно хотелось мне видеть;

<...> желаю сохранить все впечатления, какия, без сомнения, произведет на меня вид драгоценных для нас памятников старины Русской" (7). Дело происходит в 1840-х гг., и поездка с такой целью (а не с другой - например, гульнуть) в Москву была тогда затеей, пожалуй, не менее экзотической, чем поездка на Запад или на Восток, хотя в первопрестольную по расписанию ходили дилижансы, и добраться туда физически было совсем несложно. Не будь здесь точно названо, откуда и куда едет автор, то по всему тону и оборотам можно было бы решить, что предпринимается обычное просветительское турне куда-нибудь в Рим или Египет посмотреть "древния развалины". Москва с ее древностями оставалась для образованного петербуржца (иногда имевшего в Москве друзей и родственников) местом куда менее понятным, чем любой город в пронизанной туристическими маршрутами Европе. Так что связи со своим культурным прошлым приходилось искусственно и с трудом восстанавливать. Но это удавалось не всегда: цитированный автор, А.О. Ишимова, весьма образованная, писавшая для детей книжки по русской истории и в целом вовсе не лишенная чувствительности к архитектуре, не увидела в средневековых московских памятниках, в том числе в церквях Коломенского и Троице-Сергиевой лавры, решительно ничего, кроме свидетельств "темного фанатического века". Вот она осматривает церкви в Коломенском и Дьякове: "Стены их, толщиной в семь шагов - и окны узкия, с железными решетками едва пропускают свет дневной во внутренность. Темные образа, медныя ризы их, низкия двери с тяжелыми, же-

(7) Ишимова А. Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву. СПб., 1846. С. 3. Ишимова была известна в Петербурге своими патриотическими настроениями и

познаниями в отечественной истории. Ее "История России для детей" (1834) несколько десятилетий оставалась самым популярным семейным чтением.

стр. 52

лезными запорами, ветхость покровов и одежд священников, - все это производит мрачное впечатление на тех, кто приходит с душевным умилением взглянуть на эту святыню, так ясно говорящую нам о времени давно минувшем. Побывав в этих двух церквах Коломенских, я получила гораздо живейшее понятие об этом религиозно-мрачном времени, так близко предшествовавшем рождению грозного Государя" (8). Обратим внимание, что люди Ренессанса именно так маркировали 900-летний период, в течение которого еще сохранялось живое преемство от античности.

Когда культурное "забывание" идет столь глубоко, когда никакое непосредственное впечатление не пробуждает чувства родства, то тут есть все основания говорить о "смерти", отделяющей наследника от наследия. А случай А.О. Ишимовой можно считать вполне типичным для своего времени - времени резкого повышения общественного интереса к истории русской культуры.

Еще один пример дает градостроительная практика не столь давнего прошлого.

В 1961 году в Ленинграде в связи со строительством станции метро была снесена церковь Успения Богородицы конца XVIII века, мешавшая проведению работ (некоторые эксперты утверждают, что помех не было никаких). Церковь больше известна под названием Спаса на Сенной, по имени чтимой в городе иконы Спаса Преображения, находившейся в одноименном приделе. Выразительный силуэт огромной пятиглавой церкви с колокольней не только абсолютно доминировал в пространстве площади, но и "держал" довольно большой окружающий район, служа его главным ориентиром и символом. Поэтому его внезапное исчезновение (церковь ночью взорвали, и через несколько дней на ее месте осталась чистая площадка) было ощутимым шоком для массы горожан. Снос церкви стал обрастать легендарными подробностями, на ее место приходили как на кладбище, и ее траурный образ не исчезал из народной памяти, ясно свидетельствуя, что физическая гибель еще не означает обрыва культурного преемства. Поэтому как только началась эпоха "перестройки", сразу появились проекты восстановления церкви. Выстроить огромное здание вплотную к действующей станции метро оказалось делом нереальным. Появились компромиссные идеи, в частности был предложен проект строительства только колокольни, поскольку она была самой удаленной от метро частью церкви. Надо сказать, что в перспективе площади она выглядела бы отлично, но без мощного массива храма производила бы явное впечатление памятника ему, его надгробной сени. Она удостоверяла бы не продолжение жизни храма, а непоправимость его смерти. Строить ее не стали. Но после этих проектов как-то исчезли напряженность и страстность переживаний, на протяжении двадцати пяти лет окружавших память снесенной церкви. Преемство, в наших терминах, сменилось наследованием, дело приобрело спокойный музейный характер, а его наследниками стали историки архитектуры.

Зато у исчезнувшей церкви появился неожиданный и, на первый взгляд, самый неподходящий преемник: в пространстве площади (правда, в другом месте) уже лет пятнадцать господствует огромное, по объему не меньше бывшего храма, марсианское сооружение, воздвигнутое метрополитеном для каких-то технических нужд. Мрачный, беспорядочный и временный вид этого сооружения, окружающий его разгром и доносящиеся оттуда лязг и грохот словно специально подобраны так, чтобы во всем составлять кричащий контраст прежней церкви.

Однако в чем метростроевское произведение на самом деле преемствует храму, так это в сгущении (но не в содержании!) чувств, которые испытывают к нему горожане. Такой неприязни и раздражения не вызывает, кажется, ни одно новое сооружение в центральной части Санкт-Петербурга. И не без причины: метростроевский монстр занял

всю середину обширной площади, оставив от нее только узкий периметр, из-за чего она закрыта для

(8) Ишимова А. Указ. соч. С. 188. В этой архитектурной слепоте нельзя винить одну А.О. Ишимову - так смотрели на средневековую русскую культуру несколько поколений российской интеллигенции. Заметим, что в это время уже во многих местах стояли, а в других строились восхищавшие современников произведения К. Тона в официальном "русско-византийском" стиле. Считалось, что они-то как раз и выражают нечто исконно русское, не то, что постройки "религиозно-мрачного" Средневековья.

стр. 53

проезда, хотя всегда была одним из главных транспортных узлов города. Уцелел только трамвай, да и у того лишь одна колея, проложенная в объезд гигантской строительной помойки, окружающей сами сооружения, - и это на важнейшей трамвайной магистрали общегородского значения! С обоих концов площади приходится ждать, пока разъедутся встречные трамваи. Так что, есть за что невзлюбить эти странные постройки. В этом отношении, то есть по окраске массового чувства, они тоже составляют прямую противоположность снесенной церкви и в целом образуют ее полный негатив. О негативной преемственности тут только и может идти речь. Ведь в деле преемства на первом месте стоит страстность непосредственного отношения, а не его знак - плюс или минус.

Этих примеров, наверное, достаточно, чтобы проиллюстрировать различие преемства и наследования, а также выделить некоторые следствия такой постановки вопроса.

Преемство и наследование: некоторые следствия

Первое: эмоциональная окраска

Еще раз используя уже цитированный тезис Эрвина Панофски, можно сказать, что всякий преемник относится к перенятым культурным ценностям "не исторически, а прагматически", то есть точно так, как всякий живой обитатель городской среды относится к своему окружению: видит в нем, прежде всего, ресурс для построения своей среды, пользуется им направо и налево, выхватывая одно и отбрасывая другое и не обязательно утруждая себя рефлексией по этому поводу. Вообще все, что он перенял, может переживаться им то с любовью, то со скепсисом, то с ненавистью. Но в столь выраженном виде это скорее особые случаи, или даже предельные состоя-

стр. 54

ния, чем повседневная норма. Обычно преемник следует перенятым культурным ценностям без резкого колебания чувств, примерно так, как он надевает привычную одежду, произносит привычные формулы вежливости или окидывает взглядом привычную комнату. До тех пор, пока в одежде все в порядке, пока "Здравствуйте" и "До свиданья" достаточно, пока в комнате все на месте, особым чувствам неоткуда взяться да и выглядели бы они странно. Только когда что-то отклоняется от привычной нормы, эмоциональная реакция усиливается, и в дело включаются другие, в том числе рациональные механизмы взаимодействия со средой.

Совсем другое дело - наследник. Само по себе присвоение культурных ценностей составляет для него более или менее ясно осознанную проблему и требует более или менее напряженной рефлексии. Так как эти ценности в нормальной ситуации становятся предметами его желания и стремления, то эмоциональный аккомпанемент его усилий будет сугубо положительным -

стр. 55

он, скорее всего, станет поклоняться наследуемым ценностям как своего рода святыне. Скепсис или критика в этом случае обычно исключены. Восторженность и некоторая экзальтация в его отношении к наследию лучше всего свидетельствуют о том, что он наследует "мертвым": ведь о покойнике "говорят хорошо или ничего". Иногда избыток восторженности и недостаток трезвой критичности приводят к "засахариванию" наследия: оно навсегда отвердевает в своей неестественной безукоризненности, как пропитанная сахарным сиропом салфетка, и приобретает неестественную сахарно-мертвенную бесцветность вместо натуральной окраски или многих окрасок. Зато держит любые складки, какие будут ему приданы, то есть любые искажения его истинной формы.

Конечно, в составе наследия могут оказаться элементы, столь чуждые или неприятные наследнику, что на них не удастся закрыть глаза или обесцветить их "засахариванием". Тогда его, наследника, эмоциональная реакция будет неоднородной и противоречивой. В ней будут бороться или сменять друг друга разные оценки наследия - оно будет переживаться то как сугубо положительное и достойное, то как отрицательное и постыдное. В таком случае освоение наследия станет для наследника особенно сложной проблемой, требующей новых и новых усилий сознания.

Второе: роль знаний

Преемник в соответствии со своей преимущественно потребительской установкой не стремится к сколько-нибудь полному и связному теоретическому знанию о перенятых культурных ценностях. Он знает их, прежде всего, чисто эмпирически - в том же смысле, в каком знают родной язык:

им просто владеют, свободно говорят на нем, даже если никогда специально его не изучали и ничего не знают о нем. Как и родной язык, перенятые культурные ценности составляют необходимую часть жизненной среды преемника, и в норме он переживает их как естественное продолжение себя самого, и если его спросить, то едва ли он сможет сказать о них что-то внятное. Только когда бездумное следование им заводит его в тупик, он вынужден мобилизовать рефлексию и взглянуть на них со стороны. Другими словами, он вынужден отнестись к ним как к предмету более или менее отвлеченного знания. Но такая ситуация воспринимается как дискомфортная и тревожная, нарушающая приятную непринужденность преемственного существования. Тем не менее, в реальных условиях современного большого города почти невозможно обходиться одним лишь прямым культурным преемством, и введение уже в начальной школе изучения родного города в качестве обязательной дисциплины говорит само за себя. Среде своего обитания и наполняющим ее культурным смыслом будущего горожанина уже приходится обучать примерно так, как обучают арифметике или иностранному языку - без школы их как следует знать не будешь, хотя кое-что на лету и на слух (а именно так работает преемство) схватить и усвоить можно.

Наследник, напротив, с самого начала вынужден смотреть на предмет наследования как на нечто внеположное, вовсе не являющееся естественным продолжением его самого. Без обстоятельного знания об этом предмете он просто не сможет его усвоить. Возьмем простейшую аналогию: наследник (в юридическом смысле слова) для того, чтобы вступить в права наследования, должен сперва узнать, что ему досталось. А если продолжить аналогию с языком, то усвоение наследия больше похоже на изучение иностранного языка, чем на естественное владение родным. Пусть даже этот иностранный язык был слегка знаком, все равно по-настоящему пользоваться им нельзя без специального изучения. Поэтому наследник может иметь об усвояемых культурных ценностях куда более обширные и связные знания, чем преемник. Э. Панофски в цитируемом трактате не раз подчеркивает: люди эпохи Возрождения лет за сто с небольшим накопили гораздо

стр. 56

больше знаний об античности (которой сознательно наследовали через черту ее "смерти"), чем люди Средневековья почти за тысячелетие, в течение которого они все время ощущали ее живое присутствие. Точно так же российские краеведы 10-20-х годов меньше чем за двадцать лет сумели создать замечательный по глубине и разнообразию массив знаний о старых русских городах и их культуре, поскольку осознавали себя именно наследниками этой культуры и несли миссию сохранения наследия как раз потому, что обрыв живого преемства был явственно виден уже к концу XIX века. Но важно, что он был виден из главных культурных центров страны, в которых городская и культурная среда менялась очень быстро, и на глазах одного поколения эти города могли получить новую физиономию и новый характер. Оттуда, из Москвы, Петербурга, Киева, Тифлиса, и исходила инициатива изучения наследия по всей территории Российской империи, а потом СССР. На местах же, где люди веками жили примерно в одной и той же среде, проблема наследия и его сохранения не возникала, так как не прерывалось живое преемство культурных норм и ценностей.

Надо отметить, что общественность, озабоченная сохранением наследия, действовала не на пустом месте. Уже царь Петр (еще не Первый и не Великий), приказывая, скажем, законсервировать руины средневекового Булгара, действовал как наследник разных культурных традиций, существовавших в его царстве, - наследник, а не преемник, поскольку от непосредственного преемства даже ближайших к нему традиций он демонстративно отказывался. Если он и чувствовал себя преемником чего-то, то скорее определенных традиций западной культуры. Российские императоры продолжали линию наследования, начатую Петром, и заботились о собирании и изучении отечественных древностей, тем самым пытаясь отвратить от них естественную судьбу, ждавшую их в среде живого преемства, где к ним относились (снова используем точную формулу Э. Панофски) "не исторически, а прагматически", то есть ими пользовались до тех пор, пока они не прихо-

стр. 57

дили в негодность, а потом забрасывали или переделывали без особого трепета по поводу их возраста. В частности, Николай I был одним из самых заботливых и старательных наследников и очень много сделал для такого собирания.

Третье: настоящее и прошлое

Для преемника, строго говоря, прошлого почти не существует, поскольку он не чувствует никакого временного отрыва от перенятых культурных ценностей и реалий. Они для него - не части прошлого, а части настоящего. Воссоздать прошлое (если такая задача перед ним может встать) как нечто безвозвратно ушедшее он мог бы только сознательными усилиями. Оно для него превратилось бы в такой же предмет специальной рефлексии, каким для наследника становится наследие. Иначе говоря, подлинное преемство позволяет всегда оставаться в настоящем. Все, что перенял и построил в среду своего обитания преемник, становится настоящим и лишается признаков принадлежности прошлому - вот почему, скажем, Александр Македонский на фламандской шпалере XIV века имеет вид бородатого германского короля в позднеготических доспехах, сидящего на готическом троне в окружении арбалетчиков, расставленных по ячейкам изящной аркады в стиле пламенеющей готики.

Для наследника невозвратимое прошлое есть постоянно действующий фактор, остающийся на первом плане его сознания. Ведь наследовать можно только у прошлого: не будь прошлого, не было бы и наследия. Зияние между прошлым и настоящим приводит наследника к очень непростым (и для культуры очень продуктивным) отношениям, которые неизбежно возникают с прошлым у каждого, кто проникается чувством его действительной невозвратимости, тем самым чувством, с которого начинается острый интерес к истории. Seriously понятое наследование может заставить не только переживать, но и оформлять свое реальное настоящее как часть прошлого - поэтому,

например, император Николай I то вводит для статс-дам официальный мундир в виде платья "в национально-русском стиле" (вместе с обязательным при дворе русским языком, малоизвестным придворным чином), то обставляет переезд из одной резиденции в другую как рыцарскую кавалькаду, которую сам возглавляет в немецких доспехах XV века, то велит срубить в частном парке своей семьи "Домик старого солдата" - опять-таки в русском стиле, то строит императрице небольшой собственный дворец в виде римской виллы. Заметим, что ни в одном из этих случаев не может идти речь о подлинном, живом, непосредственном преемстве.

Так вела себя не только верховная власть. В поведении общества был замечен точно такой же обрыв преемства и такие же специальные усилия по унаследованию утраченных культурных традиций. На это указывают "Погодинская изба" или охабень, в котором кто-то из Аксаковых ходил по улицам Москвы, в равной степени искусственно созданные как элементы воображаемой средневековой среды. По поводу охабни А. Герцен оставил очень любопытное замечание: одяние это казалось москвичам столь непонятным, что Аксакова в нем "принимали за персиянина". У горожан с таким платьем не было никаких русских ассоциаций - вот где можно констатировать обрыв живого преемства. "Забывание" оказалось полным. Фасон этой старинной одежды мог быть восстановлен только в результате специального изучения изображений и описаний, скорее иностранных, чем русских, а это исследовательское поведение типично для наследника, стремящегося разобраться в своем наследии. Типологически таким же было в 1840-е годы рвение многих семей непременно иметь в фамильном архиве средневековые грамоты и "харатьи", свидетельствующие о древности их рода. Где есть спрос, там будет и предложение, и хотя специалисты довольно легко устанавливали поддельность многих из таких древностей, но

- вот замечательный

стр. 58

факт! - это не останавливало владельцев домашних древлехранилищ, пополнявшихся без особого разбора. Им не просто хотелось, им необходимо было чувствовать себя причастными прошлому и наполнять свой быт его следами, что бы там ни говорили ученые эксперты.

Четвертое: взаимный переход

В реальности городской культуры преемство и наследование вовсе не противостоят друг другу столь категорически, как это выглядит в нашем изложении. Такое противопоставление - исследовательская абстракция, как и любые категории, логические ряды, бинарные оппозиции, которыми приходится пользоваться за невозможностью работать прямо с живым средовым опытом. В самом же этом опыте то, что мы называем наследованием, постоянно переходит или имеет тенденцию переходить в то, что мы называем преемством. Происходит и обратный переход, когда преемство утрачивает свою естественность и становится похоже на неполно усвоенное наследие.

Наследование может перейти в преемство при определенных усилиях наследника и стремлении полностью усвоить наследство, а также при наличии особого дара улавливать душой почти невыразимую суть некоторых культурных явлений. Еще раз используем аналогию с иностранным языком: если изучающий его проявит необходимое усердие, если у него есть так называемый языковой слух и если он сможет достаточно времени провести среди носителей языка, то у него есть шансы самому стать одним из таких носителей, то есть не только научиться говорить на этом языке правильно, с натуральными интонациями и без акцента, а также писать без ошибок, но и освоить тип мышления и поведения (как минимум жестового и мимического), свойственный носителям языка и скрыто закодированный в языке. Это, как известно, не просто, но возможно. Так обстоит дело и с переходом наследования в преемство: наследник может так глубоко проникнуться наследуемыми ценностями, так тонко восчувствовать их

характер и так естественно следовать им в своих мыслях и действиях, что они, хотя и накапливались сперва просто как "знания о предмете", со временем пропитываются

стр. 59

его живой и пристрастной субъективностью и становятся вполне органической частью его личности, он по-другому уже не сможет жить. Он станет подлинным преемником этих ценностей, и будет переживать их как свое природное продолжение. Назовем столь глубокое усвоение наследия вторичным преемством, в отличие от первичного преемства, незаметно усвоенного без специальных намерений и усилий.

Замечательный метод такого перехода давала разработанная в начале века профессором И. Гревсом практика "вчувствования в душу города", которую он применял в рамках своего курса истории западной городской культуры. Начинали ученики И. Гревса с изучения истории и топографии данного города по книгам, гравюрам и картам (то есть полностью со стороны), потом на месте обследовали город и идентифицировали места всех известных им исторических событий (начиная с осмотра города с какой-нибудь высокой точки, то есть тоже еще со стороны), а затем на несколько дней погружались в городскую среду со всеми ее шумами, уличной жизнью, запахами и пр., не забывая, однако, всего, что успели узнать и увидеть. Благодаря такому погружению, их знания окружались, обволакивались флером чисто субъективных ассоциаций, закрепляясь в памяти чувств, а эта память, как известно, очень прочна и тесно связана с воображением. Знания становились образами, уже неотчуждаемыми от душевной жизни их носителя. Наследование превращалось в живое преемство.

Обратный переход можно пояснить все той же языковой аналогией:

при совершенном овладении иностранным языком иногда случается, что родной язык начинает непроизвольно переживаться как иностранный, человек начинает говорить на нем со все более слышным акцентом, делать характерные ошибки на письме и незаметно для себя вносить в него калки с иностранного (буквальные переводы оборотов и грамматических или стилистических конструкций, не свойственных родному языку). Так и с преемством: если человек полностью усваивает пришедшее со стороны наследие, и оно натурализуется в нем как новое вторичное преемство, то его изначальное, естественное первичное преемство может при этом постепенно, незаметно отчуждаться от него, восприниматься как нечто не свое, постороннее, неизвестно откуда взявшееся и в крайних случаях даже постыдное. Так нередко происходило с провинциалом, переезжавшим в столицу. Если он оказывался чувствительным к великогородской культуре и через какое-то время глубоко проникался ее нормами и ценностями, то многие его провинциальные привычки, внешность, выговор, интонации и пр., усвоенные некогда в первичном преемстве, отпадали или менялись (иногда неприметно для него, как бы сами собой, но на деле под натиском его новых установок), а те, что упорно держались и не отвечали столичному стереотипу, начинали тяготить и смущать его, он специально старался от них избавиться. То есть относился к ним как к наследству, причем наследству навязанному, нежелательному, несовместимому со средой, которая уже стала для него своей.

Не всегда, разумеется, первичное и вторичное преемство входят в конфликт друг с другом. Они могут сосуществовать вполне мирно, образуя иногда удивительную амальгаму реалий и ценностей, принадлежащих разным культурным мирам. Таковы были, например, нижегородское оканье в устах "гражданина мира" М. Горького, или пьяные эксцессы С. Есенина, или ярко выраженное местечковое произношение М. Гершензона, навсегда усвоенное в детстве и резавшее слух современников-москвичей, но не мешавшее ему быть тончайшим знатоком московской дворянской культуры конца XVIII - начала XIX века и первоклассным русскоязычным стилистом. В некоторых случаях впечатляющий контраст разных линий преемства специально утрировался и сам становился выразительным фактом городской культуры. Примером может служить

Михаил Кузмин, одно из самых ярких воплощений "серебряного века" (родился в 1872 году в Ярославле, до двенадцати лет жил в Саратове). Уже в Петербурге Кузмин вжился
стр. 60

в позднеантичную культуру так, что о нем говорили: "Он родился в Египте, между Средиземным морем и озером Мареотис, на родине Эвклида, Оригена и Филона, в солнечной Александрии, во времена Птолемея. Он родился сыном эллина и египтянки" (9) - и во все это хотелось верить. Но не менее глубоко Кузмин вжился в поволжскую старообрядческую традицию, связанную с детскими впечатлениями, и потому мог появляться на петербургских улицах и в избранных столичных домах в красной рубахе навыпуск или в картузе и поддевке, а в 1905 году вступил в "Союз русского народа". Так как масса талантливых провинциалов участвовала в столицах в строительстве великогородской культуры, то взаимодействие, а иногда и драматическое столкновение в их душе преемственных и унаследованных традиций становилось благодатной почвой для такого строительства, обогащавшего и национальную и мировую культуру.

Подведем итог

Проблематика культурной преемственности в развитии городской среды может интерпретироваться в терминах взаимных переходов преемства и наследования (что не исключает других интерпретаций). В этих взаимных переходах собственно средовой установке горожанина, средовой направленности его сознания, воображения и поведения полностью соответствует состояние культурного преемства, имеющее органический характер и лишь частично подконтрольное рефлексии. Если бы среда никак не менялась, то и состояние непрерывного преемства было бы единственным состоянием городской культуры.

Но среда развивается, и направление ее развития может меняться, иногда очень быстро и неожиданно. Развивается и городская культура, причем вследствие ее относительной независимости от состояния среды направление ее изменений может не совпадать с направлением объективных изменений среды. В истории городской культуры не раз такие объективные изменения (например, бурный рост городского населения и городской территории, или резкое повышение этажности застройки, или новые приемы плани-

(9) Голлербах Э. Радостный путник. (О творчестве М. Кузмина.) // Книга и революция. 1922. № 3. Февраль. С. 43. Цит. по: Тимофеев А.Г. Семь набросков к портрету М. Кузмина // Кузмин М. Арена. Избранные стихотворения. СПб., 1994. С. 5.
стр. 61

ровки, или размножение непривычных объектов, в особенности "низких" по функции) встречали противодействие со стороны культуры, выражавшееся в острой критике текущих перемен и в формировании идеальных образов среды, прямо противоположных складывающейся городской реальности. Таковы были проекты идеальных городов, как правило, совершенно нежизнеспособных, даже если их удавалось построить в натуре.

Развитие среды нередко ставит горожанина перед проблемами, трудностями и даже кризисами, осознание и разрешение которых требует выхода за пределы чисто средовой установки. Благополучный и относительно бездумный обитатель привычной среды вынужден внутренне, в своем сознании вставать на какие-то другие позиции - то исследователя, то проектанта, то историка, то управленца - и смотреть на среду своего обитания критически и со стороны. Это меняет его отношение не только к видимой, слышимой, осязаемой стороне среды, но и к своему культурному преемству, неразрывно связанному со средой. Те нормы, стереотипы, ценности, которые казались вполне естественными, могут подвергнуться сомнению; то, что казалось единственно

возможным, включается в ряд альтернатив, подлежащих свободному и сознательному выбору; то, что казалось своим, может становиться чужим, а то, что казалось чужим, может осваиваться, становиться своим.

Все культурно-историческое наполнение среды, которое осваивается горожанином сознательно, намеренно и целенаправленно, можно трактовать как наследование. Хотя условно наследование противопоставлено органическому преемству, но в пространстве городской культуры они взаимно дополнительные и составляют единое целое. Объективное изучение своего средового наследия, если такое изучение сочетается с личной пристрастностью и чисто субъективной заинтересованностью, может превращаться в подлинное преемство. В душе горожанина начинают взаимодействовать две линии преемства: та, которую он усвоил бесконтрольно и естественно, обычно в детстве (первичное преемство), и другая, которой он глубоко проникся в ходе сознательного освоения наследия (вторичное преемство). Вторичное преемство вполне может оказаться глубже, содержательно богаче и систематичнее первичного. "Вторая натура" недаром бывает сильнее "первой". Этим объясняется, в частности, тот известный факт, что выдающийся вклад в культуру одного этноса нередко делают представители других, инокультурных этносов.

Культурное преемство оказывается внутренне сложным и неоднородным. Смешивание разных линий преемства, так сказать, врожденной и благоприобретенной, представляет собой нормальный процесс, сопровождающий развитие городской среды и городской культуры. Здоровый характер этого развития требует здорового напряжения и интенсивного обмена между преемством и наследованием, то есть требует, чтобы они были представлены одинаково полно и ярко - тогда взаимодействие их будет продуктивным для среды и культуры. Если же большинство горожан застревает где-то на полупреемстве и полунаследовании, уже растеряв одно (например, преемство сельской культуры) и не освоив другого (наследия подлинно городской культуры), то терпит ущерб городская цивилизация в целом: она порождает то, что в специальных исследованиях принято называть полугородской культурой (10), которой соответствует полугородская среда. Энергия полугородской культуры направлена не на собственное утончение и усложнение, не внутрь (и потому ее развитие идет вяло: полупреемство и полунаследование не могут составить необходимого живого контраста), а наружу, эта энергия в равной степени агрессивна по отношению и к сельской, и к городской традиции. В контексте полугородской культуры и среды возникает замкнутый цикл воспроизводства полугорожанина, который чувствует себя одинаково чужим и в настоящем городе, и в настоящей деревне, и потому ведет себя там и тут одинаково неадекватно - отсюда вандализм в отношении к природе и к городу.

(10) Заринская И.З., Павловская Е.Э. Знаки полугородской культуры в городской среде // Строительство и архитектура Москвы. 1989. №8. С. 20-23.
стр. 62

Антанасиевич И. Современная городская легенда в системе постфольклора ¹⁰

Пятитысячелетняя история города близка к завершению. На смену ностальгическому очарованию старого города придет поэзия новых очагов обитания. Но они уже не будут носить это архаичное имя.

Вадим Смоленский. Поэма городу
2x2 = вот в чем вопрос...

¹⁰ Антанасиевич И. Современная городская легенда в системе постфольклора // Вопросы философии. 2005. №7. С. 57-64.

Тематические исследования городского фольклора не обходятся без анализа традиционных бинарных оппозиций - внешнее/внутреннее, центр/периферия, повседневное/сакральное и т.д. Бинарность лежит в основе структуры города. Эш Амин и Найгель Трифт в статье "Внятность повседневного города"¹ вносят понятие ритм-анализа, отсылая читателя к Лефевру, утверждавшему, что город держится на отношениях непосредственности - на особой "музыке города", которую можно "раскрыть в процессе рефлексии". Бинарности подчинено и наиболее частое жанровое деление на городскую легенду (проза) и городские песни (поэзия). Да и сама фольклорная нарратология со времени своего формирования делится на два энтитета, которые наукой изучались не столько неравномерно, сколько различно. Одну группу составляют - *сказки*, то есть рассказы, в которые люди не верят и не должны изначально верить, поскольку в их основе, матрице, лежит *метафора*. А другая представлена несказочной прозой - то есть устными историями, в которые люди изначально должны верить. В их основе, в матрице лежит *случай* как специфично понимаемая категория. В науке данный жанр несказочной прозы - рассказа обозначается и как *легенда*, *предание*, *былинка*, *бывальщина*, *сказ*, *слух*, *история*, *сплетня* и *толк*. Все эти понятия равноправно используются для определения того нарративного множества, которое включает в себя - случаи, страшные и смешные истории, семейные предания, байки о знакомых и знаменитостях, рассказы о необъяснимых происшествиях, пере-

¹ Амин Эш, Трифт Найгель. Внятность повседневного города // Логос. 2002. N 3 - 4. стр. 57

сказы и толкования снов, чудеса, слухи, толки и даже сплетни. В зарубежной фольклористике продуктивными жанровыми комплексами считаются *contemporary legend* и *personal experience story*. Впервые общие структурные закономерности устных нарративов были определены американскими социолингвистами В. Лабовым и Дж. Валетски на материале личных рассказов (*personal experience story*), а некоторые закономерности структуры мифологических рассказов были отмечены В. П. Зиновьевым².

В существующей системе постфольклора такой несказочный рассказ приобрел устойчивое определение - *городской*. Причем это не значит, что не существует современный сельский несказочный рассказ (и горожане, и негорожане активно используют в повседневном общении стереотипные повествовательные шаблоны), просто исторически сложилось так, что долгое время фольклористика как наука базировалась на изучении крестьянской традиции, и городские нарративы оказывались как бы оппозицией, причем не понятию *сельский* или *деревенский* нарратив, а понятию - *традиционный* или *классический*, автоматически символизируя некий новый и тем самым "более правильный, более современный" и жанр, и подход одновременно. Однако считать данное явление в постфольклоре, выраженное в выделении именно *городской* легенды лишь рефлексией на некогда навязываемый (идеологически обусловленный) стереотип в противопоставлении города и деревни, элитарной и простонародной части общества, их форм общения и качества потребляемой информации, было бы неверно. Городской нарратив не ультрасовременный жанр - он возник и развивается наравне с городом, как организмом, несколько тысяч лет, признавая город как место мобильности, как поток и повседневные практики, и специфика городского нарратива позволяет нам различать города по их повторяющимся феноменологическим образцам, взглянуть на город не только сверху или изнутри, но и заглянуть между поверхностями города, который всегда осознавал себя центром цивилизации, создавал свою культуру, утверждал свою роль и идеалы. ("Город и только город создал характерный феномен искусства-истории", - заявил в 1923 г. социолог Макс Вебер. "Любая развитая культура есть городская культура", - повторял вслед за ним в 1946 г. швейцарский историк Александер Рюстов, автор

обширного обзора истории культуры.) Попытки исследовать фольклор, являющийся его порождением, делались еще в начале XX в., но именно сегодня проблема стала актуальной, поскольку... перестала быть только проблемой *города*, вырвалась из очерченного пространства городских стен.

На сегодняшний момент, городская среда - это контекст, в котором оперирует наше мышление. Город становится не символом, а особой структурой, где понятие восприятия (чувственно-архитектурного, материального) становится соотносимо с понятием идеи. Город (идея и восприятие) проник во все поры общества, поэтому в последнее время наблюдается тенденция всеохватного исследования понятия город, которое бы дало пропуск для понятия сегодняшнего состояния духа.

Так что само название "городской" - в некотором роде условно³ и предполагает, скорее, "нетрадиционный", т.е. постмодернистский подход к изучению фольк-

² *Зиновьев В. П.* Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // <http://ruthenia.ru/folklore/index-es.htm> или Локальные особенности русского фольклора Сибири. Исследования и публикации. Новосибирск, 1985.

³ Развитие современных технологий, проникновение "городских" слухов в самые удаленные села сводят на нет их "городской" характер, особенно потому, что механизм создания легенды в матрице своей почти одинаков, традиционен, что приводит к появлению, абсурдного лишь на первый взгляд, понятия - "письменный" фольклор - "Городская легенда передается из уст в уста (из факса в факс, из мейла в мейл)..." Подробнее о специфике "письменного фольклора" см. исследование: *Веселова И. С.* Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2000.

стр. 58

лорного материала. Причем данная "абсурдность" определения - где эпитет не означает описание, а способ, помогает нам более понять суть самого явления - городского нарратива, отрицающего традиционную "черно-белую" бинарность. В уже упомянутой статье Трифта и Амина дается другой эпитет, как нам кажется, более отвечающий самой специфике предмета - *повседневный*. Хотя и он логически некорректно употреблен в этом случае - "повседневный город". Повседневность как особенность города и не имеет бинарной пары ("неповседневности"), хотя может иметь выход в понятие "исторический". Что опять же ведет нас к поджанровому делению внутри городского нарратива на "легенду" (неповседневный жанр) и "случай" (повседневный жанр), о чем мы будем говорить позже. Так что само изучение городского дискурса (в прямом смысле - города как явления или уже - конкретного города. В. Топоров ввел в научную литературу понятие *городского текста*, где анализируются все три аспекта: мифопоэтический, культурный (в смысле культурной идентичности) и риторико-текстуальный) лишь часть обширного исследования мифологии повседневности⁴.

В последнее время проблема городского нарратива подразумевает исследования по многим направлениям: исследователи заинтересовались вопросами отбора, состава, функционирования, причинами его культивирования. Изучение городского нарратива, таким образом, начинает занимать определенное место в парадигме современного гуманитарного знания, однако пока в отечественной науке процесс сбора и описания материала преобладает над теоретическими разработками. Хотя сделаны и многочисленные попытки анализа проблемы как в диахроническом аспекте (типология и генезис отдельных жанров сказочной прозы - работы S. Stahl, G. Bennet, сюжетов и мотивов - работы V. Champion-Vincent, E. Kalmre., взаимосвязь фольклорных сюжетов и массовой культуры - работы М. Macluhan, А. И. Рейтблата, Н. М. Зоркой), так и в синхронном (гендерная специфика рассказывания - работы G. Bennet, Е.А. Белоусовой, И. С. Веселовой, сюжеты и мотивы сказочной прозы отдельных субкультур - работы А. В.

Тарабукина, Е. В. Кулешова, Т. Б. Щепанской, Э. К. Шумова, Е. В. Левкиевской, структура и матрицы рассказов - работы W. Labov, J. Waletzky, социальные функции устных рассказов и прагматические установки текста - работы G. Bennet, ван Дейк, И. А. Разумовой, И. В. Утехина).

Но и до сих пор существуют сложности в детерминации самого явления несказочного рассказа, поскольку не только отсутствует единая и сколько-нибудь адекватная материалу система описания, анализа и классификации, но и нет и единого подхода, а единственный подход, подразумевающий традиционную идентичность понятий фольклорное/филологическое, не в состоянии разрешить проблему городского нарратива.

В настоящее время исследования городского нарратива по правилу *филологические*, т.е. тяготеют к изучению особенностей механизма коммуникации, выраженного в языке (к изучению семантической составляющей текста), но не в традиции. Между тем в современном городе в модифицированном виде практикуются все известные способы трансляции общего знания: ритуальные (индивидуальные и общественные), обрядовые, вербальные. А именно несказочный устный рассказ представляет собой, прежде всего, вербальную форму трансляции общего знания, т.е. первоначально *фольклорное*⁵ по своей природе высказывание. Лишь с учетом этого компонента

⁴ В последнее время все чаще употребляют синтагму - "фольклор городских субкультур", что опять же вызывает определенные трудности, поскольку, прежде чем говорить о "городской субкультуре", необходимо определиться с термином "городская культура", а на поверку оказывается, что данные два термина слабо дифференцированы.

⁵ Фольклорность в современном понимании не часть филологии, а общегуманитарный, интегративный подход к анализу культурных явлений. См.: Антанасиевич И. О постмодернизме в современной фольклористике, ее "маргинальном" характере, специфике методов или же о том, "как нам реорганизовать фольклористику", сборник МАПРЯЛ, 2003.

стр. 59

мелкая жанровая россыпь городского фольклора, которую мы перечислили в начале работы, составит картину одной "большой вещи" - городского нарратива, чье определение поэтому и проблематично, что расплывается, ускользает в чистой "филологичности", теряя фольклорное начало как первооснову - причину и фундамент.

С "фольклорностью" как основополагающей категорией городской нарратив, наконец-то, начинает восприниматься не только как материальный объект - вербальный текст, имеющий начало и конец, внутреннюю структуру, выраженную в повторяемости⁶, вариативности⁷ и анонимности, не только как акт межличностного общения (рассказчик и слушатель со своими целями и задачами), а прежде всего как информация (знание), транслируемая собеседнику, и что значительно для фольклориста - способ, при помощи которого эта информация переносится.

Рассматривая городской нарратив как вербальную форму трансляции общего знания и исследуя способ (способы), при помощи которого эта информация переносится, получим возможность не просто констатировать несколько раз подтвержденный факт, что семантика устного рассказа характеризуется превалированием общего над частным, стереотипа над информацией, а и рассмотреть механизм появления, продвигаясь постепенно от филологического (семантическая составляющая текста) к фольклорному (сюжетообразующему и жанроопределяющему) компонентам, т.е. к истокам. Условно "достоверный" текст создается в результате рефлексии над жизненными наблюдениями. А сам процесс возникновения сюжета можно схематично представить следующим образом: от неделимого жизненного континуума - к выделению и отбору событий (фабула) к

связыванию и экзегезе событий (сюжет) - к материализации в конкретно данной нарративной форме (собственно текст городского нарратива). Как мы видим, фольклорные компоненты циклично закрывают круг, являя причину и следствие, без исследования которых срединная филологическая связь "провисает" или функционирует ограниченно.

Данный механизм дает нам возможность новой стратификации городского нарратива, которая, в отличие от классических (тематическое, мотивационное, тендерное и т.д. деление), не опирается только на семантическую составляющую текста, а являет более сложный, комплексный энтитет, основу которого составляет *случай* (в понимании Ю. М. Лотмана). Само стремление рассказать случай объясняется тем, что *случайное* нарушает равновесие микромира, восстановить которое можно лишь объяснив его, т.е. придав случаю статус закономерности⁸. Специфика городского нарратива в том, что он принципиально не разграничивает события жизни и события текста, поэтому текст присвоил себе право называть условно реальное событие действительным событием, в которое люди изначально должны верить. Именно эта особенность запускает механизм создания городской легенды, и событие получает идентификацию лишь тогда, когда оно оформлено словесно, вербализовано. Причем способ идентификации тесно связан с нормой, он социален и зависит от того, каков характер нормы социума: это значит, что селекция событий из жизненного континуума ведется в соответствии с мировоззрением человека, который впоследствии излагает эти события. Поскольку мировоззрение формируется под воздействием коллектива, то отбор событий есть факт причастности коллективу, т.е. общему знанию. И эта специфическая особенность городского нарратива соотносится с постмодернизмом или с особым способом мышлению, где бинарность - реальный/нереаль-

⁶ Как правило, городские рассказы отличает наличие преамбулы, являющейся своеобразной отсылкой к его регулярному воспроизведению: "Мне мама рассказывала...", "Соседка рассказывала...", "Моей подруге рассказывала ее знакомая..." и т.д.

⁷ В виде субъективных дополнений, оформленных как в "украшательстве", так и комментариях морализаторского или эмоционального толка.

⁸ То есть и городской нарратив, как миф, обладает этиологичностью, только в данном случае речь идет о этиологии повседневного.

стр. 60

ный не прямая, а циклическая: реальное (случай) становится нереальным (нарративный текст), причем преподносится как реальное способами, которые нас должны поколебать в его реальности, но мы его воспринимаем как реальное, делая поправки на его нереальность⁹. Данный сложный процесс обеспечивают особые приемы передачи информации - для доказательства "реальности" события используется применение дискурсивных слов-импрессивов (типа *кажется, видимо*, создающих эффект "сомнения" в перцептуальной информации) и слов-квотативов (типа *говорят, слышал, будто*, создающих "сомнение" в источнике информации)¹⁰ и ответственность за интерпретацию передается некоему индивидууму (*друг моих друзей, соседка, тетя, сестра моей подруги*) или обществу (*говорят, в автобусе слышал, в магазине говорили*)¹¹.

Все же главным будет то, что эти приемы отражают не только отношение говорящего к тексту, но и к слушателю, для которого этот текст произносится¹², а сам текст зависит как от продолжительности коммуникации собеседников (время совместного пребывания в поезде, больнице, тюрьме, походе, на службе и др.) так и от фактора активного/продолжающегося или пассивного/"законсервированного" общения собеседников (продолжающаяся активная дружба и временный случайный контакт).

Особенность, которую можно определить как социальное взаимодействие, связана и с особенностями внетекстовой реальности, которая присуща городским нарративам. Речь идет о так называемых "внутритекстовых показателях иллюкутивных намерений рассказчика", которые выражены в вводных словах, междометиях и пр. Иллюкутивные намерения обязательно сопровождается перлюкутивный эффект рассказа, который выражен в реакции собеседника и сопровождается ответной репликой, рассказом, воспроизведении прослушанного или в действии, совершенном в результате принятой и разделенной пресуппозиции текста. Обязательность данного компонента - общее правило, соблюдаемое даже там, где условия для этого ограничены (например, сайт www.anekdot.ru наряду с рубрикой **истории**, представляющей непосредственный образец городского нарратива ввел и рубрику **комментарии**, которая и представляет собой образец прелюкутивности, то есть налицо создание "коммуникативного коридора" (термин С. Б. Адоньевой), который необходимо условие институции общего знания.

Интересно, что близкая интертекстуальная связь городского нарратива с литературным наследием (например, "Медный всадник" Пушкина и легенда о духе Петра Великого¹³, концовка "Шинели" и "Портрет" Гоголя, сюжет "двенадцати стульев" Ильфа и Петрова и т.д.) в последнее время становится настолько непосредственной,

⁹ Обращает на себя внимание близость данного механизма верификации с понятием Другой - "otherness"), ("бытие-с" у М. Хайдеггера соприкасающееся с его же "Das Man", "бытие-друг-с-другом" у Л. Бинсвангера, "отношение Я - Ты вместо Я - Оно" у М. Бубера, "преодоление отчаяния благодаря данности Ты" у О. Ф. Больнова, "малый кайрос" П. Тиллиха и т.д.) и с высказыванием Гегеля о "своем ином", ключевом для современного понятия After-postmodernism. Причем не традиционное свой/чужой, а Другой (sic!).

¹⁰ Исследуя эту особенность, О. В. Овчинникова на примере актуализации традиционных представлений и верований в современных культурных моделях выделяет понятия прямой цитации, негативной цитации (негации, ослабленной негации), и цитации с рациональной мотивировкой - рационализации. (Традиционная русская магия в записях конца XX века / Сост. С. Б. Адоньева, О. В. Овчинникова. СПб., 1993.)

¹¹ Своеобразный метарассказ.

¹² О достоверности истории (оценка слушателя, а не говорящего) можно судить, например, по реакции на стимулы-названия нарративных форм, представленным в "Русском ассоциативном словаре". По материалам словаря анекдот, байки, сплетни ассоциируются в речевой практике носителей языка с враками, пустым, брехней, в то время как стимулы история, случай, сон, рассказ не вызывают таких реакций.

¹³ Легенда обогащена поэтическим дополнением, рассказывающим о том, что Петр выехал на коне к берегу Невы и сказал: "Все - Божье и мое!" И перепрыгнул реку. Повторил: "Все - Божье и мое!" И снова перелетел на другой берег. Но тут возгордился и сказал так: "Все - Мое и Божье!" И в наказание окаменел.

стр. 61

что писатель не делает попытки олитературить текст, а интегрирует его в ткань произведения¹⁴ или же делает его сеткой-моделью произведения¹⁵, поскольку отношения к реальности, эклектика и благосклонность к двусмысленностям, цезурам, соскальзываниям, фрагментация, коллаж, де-канонизация, перформанс и соучастие характерны как для литературного текста, так и для городского нарратива. Понимание этого решает вопрос о витальности и широком разнообразии форм городского нарратива на постсоветском пространстве. Харвей, например, поставил вопрос о связи постмодернизма с "повседневной" жизнью общества, говоря, что постмодернизм на Западе - чисто культурное явление, "изыск", прихотливый извив культуры. Наличие же активного городского нарратива в постсоветском пространстве делает постмодернизм не только частью культуры определенного периода развития общества, а "...взглядом на

жизнь", поворотом зрения, позволяющим вместить в голову и устроить там фрагменты разных реальностей, существующих одновременно и, казалось бы, не стыкующихся друг с другом. Вопрос о связи постмодернизма с повседневной жизнью потому нас занимать не должен, что он и есть повседневная жизнь. Мы легко принимаем действительность, может быть, потому, что интуитивно чувствуем: ничто реально не существует"¹⁶.

Даже "филологическое" исследование пространственно-временных координат, хронотопа, выступающего как способ доказательства "реальности" события - указание точного времени, места, погоды и др., ускользает в "фольклорность", поскольку они не просто определяют, "маркируют" материальное окружение, среду, но и социум.

Данный хронотоп включается в тексты, транслирующие систему ценности сообщества через маркировку значимых мест (*самый... святой, старый, высокий, низкий, страшный, красивый, удивительный, отвратительный* и т.д.). Причем и весь город может быть "значимым" местом, как правило, негативным¹⁷, которому грозят катаклизмы или он сам угрожает катаклизмами¹⁸.

Причем оппозиция центр/периферия в городской нарратологии также предстает в нетрадиционном виде: "Контекст города настолько широк, что место рубежа у него занимает периферия, за которой не иное города, но иной *город*"¹⁹, поскольку *городской* не столько эпитет, как мы уже упомянули, сколько метод, причем постмо-

¹⁴ Д. Донцова, например, обильно включает в ткань своих произведений "истории", взятые на сайте www.anekdot.ru, без попытки замаскировать их.

¹⁵ "Милицейские байки" Н. Федорова, произведения М. Веллера, "Случаи" Л. Петрушевской, "Женский декамерон"З. Воскресенской и т.д.

¹⁶ Бусыгина И. Постмодернизм в Москве. Сб. Института Европы РАН М., 1995. С. 6.

¹⁷ Интересно данная дистопия выражена в тексте культового фильма А. Балабанова "Брат": "Город -это злая сила. Сильный приезжает, становится слабым. Город забирает силу... Вот и ты пропал..." или же " -Хм, город!.. Город - страшная сила. А чем больше город, тем он сильнее. Он засасывает!.. Только сильный может... выкарабкаться. Да и то...". Причем город персонифицируется, воспринимается как личность-соперник.

¹⁸ А. Мазуркевич, автор одного из крупнейших православных сайтов на тему Апокалипсиса, заявляет, что семь голов зверя, на котором сидит вавилонская блудница (ср. с Откр. 17. 3), суть семь холмов Москвы. Пророчества из православной среды предрекают разрушение Москве и Петербургу, иногда Казани -традиционно, Москва проваливается под землю, а Петербург тонет (традиция предсказания гибели Петербурга от наводнения существует уже с XVIII в. События 11 сентября повлекли за собой серию о проклятии индианцами Нью-Йорка, особенно места, где были воздвигнуты башни Всемирного торгового центра. По Сети ходило стихотворение, приписываемое Нострадамусу: "Великий гром прогремит в Городе Бога, Хаос разорвет в клочья двух братьев, Когда крепость падет, Явится великий лидер, Третья большая война начнется, Когда город будет гореть". На поверку это стихотворение оказалось плодом творчества студента по имени Нейл Маршалл из канадской провинции Онтарио, пожелавшего продемонстрировать, как легко подражать пророчествам - и как легко им верить.

¹⁹ Иваненко А. Город, www.Topos.ru.

стр. 62

дернистский, где "центр" не предполагает "периферию", а являет собой симулякр, т.е. зеркально повторяющуюся цепочку "центров".

В данную схему включены и места социально различные (тюрьма, больница, музей, театр) - определенная "социальная периферия", причем и здесь смысловое деление на центр и периферию не выдерживает критики, ибо все они основаны на одинаковом стереотипе - "мифе", находящемся в соответствии с актуальными представлениями

носителей культурного императива (Т. Адоньева). Хотя имеет смысл деление жанровое - на две условные поджанровые группы - легенду и случай. Чьи определения основаны на упомянутой выше "мифологии повседневности" и "мифологии историчности".

В качестве доказательства приведем тот факт, что "центру" тяготеет легенда, которая, в отличие от случая, более конкретна пространственно (склонна номинации локации) - московская и петербургская городская легенда включает в себя, например, конкретные места появления призраков²⁰. Той же особенностью обладает и сельский нарратив (где "центром" будет село, а "периферией" - окрестности²¹) и легенды, связанные с так называемой "социальной периферией" - тюрьмой, больницей, музеем, театром, которые выступают в обобщенном виде лишь тогда, когда речь идет о случаях, а когда переходят в разряд легенды, тогда становятся "центром", тяготеют к конкретике²². Все что не центр, не конкретно - не легенда, любая периферия (выраженная в языке или традиции) как правило - *случай*.

Анализ пространственно-временных отношений показывает, что точки пространства являются не только сюжетообразующими, но контактными для аудитории и рассказчика. Посредством указания или уточнения личных пространственных координат, приведения их к общему знаменателю организуется почва для взаимодействия во время рассказывания, то есть городской нарратив отличает дейктичный (определенно-личный) хронотоп. При этом нарратор (интерпретатор) не просто повествует (выполняет информативную или любую другую - фактическую, дидактическую, регулятивную, психотерапевтическую или же прогностическую функции), а и репрезентирует себя как личность (и призывает к социальному взаимодействию), проецируя, при помощи события-медиатора, коллективные ценности и страхи общества, имеющие, как правило, глубокие корни в коллективном подсознании, которые не меняются, а лишь "освежаются", технологизируются или со временем становятся лишь более экзотичными (например, легенда о крысах (крокодилах, мутантах, собаках) - людоедах в подземных (коридорах, каналах, метро) имеет вековую традицию). Текст городского нарратива, при всей его узнаваемости поэтому тяжело кристаллизуется, поскольку находится в особом "движении", похожем на известную апорию Зенона²³ Это "движение" subtilнее и неуловимее вариативности традиционного фольклора, поскольку идет не столько (и не только) от носителя-личности к носителю-личности, но от носителя-коллектива к носителю-коллективу²⁴, представляя со-

²⁰ В Москве: Черный монах - Алешкинский лес, ст. метро "Планерная", Роковая мамаша - Никулинская улица, ст. метро "Юго-Западная", Лимузин Берия - Малая Никитская улица, ст. метро "Баррикадная", Старик Кусовников - улица Мясницкая, ст. метро "Чистые пруды", Кот Бегемот - Тверская улица, ст. метро "Пушкинская", Книговед Рубакин - Дом Пашкова, ст. метро "Библиотека им. Ленина", Безголовые Хованские - Ярославское шоссе и др. В Петербурге Дух Петра Великого - Сенатская площадь, Павел I - Инженерный замок, Моисей Урицкий - дворец Кшесинской, Тень в камзоле в Гатчинском дворце, и др.

²¹ Призрак у Черной скалы, болотная нежить у Сгоревшей березы и др.

²² Призрак женщины в Бутырке, Серая женщина в Можайской женской колонии, Алиса Коонен в Камерном театре, князь Куракин в Ярославском художественном музее, и др.

²³ "Если в каждый момент времени полета стрелы можно четко указать ее координаты, то она покоится в каждой точке своей траектории. В таком случае, как происходит движение и как оно возможно?" В данном случае возникает некое итеративное, по выражению Ж. Деррида, движение.

²⁴ Причем носитель и "личность", и "коллектив" одновременно - имплицитный автор-нарратор и имплицитный слушатель.

бой сеть непредвиденных наложений разнообразных эволютивных и инволютивных цепей, то есть всего того, что близко соприкасается с определением "ризомы", которое дает Делез. Данная особенность городского нарратива позволяет ему кодифицировать мысль, укреплять мораль и континуировать ее (постоянное движение в постоянном покое!), и в конечном итоге санкционировать обряд как способ человеческих взаимоотношений.

Как мы видим, объяснить особенности городского нарратива в его социокультурной полицентричности, функциональной маргинальности, ориентации на литературные и культурные образцы и их фольклоризации можно лишь беря одновременно во внимание два основных аспекта - филологический и фольклорный. В этом случае под городским нарративом будет пониматься не только тематическая или стилистическая общность текстов, а группа текстов, объединенная общими синтагматическими, семантическими и прагматическими характеристиками и обладающая особым механизмом коммуникации, выраженным в традиции (транслирующем общее знание)²⁵ и специфически оформленном в виде художественного кода, который характерен для постмодернизма - "двойном кодировании", который к тому же, поскольку речь идет о народной культуре, "закодирован дважды", по выражению Т. Д'ана, причем 2 x 2 не всегда четыре.

²⁵ Не традиция - "корень", а традиция - "ризома".
стр. 64

Васильева Л.А. Топофилия восточного города¹¹

Л. А. ВАСИЛЬЕВА, кандидат филологических наук

Слово "топофилия", при всей прозрачности его семантики, вряд ли знакомо и полностью понятно даже весьма образованным людям. Несмотря на его распространенное терминологическое употребление в ряде современных дисциплин (философии, эстетике, культурологии, социологии, "гуманистической" географии и др.), в отечественной индологии оно, пожалуй, выглядит неологизмом. И это не случайно.

Монография доктора филологических наук *А. А. Суворовой "Любить Лахор: Топофилия восточного города"* (М., Восточная литература, 2009, 18 п.л.) открывает совершенно новую главу в области российских индологических исследований (и, вероятно, в востоковедении в целом), приобщая читателя к относительно "молодому" направлению в мировой научной практике.

Работа представляет собой уникальное исследование восточного города, выполненное в феноменологическом ключе, которое и представляет собой явление *топофилии*.

Цель работы - вместе с читателем "...увидеть" восточный город (в данном случае - Лахор) как феномен субъективно-релятивного опыта, в котором мы выступаем одновременно субъектами, конституирующими мир в сознании, и объектами *жизненного мира*" (с. 7). Автор вместе с читателем совершает увлекательное путешествие по Лахору, пользуясь в качестве "путеводителя" своей "ментальной картой" - одним из атрибутов *психогеографии* (разъяснение этих терминов содержится в 1-й главе, с. 15 - 20).

Диапазон этого путешествия по историко-географическим пластам города, для которого правильнее употребить *психогеографичес-*
стр. 78

¹¹ Васильева Л.А. Топофилия восточного города // Азия и Африка сегодня, 2010. №6. С. 78-79.

кий термин - "фланерство" (с. 15), составляет многие столетия - от первого письменного упоминания о Лахоре в X в. до сегодняшнего дня. Совершая свою необычную "прогулку" по Лахору одновременно в синхронной (линейно-географической) и диахронной (исторической) плоскостях, причем безотносительно к хронологии событий, автор словно "восстанавливает" временные слои многовековой картины города.

Результатом "путешествия" становится возникновение яркого культурно-географического образа Лахора, удивительно живого и пульсирующего. Этот образ складывается из самых разнообразных компонентов как когнитивных, так и эмоциональных: от исторических фактов, мифологических и литературных вкраплений до элементов визуального восприятия и слуховых и даже обонятельно-вкусовых ощущений автора, связанных с этим городом. Это видение и ощущение Лахора можно рассматривать как авторское восприятие того культурно-географического облика Лахора, который формировался на протяжении столетий при помощи самых различных средств, включая лингвистические, мифологические, литературные (при обилии фольклорных элементов) и др.

Интересно и увлекательно автор показывает, как историко-географический образ находит свой эквивалент в художественной литературе и становится художественным образом города; как разнятся образы Лахора в сознании западных авторов (от Томаса Мура до Р. Киплинга) и в национальной традиции; как *топофилия* выявляет эмоциональную связь между человеком и окружающей средой; как идеализируется или демонизируется культурно-географический образ Лахора в зависимости от поставленной писателем цели (например, в произведениях Р. Киплинга различных жанров, с. 246).

Кроме путешествия по Лахору, автор книги предоставляет читателю возможность совершить необычайно интересные экскурсии как в области мировой истории, литературы, искусства и архитектуры, так и современных дисциплин, о которых упоминалось выше.

Книга четко выстроена логически, выпукло обозначены основные направления авторских рассуждений. На их восприятие "настраивают" и выразительные, тщательно подобранные эпиграфы к каждой из глав, как и сами их названия: О топофилии (Гл. 1), "Лахор есть Лахор" (Гл. 2), Между мечетью и гробницей (Гл. 3), Имя сада: Шалимар и др. (Гл. 4), "Замурованная невеста": городская легенда (Гл. 5), "Хлеба и зрелищ" (Гл. 6), "Город Страшной Ночи" (Гл. 7), Вдоль Прохладной улицы (Гл. 8) и Заключение: Лахор и Лакхнау.

Первая глава, по сути дела, является предисловием к монографии, в котором А. Суворова, принимая во внимание новизну темы, разъясняет основные термины и понятия, связанные с названием книги и авторским методом исследования. Эту главу можно назвать своеобразным камертоном для всей работы: в ней автор, определяя предмет своего исследования ("город"), рассматривает теорию города и его традиции в свете различных философских, психологических и культурологических школ и направлений, останавливается на *психогеографии* и ее методах ("ментальная карта", фланерство). Рассуждая о ракурсах изучения и сферах "ощущения" города, автор приводит примеры образа города в библейской и христианской традиции и отражение ее в художественной литературе.

На теоретические посылки, содержащиеся в 1-й главе, проецируется текст восьми глав и заключения. Каждая глава книги является отражением того или иного фрагмента образа города - места, "которое перенасыщено своими смыслами, своей историей, воспоминаниями и знаками" (с. 10), каждая глава содержит все *топофилические* аспекты, о которых говорилось выше.

В сферах исследования А. Суворовой, как и в основном объекте внимания автора - Городе, "встречаются и пересекаются два пространства: хронологическое (физико-географическое) и символическое, пространство сознания".

Рецензируемая монография органически связана с одной из предыдущих книг А. Суворовой "Ностальгия по Лакхнау", хотя и написанной в ином ракурсе и в другом жанре.

В заключение содержится сопоставление обоих городов - Лахора и Лакхнау - как центров индо-мусульманской культуры, объясняется их различие, а также их место в историко-культурном контексте субконтинента.

Работа содержит ценный, актуально значимый материал, большая часть которого впервые вводится в научный обиход; автором привлечен огромный объем литературы, указанной в библиографии.

Увлекательно написанная книга представляет большой интерес не только для востоковедов (в частности, индологов) всех профилей, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Востока, а также новыми научными направлениями и дисциплинами XX-XXI вв.

стр. 79

Кокс Х. Секулярный город ¹²

Урбанизация и секуляризация в теологической перспективе

13 февраля сего года в Гарвардском университете состоялся торжественный вечер, посвященный сорокалетию выхода в свет книги профессора Харви Кокса "Секулярный город", трактата по теологии, который стал, как было сказано, "мировым бестселлером". Вскоре после появления в США книга оказалась переведена на одиннадцать языков. Ее тираж превысил 1000000 экз., что является редкостью для сочинений такого рода. Через четверть века "Секулярный город" был переиздан и встречен с не меньшим интересом. Появление книги вдохновило теологов Латинской Америки на создание новой концепции христианства - теологии освобождения.

Харви Кокс родился в 1929 году в Пенсильвании. Он с отличием окончил Пенсильванский университет со степенью бакалавра искусств, затем получил степень бакалавра богословия в Йельском университете и доктора философии в Гарварде. С 1965 года, когда вышла прославившая его книга, он преподает в Гарвардском университете.

Пастор-баптист, доктор Кокс пользуется известностью и уважением как в христианском мире, так и за его пределами. Достаточно сказать, что протестант Кокс был консультантом римско-католического епископата Латинской Америки и одним из семи авторов сборника, написанного учеными-священнослужителями, представляющими основные мировые религии.

Нет смысла перечислять должности и почетные звания Харви Кокса, ибо они, к сожалению, мало что скажут российскому читателю, незнакомому с многообразной жизнью современного протестантизма.

Харви Кокс не только глубокий и широко мыслящий теолог и талантливый проповедник, но и одаренный музыкант. Он играет на саксофоне в одном из бостонских джаз-оркестров. А те, кто имеет удовольствие лично знать доктора Кокса, могут засвидетельствовать его незаурядное человеческое обаяние.

Автор "Секулярного города" написал еще девять книг, последняя из которых, вышедшая в декабре 2004 года, называется "Когда Иисус пришел в Гарвард: моральный выбор сегодня". В издательском анонсе к изданию 1990 года сказано: "Сегодняшнее авторское ощущение нашей головокружительной эпохи делает это издание к 25-й годовщине "Секулярного города" книгой, необходимой каждому думающему человеку планеты. Харви Кокс напоминает нам о божественном замысле, в соответствии с которым человеку, свободному и ответственному, не закованному в какой-либо культовый мундир, - дана возможность вместе с Богом творить и совершенствовать наш мир на пути к искуплению".

¹² Кокс Х. Секулярный город // Звезда. 2005. №4. С. 172-196.

Редакция "Звезды" с любезного согласия Кокса выбрала для публикации главу из "Секулярного города", книги, еще более актуальной сегодня, чем пятнадцать лет назад.
Редакция

Перевод выполнен по изданию: Harvey Cox. The Secular City. N. Y., 1990.

© Harvey Cox, 2005

© Вера Домитеева (перевод, примечания), 2005

стр. 172

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕСМОТРЕННОМУ ИЗДАНИЮ

Если бы, когда готовился "Секулярный город", мне сказали, что возникнет необходимость в переиздании, я бы лишь рассмеялся. Книга писалась с локальной целью: послужить учебным пособием для серии конференций, запланированных на 1965 год Национальной федерацией христианских студентов. Я писал, имея в виду эту юную и смышленную (главным образом, протестантскую) аудиторию. Хотелось убедить молодежь, что в свете библейской веры урбанизацию и секуляризацию надо воспринимать не зловещим сигналом к бегству, а исторически благоприятной ситуацией. Ни широкой публики, ни обилия вопросов я не предполагал.

Однако книга привлекла гораздо более обширный круг читателей, и это вызвало во мне одновременно радость и сожаление. Приятно было обнаружить, что положительный взгляд на новейший городской мир как эпоху человеческой ответственности нашел отклик у множества современников. А сожалел я, так как не сумел представить свою позицию более точно и основательно. Когда по поводу книги начались споры американских и зарубежных теологов, социологов и градостроителей, когда обнаружился неожиданно большой интерес католиков и понадобилось увеличение тиража, меня обуяла жажда написать сугубо ученый богословский труд, дабы запечатлеть себя в памяти потомков.

Но, успокоившись, я понял, что, даже если у меня хватит способностей, академически respectable фолиант вряд ли тронет сердца такой же массы читателей и мне, быть может, захочется остаться автором "Секулярного города". Очевидно, компактно-интеллектуальный книжный жанр позволяет высказать достаточно, и раз сегодняшним дискуссиям важны как избирательность, так и несколько опрометчивая прямота, я не жалею, что "Секулярный город" ответил этой потребности. Текст, читаемый и теологами, и мирянами, может расширить сферу богословского диалога, то есть действительно помочь. Поэтому и во втором издании "Секулярный город" сохранил памфлетный стиль без претензий на научную фундаментальность. Второе издание только дало возможность исправить наиболее грубые преувеличения, охладить излишнюю горячность и принять во внимание целый ряд полезных критических замечаний.

Например, я смягчил некоторые из пассажей относительно "конца религии", приняв во внимание то, что призыв Бонхёффера к "нерелигиозной интерпретации Евангелия" может быть превратно истолкован в Америке, где религия понимается не совсем так, как в Германии. Подобным образом, оспаривая "метафизику", я постарался прояснить, что вопросы метафизики в секулярную эпоху замалчивать нельзя, но вот метафизические системы уже не могут ни объединять общество, ни соответствовать его проблемам.

Довольно много изменений внесено в главу о работе и развлечениях и в главу о студенчестве. Во-первых, я отказался от апокалиптического взгляда на "непомерно революционную" экономику в пользу той точки зрения, что технические новации следует рассматривать в очень обстоятельном политическом контексте. Хотя мой главный тезис этого раздела - кибернетика требует беспрецедентных доказательств нашей зрелости - остался совершенно неизменным. В главе о студенчестве я более внятно изложил свое понимание не совсем дружелюбного отношения студентов к религии, что, разумеется, вызвано не церковью как таковой, но ее высокомерной и повелительной позицией.

Маленькие поправки, уточняющие базовые аргументы, сделаны и в других главах. Короче, автор постарался всячески прояснить и укрепить главную идею.

Харви Кокс

Роксбери, Массачусетс 20 февраля 1966

стр. 173

"СЕКУЛЯРНЫЙ ГОРОД": ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Вступительный очерк

"Секулярный город" был написан мной после года проживания в Берлине, где я преподавал на организованных церковью высших учебных курсах, с филиалами по обе стороны колючей проволоки. За несколько месяцев до моего приезда была возведена Берлинская стена, так что мне приходилось регулярно ходить и возвращаться через американский пограничный пункт. Берлин - родина Дитриха Бонхёффера¹, пастора и богослова, казненного в гестапо за участие в заговоре против Гитлера. И я в тот год прочел немало его текстов, ставших особенно глубокими в последние, тюремные, месяцы жизни автора и посвященных теме исчезнувшего с горизонта Бога, наступления "пострелигиозной" эры человеческой истории. В тяжелой и напряженной берлинской атмосфере начала 1960-х это производило сильное впечатление. Разумеется, оглядываясь назад, видишь, что религиозного в людях осталось много больше, нежели представлялось Бонхёфферу. Недаром сегодня мы почти всюду наблюдаем непредвиденное возрождение традиционных культов. Возрождение исламистской культуры и политики, воскрешение синтоизма в Японии, мощный подъем индуистского, иудейского и христианского "фундаментализма" в Индии, Израиле и США - все это ставит сложные вопросы относительно, казалось бы, бесповоротных процессов секуляризации.

Как бы то ни было, подобные явления, на мой взгляд, делают основной тезис "Секулярного города" даже более убедительным. Я ведь доказывал, что секуляризация (если, конечно, она не стала идеологией - "секуляризмом") не всегда и не везде есть зло. Сегодня религиозные группировки, исходя из собственных теократических притязаний и согласия населения, назначают одну из множества духовно-этических установок главной. Вполне очевидно, что нынешнее религиозное возрождение не всегда и не везде несет добро. Думал ли многострадальный народ Ирана, что свержение ненавистного шаха и установление квазитеократической Иранской республики отбросит страну с пути позитивных перемен? Не говоря уже о палестинцах и израильтянах, жаждущих своей свирепой схваткой доказать мирным поселянам денежного Запада, что Бог на стороне именно иудеев или именно мусульман? Нельзя не видеть - и секуляризация, и возрождение религий имеют весьма пластичный нравственный смысл. Мы все еще отчаянно нуждаемся в том, что я в 1965 году пытался изобразить как путь радушного (не впадающего, однако, в нигилизм) плюрализма концепций, и в трезвом признании моральной неоднозначности как секулярных, так и культовых движений. То и другое может приносить освобождение, или воплощать безнадежную нищету, или являться некоей комбинацией этих вариантов. И разве легкий душ секуляризации, охладив клерикальные страсти, не улучшил бы ситуацию в Ольстере, не помог бы в разрешении кровавых противостояний в Кашмире или секторе Газа?

Можно понять людей, обескураженных размахом сегодняшнего религиозного ренессанса. Жертвам набожных террористов не слаще, чем жертвам рьяно атеистических режимов. Народ, радостно встречающий возвращение драгоценных для чувства гордости и единения обрядов - будь то бармицве в Варшаве, вновь открытые церкви Смоленска или тысячи студентов, изучающих религию в американских колледжах, - иногда забывает, что религиозное воз-

¹ Дитрих Бонхёффер (1906 -1945) - немецкий протестантский теолог. Его идеи о том, что мир стал "совершеннолетним", "Бог как моральная, политическая и естественнонаучная гипотеза преодолен и отброшен", "сегодня быть христианином не значит быть религиозным, но требует быть человеком" и пр., послужили исходной точкой для течения секулярной теологии, одним из создателей которой является Харви Кокс.

стр. 174

рождение никогда не исчерпывается чистым благом. Те же скорбные лики русских икон, что согревали миллионы душ в ледяную стужу сталинизма, позднее обеспечили выразительной символикой русских антисемитов. Как взвесить и оценить: с одной стороны, возрождающийся интерес тысяч юных граждан Америки к иудаизму, а с другой - фимиами рабби Меиру Кахане? Другой показательный случай - синтоизм. Замечательный дух уважения прошлого и почитания родной страны, сумевшей органично вписать японцев в эпоху современных технологий, вместе с тем стал питательной средой для чувства превосходства и воскрешения культа императора, что внушает очень большие опасения по поводу японской демократии.

Главная идея "Секулярного города" в том, что абсолютно равное присутствие Бога во всех, как светских, так и религиозных, областях жизни отвергает попытки ограничить божественное исключительно сферой духовно-церковного. Отсюда два вывода: во-первых, верующий не должен бежать от якобы "безбожного" современного мира, а во-вторых, не всякая религия хороша для человеческого духа. Мысль отнюдь не оригинальная, не мной введенная. Идею священного в земном внушает вполне консервативная доктрина Воплощения. Что же касается религиозных традиций, Иисус и древнеиудейские пророки были весьма критичны к изъянам и слабостям окружавшей их религиозной среды. Бог внутри мирского - эта не блещущая новизной истина, тем не менее, нуждается в постоянном повторении. Сегодня - так же, как всегда.

Перечитав свой "Секулярный город" (и не раз улыбнувшись дерзости речей), я признаю, что авторская аргументация требовала от читателя немалой осведомленности. Двадцать страниц вступления крутыми виражами мчались через всю историю человечества, от племенных общин до технополиса, от Софокла до Льюиса Мэмфорда¹, от каменного века до Макса Вебера. И все это еще до первой главы! Затем предлагался теологический "экскурс" по современному мирскому граду, где толпой дальних родственников теснились и Карл Барт², и Пауль Тиллих³, и Камю, и Джон Ф. Кеннеди. Дальше разворачивались основные положения того, что я называл "революционной теологией" - словосочетанием, которое в те дни сражало публику наповал. Потом шла атака на приводивший меня (тогда) в ярость, по моему определению - "антисексуальный", журнал "Плейбой" и довольно скучные обличения в адрес его издателей. К 224-й странице освоение основной территории завершалось.

Финальную часть составляла не слишком вразумительная для непосвященных полемика с шедшими близким курсом приверженцами теории так называемой "смерти Бога"⁴. Ссылаясь (надеюсь, достаточно корректно) на неизбывные - и, главное, напрасные - муки с классическим богом метафизического теизма, сам я, привлекая в помощь Иисуса и пророков, толковал насчет Некогого, таинственно-неуловимого Другого, который у меня отличался колоссальной жизненной энергетикой, на манер Жака Бреля, хотя и в несколько иных терминах. Кстати, я не могу понять, почему после этой *guerre de plume*⁵ с адептами "смерти Бога" кое-кто из специалистов по-прежнему продолжал числить меня

¹ Льюис Мэмфорд (1895 -1990) - американский философ, чьи теоретические работы по градостроительству оказали большое влияние на урбанизацию в США. Позднее выступал против технократической культуры, за возрождение ценностей Средневековья.

² Карл Барт (1886 -1968) - швейцарский теолог-протестант, основатель диалектической теологии. Опираясь на послания апостола Павла, призывал возродить "подлинное" евангелическое богословие.

³ Пауль Тиллих (1886 - 1965) - немецко-американский протестантский теолог, один из создателей теологии культуры. Считал религию "субстанцией культуры", а культуру - формой выражения религии.

⁴ Радикальное течение секулярной теологии, представители которого (в отличие от умеренного крыла: Х. Кокс и др.) отрицают не только привычную концепцию Бога, но и Его трансцендентную сущность.

⁵ Чернильная война (*фр.*)
стр. 175

в их рядах. Впрочем, существование теологии "смерти Бога" вообще оказалось непродолжительным.

С другой стороны, проблемой при моем юношеском энтузиазме было удержаться в позиции честного, строгого анализа, что очень важно для поведения верующих на поле битвы между религией и секуляризацией. Иллюстрируя дилемму своей личной христианской традиции, выяснить, в какой мере Мать Тереза и Оскар Ромеро уравнивают Джима и Тэмми Баккеров¹? Как соотносятся смелый взгляд папы Иоанна II на Европу без границ и его же крестовый поход против контрацепции? Столько хорошего и столько вредного творится (и всегда творилось) с именем Бога на устах, что я заканчивал "Секулярный город" звучавшей для тогдашних читателей радикально и, по моему, до сих пор здоровой мыслью. Предложением, восприняв урок древнеиудейской традиции, не произносить Святого Имени, жить какое-то время в почтительном молчании и ждать, пока Дух не проявится новым наименованием, свободным от злоупотреблений и банальностей.

Вообще-то, я сказал несколько больше, и финал книги, пожалуй, заслуживает цитирования, так как он дал толчок дальнейшему движению теологии. На последней странице я размышлял над тем загадочным местом в тексте Исхода, когда услышавший повеление вывести израильтян из египетского плена Моисей логично спрашивает грозный невидимый Голос о его имени, а Бог просто отказывается отвечать. Пояснение к приказу освободить народ кратко: "Я есмь Сущий. И так скажи им: Сущий послал меня к вам". Повидимому, сказано достаточно. А имя определится в ходе дальнейших контактов. Обдумывая этот эпизод, я писал:

"Исход означал для евреев поворот под воздействием такой мощной стихии, что потребовалось новое божественное имя, стирающее имена предыдущего опыта. Сегодняшний наш переход из эпохи христианского мира в эпоху урбанистической секулярности будет не меньшим потрясением. Вместо того, чтобы цепляться за обветшавшие названия или нервно изобретать новые, не лучше ли, подобно Моисею, просто взяться за дело освобождения пленников, в уверенности, что случай открыть новое имя нам представится".

Еще достаточно туманно представляя конкретные выводы, в этом абзаце я действительно наметил некий план следующего этапа развития, который, опередив самые смелые мои надежды, возглавили теологи Латинской Америки, а затем и других частей света. Из читавшегося между заключительных строк моей книги главного призыва можно было извлечь две базовые предпосылки теологии освобождения.

Первое - это то, что нас, как в свое время Моисея, обязали не сидеть в ожидании разъяснений, а устанавливать справедливость на земле, "освободить пленников". Интересующее нас "имя" появится потом. Теология важна, но она - вслед, а не вначале, в ней комментарий к практике, так сказать, научный отчет. Ниспровержение установки западного богословия на то, что правильное действие должно иметь источником отшлифованную (пусть еще не проверенную жизнью) теорию, во многом способствовало

формированию теологии, которая утверждает, что живая богословская мысль неотчуждаема от плоти окружающей реальности. Второе-то, что "сопутствовать" бедным и угнетенным не только этический долг, но и более перспективный путь для самого богословского сознания. Как было сказано католическими епископами Латинской Америки в их получившем большой отклик заявлении 1968 года, теологически надо мыслить "исходя из прав и интересов беднейших". Едва ли я мог это видеть тогда, но сегодня ясно просматривается, что "Секулярный город" дал предпосылку для этих выводов.

¹ Уличенные во многих аферах братья Баккеры, популярные телевизионные проповедники, построившие первый в Америке религиозный парк развлечений ("Христианский Диснейленд").

стр. 176

Поначалу меня даже озадачила необычайно бурная реакция на испанский перевод моей работы ("La Ciudad Secular"). Книгу шумно критиковали и все же поддерживали, автор был приглашен для дискуссий в Перу, Мексику, Бразилию. Причем, послушав тамошнюю критику, я убедился, что поняли меня в этих странах лучше, чем где-либо, и, может быть, даже лучше, чем я сам. Развивали мои мысли тоже вполне интересно. Густаво Гутьеррес¹ в своей вышедшей через несколько лет книге "Теология освобождения" наилучшим образом прояснил связь наших идей. В экономически развитых капиталистических странах, объяснял он, секуляризация меняет форму культуры. Оспаривая власть религиозного мировоззрения, обновленная культура зовет человека принять активное, свободное участие в историческом творчестве и открывает двери плюрализму символических концепций универсума. Но в бедных странах секуляризация соединяет самые разные порывы. Она бросает вызов злоупотреблениям церкви как правящей элиты, претендующей на сакральность своих привилегий, и одновременно привлекает могучие символы веры для борьбы с деспотизмом. По одной из блестящих формулировок Гутьерреса, богослову в Третьем мире противостоит не столько "безверие", сколько "бесправие". Здесь перед священником не тот "современный человек", что полагает религию темницей мысли, а тот голодный и бездомный житель картонных лачуг Лимы и Сан-Пауло, который почти отчаялся, ибо тирания со своей религиозной или иной мифологией просто вгоняет его в гроб. Ярko продемонстрировав контрастность этих ситуаций, Гутьеррес замечательно развил ориентированный на живую практику подход, за который я бился в различных религиозных и политических спорах.

В современном богословии немало преемственности с "Секулярным городом". Но возникло и много едва ли предвещавшихся там важных течений. К примеру, перечитывая свою книгу в 1990 году, я то и дело вздрагивал от постоянно мелькающего "человек", что, так или иначе, подразумевает субъект мужского рода. С первой же страницы введения: "Мир предстал задачей человека, его ответственностью. Современный человек стал космополитом..." и т. д. Хотелось бы убедить себя, что это лишь привычный риторический промах. Однако я-то знаю - дефект глубже. "Секулярный город" писался до двух десятилетий теологического феминизма, заявившего о себе как раз вскоре после издания. Что же с этой точки зрения могло бы измениться в тексте?

Многое. Обладай я сегодняшним своим знанием, исправлению подверглись бы фактически все главы. Как бы я мог в начальной части столь уверенно говорить об освобождении от иллюзий и десакрализации, не учитывая того, что подобные процессы (они мне, в целом, видятся позитивно) имеют в подоплеке идею явно патриархального господства над природой, которая в символике иудаизма и христианства тесно связана с женским началом? Далее, в главе "Работа и развлечение в секулярном городе" моя аргументация строится без всякого учета нынешних, да и тогдашних миллионов работающих женщин. За последние двадцать пять лет во мне прибавилось, особенно

благодаря моим студентам, понимания того, как трудно читать Библию, отрешившись от увековеченных, авторитетно корректирующих, а подчас даже редактирующих взглядов. Множество классических источников в свете женского вопроса звучат совсем иначе. Вся моя последняя глава "Трактовать Бога светским образом" могла бы привлечь внимание, что исключительно мужской словесный образ божества автоматически оставляет на обочине добрую половину человечества.

Что сказать в свою защиту? Лишь уповать на тот тезис "Секулярного города", который, к моему удивлению, чаще всего обсуждался и цитировался. Под

¹ Густаво Гутьеррес - перуанский священник, автор книги "Теология освобождения - перспективы", лидер современной католической концепции, которая соединяет идею социального освобождения с освобождением духовным через непосредственную связь с Богом.

стр. 177

заголовком "Секуляризация и секс" у меня шла уже упомянутая атака на журнал "Плейбой", крупноформатно предлагавший глянцевого псевдосекса в виде идеальной для прыщавых подростков женщины - идеально нетребовательной, идеально безучастной красотки, которую можно сложить и убрать или достать и раскрыть в любой момент. Кроме того, велась речь о фестивалях "Мисс Америка", карикатурных подражаниях древним культам богинь плодородия, организуемых опять-таки для возбуждения мужской фантазии и в конкретных коммерческих целях. Приятно сознавать, что тут я выступил как некий протофеминист. Не наравне с лидерами феминистической критики культуры, но и не так уж плохо для того времени и для мужчины.

Странным кажется и отсутствие на страницах "Секулярного города" другого очень важного богословского течения, ведь американский город - естественное средоточие афро-американской теологии. Хотя ретроспективно этот момент объясним: потребность в объединении созрела у черных богословов на несколько лет позже. Удивительно, впрочем, что в 1965 году я, глубоко захваченный движением за гражданские права, проглядел перспективу религиозного подъема афро-американцев. Еще летом 1956-го, во время бойкота автобусов в Монтгомери, штат Алабама, я познакомился с Мартином Лютером Кингом. Будучи тогда капелланом Оберлин-колледжа в Огайо, я пригласил его там выступить. Через несколько месяцев он прилетел, и началась наша дружба, длившаяся до его гибели в 1968 году. Как член основанной им Южной конференции христианского руководства (ЮКХР), я участвовал в маршах и демонстрациях на Юге и на Севере. В связи с походом на Сельму был арестован и ненадолго посажен в тюрьму Уильямстоуна, штат Северная Каролина. Мне довелось исполнять некоторые ответственные поручения в ходе акций организованной ЮКХР десегрегации Сент-Огастина, Флорида. Все эти годы мы с семьей прожили в Роксбери, преимущественно афро-американском районе Бостона.

Тем не менее, лишь с пришествием лозунгов "черной власти" и появлением "черной теологии" я начал по-настоящему осознавать, что такое современный американский город для афро-американцев. Задумайся я об этом раньше, можно было бы предугадать копившийся потенциал. Мои любимые метафоры, подразумевавшие комфорт столичных сетей транспорта и связи, - "человек-коммутатор", "человек с крылышками" - недоверчиво воспринимались людьми, которых жестко ограничивали в возможностях передвигаться и общаться, для которых город был не пространством расширения свобод, а местом изощренного унижения. Только годы спустя мне стало ясно, что в работе над "Секулярным городом" я исходил из относительных преимуществ урбанизации. Тем же, кому тут уготован безжалостный обман, город - секулярный или какой-либо еще - видится совсем по-другому.

Годы после публикации "Секулярного города" принесли городам всех стран, включая Америку, немало нового и, по большей части, не благого. Вместо развития

освободительных процессов многие города, раздираемые расовой, религиозной и классовой враждой, превратились в скопища человеческого горя и нищеты. Уже сами названия Бейрут, Калькутта, Белфаст, Южный Бронкс встают в сознании образами насилия, гибели и запустения. И горький парадокс: города зачастую становятся жертвами собственного роста, разрушая животворящие окрестности. Миллионы людей с надеждой и отчаянием стремятся прочь от нестерпимого существования на разоренных сельских землях.

Например, если Мехико представляет собой город будущего, то будущее это видится угрюмым. Льюис Мэмфорд, начавший с гимнов перспективам всемирного урбанизма, к концу жизни (он умер в 1990 году) утратил иллюзии и написал, в частности, что, распространившись на весь мир, город вообще перестанет существовать. Утверждение все более реалистичное. К 2000 году население Мехико достигнет тридцати двух миллионов, причем пятнадцать из них будут кое-как перебиваться в трущобах и самодельных лачугах. Не сильно отстанут и Каль-

стр. 178

кутта, Рио-де-Жанейро, Джакарта, Манила и Лима с их населением от десяти до двадцати миллионов, половина которого обречена на нищенское существование. А в некоторых африканских городах, таких как Аддис-Абеба и Абиджан, полное убожество ждет 75 - 90 процентов жителей.

Ситуация в городах Соединенных Штатов немногим лучше. Спиральный рост цен на недвижимость, проводя жесткую селекцию, создает целые полчища бездомных (среди них ужасающее количество женщин с детьми), вынужденных тесниться в переполненных церковных полуподвалах и временных приютах. Характерная для наших городов национально-культурная смесь, густо приправленная постоянным притоком эмигрантов из Азии и Латинской Америки, в теории дает нам возможность доказать всему миру, что этническое многообразие не минус, а плюс, но на практике приходится констатировать, что некоторые из городов уже стоят на грани разделяющей по цвету кожи войны всех против всех: против белых, против черных и против желтых. Из-за сокращения среднего класса, растущей пропасти между имеющими слишком много и слишком мало, общая картина явно ухудшилась. Порой возникает искушение просто покинуть город.

Но не покинем. Одной из главных моих целей в "Секулярном городе" было опровергнуть заразившее американскую религию (точнее, церковь) предубеждение против городов. Сколько раз я еще ребенком слышал: "Бог творит землю, а город строит человек". Я считал и продолжаю считать, что такая доктрина Бога крайне узка. Необходимо научиться распознавать присутствие Бога не только, как указывает старинный протестантский псалом, "в садах цветущих", но, как зовет псалом еще более вдохновенный:

Где жизни крестный путь,

Где крик и стон племен...

Библия рисует Бога, присутствующего в неприглядной реальности разладов и конфликтов, призывающего не бежать от боли, а изнутри выстрадать новое рождение. Нет ничего более далекого от библейского Бога, чем захлестнувшие религию мутным потоком безмятежно замкнутые на себе новейшие культы и схемы спасения. Бонхёффер был совершенно прав, когда из своей тюремной камеры писал, что долг человечества "разделить страдание Бога в нашем мире". Если божественная тайна в некоем особенном, постоянном - настойчиво напоминаемом библейскими образами от египетского рабства до казни Иисуса - пребывании среди самых обиженных Его чад, то люди, которые со ссылкой на религиозность отворачиваются от города, сильно рискуют. Покинув презираемых и отверженных, мы покидаем Бога, ведь они остаются в наших городах - "последними"¹.

У меня не возникло желания переписать "Секулярный город" с учетом прошедших десятилетий. Да и зачем? На собственном опыте я убедился, что любая литературная работа (будь то роман, поэма или книга по теологии) - это творчество, и сочинение, убежав из-под пера, живет своей жизнью. Скромное первое издание в 10 000 экземпляров было быстро замечено критикой и разошлось со скоростью, потребовавшей новых тиражей. Вскоре - неслыханно для богословских текстов - книга вошла в список бестселлеров. Ее перевели на немецкий, голландский, французский, испанский, шведский, итальянский, португальский, японский, корейский и даже на каталонский язык испанской провинции Барселона. Объем продаж начал исчисляться сотнями тысяч. Издатель был изумлен, я тоже.

И что уж говорить, неожиданное признание очень меня порадовало. Меня кри-

¹ Имеются в виду слова Иисуса: "Многие первые будут последними, а последние первыми" (Матфей 19:30).

стр. 179

тиковали, превозносили, анализировали, рекомендовали, опровергали. Издательский дом, отказавший мне в публикации, когда я впервые представил рукопись, теперь одолевал телефонными просьбами написать какое-нибудь продолжение. Книгой, как выяснилось, особенно увлеклись католики, возможно, в связи с только что закончившимся II Ватиканским собором¹ и жаждой реально обновить атмосферу свободными поисками. Прочел ее даже папа Павел VI, сказавший на аудиенции, что, не разделяя авторских взглядов, читал все же "с огромным интересом". Профессора включили мою работу в свои учебные курсы. Изучали книгу и при церквях. За два года было распродано около миллиона экземпляров на разных языках.

Что из этого следует? Во-первых, оказалось, что большинство издателей и самих теологов сильно преуменьшают количество людей, желающих выложить деньги за серьезную книгу о религии. Может быть, именно "Секулярный город" обозначил конец непререкаемого господства в теологии клерикальной и академической элиты. Рядовые миряне явно были готовы к дискуссии. Как бы они ни воспринимали довольно замысловато изложенные тезисы "Секулярного города" - отнюдь не той книжки, что полистаешь у телевизора, тема отвечала запросам людей, уставших от богословских трактатов для внутреннего потребления. Я не за то, чтобы поощрять крикливых и скептически настроенных вожakov-мирян, которых сейчас немало при каждой церкви и, может быть, особенно при католической, чинящей столько препятствий своим духовным лидерам. Но льщу себя надеждой, что своей книгой помог создать климат, вынудивший профессиональных богословов спуститься с балконов, выйти из кабинетов и серьезно заговорить с народом, составляющим девяносто девять процентов всех церковных и прочих религиозных общин.

Разумеется, есть вещи, которые сегодня я высказал бы иначе не только по стилю, но и по содержанию накопленного опыта. "Слишком быстро мы стареем, - гласит поговорка пенсильванских немцев, - и слишком поздно умнеем". С нынешним знанием иудейской религиозной традиции я не стал бы противопоставлять Закон и Евангелие как пути прошлого и открытость в будущее, чему меня учили Рудольф Бультман² и вся германская теология. В нынешнем моем понимании ветхозаветный Закон тоже дар милосердия. Сейчас я, конечно, попытался бы обосновать свое толкование мировой истории, не ограничиваясь руслом христианской конфессии, но привлекая и другие интуитивные духовные прозрения, что было совершенно невозможно в эпоху беспрецедентной изолированности живущих бок о бок религиозных систем. В конце концов, был период, когда западный христианский мир строил города-крепости, а мусульмане, буддисты и индуисты создавали огромные космополитические центры. Значит, у них можно поучиться трансформации городских полей сражения в мирные сообщества, питающие, а

не удушающие жизнь. Нам нужна всякая, любая помощь, дабы не воплотить терзавший Мэмфорда кошмар - превращение планеты в бескрайнюю городскую пустошь.

Теперь о мнении, полагающем "Секулярный город" неким предвестием постмодернизма. Вообще я не совсем улавливаю смысл теории, согласно которой мир более "не существует". Так что, если идеи моей книги читаются призывом жить с прагматичной установкой на временность и условность бытия (подозрительный оттенок всеохватных схем), читатель рискует увидеть тягу к беспорядочному там, где я как раз стремился к еще большему "порядку". Однако лет через десять после "Секулярного города" вышла книга Джонатана Рабана "Расползающийся город: искусство выживания в космополисе" - по некоторым

¹ II Ватиканский собор (1962 -1965) принял решения об экуменизме, реформе литургии и других нововведениях в современной католической церкви.

² Рудольф Бультман (1884 -1976) - немецкий протестантский теолог. Выдвинул концепцию "демифологизации" Нового Завета, предлагая интерпретировать христианские мифы экзистенциально, как символы отношения человека к Богу.

стр. 180

оценкам, первый явственно постмодернистский текст. И когда еще через несколько лет я добрался до сочинения Рабана, то сразу почувствовал единомышленника в авторе, написавшем:

"Городи слово противостоят друг другу: повествовать насчет прогрессивного развития, толкая город к произвольному и бесцельному разбуханию, - значит вольно или невольно лгать. Нет ни одной точки зрения, с которой мегаполис видится как нечто цельное, а не по ряду признаков, отличающих большой город от городка.

<...>Четко работающему организму столичной жизни неплохо бы сосредоточиться на своей внутренней невнятности".

Эта "невнятность" характерна для городов новейшей, секулярной цивилизации, где нас зовут жить сиюминутным интересом, отнимая наполненность и цельность картины мира наших предков. Но мы нуждаемся и всегда будем нуждаться в целостных образах. Пусть сегодня они раздроблены, придется воспринимать их заново, как-то иначе. И нам по-прежнему нужны наши религиозные традиции, только надо ясно понимать, что ни одна из них, ни даже полный их спектр не обеспечат взгляда, способного охватить все и вся. Словом, жизнь в городах должна стать школой выживания в постмодернистском "невнятном" мире, стать постоянным уроком этики мирового "городского гражданства". Хотя пока учеба не дается. Как сказано у Рабана:

"Плохо мы живем в городах, воздвигнув их с преступной наивностью, а теперь тщетно мучаясь в нами же сконструированном диком пространстве. Необходимо <...> постичь природу гражданства и серьезно, творчески оценить особое родство между собой и городом, его уникальной пластичностью, его правами и свободами".

Да, "плохо мы живем в городах". Но обязаны научиться сосуществовать именно здесь, иначе не выживем. Иначе - упустим данный Богом или судьбой шанс, который впоследствии уже не повторится.

В тексте данного переиздания "Секулярного города" мелькает одно соображение, которое ввиду его особой для меня важности я, вероятно, должен был поставить эпиграфом к этому эссе или хотя бы выделить курсивом. Секуляризация, писал я, "не мессия. Но уж никак и не антихрист. Скорее, в ней есть опасность освобождения". Некая "возросшая ставка", значительно повышающая уровень человеческой свободы и человеческой ответственности, а стало быть, сопряженная "с риском не выполнить задачу. Но обещание превосходит опасения, так что, по крайней мере, стоит рискнуть".

Все, что я могу добавить сейчас: фактически выбора "рискнуть или не рисковать" у нас нет. Мы уже живем в мировом городе. Живем плохо, но назад не повернешь. И хотя

утверждение о новой потребности в Боге может звучать странно, я уверен - так и будет. Не вера, а неверие имеет свойство бежать от сложности сокрушительных перемен или торопливо втискивать свой опыт в рамки какой-нибудь всеобъемлющей схемы, словно универсум рассыплется, если мы не скрепим его теми или иными концепциями. Нужно найти подход к жизни в огромном невнятном городе, не хлопоча о поисках волшебного ключа, хотя это отнюдь не значит стать нигилистами. Совсем напротив. Несколько лет назад один мой друг заметил, что, на его взгляд, идея "Секулярного города" подразумевает старую добрую кальвинистскую доктрину Предопределения. Сначала я воспротивился, однако, поразмыслив, признал справедливость замечания. Сегодня мы живем без четко расписанного плана, которому так доверяли наши предки. И чтобы жить хорошо, а не плохо, следует неким непривычным образом положиться на то, что, вопреки нашему пестрому, обрывочному опыту, все вокруг совершается как-то осмысленно. И нам вовсе не обязательно знать как. На это есть Некто помимо нас, кто даже в секулярном городе за всем приглядывает.

стр. 181

ЧАСТЬ IV: БОГ И СЕКУЛЯРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ГЛАВА 11

Трактовать Бога светским образом

30 апреля 1944 года Дитрих Бонхёффер, обращаясь к одному из своих друзей, написал в тюремной камере письмо, строки которого искушают и мучают теологов до сих пор. "Мы переходим к эпохе, - писал он, - вообще нерелигиозной. Как говорить о Боге без религии? Как трактовать Бога светским образом? "

Неудивительно, что нас тревожит вопрос Бонхёффера. Есть два неоспоримых факта. Прежде всего, библейская вера (в отличие, например, от буддизма) непременно требует высказываться о Боге, не позволяя ограничиться молчанием или загадочным афоризмом. Бог, недоступный человеческим речам, - не тот, что в Библии. Вместе с тем, вопрос Бонхёффера настойчиво напоминает о неловкости, заминке, с которой сегодня произносится "Бог". Менталитет современного человека и строй его светского языка делают употребление этого слова все более проблематичным. Но тогда тупик: если говорить о Боге в нынешнем секулярном мире не получается, то все, что было написано на предыдущих страницах о библейской вере и секуляризации, просто ерунда и сама идея данной книги ошибочна. Для подтверждения выдвинутых тезисов не остается ничего иного, как попытаться разрешить болезненный вопрос Бонхёффера.

Знаменательно, что он и сам подсказывает, с чего начать. Задолго до ареста, комментируя Вторую заповедь, Бонхёффер, в частности, написал:

"'"Бог" для нас не общая концепция, которой определяется самое священное, высокое и мудрое, Бог - это имя. Совершенно отличное от "бога" в словаре язычника, наше "Бог" обращено к Тому, кто говорил с нами. Слово не значит абсолютно ничего, имя Бога - все".

Здесь у Бонхёффера ценнейший намек на то, чем следует руководствоваться. Он прав: в библейской ли традиции, "светским" ли, или еще каким-либо образом мы не говорим относительно "бога вообще". Употребляя слово "Бог" в библейском смысле, мы "именуем", а это совсем другое дело. Наименовать - значит признать, указать, локально выделить. И наименовать что-либо мы способны лишь исходя из личного и общечеловеческого опыта. При этом акт именованья, касается ли это Бога или чего-либо еще, отнюдь не сводится к теологической или лингвистической задаче. Язык и богословие возвращаются социокультурной средой, формируются определенной исторической *manier d'être*¹. Так что проблема "как трактовать Бога светским образом" является, во всяком случае отчасти, проблемой социологической.

Но не только. Поскольку мы живем во времена, когда мировоззрение столь политизировано, что в понимании основ бытия политика вот-вот заменит сходящую со сцены метафизику, проблема "именования" приобретает также политическую грань.

Размах, напор и направление человеческих конфликтов, мотивы которых можно рассматривать как продолжение освободительных порывов, явленных нам Исходом и Воскресением, ставят нас перед фактом отчетливого противостояния, перед необходимостью выбирать. Поэтому "трактовать Бога светским образом" - это еще и политическая дилемма.

Однако социологические и политические соображения ни в коей мере не исчерпывают глубины заданной Бонхёффером загадки. Несмотря на усилия некоторых современных теологов обойти спорный пункт относительно существующего или не существующего Бога, серьезнейший предмет спора все-таки остается. Все бойкие рассуждения о терминах экзистенции и бытия, все искушенные препирательства в узком кругу насчет принципиальной необъективно-

¹ Привычкой, манерой существования (*фр.*).
стр. 182

сти языка не отменяют наличия так и не решенного фундаментального вопроса. Вопросы, который испанскому философу Мигелю де Унамуно справедливо виделся важнейшим и первейшим: одинок ли человек во Вселенной?

Итак, вопрос Бонхёффера имеет три аспекта. В общем и целом это социологическая проблема. Она решается на уровне относительно небольшой сложности. Затем это политическая дилемма. Именно дилемма, требующая достаточной смелости. Тут надо отважиться на выбор, принять чью-то сторону, определить, с кем же сегодня та сущность, которую евреи именовали Яхве, а апостолы узнали в Иисусе. И, наконец, Бонхёффер требовательно ставит теологический вопрос. Заставляет прямо ответить, реален библейский Бог или Он лишь плод щедрой фантазии, образ, созданный человеком, чтобы говорить о себе самом. Никакие пышные теории не устраняют этот спор. В конечном счете, итог здесь подводится не доводами разума, но индивидуальным решением. Лютер был прав: ответ на этот вопрос, подобно смертному часу, у каждого свой.

"Говорить о Боге" сегодня как социологическая проблема

Основание для того, чтобы отнести задачу современного внятного разговора о Боге к проблемам социологии, состоит в том, что все слова, включая слово "Бог", задаются определенной социокультурной установкой. Не бывало языков, упавших с неба. Если слово меняет значение или начинает вызывать замешательство, причиной всегда является социальный сдвиг, культурный сбой. Существует два основных типа такой лексической неоднозначности. Один обусловлен историческими переменами, другой - социальным дифференцированием.

Исторически обусловленная неоднозначность слова отражает смену значений в ходе развития языка. Например, характерен полностью изменившийся по смыслу со времен Шекспира глагол "to let". Когда, бросаясь к призраку отца, Гамлет восклицает: "Убью любого, кто меня удержит!", прежнее значение "lets me" (удержит, остановит меня) сегодня услышалось бы прямо противоположным - "позволит мне". Неоднозначность ввиду социальной дифференциации отражает способность слова менять смысл в разных группах общества, или даже в зависимости от области применения. Скажем, "операция" - термин, очень по-разному звучащий для хирурга, генерала или банковского работника. Нередко исторические и социальные факторы устраивают эту лексическую путаницу сообща. Социальные группы, дорожащие связью с прошлым, берегут особую манеру речи с пристрастием к аромату культурного наследия. На жаргоне у слов появляются значения, не существующие в общепринятом словаре. Приливы и отливы смыслов подвижны волнами конфликтов в обществе, социальным переустройством. Возрастающая сила одних общественных слоев и ослабление других часто дают привилегию каким-то заметно преобладающим значениям.

О социальной основе подобных перемен выразительно сказано у французского лингвиста и социолога Антуана Мейе: "...главный принцип изменения лексических значений надо искать, находя социальные группы, в среде которых образовалось новое словоупотребление, - короче, изучать социальную структуру".

Запомним это положение, посмотрим, что же произошло в английском языке с коротким словом "God" и почему сегодня оно фактически стало пустым звуком.

Лингвисты указывают, что "God" германского, дохристианского происхождения. В течение столетий христианства оно использовалось в переводе столь различных терминов, как *theos* греческой философии, *Deus* западной метафизики и иудейского Яхве. Такая унификация терминов, представляющих разные системы мышления, оказалась возможной и достаточно прочной в обществе, где при всех исторических колебаниях сохранялась культурная преемственность.

стр. 183

Слово "Бог" (вместе с возникшими эквивалентами) служило концептуальной и лингвистической осью трех мировоззренческих традиций, сплавленных в культурном синтезе под названием "христианский мир". Но со временем как раз из-за этого начались неприятности. Хотя большинству богословов хотелось бы тут ничего не замечать, привычный социокультурный синтез трещит по швам. Христианский мир исчезает. Крепко спаянное из нескольких частей, слово "Бог" опять распадается. Исторические и социальные процессы общими усилиями сделали его самым неоднозначным понятием современного языка. Теологи любят тезис о "пустоте" слова. Однако пустота в данном случае просто симптом крайне расплывчатой, почти разрушенной основы. Нельзя сказать, что само слово вышло из употребления. Употребляют его постоянно: Богом клянутся моряки, Бога призывают пылкие проповедники, о Боге, доказывая нереальность этого объекта, пишутся философские трактаты. Социальная почва фатальной неоднозначности слова "Бог" и его эквивалентов - уход христианского мира в прошлое, появление чрезвычайно сложной по составу секулярной цивилизации.

В своем труде о проблеме существования "Бога" в современной теологии Хельмут Гольвитцер обсуждает ошеломляющую вариативность термина. Он демонстрирует, как в первом варианте мы, говоря, например, насчет "греков и их богов", обозначаем этим словом неких существ. Во втором - высшую метафизическую сущность. В третьем - того, кого мы именуем Богом, обнаружившим себя перед библейскими пророками.

Хотя варианты всегда смешивались, первые два можно соотнести с историческими стадиями племенного и городского общественного устройства. Человек племенной общины ощущал Бога одним из богов. Элементы такой, весьма далекой от монотеизма психологии сохранились и в Ветхом Завете, где Яхве упомянут как правитель богов. В эпоху городов, когда свершился переход от магии через метафизику к науке, человек стал осознавать Бога частью единой структуры, в которую включены и Господь и люди. Для человека нынешней секулярно-урбанистической цивилизации в понятиях канувших эпох смысла немного, ему близок только третий вариант, но тут есть сложность, ибо два прежних, оставшись в обращении, девальвируют смысл. Разумеется, это не значит, что люди племенной или городской эпохи не сталкивались с библейским "Богом истинным". Это значит, что их встречи с Ним виделись и истолковывались в образных значениях своего времени. Именно поэтому - если допустить, что для современного человека тоже возможны такие контакты - необходимо тщательно установить отличие сегодняшнего восприятия библейского Бога от внутренних ощущений предыдущих культур.

Три названных Гольвитцером варианта употребления слова "Бог" соответствуют не только историческим периодам. Они соответствуют определенным социальным группам и сферам, все еще сохраняющим связи с восприятием племенного и городского типа. Божество племенной культуры продолжает жить в богохульной речи, фольклоре, житейских сентенциях. Сохраняется оно также для всевозможных групп, считающих его

своим особым покровителем. Метафизическое божество остается в употреблении там, где еще держатся остатки классической онтологии, куда еще не ворвались потоки секуляризации. Как ни парадоксально, "Бог" с достаточной устойчивостью продолжает жить в отвергающих его теориях. Философам, по крайней мере, хорошо известно, чье существование они отрицают."

А что же при этом представляют собой богословы и проповедники? С точки зрения социологии они жертвы вдвойне: жертвы перемен исторических и социальных. Большинство современников смотрит на этот культурный антиквариат с такой же нежностью, как на мебель наполеоновского ампир. Особенно, когда священнослужители шествуют в парадном церковном облачении, при всех регалиях и, подобно солдатам в мундирах позабытых войн, внушают зрителям

стр. 184

отрадно-ностальгическое чувство. В другом случае, духовным лицам как хранителям специфического знания предоставляют своего рода почетную ложу, откуда они поучают публику щепетильной терпимости к иным, странным, но милым конфессиям. И, надо сказать, свою роль персонификации прошлого и консервации особой субкультуры служители церкви исполняют страстно, чего не скажешь насчет их речей о Боге. Из-за их желания выступать в нынешнем амплуа "Бог" в их устах звучит весьма специфически. Либо почтительным и очень ласковым обращением к опоре христианского мира (неактуально), либо воззванием к тотему племенной общины (неуместно). Единственная возможность заговорить иначе - отказ от навязанной обществом функции антикварных утешителей; хотя нелегко отказаться оттого, за что платят.

Тесную корреляцию между значением слов и произносящей их персоной хорошо иллюстрирует притча в одном из текстов Кьеркегора. Бродячий цирк, раскинувший шатер неподалеку от датской деревни, внезапно загорелся. Директор приказал уже одетым для представления артистам тушить пламя, а клоуна отправил звать на помощь местных жителей, ибо огонь мог не только уничтожить цирк, но и, перебежав по сухой траве, сжечь их селение. Примчавшись на деревенскую площадь, клоун стал кричать и звать жителей, однако те лишь смеялись, приветствуя оригинальный трюк комично размалеванного зазывалы. Клоун рыдал и убеждал, что это не спектакль, что село в смертельной опасности. И чем больше он умолял, тем громче вокруг хохотали... пока пожар, перекинувшись через поле, не охватил деревню и, прежде чем люди опомнились, не спалил ее дотла.

Социологическая проблема разговора о Боге для ораторов, пробующих вести себя подобным образом, в том, что их тут же помещают в такой контекст восприятия, при котором все ими сказанное можно спокойно игнорировать. Конечно, остаются люди, все еще понимающие, что имеют в виду богословы, употребляя слово "Бог" или другие религиозные термины. Это не только "верующие", но и те, кому за счет профессиональных интересов или семейных традиций дан если не членский, то гостевой билет в мир значений, где обитают теологи. Таких людей нередко встретишь в церковных организациях для мирян, среди них много университетски образованных специалистов-гуманитариев. Представляя особую социальную группу, эти люди действительно хранят частицу ушедшего христианского мира. Отдавая должное современности, многие из них, тем не менее, сохраняют "стиль" с явственно ретроспективным оттенком, лелеют обычаи, ритуалы и манеры, унаследованные от того периода западной истории, когда метафизические речи еще имели определенный смысл. Но этот характерный слой все менее заметен и в гуманитарной среде, и в обществе. Его значение относительно данной темы в том, что он поддерживает, подтверждает *Sitz im Leben*¹ академического богослова. Его наличие создает атмосферу богословского понимания действительности и во многом объясняет, почему богословие не в состоянии понять проблем, возникших после завершения эры метафизики. Проводя дни среди церковной публики и университетских

гуманитариев, академические богословы стеной служебных интересов, планов и обязанностей плотно отгорожены от политики и техники. Задача научиться говорить о Боге без метафизической системы не представляется им особенно важной.

Тем не менее, это важнейшая задача.

С. А. Ван-Пьёрсен пишет: "В метафизическом аспекте слово "Бог" больше не работает<...> С рассуждениями, не выходящими за пределы толкования сущности и субстанции, христианству грозит превратиться во что-то потустороннее <...> Все это лишь метафизическое бегство. Библейское послание - нечто, совершенно отличное от доктрины высшего Бытия".

Если Ван-Пьёрсен прав, ответ на вопрос Бонхёффера требует, сбросив клоунский наряд и отказавшись от декоративной роли оратора, изрекающего ба-

¹ Место в жизни, жизненную нишу (*нем.*).
стр. 185

нальности, попытаться уловить живые изменения в социальном контексте "трактовки Бога". Если в итоге социально-исторических перемен метафизический разговор о Боге стал невнятным, не обойтись без расставания с христианским миром и ухода с его территории.

"Говорить о Боге" сегодня как политическая дилемма

Предположим, однако, что желающие говорить о библейском Боге оставили устаревший стиль и вышли из религиозной крепости, - на каком языке смогли бы они обратиться к человеку технополиса? Если мифология соответствовала племенному словарю, а метафизика снабжала лексику эпоху городов, какова речевая база теологии на этапе секулярной цивилизации?

Некоторые специалисты считают наиболее пригодным "исторический" язык. Так, по мысли Ван-Пьёрсена, освободив Библию из-под завалов метафизики, надо быть готовым оставить слову "Бог" его значение в исторических границах термина. Покойный Карл Михельсон был, видимо, того же мнения, говоря, что Библия посвящена познанию не вопросов бытия (то есть метафизике), а исторического смысла деяний. Он полагал, что библейское осмысление мира совершается внутри акцентированных Библией исторических процессов, "внутри истории как истории". Очевидно, Ван-Пьёрсен и Михельсон правы. Но, призывая теологию двинуться от метафизического к историческому, они стимулируют подход, который выше уже обсуждался в плане социального анахронизма богословия. Историческое слово для большинства людей относится к прошлому. Живым оно остается лишь для очень небольшого круга специалистов. По той же причине, по которой мы призывали теологию учесть фактор не только исторических, но и социальных перемен, нам представляется, что взамен лексики метафизической в современной богословии наиболее уместен не исторический, а политический язык. Быть может, пока что смысловой диапазон термина "политический" действительно слишком узок. Однако в наше время, безусловно, возникли возможности его расширить. Политика, как указывает Миллер в своей работе "Природа политики", проистекает из социальных различий и противоречий. Она рассматривает пути общества, утратившего единое представление о себе самом и мире в целом. И сейчас политика, возвращаясь к традиции Аристотеля, начинает углубленно изучать причины, сделавшие *полис* таким, как он есть.

Правда, даже среди теологов, признающих крушение христианского мира, многие возражают против политического жанра, выдвигая свои пути. Упомянем лишь два направления: тех, кто желал бы вернуться к "до-метафизическому" (их здесь представят Мартин Хайдеггер и Генрих Отт), и тех, кто хочет использовать вместо политических понятий категории экзистенциализма в духе Рудольфа Бульмана.

Хайдеггер - философ, а не социолог. Он скуп высказывается относительно социокультурного коллапса, лежащего в основе краха метафизики (хотя и делает несколько метких замечаний относительно напора современной технологии, впрочем, по его мнению, исключительно пагубной). Тем не менее, Хайдеггер отчетливее всех ныне пишущих философов видит кончину метафизической эпохи, наблюдая ее как истинно "религиозный" мыслитель, с глубокой личной болью. Он сознает, что пришел конец его собственному стилю мышления.

Хайдеггер часто формулирует проблемы с поразительной ясностью. Так, обсуждая Бога в теологии философской и метафизической, столь громоздко представленной в тевтонском варианте, он говорит:

"Этому богу нельзя ни молиться, ни приносить жертвы, пред ним нельзя в страхе падать на колени, ликующе плясать и петь хвалы. Соответственно, обезбоженное мышление, отказавшееся от божества философии, быть может, ближе истинному Богу".

стр. 186

Генрих Отт, один из сегодняшних богословских последователей Хайдеггера, полагает, что его учитель дал зеленый свет развитию нонметафизического языка для современного разговора о Боге.

Но далее наше согласие с Хайдеггером и его школой резко обрывается, мы расходимся по противоположным направлениям. Предлагая нонметафизику, Хайдеггер и Отт делают, однако, именно то, что у Отта называется *Schritt zuruck* (шаг назад). Вместо движения к подлинно пост-метафизическому богословию они хотят вернуться к сознанию до-метафизическому. Предпочитают вновь искать то, что им видится первичным и основным.

Но такой курс способен лишь довести теологию до полной катастрофы. Хайдеггер и Отт совершенно правы, констатируя тупик метафизического богословия, но абсолютно не правы в своей вере, что выходом является возврат к формам исконно мифологического сознания, более характерного для культуры родоплеменной. Первостепенно необходим не шаг назад, а шаг вперед - к теологическому осмыслению проблем, поставленных техно-урбанизированным обществом. Позиция Хайдеггера, вернув некоторым людям чувство благоговения перед природой, трепетное ощущение ее живой пульсации, могла бы предложить своего рода эрзац религии. Но это стало бы возвращением на стадию ментальности, предварявшей разочарование в природе и десакрализацию политики. Подобный регресс явился бы отрицанием Бога библейского Сотворения и Исхода. Отрицанием того, что человек создан ответственным за природу, и того, что политика - сфера человеческого долга и умения. Чтобы выжить и как-либо осмыслить современный мир, богословию не надо ни цепляться за метафизические представления, ни отступать в глубины мифических понятий. Оно должно внедриться в живой словарь секулярно-урбанистической культуры.

Другая, но также ложная, альтернатива политическому стилю разговора о Боге - язык богословов-экзистенциалистов. Несмотря на его популярность в кругу интеллектуалов, такая теология столь же далека от внутреннего мира жителей сегодняшнего технополиса. Это религиозная ветвь обширного философского течения, которое, как показал Эрнст Топитш в своем эссе о социологии экзистенциализма, возникло вследствие социального кризиса европейцев *Bildungsschicht*¹ - высокообразованного среднего класса, давно отвергшего аристократическую традицию трона и алтаря и заменившего ее собственной престижной комбинацией идей образования и частной собственности. Памятники этим людям, много сделавшим для Европы восемнадцатого и девятнадцатого столетий, стоят перед музеями, театрами и прочими культурными объектами туристических программ.

Но уже с начала девятнадцатого века центральное положение в европейской культуре все активнее занимает человек иного типа - ученый и технолог, социальный

архитектор и политический революционер. Поле для возможностей традиционно "вращивать индивидуальность" резко сужается. И реакция людей Bildungsschicht не удивительна: они решают, что наступил конец света. Оскорбленные падением своего престижа, исчезновением уютного мирка, откуда можно было тихо, но эффективно править обществом, они заключают, что рухнула культура как таковая, и, убежденные в исчезновении смысла жизни, уходят в прибежища эстетики, духовности или религии. Именно в духовной атмосфере Weltschmerz² и зарождается экзистенциализм.

Экзистенциализм появляется на последнем этапе западной метафизической традиции, социальную базу которой подорвали техника и революция. Это поздний ребенок одряхлевшей культурной эпохи. Потому-то сочинения экзистенциалистов отдают таким пасторальным пассажем. Авторы представляют эпоху, обреченную уйти. Соответственно, их мышление с явно романтической,

¹ Просвещенного слоя (нем.)

² Мировой скорби (нем.).

стр. 187

индивидуалистской, антитехнической тенденцией проникнуто глубоким подозрением к городу и науке.

И поскольку мир уже перешагнул самовлюбленный пафос экзистенциализма, усилия его теологов переосознать библейское послание по примеру Рудольфа Бультмана не достигают цели. Неудача здесь не от избытка радикальности, а от ее недостатка. Дилемме двадцатого века дается решение девятнадцатого. Бультман, видимо, скорее готов признать присутствие Бога в пыльных гостиных потерявшей вес буржуазии Bildungsschicht, нежели в мире современного секулярного города. Переводя Библию с мифологического языка на язык вчерашней метафизики, достичь контакта с сегодняшним человеком невозможно.

Естественно, сам Бультман стал бы отрицать метафизичность категорий экзистенциализма, но все-таки они метафизичны. Основатели этого философского течения дышали воздухом прошлого. Из-под их пера выходили тома сочинений на традиционно метафизические темы. За исключением Сартра, написавшего несколько хороших пьес, их стиль подразумевает обращение к столь же академической публике, как и они сами. Под маской яростной антиметафизики их идеи в итоге оказываются метафизикой, отраженной в некоем кривом зеркале, - причудливо измененной и все-таки абсолютно узнаваемой. Вся суть перемены: на месте "бытия" теперь "ничто", на месте "Бога" - "человек". В результате - новая разновидность антитеизма, крайне далекого от мышления жителей секулярных мегаполисов. Словно что-то замершее на полпути. Своим стремлением окончательно объяснить действительность экзистенциализм намного ближе теизму, чем сегодняшнему человеку, не ощущающему тяги к универсальным и всеохватным концепциям.

Богословы, простодушно поверившие в то, что им предложен истинный путь разговора с современниками, оказались в затруднительном положении, пытаясь привлечь аудиторию головоломно-философским прологом к проповеди. Это всегда давалось нелегко, особенно в прагматичной Америке, не предоставляющей благодатной почвы для сумрачных тревог экзистенциализма. Теперь же это все труднее и в Европе, где молодое поколение уже не склонно смотреть на мир сквозь призму скорби.

При рассмотрении задачи современной переложения библейских тезисов и защитники "шага назад" и экзистенциалисты как бы прерывают подачу энергии, подобно току короткого замыкания. Те и другие верно диагностируют проблему утраты метафизического языка, но одни возвращаются к мифологии, другие - к антиметафизичной метафизике. Одни уводят к походным кострам древних племен, другие пробуют остаться в разрушенной культурной крепости. У тех и других никак не

получается того, что Ван-Пьёрсен назвал "чтением Библии без внутренней установки на метафизику".

Вряд ли призыв Ван-Пьёрсена сдвинет академических теологов с места. У них, как уже говорилось, есть опора в берегущей остатки христианского мира субкультуре, где метафизическое и даже мифологическое мышление еще сохраняют определенную ценность. И пока не исчезнут условия для такого существования, потребности сделать "шаг вперед", видимо, не возникнет. Думать по-новому богословы начнут только тогда, когда изменится их социальный контекст, когда придется заново утверждать себя на просторах культуры, для которой христианский мир останется лишь слабым тающим эхом.

Вернемся, однако, к нашему вопросу. Если ни "дометафизический" язык, ни язык экзистенциализма секулярному городу не годятся, какое у нас основание полагать, что будет услышан язык политической теологии?

Основание таково, что в секулярном обществе прежние функции метафизики исполняет именно политика. Политика объединяет, наделяет смыслом мышление и практику. Различные философские, научные, инженерные силы совместно решают наиболее острые проблемы человечества. Бригадный натиск ин-

стр. 188

теллектуалов вбирает напряженные усилия одиночек и обходится без единства мировоззренческих систем. Скорее, имеет место чисто рабочее совмещение всевозможных дисциплин ввиду конкретной политической потребности.

Гибсон Уинтер предложил стиль способного вести вперед, а не назад, теологического мышления, назвав его "теологической рефлексией". Подразумевающий осознание смысла современных событий в свете исторического опыта, этот метод требует взять на себя ответственность и за оценку прошлого и за пути формирования будущего. Следуя этому методу, церковь должна тщательно проанализировать проблемы нынешних социальных противостояний в аспекте тех поворотных событий - Исхода и Воскресения, - в которых намерения Бога были явлены для постижения уверовавшим человеком. Истолкование этих намерений позволяет уяснить "позицию" Бога сегодня.

Понятно, что центром, фокусом подобной богословской рефлексии являются проблемы пылающих в секулярном мире споров не на жизнь, а на смерть. И следует осмыслить, как выразить это в терминах нашей урбанистической реальности. Проблемы ныне политические, стало быть, стиль современной теологии тоже должен стать политическим. Соответственно, один ответ на вопрос Бонхёффера "как нам сегодня говорить о Боге?" - это: "говорить о Боге языком политики".

Но не слишком ли вольно употребляется здесь слово "политика"? В классическом значении сам термин, как напоминает Пауль Лехман, у Аристотеля, чья политика есть "наука о полисе", означает сумму знаний, собранных во имя блага не только человека, но всего города-государства, интересы которого, естественно, ставятся выше интересов отдельных граждан. Лехман считает деяния Бога в мире политикой, направленной на устройство и сохранение человечества. И сегодняшняя теология, сегодняшняя церковь обязаны осознать "политику" Бога, направляющего нашу деятельность согласно своим целям. В эпоху секулярного города языком богословия выступает именно политика, а не метафизика.

Мы говорим о Боге языком политики всякий раз, когда даем ближнему возможность стать взрослее и ответственнее человека прежних времен - окончательно изжив стадии племенной и городской культуры, стать таким, каким Бог ожидает видеть его сегодня. Мы говорим ближнему о Боге языком политики, когда призываем его ощутить и понять ту общечеловеческую связь, в которую он помещен, внутри которой он подтверждает свою человечность. Мы говорим ближнему о Боге языком политики, когда наши слова побуждают его, одолевая слепоту наивных предрассудков, шире, свободнее, активнее

содействовать укоренению терпимости и справедливости. Мы говорим о Боге не тогда, когда стараемся повернуть человека к религии, но когда ободряем его на пути от ребячества к подлинному совершеннолетию.

Швейцарский теолог Герхард Эбелинг хоть и не пользуется термином "политика", имеет в виду нечто сходное, говоря о "нерелигиозном" и настаивая на том, что секулярный разговор о Боге должен быть ясным, конкретным, действенным и продуктивным ("wirkendes"). Взамен общих мест в обращении к людям должно звучать то, что они чувствуют обращенным именно к ним. Упоминания Бога в речах звучат правдиво лишь при условии честного взгляда на реальность человеческой жизни. Короче, "земной разговор о Боге - это достойный разговор о земном".

Авторы Нового Завета постоянно призывали своих читателей не тревожиться о том, как говорить. Неоднократно утверждали, что, если послушно следовать прозвучавшему свыше призыву, необходимые слова в нужный момент придут сами. Разговор о Боге языком секулярной эпохи прежде всего требует, чтобы мы находились там, где ощущаем присутствие той силы, которая воскрешает, примиряет, проявляет надлежащие отношения между людьми. Это значит, что разговор о Боге, следуя евангельской традиции, будет разговором политическим, и Филип Мори прав, утверждая: "Язык евангелизма - политика". Мы не можем знать, что потребуется сказать в той или иной ситуации, какие слова и действия обнаружат говорящего с человеком Бога. Любовь и послушание получают дар языка. Человек,

стр. 189

который исполнит то, что ему назначено сделать здесь и сейчас, выразит намерения Бога должным образом. Евангельское христианство, как и христианская этика, должно целиком строиться на чуткости к живой реальности.

Политический смысл разговора о Боге обязывает вести речи "не вообще", но касаясь частных, волнующих людей вопросов - об их детях, их работе, их огорчениях и надеждах. Необходимо говорить о сотрясающих государство кризисах, которые отзываются личными бедами, нести слово, которое укрепляет мир в ядерную эру, отстаивает справедливость для обреченных голодать, приближает день свободы в обществе, задушенном сегрегацией. А если это не то слово, которое определено активной причастностью оратора к реальности, значит, это не слово о Боге, а пустая болтовня.

Мы говорим секулярным образом о Боге, говоря о человеке, - о том, каким он видится в библейской перспективе. И секулярный разговор о Боге происходит лишь тогда, когда, оставив кабинеты и театральные костюмы, мы принимаем участие в политических действиях, где Он соединяет людей взаимной заботой и ответственностью. Мы говорим секулярным образом о Боге, когда признаем человека Его партнером, которому поручено давать истории смысл и порядок.

Говорить о Боге сегодняшним языком - значит решать политические дилеммы. Правильность решения определяется нашим умением распознать то, над чем и для чего сейчас трудится Бог. Нашим местом на переднем крае обсуждаемых событий. Действиями говорящего о Боге христианина. Христианина, помогающего изменить отношение к слову "Бог", изменяя среду, где это слово стало банальностью, уходя от стиля "душеспасительных бесед", отказываясь от шаблонных интонаций в произнесении Его имени.

"Говорить о Боге" сегодня как теологический вопрос

Хотя возможные пути рассмотрены и фундамент позиции определен, вопрос Бонхёффера продолжает стоять как вопрос теологии. В современном теологическом климате особенно важно помнить, что, даже оставив рьяные попытки обрядить Бога в одежды древних племен или вовлечь в хороводы экзистенциализма, некоторые специалисты столь же энергично сводят на нет очевидное различие живых человеческих представлений о Боге. Возможность его игнорировать обусловлена новой ситуацией в

богословии. В наше время возникла довольно неожиданная ересь - некий атеизм в терминах христианской теологии. Этот курьезный феномен явился благодаря очень удобному согласованию (по крайней мере - уравниванию) библейской доктрины сокрытости Бога с современным атеизмом или, вернее, "нонтеизмом". При недостаточно внимательном подходе то и другое легко смешивается. Понятие сокрытого Бога, *deus absconditus*¹ библейского богословия, принимается за атеистическое "никакого-бога-нет". Весьма отличаясь от Годо из пьесы Сэмюэла Беккета, Бог, тем не менее, тоже имеет привычку не появляться там, где и когда назначено людьми. А поскольку тайну часто путают с пустотой, здесь надо тщательно разобраться.

Карл Михельсон рассуждает о доктрине сокрытости Бога следующим образом: "...такова форма Его существования. Бог сокрыт *ex officio*². Сокрытость Ему внутренне присуща. Доктрина Его сокрытости не следствие отчаяния или уступки человеческой ограниченности, но позитивное описание самого Бога, выражающего себя деянием милосердия. Такая доктрина препятствует ошибочным поискам Бога где-то еще и не допускает оценивать Его реальное присутствие без максимальной серьезности".

Библейская сокрытость Господа находится в центре всего вероучения. Недаром именно об этом центральном понятии у Паскаля сказано: "Всякая рели-

¹ Тайный, скрытый бог (*лат.*) .

² По долгу, по обязанности (*лат.*)
стр. 190

гия, не утверждающая, что Бог сокрыт, - ложная религия". Это означает, что Бог раскрывает себя в те моменты и теми способами, которые выбраны Им самим, а не человеческим желанием. И раскрывается как некто, совершенно отличный от человека, безусловный, абсолютно недоступный для человеческих воздействий и манипуляций. Именно чрезвычайной сокрытостью Бог разнится с поддающимися дарам и уговорам племенными божками, да и с метафизическим божеством, благосклонно включенным в догматическую схему. Использование Бога в качестве главной фигуры онтологических систем не слишком превзошло метод льстивых дифирамбов ради избавления от мозоли. Сокрытый библейский Бог вообще не позволяет себя приспособить.

Но какова в этой сокрытости роль Иисуса из Назарета? Если Иисус был теофанией - "богоявлением", по общепринятому пониманию, то в Иисусе обсуждаемая сокрытость, видимо, упразднилась. Однако это не так. Бог не "явился" в Иисусе; для человечества Он неизменно скрыт. Скрыт в том смысле, который мы отмечали чуть выше, подчеркивая Его принципиальное отличие от всего того, чего религии хотят или ожидают от своих богов. И в Иисусе Бог тоже остается скрытым; скорее, это Его обращение к пассивному, не помогающему человеку. Бог и тут не "является", но проявляет перед людьми свою действенность в человеческой истории.

Неудивительно, что догматическое манипулирование, как в мифологической, так и в метафизической форме, никогда не имело особого успеха с Иисусом. Бог отказывается осуществлять надежды племени или головоломные концепты философов. Как говорит Бонхёффер, Бог через Иисуса обучает людей двигаться вперед без Него, освобождаясь от инфантильной зависимости, обретая совершеннолетие. Так что проявленная в Иисусе воля Бога предлагает скудный инструментарий тем, кто уповает на ключи к построению какой бы то ни было окончательной системы. В этом Бог не поможет. Он не хочет увековечивать юность человечества, но решительно настаивает на передаче мира под ответственность взрослого человека.

Требование ответственности перед Богом кроме всего прочего отклоняет соглашательские речи некоторых богословов, пробуящих убедить современных "нонтеистов", что различие толкований об исчерпанности прежних концепций Бога определяется лишь стилем высказывания. Отнюдь не так. Хотя со стороны можно не

усмотреть разницы между ощущением Бога, который скрывает себя от человека, не кидаясь выполнять команды по его свистку, и убеждением "никакого-бога-нет", наделе это разница принципиальна. Поскольку говорящий излагает свое мнение, пользуясь набором исторически сложившихся понятий, - чем добровольно берет на себя ответственность за опыт прошлого, - встает изначальный вопрос: придумана ли эта ответственность самим человеком или все же дана ему?

Библейский ответ, разумеется, - "дана". Для Библии, очищенной от мифологических и метафизических наслоений, Бог отнюдь не превращается в один из поводов поговорить о человеке. Бог не человек, и человеку по-прежнему приходится держать перед Ним ответ. Отвечать за что-то перед кем-то. Чтобы быть свободным и ответственным, то есть поистине человеком, человек должен давать ответ чему-то вне себя.

Профессор Рональд Грегор Смит подводит черту, говоря, что теология, дабы остаться теологией, обязана принять то, "что не есть люди", то, "чем люди не обладают и принципиально не могут обладать как компонентом само-оснащения или материала для само-творения, но что всегда дается им извне".

Такие современные теологи, как Фукс, Эбелинг и Браун, справедливо обеспокоены тем, чтобы Бога не свели до рядового философского объекта, оказали богословию неоценимую услугу. Ими сделан особый акцент на том, что отношение к Богу невозможно без отношения к человеку. Однако столь же верно, что Бога нельзя рассматривать как некое специфическое свойство человека или

стр. 191

человечества и Он не просто метафора для разговора об отношениях между людьми.

Конечно, нет такого суда, в котором утверждающие наличие и сокрытость Бога выиграют дело против подозревающих, подобно Кафке, что "там" пусто. Но разница убеждений налицо. При этом не стоит свысока внушать нонтеистам, что они, несмышлениши, не доросли до рассмотрения проблемы в аспектах более глубоких, нежели семантический или понятийный. Нонтеисты заслуживают того, чтобы их принимали всерьез. Фактически, только воспринимая их серьезно, понимая их собственное понимание, вообще возможно начать реальный диалог. В опыте *deus absconditus* и опыте "никакого-бога-нет" столько сходных моментов, и все мы настолько причастны общим тревогам и сомнениям людей, живущих в наше беспокойное и противоречивое время, что нонтеисты нам нужны. И мы нуждаемся в том, чтобы принять их такими, как они есть, а не такими, какими нам хотелось бы их видеть.

Взгляды людей библейской веры и вдумчивых нонтеистов сталкиваются в поле общего внимания к сущностной реальности. Эту реальность мы по-разному именуем и, соответственно, глубоко отличаемся по методологии ответа. Пауль Ван-Бьорн в своей серьезнейшей работе о секулярном прочтении Евангелия утверждает, что наша основная трудность в использовании языка традиционной религии обусловлена не плохой религией, а плохим языком. И далее, обсуждая логическую структуру языка веры, он отмечает трудности, которые испытывает современный человек при употреблении любого слова, имеющего отношение к "трансцендентному". Я думаю, тут Ван-Бьорн ошибается. Проблема не в плохом языке. Язык просто отражает действительность. Язык гибок и пластичен, ему положено меняться. Проблема-то как раз в плохой религии, что и Ван-Бьорн должен был увидеть, если он действительно, как указано на обложке его книги, стремился найти "секулярное прочтение" Евангелия.

Полагаю, Ван-Бьорн ошибается и тогда, когда говорит об отсутствии у современного человека живых ощущений трансцендентности. Смысл трансцендентного, словами Грегора Смита, именно в том, "чем люди не обладают и принципиально не могут обладать", чем они сами не оснащены, что всегда приходит извне. Без сомнения, человек секулярно-урбанистической эпохи ощущает трансцендентное абсолютно иначе, нежели его предки. Подобные ощущения могут возникать, по выражению Бонхёффера, как

"чувство Его присутствия совсем рядом", и это случается. Это чувство, эти соприкосновения и делают человека человеком.

Автор работы "Искусство и понятия теологии" в сборнике эссе по христианской эстетике Эймс Уайльдер пишет: "Чтобы нам, даже христианам, испытать сегодня нечто трансцендентное, оно должно явиться в форме или посредством мирского, светского <...> Чтобы найти Гармонию, ее теперь надо искать в земном, а не на небесах. Величественный свод высшего бытия, духовное прибежище человеческих душ до восемнадцатого века, ныне рухнул".

Уайльдер прав - трансцендентность присутствует и в этом "одноэтажном" мире. И оттого что "верхний" мир исчез, поэты и художники станут для нас как никогда важны своим непосредственным контактом "с жизнью вне территории социальных или религиозных владений".

Но где же трансцендентный Бог в секулярном городе? При любом наименовании адресата нам ведь, в конце концов, надо давать Ему ответ. Как же найти Его? Неужели только через поэтов?

Выше уже излагалась мысль, что Бог оказывается возле нас в моменты социальных перемен, которые теология часто связывает с историей, а мы сегодня - с политикой. Причем общественные изменения не обязательно подразумевают перевороты и революции. Минимальная единица социального общения - двое, и отношения между двумя людьми никогда не остаются неизменными. Бог и тут рядом с нами. Он рядом с нами в любом человеке - в клиенте, пациенте, заказчике, сотруднике.

стр. 192

Но каким образом? Бог свободен и скрыт. Нельзя ожидать Его появления в назначенных нами координатах времени и места. Бог как таковой ни далеко, ни близко и способен присутствовать в ситуации вне пространственных категорий, но Он всегда присутствует ради освобождения человека. Это не означает Его намерения опережать события. Бог дает нам возможность бесконечно расширять пределы, внутри которых важна лишь свобода. Свобода человека определяется свободой Бога, и человек остался бы пленником собственного прошлого, если бы не направляемое Богом становление будущего - через настоящее, в котором действует свободная человеческая воля.

Бога в нашей жизни мы ощущаем, когда сталкиваемся с жесткой преградой, когда на рубеже неподатливых, неразрешимых трудностей что-то побуждает нас двигаться вперед. Бог, во всей своей трансцендентности, соприкасается с нами в те моменты нашей жизни, которые мы не можем присвоить себе в качестве своего опыта. Он предстает нам как нечто всецело иное.

Мы говорили, что память и надежду воплощает именование. Это общественный акт, вызываемый сдвигами социальной структуры. Именуя Бога, давая Ему обозначение в связи с человеческим опытом, все культуры используют символы, связанные с теми или иными явлениями общественной жизни. Других источников символизации не существует. Ориентируясь на политическую жизнь, Бога называют "Царем", ориентируясь на семейные отношения - "Отцом", используя функциональные признаки профессий - "Пастырем". Изменение основных социальных конструкций неизбежно приводит к новой символизации. Так что в индустриальную эпоху упорно называть Бога "пастырем" (то есть "пастухом"), несмотря на внешнюю набожность, есть верх неверия. Словно мы боимся, что при обновлении имен для обращения к Нему сам Бог куда-то ускользнет.

В древнем племени Бог ощущался как Тот, Кто держит в повиновении злых духов и низших богов. Племенное общество основано на родовых связях, и отношение к Богу обычно символизировалось обозначениями родства. При таком, преимущественно горизонтальном, строении власти характерная для того времени своеобразно мистичная, зачастую экзотичная, связь человека с божеством носила довольно примитивный характер. Следы подобной связи сохраняют даже высокоразвитые религии, возросшие на

культуре родства (например, в Индии). Этот тип мистицизма почти не наблюдается в религии еврейского народа. Образы родственных связей авторами Ветхого Завета использовались, но со строгим ограничением. Затем в культуре городов, расколовшей исконные родовые связи, символизация божества получила политическую тенденцию. Бог стал властителем, правителем, царем. Отношение к Богу оформлялось аналогом отношений подданного к суверену, слуги к господину.

Но вот приходит культура технополиса, где и горизонталь родства и вертикаль авторитарной власти исчезают. Вместо всего этого остается организованная деятельность коллектива. В команде физиков, занятых научным исследованием, или в бригаде вымеряющих участок землемеров, на первый взгляд, можно увидеть то же самое, что и в работе дружно чинящего рыболовные сети его племени. Но сходство иллюзорное. Групповой труд племени распределен согласно семейным связям и спаян предписаниями родства. А современный коллективный труд, как уже отмечалось, объединен, прежде всего, общей задачей. Несомненно, от работы в команде люди могут получать личное удовлетворение. Однако это не цель команды, это лишь побочный продукт. Отношения в рабочем коллективе достаточно заметно отличаются от семейных отношений. Самое важное в том, что, хотя люди могут чрезвычайно интенсивно участвовать в коллективном труде, вне работы у них есть совсем другие роли и связи.

Племенное отношение относится к типу "до я - Ты". Член племени еще не воспринимает Бога как совершенно "другого". Он всегда частица Бога и наоборот. Человек, участвующий в Боге. Со становлением общества авторитарной

стр. 193

вертикали, с развитием городской культуры и индивидуализма у людей появляется склонность воспринимать Бога в классической схеме встречи: "я - Ты". Теперь Бог видится отдельным, высшим, имеющим власть надо мной. Возникает сопоставление. И, наконец, появляется формируемый урбанистическим обществом новый тип межличностных отношений, который столь же человечен, как "я - Ты", но имеет иное качество. Оно нередко проявляется в описанной выше работе команды и постоянно добавляется к "я - Ты" в общении с родными и друзьями. И оно чрезвычайно отличается от разделительного "я - другой". Его можно обозначить как превосходящее уровень участия или сопоставления сотрудничество.

В одной из предыдущих глав предлагалось назвать этот своеобразный урбанистический феномен отношением "я и Ты". Оно очень подходит для описания отношений с товарищем по команде, ведешь ли ты совместные изыскания или вместе красишь дом. Такое обозначение навеяно совместным трудом тех двоих, для кого работа стала ключом к взаимности. Метод подобного партнерства сложился недавно. Эта взаимосвязь подлинно человечна и, в определенной степени, исторически беспрецедентна, однако для нас здесь важно уяснить, имеет ли она то или иное влияние на символизацию Бога? Быть может, вдобавок к отношениям с Богом по схеме "я - Ты" современный человек действительно сумеет ощутить Бога как "и Тебя"?

Так ли уж неправдоподобно? В дискуссиях о концепции ветхозаветного договора часто говорилось, что смыслом в нем является воля Яхве сойти с высот, дабы трудиться вместе с человеком, невзирая на скудные навыки земного партнера. Нельзя утверждать, но можно предположить, что посредством Иисуса из Назарета Бог выказал свою волю, приняв сторону не выполнивших договор людей, слабую сторону в неравноправных отношениях. Нет никакого умаления в том, чтобы призвать к осмыслению Бога с гораздо большим вниманием к понятиям партнерства и товарищества. Тот, кто "вознесен и возвышен", жизнью Иисуса обнаруживает свое желание действовать вместе с друзьями, в частности, омывая им ноги и нуждаясь в чьей-нибудь помощи, чтобы донести свой крест. Что поначалу кажется непочтительным, может оказаться значительно ближе к истинной сути Его смирения.

Идею о товариществе между Богом и человеком настоятельно внушает и обсуждавшаяся ранее четвертая глава Послания апостола Павла к Галатам. В ней человек рассматривается как сын и наследник. Причем акцент на сыне - уже не младенце, и на наследнике - способном взять на себя ответственность. Таким образом, строго иерархичная взаимосвязь отца и маленького мальчика отвергнута ради зрелых товарищеских отношений между повзрослевшим сыном и его отцом.

И если в секулярном городе Бог хочет, чтобы человек называл Его "и Ты", то это наводит на размышления. Это подсказывает, что человеку не стоит пленяться самим Богом. Подобно отношениям с партнером по работе, отношения человека с Богом строятся на совместных действиях. Бог и человек не прячутся от мира, как пара юных влюбленных, а находят радость в выполнении общей задачи. Конечно, этот вид отношений не удовлетворит того, кто целиком захвачен страстью к "обнаружению" или "переживанию" Бога. Таких людей всегда волнуют, по общему признанию, исключительно редкие явления Богом самого Себя. Но это не те откровения, которые могут вдохновить многих. Бог зовет человека интересоваться не Им, а обретением в Нем товарища.

Существует некая религиозность, занятая бесконечным розыском всевозможных святых Граалей. Духовность такого рода, замечательно описанная в "Лезвии бритвы" Сомерсета Моэма, необычайно притягательна для некоторых людей, особенно для тех, которые, по их словам, "интересуются религией". Но это направление прямо противоположно библейской сути.

Разумеется, в Библии есть мотивы личного волнения и поиска. Но, хотя псал-
стр. 194

мопевец и может сказать, что сердце его трепещет подле Господа, как олень подле ручья, в ответах Бога нет никакой неопределенности: Яхве больше озабочен неотвратимым, как мощные потоки вод, правосудием, чем религиозным придыханием. Павел не так уж много объяснил религиозным искателям, с которыми столкнулся в Афинах. "Этого неведомого Бога, - сказал он, - я вам и проповедую". В Иисусе из Назарета религиозные искания закончены, и человек освобожден, чтобы любить и почитать своего ближнего.

Так как же нам именовать Бога, который равнодушен к нашему соблюдению постов и культовому обожанию, но просит деяний милосердия? Сейчас рано говорить об этом наверняка, но, может быть, и неплохо, что слово "God" умрет, в какой-то мере подтверждая апокалиптический приговор Ницше "Бог умер". Каким именем назвать Того, кто ощутим для нас в жизни Иисуса и ощущается скрытым освободителем в наши времена?

Не исключено, что об имени вообще не надо беспокоиться. Наш нынешний, заваленный обилием пустых, нелепых слов язык сам, как всегда, переработает жизненный опыт. "Биография слова "Бог", - пишет Ван-Пьёрсен, - в том, что оно не указывает смысл, а историческим путем его приобретает". Именование было процессом, когда сыны Израиля все более и более встраивали реальность в историю через связь с Тем, кто вывел их из Египта. Историческое первоначало развернулось таким спектром воздействия на мир, что постоянный контакт с БОГОМ понудил дать Ему имя. Бог дает нам обнаружить Себя внутри или посредством событий секулярной жизни. Значение слова "Бог" изменится, либо возникнет новое имя, поскольку мы, движимые Его волей, участвуем в событиях, которые становятся историей, историей освобождения человека.

Ван-Пьёрсен говорит: "...путь, которым человек входит в контакт со значимым для истории бытием Бога, путь сугубо деятельный. Как Церковь мы должны ответить миру своими действиями, передавая дальше послание Имени, которое получает новое значение в истории, и особенно в деятельной истории нашего времени".

Мы не можем просто изобрести новое имя. Не можем и произвольно отказаться от старого. Имя Бога открывается через столкновение исторических сил и усилий людей, чувствующих Его присутствие и отвечающих на Его зов. Новое имя появится, когда определит Бог. Новый путь осмысления возникнет в напряженном взаимодействии между ушедшей вперед историей и нашей отставшей от нее ситуацией между теми проблемами урбанистической цивилизации, которые тянут к повторению прошлого, и нашей ответственностью перед будущим.

Возможно, надо будет на некоторое время прекратить разговоры о "Боге", ввести некий мораторий, пока не появится новое имя. Возможно, в новом имени не будет привычных букв, но тревожиться из-за этого не стоит. Именование - человеческое дело, творимое в конкретной социокультурной среде. Святых языков нет, слово "Бог" тоже не священо. Все языки рождаются и умирают. Бог продолжит жить в вечности, когда и английский, и все другие языки давно забудутся. Только магией самих слов создается иллюзия, что между Богом и очередной лексемой есть некая интегральная связь.

Если задача наименования потребует обходиться в секулярном городе без слова "Бог", чтобы не путать Того, кто явился в Иисусе, с богами мифологии или божеством философии, это случится не впервые, такое в истории библейской веры уже бывало. Широко известно, что народ Израиля прошел несколько стадий в Его именовании, и вряд ли все возможности исчерпаны. В различные времена использовались термины Эль Элион, Элохим, Эль Шаддай и, конечно же, Яхве. Израильтяне заимствовали обозначения у соседних народов и отвергали их с удивительной для нас свободой, особенно, если учесть присущую иудейской культуре огромную власть имен. Замечательное свидетельство этой смелой готовности использовать новые имена, отражавшие разные исторические ситуации, сохранилось в тексте Исхода (6:2 - 3; так называемый "P document"):

стр. 195

"И говорил Бог [Элохим] Моисею: "Я Господь [Яхве]. Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем "Бог Всемогущий" [Эль Шаддай], а с именем Моим "Господь" [Яхве] не открылся им".

Можно было бы написать целую историю Израиля, обрисовать его культурные и политические отношения с соседями, исследуя столкновения и изменения имен Бога и его народа. Эти имена открывались человеку в жестоком опыте социальных перемен.

После периода изгнания евреи вновь перестроили терминологию. Скорбя об унижении имени Яхве и сочтя его слишком святым для каждодневного употребления, они решили произносить вместо него слово "адонай" (господь наш), которое используется в синагогах по сей день.

Быть может, какое-то время у нас не будет имени для Бога. Угроза не страшна - обратимся к библейским прецедентам. Моисей, видимо, чувствовал не меньшее неудобство, когда ему было сказано идти в Египет и вывести сынов Израиля на свободу. Он тревожно просил назвать имя Того, кто говорил с ним из пылавшего куста. Однако ответ прозвучал не очень утешительно. Вопрос просто отвергли. Не назвав имени вообще, Моисею довольно загадочно велели передать пленникам, если те спросят о посланшем, всего лишь: "Я есмь Сущий. И так скажи им: Сущий послал меня к вам" (Исход 3: 13 - 14). Одно время эти строчки онтологически интерпретировались как признание Бога в "собственном становлении", но сегодня большинство еврейских ученых согласны с тем, что никаких намеков на это текст не содержит. Голос из горящего куста дал ответ подчеркнуто краткий и уклончивый.

Как пишет Бернанд Андерсен: "Моисей просил информацию относительно тайны божественной персоны [имени], но в этой информации было отказано. Вместо того Бог огласил свое требование и уверил его, что тот узнает Бога в свершающем,

осуществляющем. Иными словами, ответом на вопрос "кто есть Бог? " станут, должно быть, события будущего".

Исход означал для евреев поворот под воздействием такой мощной стихии, что потребовалось новое божественное имя, стирающее имена предыдущего опыта. Сегодняшний наш переход из эпохи христианского мира в эпоху урбанистической секулярности будет не меньшим потрясением. Вместо того, чтобы цепляться за обветшавшие названия или нервно изобретать новые, не лучше ли, подобно Моисею, просто взяться за дело освобождения пленников, в уверенности, что случай открыть новое имя нам представится.

Перевод с английского и примечания Веры Домитеевой
стр. 196

РАЗДЕЛ 3. ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНЫХ СТРУКТУР, ИНСТИТУТОВ, СИСТЕМ И ОТНОШЕНИЙ

Белова Т.П. Городское пространство как сфера этноконфессиональных отношений¹³

БЕЛОВА Татьяна Павловна - кандидат философских наук, доцент кафедры общей социологии и феминологии Ивановского государственного университета (E-mail: tpb_ivgu@mail.ru).

В последнее время получает заметное развитие социологическое изучение города в аспекте его социального пространства, понимаемого как многомерное признаковое пространство, координатные оси которого соответствуют параметрам состояния городской системы, взаимовлияния городской среды и человеческого сообщества

стр. 94

[Дулина, 2006]. Важной составляющей городского пространства является сфера этноконфессиональных отношений.

Ее значимость возрастает в условиях глобализации, т.е. процесса универсализации, становления единых общепланетарных структур [Чумаков, 2005, с. 31], ведущего в том числе к усилению миграционных потоков и межцивилизационных контактов, и, как следствие, к актуализации вопроса об интеграции сообществ с различными "менталитетами, духовно-культурными идентичностями, системами ценностей, образами жизни..." [Мчедлов, 2006, с. 35]. Параллельно с глобализационными трансформациями экономической, политической и информационных сфер растет значимость социокультурных локальных факторов, в том числе этнического и религиозного, которые в силу своей естественной инерционности, консервативности выступают сдерживающими преградами, обеспечивающими сохранение и поддержание социального и культурного многообразия.

В нашей стране глобализационные процессы стали интенсивно разворачиваться с конца XX в. на фоне крушения прежней социальной системы и одновременного развития десекуляризации - социального процесса, сопровождающегося повышением статуса религиозных институтов и ценностей. Советская идентичность, имевшая в качестве своих оснований положения о советском народе как новой исторической общности и его безрелигиозности, отвергалась либеральной идеологией в условиях распада государства, парада суверенитетов, роста массовых настроений социального проигрыша, депривации, ксенофобии и изоляционизма.

Взаимовлияние указанных процессов углубило смешение религиозных и этнических оснований индивидуального, группового и массового сознания и поведения. Как следствие, в постсоветский период отечественные социологи стали постоянно фиксировать тесную связь религиозной и этнической идентичностей россиян. Оказалось, что "называя себя при ответах на соответствующий вопрос анкеты православным, мусульманином и т.д., многие респонденты имеют в виду вовсе не то, что они веруют в бога, а то, что они происходят из данной этнокультурной среды, их "конфессиональная самоидентификация выступает заместителем идентификации этнонациональной" [Лопаткин, 2001, с. 8], т.е. она осуществляется "не по принадлежности к той или иной религии, а на основе соотношения себя с определенной культурой, национальным образом жизни ("русский - поэтому православный", "татарин - поэтому мусульманин"), в

¹³ Белова Т.П. Городское пространство как сфера этноконфессиональных отношений // Социологические исследования. 2010. №12. С. 94-106.

значительной мере сформировавшимися под влиянием данной религии" [Мчедлов и др., 2005, с. 50].

Интеграционные процессы в большей степени затрагивают города, т.к. именно туда в первую очередь направляются основные потоки трудовой миграции, приводящие к изменению этнорелигиозного состава населения. Несомненно, они отмечаются и в городе Иваново, хотя и не столь значительно, как в мегаполисах.

С одной стороны, Иваново - это город, в котором более 90% его жителей являются русскими, но с другой стороны, в нем также проживают представители более 100 наций и народностей. Аналогичная ситуация наблюдается с религиозной картиной: при явном преобладании православных приходов, монастырей и других структурных подразделений Русской православной церкви свою деятельность осуществляют еще почти 30 конфессий.

С целью социологического изучения совокупности форм, видов и механизмов взаимоотношений этнонационального и конфессионального факторов на разных уровнях и с различными социальными субъектами и сферами городской жизнедеятельности, а также для определения характера этих взаимоотношений, их направленности, степени воздействия на те или иные элементы городского пространства, по решению Экспертного религиозно-этического совета при Правительстве Ивановской области в июле 2008 г. был проведен опрос жителей г. Иваново (N = 620 чел.). При разработке

стр. 95

Таблица 1

Доля респондентов с различными половозрастными характеристиками (N = 620 чел.)

Возраст	Пол				Весь массив	
	мужской		женский		чел.	%
	чел.	%	чел.	%		
18 - 29 лет	64	10,4	66	10,6	130	21,0
30 - 39 лет	51	8,2	57	9,2	108	17,4
40 - 49 лет	60	9,7	68	11,0	128	20,7
50 - 59 лет	48	7,7	64	10,3	112	18,0
60 лет и старше	59	9,5	83	13,4	142	22,9
Всего	282	45,5	338	54,5	620	100,0

Таблица 2

Уровень образования респондентов в зависимости от пола (в %, N = 620 чел.)

Уровень образования	Пол		Весь массив
	мужской	женский	
Начальное и неполное среднее	5,3	5,6	5,5
Общее среднее	15,2	18,9	17,3
Начальное и среднее профессиональное	32,3	29,6	30,8
Незаконченное высшее	6,4	8,3	7,4
Высшее и послевузовское	40,8	37,6	39

инструментария использовалась (в адаптированном и расширенном виде) методика Р. А. Лопаткина, апробированная в городах Ханты-Мансийского автономного округа.

В ходе анкетирования опрашивались респонденты во всех административных районах г. Иванова. Выборка была стратифицированная. В ней были отражены пропорциональные доли респондентов по полу и возрасту в соответствии с генеральной совокупностью, состоящей из жителей г. Иваново старше 18 лет. Всего были опрошены 282 мужчины и 338 женщин. Доли респондентов по полу и возрасту представлены в таблице 1. В выборку вошли респонденты с различным уровнем образования (см. табл. 2).

По роду занятия в выборке были представлены следующие категории: 1) студенты (учащиеся) составили 10%; 2) неработающие (по состоянию здоровья, безработных, ведущих домашнее хозяйство) - 3,7%; 3) работающие (служащие) на предприятиях с различной формой собственности, в учреждениях, фирмах и т.п. - 61,8%; 4) пенсионеры (работающие и неработающие) - 24,5%.

Основными сферами занятости работающих респондентов являются: образование, культура и здравоохранение (21,3%); различные коммунальные, социальные и персональные услуги (17,4%); армия, МЧС, правоохранительные органы и органы управления (13,1%); торговля (12,8%); строительство (11,7%); текстильное и швейное производство (10%); транспорт (7,8%); тяжелая промышленность и энергетика (5,7%). Таким образом, в выборку вошли респонденты с различными социально-демографическими характеристиками, представляющие разнообразные сферы трудовой занятости населения, обеспечивающие жизнедеятельность г. Иваново.

В выборке также учитывалось пропорциональное распределение этнических групп населения (в соответствии со статистическими данными). Русские составили 93,5% респондентов. Среди представителей других национальностей были опрошены 19 мужчин и 21 женщина. В число респондентов вошли украинцы (12 чел.), татары (10 чел.), армяне (4 чел.), азербайджанцы (3 чел.), молдаване (2 чел.), а также по

стр. 96

одному представителю от белорусов, грузин, чеченцев, дагестанцев, коми, марийцев, казахов, корейцев, немцев.

Среди респондентов 72,2% родились и сейчас постоянно живут в Иванове. Наибольшее количество родившихся в нем оказалось в возрастной категории 18 - 29 лет (особенно среди женщин), наименьшее - в категории 60 лет и старше (в основном среди женщин), что обусловлено экономическим развитием города в советское время, когда на текстильные фабрики приезжали работать со всех концов страны. Самую многочисленную группу составили те, кто проживает в городе более 20 лет (79,7%).

Из приехавших в город на постоянное место жительства более половины являются уроженцами других регионов России (от Санкт-Петербурга до Дальнего Востока и Сахалина), третья часть - городов и сел Ивановской области, остальные прибыли из стран СНГ. Среди приехавших в Иваново на время учебы или работы более половины составляют молодые респонденты в возрасте 18 - 29 лет.

Из тех опрошенных, кто родился не в Иванове, намерены обязательно вернуться на свою родину только 5,3%, не исключают такого варианта 28,8%, а не хотят уезжать 65,9%, т.е. почти $\frac{2}{3}$ из данной категории респондентов. Это отражает, во-первых, то, что возможности для реализации своего потенциала в Иванове их в основном устраивают, во-вторых, то, что городская среда весьма безопасна.

В то же время только каждый пятый респондент положительно, с пониманием относится к приехавшим в Иваново в последние годы, безразлично - 51,3%, отрицательно - 13,8%.

Наибольший процент тех, кто относится к приезжим с пониманием, отмечается у женщин всех возрастных категорий, а также у респондентов старше 60 лет. Респонденты мужского пола более безразличны к ним. Отрицательное отношение более характерно для мужчин в возрасте 30 - 39 лет. Самый значительный процент затруднившихся определить свое отношение к приезжим наблюдается среди женщин, а также у респондентов в

возрасте 18 - 29 лет. При этом в устных комментариях к своим ответам (количественно не фиксирующихся в анкетном опросе) некоторые респонденты отмечали, что они испытывают разные чувства к тем, кто приехал из населенных пунктов Ивановской области или других мест с преимущественно славянским населением, и к тем, кто прибыл из регионов с иным этническим составом и по национальности не славянин.

Подобные суждения обусловлены наличием существенной социальной дистанции, которая наиболее ощутимо проявляется в желании или нежелании видеть в качестве мужа своей дочери или близкой родственности представителя другой национальности (см. рис. 1).

Как видим, в качестве супругов у ближайших родственников опрошенные ивановцы прежде всего не хотели бы видеть (из предложенного списка национальностей) чеченца, азербайджанца, ингуша, армянина, узбека, дагестанца, грузина, т.е. в основном представителей народов Кавказа, независимо от их конфессиональных различий.

Ответы на этот вопрос коррелируют с данными о том, к каким национальностям ивановцы испытывают неприязнь. Всего о таком отношении заявила треть опрошенных. Из них в открытом вопросе анкеты 36,2% назвали "лиц кавказских национальностей", 20,4% - чеченцев, 7,7% - грузин, по 6% - азербайджанцев и армян, 3,8% - дагестанцев, 0,9% - ингушей. При этом следует оговорить, что анкетирование проводилось до событий в Южной Осетии, поэтому в отношении грузин не было явного политического подтекста.

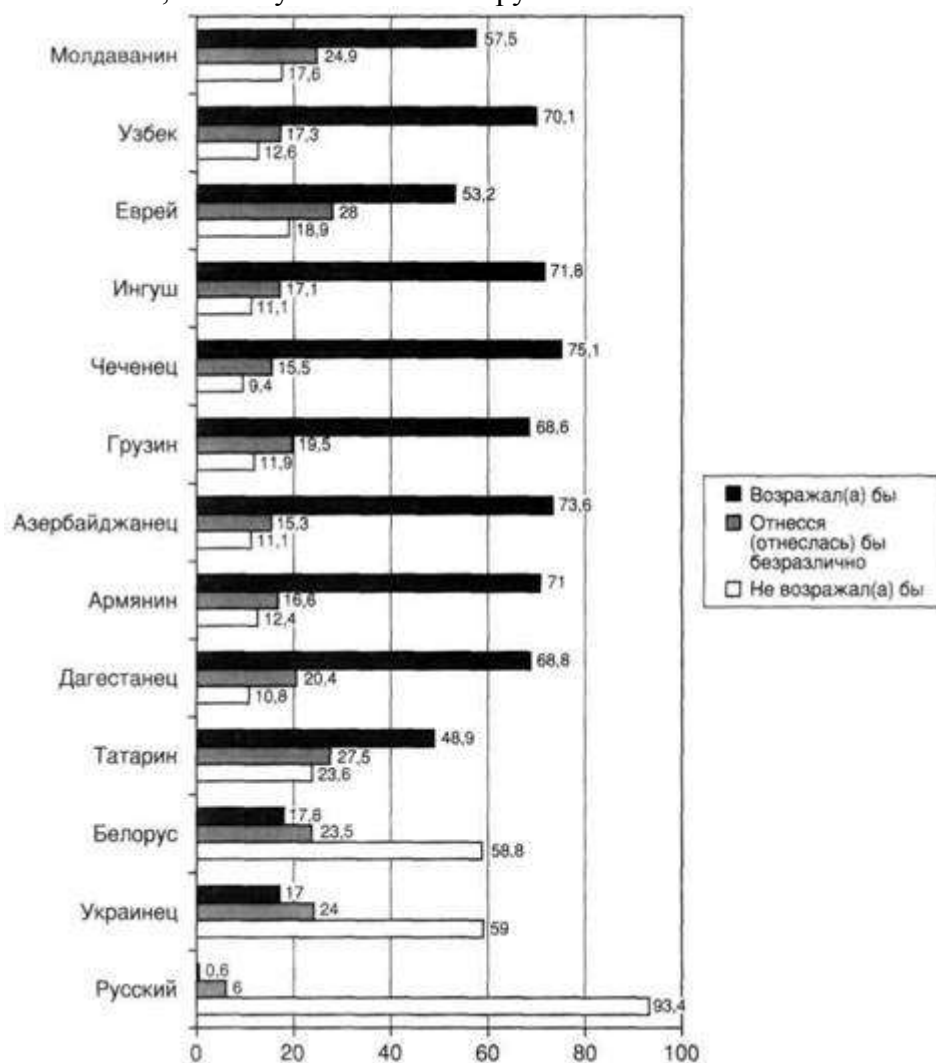

Рис. 1. Отношение респондентов к замужеству дочери или близкой родственницы с представителем своей или иной национальности.

Обращает на себя внимание и тот факт, что только каждый четвертый респондент определенно исключает возможность серьезного национального конфликта в Иванове, тогда как 40,1% полагают его возможным, 34% затруднились с ответом.

стр. 97

В качестве главных причин возможного межнационального конфликта респонденты называют причины социокультурного и социально-психологического характера: неуважение к мировоззрению других национальностей (42,7%), разные черты характера (27,6%). Для сравнения: вариант "конкуренция за рабочие места" выбрали только 5% из данной категории респондентов. А это значит, что не экономические факторы, по мнениям ивановцев, играют определяющую роль в межнациональных отношениях и являются главными индикаторами их стабильности.

Каждый второй опрошенный полагает, что в городе нет равных условий для представителей всех национальностей в продвижении по службе, в возможности занять ответственный пост в местных органах власти и управления и в избрании депутатом. Наиболее равные возможности, по мнениям 68,2% респондентов, существуют при получении высшего образования (см. рис. 2). Это весьма важно отметить, т.к. Иваново -

стр. 98

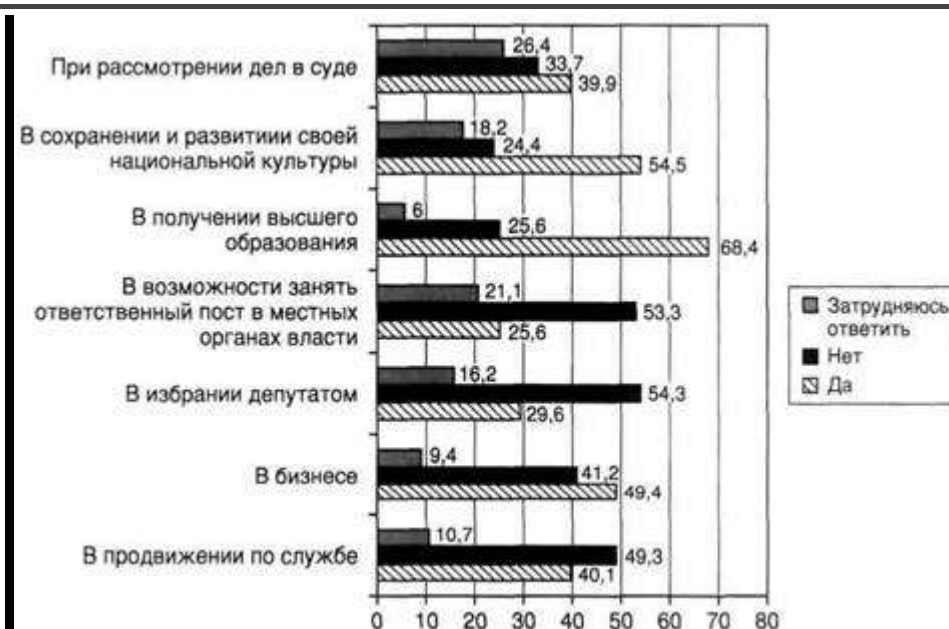

Рис. 2. Мнения о том, имеют ли представители всех национальностей, проживающие в Иванове равные условия и возможности.

третий город в России по доле студентов в структуре городского населения (после Москвы и Санкт-Петербурга).

В целом же можно заключить, что интеллектуальный и социальный потенциал различных этнических групп, с позиций опрошенных, не реализуется должным образом. Но при этом весьма положительно оцениваются возможности сохранения и развития своей национальной культуры, что, как отмечалось выше, является значимым моментом.

К позитивным факторам следует также отнести то, что более половины всех респондентов в кругу своих друзей имеют представителей других национальностей (причем женщины чаще, чем мужчины), а также то, что 6,8% опрошенных состоят в межнациональных браках (прежде всего в русско-украинских и русско-татарских). Таким образом, у большинства опрошенных есть опыт неформальных межкультурных коммуникаций.

По отношению к религии 72,2% респондентов (61,5% мужчин и 80,9% женщин) идентифицировали себя как "верующие" или "скорее верующие", т.е. уровень

религиозности (по самоопределению опрошенных) высокий. Наибольший процент религиозно ориентированных респондентов зафиксирован в возрастной группе 18 - 29 лет (79,2%, из них 65,6% мужчин и 92,4% женщин), наименьший - в возрастной группе 50 - 59 лет (67,2%, из них 53,2% мужчин и 77,8% женщин). О нерелигиозной мировоззренческой позиции заявили 17,2% опрошенных ивановцев (26% мужчин и 9,8% женщин). Полностью она отсутствует только у респондентов с начальным образованием.

Больше всего респондентов с нерелигиозной самоидентификацией отмечено в возрастной группе 50 - 59 лет (23,7%), меньше всего - в возрастной группе 30 - 39 лет (14,1%). Аналогичные показатели отмечены у мужчин этих групп (соответственно 38,3% и 19,6%). Среди женщин самый незначительный процент назвавших себя нерелигиозными зафиксирован в группе 18 - 29 лет (3,1%), а самый значительный - в

стр. 99

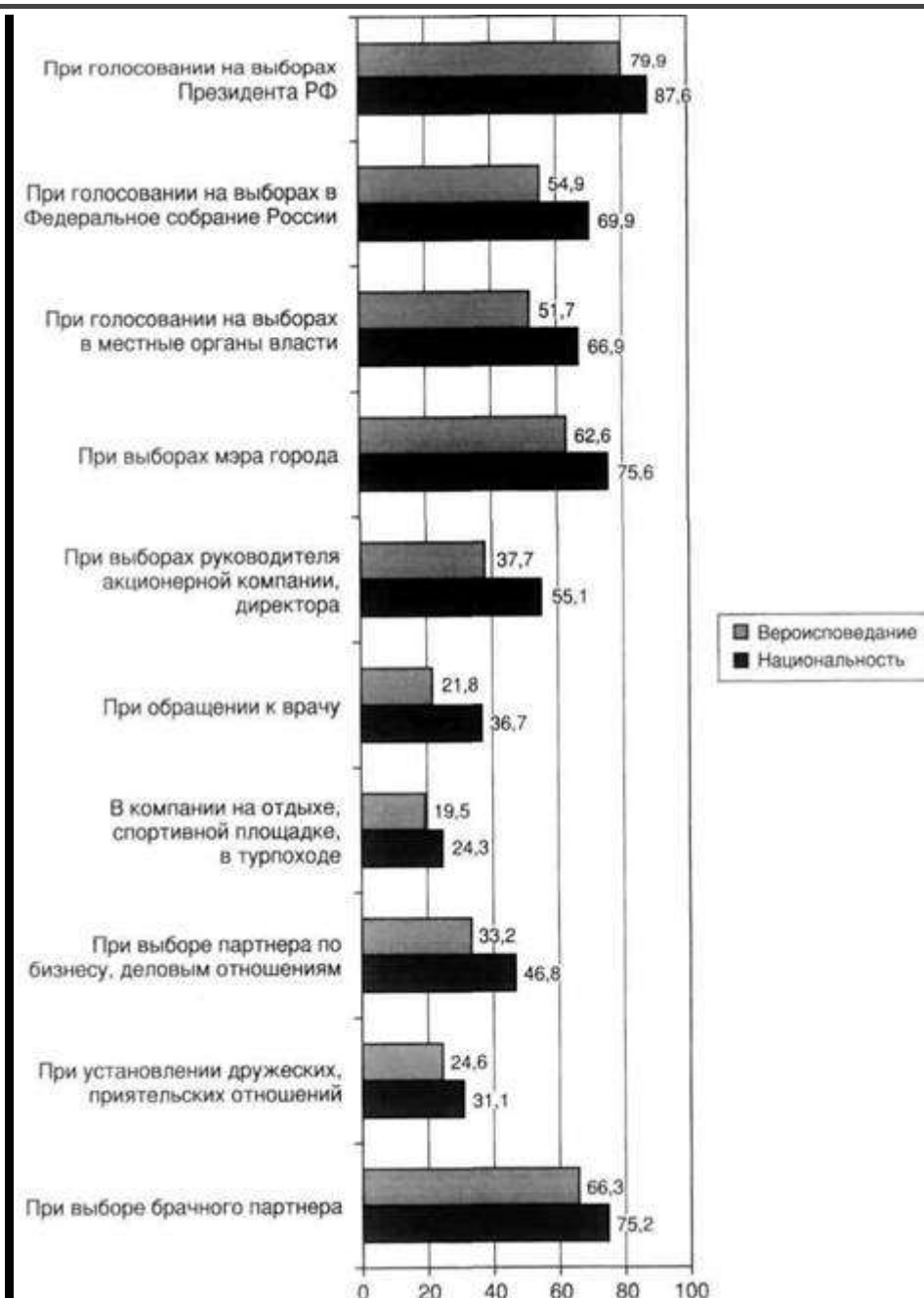

Рис. 3. Мнения респондентов о значении вероисповедания и национальности различных жизненных ситуациях.

стр. 100

группе старше 60 лет (13,3%). Таким образом, явными оказались поколенческие и гендерные различия, детерминированные определенными социально-коммуникативными факторами.

Преобладание религиозной самоидентификации у молодых респондентов в значительной мере связано с тем, что они родились или были детьми в тот период, когда в нашей стране происходили существенные изменения в отношении к религии, когда были сняты запреты на активную общественную деятельность религиозных организаций, когда религиозные темы стали получать отражение в СМИ. Но при этом медийная среда наполнялась информацией как о верованиях, традиционно исповедуемых коренными народами, так и о религиозных новообразованиях, которые в то время без особых ограничений распространяли западные и восточные проповедники. Все эти десекуляризационные изменения не могли не отразиться на направленности социализации и мировоззренческих ориентациях молодежи.

В отношении различий в женском и мужском подходе к религиозной самоидентификации нужно указать на то, что среди православных верующих социологи традиционно фиксируют их большинство, однако при возрастании мужской доли [Синелина, 2007, с. 185].

Таким образом, во всех половозрастных группах православные респонденты составляют большинство (мужчин более половины, женщин более трёх четвертей), т.е. по количественным показателям в Иванове преобладает население с православной самоидентификацией. Однако только каждый пятый православный респондент считает себя прихожанином, и лишь каждый десятый ежемесячно бывает в храме на службе. Следовательно, процент воцерковленных (институционально-православных) ивановцев не столь значителен, по сравнению с общим числом называющих себя православными. Но эта тенденция несоответствия уровня и степени религиозности регулярно фиксируется социологами как в общероссийских, так и региональных опросах.

Слабые показатели институциональной религиозности коррелируют с тем, что в межличностных, деловых, политических коммуникациях роль этнического фактора у респондентов выше религиозного. Наиболее значимыми эти факторы респонденты считают при избрании Президента РФ, мэра города, брачного партнера, наименее значимыми - для сферы досуга (на отдыхе, в компании и т.п.) (см. рис. 3). При этом у респондентов, интенсивно включенных в своих повседневных практиках в круг неформальных межкультурных контактов (состоящих в межнациональном браке, имеющих друзей других национальностей), религиозная идентичность выражена сильнее, а этническая - слабее по сравнению с теми, у кого родные и близкие друзья только своей национальности.

Как и в других социологических исследованиях, по результатам нашего опроса общее количество православных превышает число "верующих" и "скорее верующих", т.к. к ним себя относят неверующие и даже атеисты. О принадлежности к православию сообщили более $\frac{3}{4}$ респондентов русской, украинской и молдавской национальностей. Однако православными, а не мусульманами (которых в выборке насчитывалось 1,8%) назвали себя также некоторые представители татарской и азербайджанской национальностей, что подтверждает отсутствие тождества между конфессиональной и этнической идентичностями, указывает на наличие многообразных социокультурных и иных факторов, влияющих на идентификационные процессы, а также на существование различных типов этнорелигиозного самосознания с вариативностью обеих его составляющих [Религия в.., 2008].

Следует отметить, что 12,3% нерелигиозных респондентов не относят себя ни к одной из конфессий; 7,1% называют себя христианами, но ни с какой конкретной церковью себя не связывают (эту категорию называют "христиане вообще"); 3,9%

считают себя верующими, но ни к какому конкретному вероисповеданию себя не причисляют, т.е. являются "верующими вообще".

стр. 101

Таблица 3

Источники получения информации об опасных для общества религиозных организациях в зависимости от религиозной самоидентификации (в %, N = 338 чел.)

Варианты ответов	Религиозная самоидентификация			Весь массив
	религиозные	скорее религиозные	скорее нерелигиозные и нерелигиозные	
Передачи ТВ и радио	73,2	75,4	74,4	74,4
Газеты и журналы	33,3	33,3	39,5	35,0
Члены семьи	10,1	9,6	9,3	9,7
Друзья, знакомые	29,7	33,3	20,9	28,5
Священнослужители	7,2	0,9	4,7	4,4
Собственный опыт общения с представителями данных религиозных направлений	28,3	27,2	26,7	27,4

Характер религиозности респондентов сказывается и на их отношении к людям, исповедующим другую веру, а именно: на преобладании индифферентной ориентации (61,9%), 23,2% - относятся к ним доброжелательно, 10,4% опрошенных не задумывались об этом, 4,5% - неприязненно.

На вопрос о том, приходилось ли испытывать недоброжелательное отношение из-за своих взглядов на религию, утвердительно ответили 2,3% опрошенных против 10,1% тех, кто испытывал подобное отношение из-за своей национальной принадлежности, при равном количестве затруднившихся ответить (около 4%), что также подтверждает приоритет этничности в повседневных жизненных практиках горожан.

При ответе на вопрос о том, существуют ли религиозные направления, опасные для общества, каждый второй респондент ответил утвердительно, а каждый третий выбрал вариант "сложно сказать", т.е. не смог дать определенный ответ. К опасным направлениям основная часть ответивших утвердительно отнесла сектантов (прежде всего свидетелей Иеговы), радикальные течения ислама и новые религиозные движения (например, "Сознание Кришны" (вайшнавизм)), а в качестве основных каналов получения информации почти $\frac{3}{4}$ из данной категории респондентов указали теле- и радиопередачи.

Распределение ответов о данных каналах в зависимости от религиозной самоидентификации прослеживалось по трем количественно сопоставимым группам: 1) "религиозные", т.е. верующие; 2) "скорее религиозные", или колеблющиеся между верой и неверием, но скорее верующие; 3) "скорее нерелигиозные и нерелигиозные". В третью группу были включены респонденты со следующими самоидентификациями: во-первых, колеблющиеся между верой и неверием, но скорее неверующие, составившие подгруппу "скорее нерелигиозные"; во-вторых, те, кого вопросы религии и атеизма не интересуют; в-третьих, те, кто относит себя к неверующим и, в четвертых, убежденные атеисты. Последние три категории образовали подгруппу "нерелигиозные". Результаты указанного распределения представлены в таблице 3.

Как видим, наиболее значительные расхождения в группах с различной религиозной самоидентификацией касаются трех позиций: 1) газет, журналов; 2) друзей, знакомых; 3) священнослужителей. Остальные различия находятся в пределах статистической погрешности.

Полученные данные не позволяют определить распространение как этнической, так и религиозной толерантности, поскольку она предполагает осознанное уважение традиций других национальностей и вероисповеданий, но ни в коем случае не безразличие, не фобии и неприязнь.

стр. 102

Таблица 4

Представления о влиянии религиозных организаций на межнациональные отношения в зависимости от конфессиональной самоидентификации (в %, N = 620 чел.)

Варианты ответов	Конфессиональная самоидентификация				Весь массив
	православные	христиане вообще	верующие вообще	нерелигиозные без конфессиональной принадлежности	
Утверждают мир и согласие между различными национальностями	48,2	27,3	37,5	6,6	40,8
Способствуют обострению межнациональных противоречий	9,5	9,1	0	14,5	9,4
Существенного влияния на межнациональные отношения не оказывают	16,1	11,4	25,0	27,6	18
Затрудняюсь ответить	26,2	52,3	37,5	51,3	31,8

Формирование толерантности неотделимо от процесса становления и развития гражданского общества. А, как известно, оно, в частности, предполагает усиление роли общественных (включая этнокультурные) и религиозных организаций и расширение их взаимодействий с социальным пространством. Поэтому в анкету был включен блок вопросов об осведомленности о деятельности национально-культурных объединений и конфессий.

Один из вопросов был направлен на выяснение представления о том, какое влияние оказывают религиозные организации на межнациональные отношения. При ответе на него 40,8% ивановцев (35,7% мужчин и 45,1% женщин) согласились с формулировкой, что они утверждают мир и согласие между различными национальностями. Среди тех, кто относит себя к православию, такого мнения придерживаются 48,2%, среди прихожан (членов религиозной общины) - 58,2%, а среди посещающих религиозные службы не менее одного раза в месяц - 69,4%. Таким образом, по мере усиления показателей религиозности наблюдается рост позитивных оценок влияния конфессий на межнациональные отношения. Кроме того, следует подчеркнуть, что среди конфессионально определившихся респондентов оказалось значительно меньше тех, кто затруднился ответить на данный вопрос, а также среди них реже был выбор варианта об

отсутствии существенного влияния религиозных организаций на международные отношения. Распределение ответов в зависимости от конфессиональной самоидентификации представлено в таблице 4. (В таблицу были включены только те группы, численность которых позволяет проводить частотное сравнение).

Однако взаимодействие конфессий с социальным пространством города не ограничивается сферой международных отношений. Рис. 4 отражает взгляды жителей г. Иванова на роль религиозных организаций в решении многообразных социальных проблем.

Согласно полученным данным, наиболее значительной ивановцы считают деятельность религиозных организаций в деле укрепления нравственных начал в людях и в обществе (так ответили 45% всех опрошенных и 51,4% православных), а также в упрочении семьи, уменьшении числа разводов (соответственно - 40,3% и 46%) и в борьбе с абортми (43,1% и 49,3%).

стр. 103

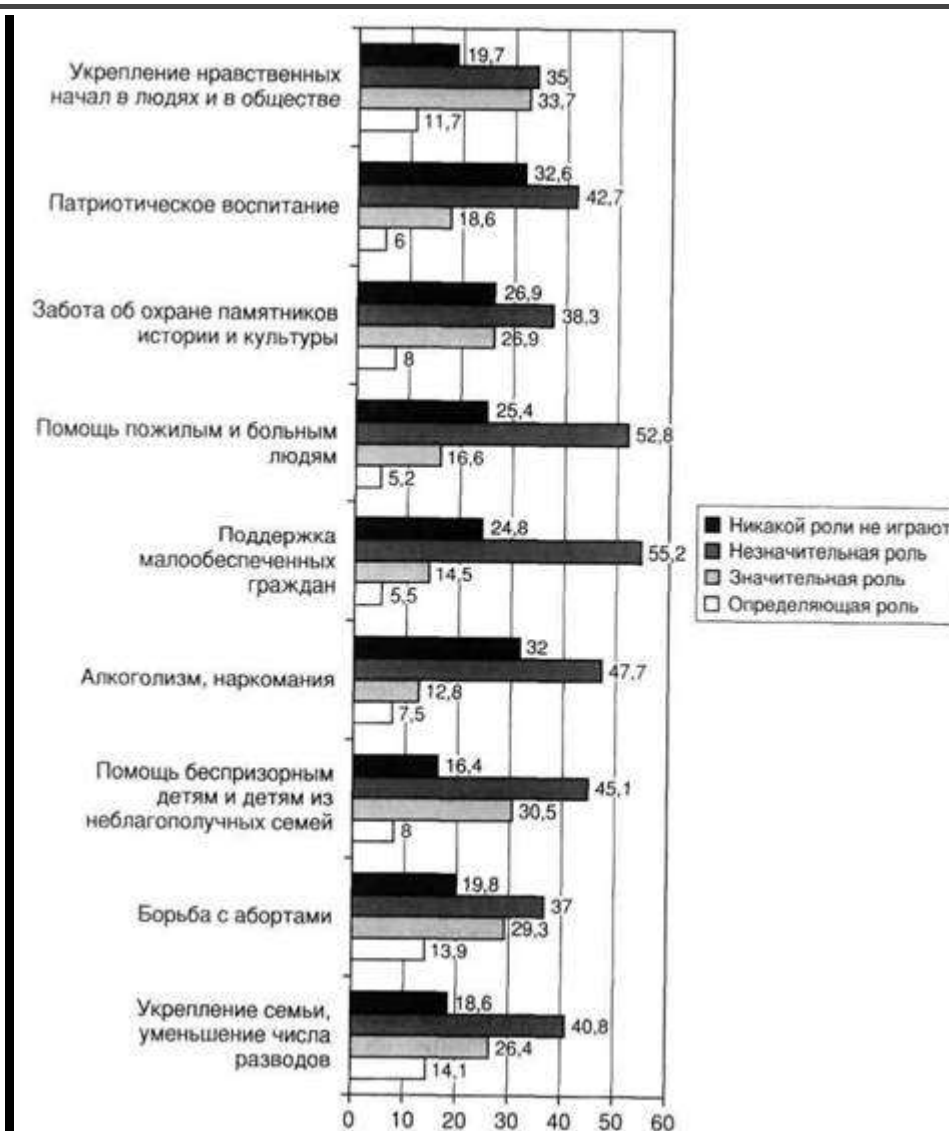

Рис. 4. Взгляды респондентов на роль религиозных организаций в решении социальных проблем.

Видят их незначительную роль или вовсе не видят никакой роли респонденты, прежде всего, в поддержке малообеспеченных граждан (такого мнения придерживаются 79,2% всех опрошенных и 77,2% православных), в решении проблем алкоголизма и наркомании (79,3% и 77%), а также в оказании помощи пожилым и больным людям

(77,5% и 75,2%). На основе этих результатов можно заключить, что респонденты слабо осведомлены о социальном служении РПЦ.

Наибольшее число мнений об отсутствии какой-либо роли религиозных организаций зафиксированы в отношении патриотического воспитания (в общем массиве 32,6% респондентов, у православных 28,9%). Однако какой смысл вкладывают опрошенные в этот термин в анкете не выяснилось.

стр. 104

Таблица 5

Оценки социальной роли Русской православной церкви в зависимости от конфессиональной самоидентификации (в %, N = 620 чел.)

Варианты ответов	Конфессиональная самоидентификация				Весь массив
	православные	христиане вообще	верующие вообще	нерелигиозные без конфессиональной принадлежности	
Бизнес-организация, ориентированная на собственное обогащение	12,3	29,5	12,5	27,6	15,7
Организация, бескорыстно служащая людям	22,3	4,5	12,5	6,6	18,9
Институт власти, сотрудничающий с государством	28,4	36,4	25,0	28,9	29,0
Организация, независимая от действующих властей	10,7	2,3	12,5	3,9	9,1
Основа культурно-исторического наследия России	34,6	13,6	29,2	17,1	30,6
Душа русского народа	34,4	11,4	29,2	5,3	29,0
Посредник между Богом и человеком	36,8	22,7	25,0	11,8	32,0
Храм, здание, где собираются верующие	58,4	43,2	75,0	60,5	58,6
Религиозная организация России, имеющая определенные привилегии	24,3	27,3	16,7	15,8	23,3
Одна из религиозных организаций	13,3	13,6	16,7	10,5	13,9

России, имеющая равные права с другими					
Крупнейший институт гражданского общества в России, место взаимопомощи	8,5	0	8,3	1,3	7,1
Организация, отстающая от требований современной жизни	1,5	4,5	0	7,9	2,8

По социально-демографическому блоку существенные различия отмечены только в гендерном плане: по всем позициям у женщин число позитивных оценок выше, чем у мужчин, а количество негативных - ниже.

Важнейшим индикатором толерантности городской среды является отношение к наиболее распространенной среди его жителей конфессии. Полагая, что именно в нем, а не в отношении к религиозным меньшинствам заключены основополагающие принципы религиозной толерантности, в анкету был включен полузакрытый множественный вопрос об оценках ивановцами социальной роли Русской православной церкви, шкала которого содержала 12 сформулированных позиций и вариант "другое". Своих ответов респонденты не дали. Частотность выборов предложенных вариантов в зависимости от конфессиональной самоидентификации отражена в таблице 5.

Полученные данные свидетельствуют о том, что опрошенные жители г. Иванова воспринимают РПЦ в первую очередь в религиозном смысле, затем как культурно-историческую традицию и социально-психологическую основу русского народа, а также как институт власти, сотрудничающий с государством. Ее восприятие как института

стр. 105

гражданского общества пока лишь сформируется. Но это относится не только к РПЦ, но в целом к складыванию совокупности "социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов опосредования (политические партии, группы интересов, группы давления) оказывать на нее воздействие в принятии тех или иных решений" [Федоркин, 2004, с. 60]. При этом интересно отметить, что наибольшее количество респондентов, называющих РПЦ гражданским институтом, местом взаимопомощи (15,3%), оказалось среди тех, кто признает определяющую роль религиозных организаций в укреплении нравственных начал в людях и обществе.

В связи с этой корреляцией полезно вспомнить слова П. А. Сорокина из книги "Кризис нашего времени": "Чем больше мы экспериментируем с экономическими условиями, тем хуже они становятся. Чем чаще мы признаем войны незаконными, тем более разрушительными они являются. Чем больше мы стремимся к справедливому социальному обеспечению, тем большую необеспеченность мы получаем. Пора прекратить обманывать себя всеми этими легкими мерами; они не остановили и не могут остановить процесс дезинтеграции" [Сорокин, 2003, с. 332].

В оценках социальной роли РПЦ проявляются значительные гендерные различия. У женщин более выражено ее религиозное, культурно-историческое и социально-психологическое понимание. В их оценках она представляет собой организацию, бескорыстно служащую людям, независимую от действующих властей, имеющую в

России равные права с другими конфессиями. Мужчины чаще характеризуют РПЦ как институт власти, сотрудничающий с государством, как религиозную организацию России, имеющую определенные привилегии и как бизнес-организацию, ориентированную на собственное обогащение. Таким образом, мужская позиция более критична.

В качестве мероприятий, которые могли бы содействовать взаимопониманию между представителями различных национальностей и религий, проживающими в Иванове, почти половина респондентов высказалась за продуманную миграционную политику по приглашению рабочей силы, а также за проведение национальных и интернациональных фестивалей, выставок, концертов и т.п., чтобы люди различных национальностей ближе знакомились с культурой, духовными ценностями друг друга.

В целом мнения ивановцев позволяют сделать вывод о том, что сфера этноконфессиональных отношений является необходимой составляющей сбалансированного развития социального пространства города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дулина К. В.* Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования. Волгоград, 2006.

2. *Лопаткин Р. А.* Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации. М., 2001.

3. *Мchedлов М. П.* Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социол. исслед. 2006. N 10.

4. *Мchedлов М. П., Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г.* Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социол. исслед. 2005. N 6.

5. Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. *М. П. Мchedлов*. М.: Институт социологии РАН, 2008. *Синелина Ю. Ю.* Возвращение русских к православию // Русский вопрос / Под ред. Г. В. Осипова, В. В. Локосова, И. Б. Орловой. М., 2007.

6. *Сорокин П. А.* Кризис нашего времени // Встречи с Питиримом Сорокиным / Под ред. И. Б. Орловой. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003.

7. *Федоркин Н. С.* Становление гражданского общества в современной России: состояние, проблемы, факторы роста // Социология. 2004. N 1.

8. *Чумаков А. Н.* Глобализация. Контурсы целостного мира. М., 2005. стр. 106

Головин В.В., Лурье М.Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село ¹⁴

В антропологическом исследовании современных молодежных сообществ в России, при всей популярности этого предмета и обилии посвященных ему работ (обзор их дан во вступительной статье к разделу), есть две лакуны.

Во-первых, большинство авторов собирают материал в местах собственного проживания, т.е. в крупных городах, главным образом в Москве и в Петербурге. Таким образом, представление о субкультурной молодежной жизни, которое можно составить по работам, в той или иной степени отражает лишь положение, характерное для мегаполиса. Между тем очевидно, что молодежные сообщества существовали и существуют везде, где имеется молодежь, а не только в столицах и областных центрах, и что отличия социокультурных ситуаций в современных поселениях разной величины и разного административного статуса не могут не влиять на степень и суть имеющихся в них молодежных сообществ.

¹⁴ Головин В.В., Лурье М.Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: мегаполис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. №1. С. 56-70.

Во-вторых, статьи и публикации касаются почти исключительно тех подростковых и молодежных сообществ, которые осознают и манифестируют собственную специфичность на основе какой-то мировоззренческой или эстетической доминанты (со всеми оговорками их можно обозначить как *идеологические*). Те же сообщества, групповое самосознание которых мотивируется принадлежностью к определенной жизненной территории (назовем их, соответственно, *территориальными*, или *локальными*), как бы по умолчанию не включаются в объем понятия "молодежная субкультура" и таким образом, за редчайшим исключением (*Кулешов 2001; Кутьина и др. 2002*), остаются за рамками антропологических субкультурных исследований. О территориальных молодежных группах пишут либо этнографы, изучающие практики молодежной культуры в традиционной крестьянской общине, когда речь идет, например, о формах коммуникации молодежных компаний из разных деревень (*Бернштам 1988, Морозов 1997* и др.) - однако в этих исследованиях принципиально используется не современный материал; либо криминологи, рассматривающие уличные подростковые преступные группировки и их место в криминальной среде (*Прозументов 1993; Пирожков 1994* и др.), - но направления анализа материала здесь слишком далеки от задач и методов культурной антропологии. На самом деле территориальные сообщества в той же степени, что и идеологические, обладают своей культурной спецификой, включая и аксиологическую систему, и особый язык, и поведенческие сценарии, и коммуникативные практики - одним словом, все то, что обычно описывается в работах о молодежных субкультурах. Кроме того, и те, и другие не существуют изолированно, а, напротив, постоянно соприкасаются и определенным образом взаимодействуют, а потому имеет смысл исследовать их в едином контексте.

Замысел нашего проекта, в ходе которого была проведена серия специальных полевых исследований, состоял в том, чтобы попытаться хотя бы отчасти "подправить" оба указанных крена. Для этого необходимо было проследить и описать особенности функционирования и взаимодействия молодежных сообществ двух типов в большом городе, в провинции (т.е. в небольших городах уровня районного центра) и на селе -

Валентин Вадимович Головин - доктор филологических наук, зав. кафедрой детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Михаил Лазаревич Лурье - кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, преподаватель Академической гимназии СПбГУ; e-mail: mlurie@inbox.ru

стр. 56

такой постановкой задачи обусловлен и преимущественно дескриптивный характер настоящей работы.

Материалы собирались в 2001 - 2002 гг. в Петербурге, районных городах Окуловка (Новгородская обл.), Лодейное Поле, Подпорожье, Тихвин, Сланцы (Ленинградская обл.), селах Винницы (Ленинградская обл. Подпорожский р-н), Боровенка (Новгородская обл., Окуловский р-н), Новоселье (Ленинградская обл., Сланцевский р-н) и некоторых других населенных пунктах. Респондентами интервью стали юноши и девушки, в основном в возрасте от 15 до 24 лет. Петербургские интервью проводились М. Л. Лурье и В. Г. Головиным, провинциальные и сельские - в ходе экспедиций под руководством В. В. Головина, Е. В. Кулешова и М. Л. Лурье учащимися Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета и студентами того же университета, целенаправленно знакомившимися со своими сверстниками на дискотеках. Тематические самозаписи собрала С. Г. Леонтьева среди студентов районных филиалов ЛГУ им. А. С. Пушкина. Авторы выражают искреннюю благодарность всем, кто принял участие в собирательской работе.

Идеологические сообщества в мегаполисе. Специфика социального пространства подростково-молодежной среды мегаполиса заключается в том, что в ней представлены все функционирующие в данный период идеологические субкультурные сообщества.

Именно в крупных городах, по преимуществу в столицах, а также в ориентированных на столичный тип областных, республиканских, краевых центрах подростково-молодежные группировки и отдельные их члены в наибольшей степени сосредоточены на специализированной деятельности, реализующей установки соответствующей субкультуры. В ряде случаев это непосредственно связано со спецификой центральной идеи и/или характером культурных практик того или иного сообщества. Так, вполне естественно, что хулиганы (они же *хулигане*, *хулсы* - самоназвание одной из субкультурных разновидностей футбольных фанатов) наиболее многочисленны и активны в городах, футбольные команды которых входят в высшую и первую лигу, с большей регулярностью и частотой проводят как домашние, так и выездные матчи. Столь же очевидно, что команды геймеров могут полноценно реализоваться лишь в тех городах, где развита сеть компьютерных клубов. Но и в тех случаях, когда идеологическая программа и связанные с ней формы деятельности сообщества не нуждаются в условиях мегаполиса, субкультурная активность тинейджеров в крупном городе гораздо выше, нежели в малом или в селе. В мегаполисе наиболее регулярно и масштабно происходят столкновения футбольных фанатов, акции скинхедов, драки рэперов и панков с хулсами, шествия музыкальных фанатов после концертов.

В целом субкультурная жизнедеятельность молодежи в последнее десятилетие перестала восприниматься как что-то шокирующее и являющееся источником социальной угрозы: ее общая девиантность осознается как нечто вполне естественное, как необходимый противовес общественному мейнстриму и противоядие от культурной стагнации общества. И в этом плане закономерно, что прежняя подозрительность в отношении представителей субкультуры может интерпретироваться жителями мегаполиса как проявление провинциальной отсталости:

"Вот год или два назад мы шли с парнем куда-то на вечеринку. У него просто такой ирокез был длинный, полметра, еще шипы вот так сантиметров по тридцать, все крашеное, хайр зеленый, шипы красные, вот, это только вот голова, не считая клепаной куртки, штанов, ботинок и всего, что там висело. Да, и вот какой-то патруль останавливает, просто не знает, чего с нами делать. Документы в порядке, ничего запрещенного нет. Давай, вызвали еще бобик какой-то, посмотреть на такое чудо. Такие подходят к начальнику: "А давай его в участок, сострижем, снимем там куртку, посадим в камеру". Он такой: "Ну сейчас уже не восьмидесятые годы, а это панки". Восьмидесятые годы, блин. Ну, присты-

стр. 57

дил его. ... Дурак, что ли, чего, панков не видел? ... А это какой-то постовой из какой-то деревни. Лейтенант реально пристыдил. И пошли дальше" (муж., 28).

Наличие большого количества субкультурных сообществ, их заметность и социальная активность в больших городах стимулируют развитие специализированного рынка, в частности, появляются магазины, где продается соответствующая одежда, атрибутика, журналы, аудио- и видеопродукция. Кроме того, сами предприниматели используют символику и стилистику молодежных движений в целях рекламы. Наиболее яркий пример этому - регулярно практикуемое в последние годы (опять же в больших городах) привлечение граффитеров к оформлению магазинов, заказ им рекламных панно на специально отведенных участках строительных ограждений и пр. Очевидно, что подключение коммерческих PR-механизмов, в свою очередь, способствует быстрому экстенсивному развитию соответствующих сообществ.

Таким образом, в российских мегаполисах спонтанная, "низовая" активность молодежных сообществ, даже наиболее "контркультурных" и "антисоциальных" по своей

идеологической и практической направленности, во-первых, поддерживается системой мероприятий (фестивали, конкурсы, концерты и т.п.), проводимых официальными институциями, во-вторых, стимулируется торговой и рекламной деятельностью заинтересованных коммерческих организаций.

Характерно, что, в отличие от провинциальной молодежи, столичные юноши и девушки, причисляющие себя к какому-либо из молодежных движений, как правило, владеют достаточно полной информацией об истории, идеологии, о количестве, именах и реноме представляющих данную субкультуру команд и их лидеров, о легендарных личностях, об актуальных для сообщества новостях и событиях (в масштабах страны), о предпочтительных музыкальных стилях (и конкретных группах), о субкультурной медиа-продукции и интернет-ресурсах.

И, что особенно важно подчеркнуть, представители каждого из субкультурных сообществ обладают обязательным знанием и мнением обо всех других: об их структуре, декларируемой идеологии, системе основных деятельностных практик, моделях и формах культурно значимого поведения. Идеологические субкультуры не существуют изолированно, а, наоборот, выстраивают определенные отношения друг с другом - отношения, реализуемые "словом и делом". Межгрупповые отношения складываются в достаточно четкую парадигму, которую можно представить как своего рода "картину субкультурного мира". Данный мир обладает структурным единством, при этом каждое сообщество сообразно своей идеологии расставляет аксиологические акценты: с точки зрения скинхедов панки, которых они бьют, позорят нацию - с позиции панков скинхеды, которые бьют их, - примитивные "отморозки" и т.д.

"Там, например, как там - хулиганы всякие, скинхеды, они тоже любят все на нас, на бомберов, на всяких этих, там. То есть пинают, там. ... То есть вот у скинхедов есть своя философия. ... А хулиганы же то же самое: что сидишь, например, дома, делать нечего - купил себе гады, там, голубые джинсы, там, "Пилот" куртку. Идешь на улицу там, выпил пива. А-а-а, все пьяные, пошли там вдесятером мочить какого-нибудь одного чувака" (муж., 17 лет, граффер).

"А у нас просто на Московской стояли у метро постоянно где-то часов с десяти начинали панки сидеть, сидели там на гитарке там играют, не знаю, человек двадцать. Хулиганы что их гоняли? Во-первых, потому что так их не любят: мусор, грязь такая, панки. Ну, обычно, панков чтобы разогнать, двух человек хватало, хватало четырех человек" (муж., 17 лет, хулиган).

В качестве ментальной конструкции эта картина мира существует, разумеется, вне деления на город и деревню, столицу и провинцию, крупный и малый город. Однако лишь мегаполис предоставляет ту социальную субстанцию, которая необходима для ее (картины) адекватного воплощения, тогда как в провинции (подробнее это будет показано ниже) данная парадигма реализована лишь фрагментарно и, как следствие,

стр. 58

столь же фрагментарно представлена в сознании большинства субкультурно ориентированных подростков и молодых людей - за исключением наиболее включенных, "продвинутых" единиц.

В большом городе молодежные движения в совокупности создают чрезвычайно плотное и коммуникативно насыщенное социокультурное пространство, своего рода субкультурное поле. И городские подростки начиная уже с 12 - 14-летнего возраста оказываются включенными в это субкультурное поле в силу естественных и неизбежных контактов со сверстниками. Разумеется, далеко не каждый из них причисляет себя к тому или иному движению, однако и отказ от субкультурной самоидентификации есть акт сознательного выбора, требующий едва ли не большей степени сознательности, чем ее обретение. На тот или иной субкультурный путь подросток, как правило, попадает, ориентируясь на уже определившихся в этом отношении одноклассников, приятелей по

двору и т.д., а не на идеологическую программу движения. При этом он всегда в курсе альтернативных возможностей - уже хотя бы потому, что, войдя в то или иное сообщество, автоматически включается в систему отношений, существующих между данной субкультурой и другими, одновременно с презентационным текстом своего сообщества овладевает необходимым комплексом реноме остальных субкультур. Так, неофит-рэпер отлично знает, что ему следует драться с алисоманами и металлистами - оппонентами по части музыкальных пристрастий, остерегаться скинхедов и хулсов, которые стремятся избить его как апологета культуры "ниггеров", тусоваться с граффитчиками и экстремальщиками как с братьями по принадлежности к направлению хип-хоп.

Более того, владение общей "раскладкой" позволяет тинэйджерам большого города сознательно варьировать собственную идентификацию, последовательно и переменно примеряя одежды - как в переносном, так и в буквальном смысле - то одного, то другого молодежного движения. Одному из авторов этих строк привелось однажды слышать разговор двух подростков 12 - 13 лет, один из которых жаловался другому на свое "везение" во встречах с представителями враждебных групп и сетовал, что, какую бы субкультурно маркированную одежду он ни пробовал носить, на улице ему обязательно попадутся антагонисты, описывая эту ситуацию замечательной по своей выразительности формулой: "Когда рэпаком - тогда хулсы, когда хулсом - тогда рэпаки".

Двое наших информантов (панки) представили в качестве типичного такой путь субкультурных миграций:

- Есть такая схема: киноман, алисоман, панк, скинхед. То есть в свое время она была очень распространена. То есть человек сначала слушает рок. О! Цой! Нормальный пацан, вообще.

- Свой такой.

- Свой, и поет вот. Я вот тоже, я тоже такой, я тоже такой, но просто я не пою. Потом наслушался Цоя вот так вот, до крыши. Потом: а вот Кинчев, он прикольный. Он и хулиганистый такой, песни романтические. Буду я алисоманом. Стал алисоманом, вот одел это, красные шарфики, косухи, стрижки, как у Кинчева. Да, клево, клево. Насытился, ну. Все равно, как-то оно ограничивает.

- Рамочки есть.

- Рамочки есть. А вот панки, они вообще отвязные, у них вообще никаких рамок, они вот просто живут вообще без правил, такие злые, веселые, да.

- Живут как придется. Такие бродяги уличные, да.

- Прикольные, с ними интереснее. Стану я панком. Стал панком. Да нет, панки - они в грязи, а вот скинхеды - такие правильные, они сильные ребята, пацан сказал - пацан сделал. Они друг за друга постоят, не то что эти панки: что-то там наговорит и кинет (муж., 28 лет; жен., 20 лет).

Подобный путь может пройти и житель провинции: перемещения индивидуумов из одной субкультуры в другую в принципе возможны и в действительности происходят

стр. 59

езде. Но именно города столичного типа с существующим в них плотным социальным полем молодежной субкультуры задают общие параметры системы, в рамках которой такие миграции естественны.

Территориальные сообщества в провинции и селе. В подростково-молодежной среде современного провинциального города, как уже сказано, хорошо представлены территориальные сообщества. Так, в Тихвине, разделенном на микрорайоны, уличные компании подростков объединяются по районному принципу, и их противостояние составляет одну из основных доминант общегородского подросткового текста. "Это, короче, когда, например кто-то в каком-то микрорайоне кого-то избил - да, получается, что, мол, приходим, забиваем стрелку на столько-то, во столько-то идти. Потом фигак.

По типу того, что договариваемся, где там встречаться, приходит толпа" (муж., 17 лет) (подробнее см. Кулешов 2001: 261 - 264).

В старых городах современное неформальное районирование пространства часто совпадает с историческим, и вражда между территориальными группировками тинейджеров осмысливается как продолжение "дела отцов". Например, в городе Лодейное Поле противоборствуют два района, разделенных железнодорожным полотном: собственно Лодейное Поле и Манинское Поле:

"Раньше... у-у-у... Война была между городскими и манинскими.... Раньше было, чтобы парень девушку проводил на Манинское - он только провожал до середины моста вот переходного, дальше он не мог зайти. ... Он не мог зайти просто-напросто, иначе не выйти оттуда потом будет, если только выползти. ... Воевали просто, что Манинское с городом всегда воевало. Вот сейчас не знаю, почему не воюет, а раньше воевали всегда. У меня даже отец мне говорил, что они даже воевали. Не знаю, за что, но воюют всегда. А сейчас, видно, поколение новое пошло" (муж., 24 года).

В данном случае окраинный район города представляет из себя не что иное, как самостоятельное в прошлом село, административно включенное в городскую черту в период укрупнения районных центров, так что срывает еще и традиционное противостояние "городских" и "сельских". Ситуация довольно типична: такова же история районов Парахино в Окуловке, Погра и Ольховец в Подпорожье и т.п.

В некоторых городах действует уличный принцип локализации молодежных групп. Так, в упомянутом выше районе Манинское Поле компании складываются из подростков, проживающих на различных улицах: *"А у них там группировки свои, по улицам. ... Розы Люксембург, Рабочая, потом... Еще одна была. А городские тоже разделялись. Много их, группировок"* (муж., 24 года).

Сочетание в рамках одной городской традиции разных схем территориальной идентификации подростково-молодежных групп приводит к усложнению общей структуры сообщества местных тинейджеров и, соответственно, обогащает сюжетами фольклор героико-эпического характера. Например, отдельные противоборствующие группировки могут объединяться для "борьбы с общим врагом" (как это, кстати, часто происходит в среде идеологических сообществ). Характерна и показательна в этом отношении ситуация в молодежной среде г. Подпорожье, где реализованы практически все возможные модели локализации и противостояния территориальных сообществ.

"Как раньше, так и сейчас существует разделение по территориальному признаку. Раньше, во времена молодости наших родителей, враждовали сам город и Ольховец. В Ольховце был клуб речников, и многие девчонки гуляли с этими парнями. Парням из города это не нравилось, и возникали драки или "стенка на стенку" на реке Свирь, когда она замерзала. Сейчас такая вражда тоже существует, но она не так ярка. Также, насколько я помню, всегда существовала вражда внутри города - это разделение: центр - площадь и комса. В основном все гуляют с теми, кто рядом живет. А места, где все вместе собираются, например, на дискотеке, пытаются отметить граффити (например, надпись на кинотеатре "Космос" - КОМСА - через несколько дней обросла некоторыми дополнениями, та-

стр. 60

кими как КОМСА - КОЗЛЫ). Особо отличается район Погра - деревенской застройки. Тут уже площадь и комса объединяются против Погры. Последняя крупная драка была несколько лет назад около Братского кладбища, но в основном дрались средние классы школ. Если, например, спросить у десятилетнего мальчика: "Ты где живешь, в Погребе (вместо "в Погре")?" - тут же начнется драка" (самозапись, жен., 19 лет).

Кроме того, во многих небольших городах периодически формируются отдельные группы, отождествляющие себя и отождествляемые другими с тем или иным местом, но

претендующие при этом на автономию и особое место в общей структуре взаимоотношений городских молодежных группировок:

"Группировки: в Манинском поле я не знаю, как называется, у нас в Лодейном - там самая сильная считается володары. От названия улицы Володарского. ... То есть они, володары, они как бы обособленно все держатся, им не нужен как бы никто. Они там как самые сильные" (муж., 17 лет);

"Самая известная в городе тусовка - это "коты". Я не знаю, почему они так называются. Они ничем не отличаются от обычной молодежи. Тусуются они на Комсе ("кресты" - перекресток проспекта Ленина и улицы Комсомольской). Это почти центр города, они там встречаются и куда-нибудь уходят. Недавно посадили Артема, их лидера, за драку" (самозапись, жен., 20 лет).

* * *

По тому же территориальному принципу структурируется подростково-молодежная среда в крупных селах и поселках. Так, в с. Винницы враждуют подростки центральных улиц села и той его части, которая ближе к мосту через р. Оять:

"Раньше у нас в Винницах была "война" между центральными жителями села и теми, кто живет на окраине. Тех, кто живет на окраине, называли "мостовские" и говорили: "Ты тут не ходи, а ходи у себя там-то"; "Молодежь центра Винниц называется "центровыми". Есть еще "мостовские" - это тоже Винницы, но на удалении от центра. ... Бывает, что мостовского парня, встречающегося с девушкой из центра, бьют" (самозапись, жен., 18 лет).

В с. Боровенка существует противостояние молодежи с улиц Калининская и Красная Горка: *"Так-то здесь никого, ну, никто не тронет. Ну, только если туда сунуться, на Калининскую, - там могут, а здесь ничего не сделают"* (муж., 16 лет).

Помимо внутренней вражды двух группировок, ассоциирующих себя с разными частями одного поселка, локальный характер субкультурной самоидентификации сельских тинейджеров реализуется и в отношениях воинственного соперничества между близлежащими населенными пунктами. Такого рода конфликты становятся материалом эпических преданий, достаточно единообразных по общей сюжетной структуре.

"Месяц назад двоих из поселка избili в соседнем поселке, так наши все поехали туда и всю дискотеку от.. ли; но у нас с ними вражда постоянная. Не было еще ни одного случая, чтоб мы с ними не дрались" (самозапись, муж., 19 лет); "Из самых громких событий последних лет был приезд Никольских. Что они не поделили с Винницкими непонятно. Каждый говорит свое. Драка была большой. У Никольских разбомбили машину, а они отлавливали винницких по одному и били, требуя деньги за машину. Ходили сплетни, что Яшу подвесили за ноги и били битой" (самозапись, жен., 19 лет).

Здесь нужно заметить, что регулярные сельские драки между местными и чужими считаются занятием молодежным преимущественно, но не исключительно. Среди записанных нами рассказов немало свидетельств об участии в таких конфликтах взрослых мужчин, что вполне согласуется и с этнографическими свидетельствами XIX - начала XX в.

Реже и пока только в больших поселках фиксируется возникновение обособленных молодежных компаний, претендующих на лидерство (см. выше о лодейнопольских "володарах" и подпорожских "котах"). В тех же Винницах "уже несколько лет суще-

стр. 61

ствует группа подростков, о которых говорят. Они называются "Банда" или "Мафия". По сути, это ребята из трех следующих друг за другом классов. ... Внешне ребята из мафии отличаются только тем, что выглядят, как "пуп земли". Собираются местные бандиты около автовокзала, когда приходят автобусы, или у местного магазина "Рубин". Там деревянные скамеечки, на них сидят и пьют пиво, водку. Мафия недолго любит мостовских ..." (самозапись, жен., 19 лет).

Деревенская молодежная среда, в отличие от городской, исторически не имеет иного субкультурного опыта, кроме опыта территориальных сообществ. Именно эта модель продолжает непрерывно репродуцироваться. Некоторые поведенческие установки, принципы коммуникации, формы тендерной и возрастной регламентации отчетливо связывают современную молодежную деревенскую субкультуру с ее прошлым: например, дискотеки нередко подразделяются по возрастному признаку, что воспроизводит схему разграничения деревенских посиделок на "младшие" и "старшие", причем и самые формы нарушения этого установления подобны практиковавшимся прежде в деревне. Направление, в котором изменяются модели поведения сельских тинейджеров, можно свести к трюизму о влиянии города на деревню, но по большей части эти изменения носят стилистический характер: поведение деревенской молодежи копирует манеры, свойственные (или приписываемые) городским криминальным группировкам.

Идеологические сообщества в провинции. Из идеологических субкультур в провинции в большей степени представлены сообщества адептов того или иного музыкального направления, стиля или конкретного исполнителя: рэперы, рэйверы (кислотники), металлисты, киноманы, алисоманы и пр. Реже встречаются панки и скинхеды, в последнее время стали все чаще появляться графферы. Характеристика представителей сообществ в рассказах наших информантов, не причисляющих себя к какому-либо из них (что само по себе показательно), чаще всего выстраивается по следующим позициям: 1) музыкальное пристрастие, 2) одежда, 3) специфика поведения, 4) взаимоотношения между собой. При этом, в отличие от тинейджеров, живущих в крупных городах, их провинциальные сверстники часто имеют самые общие, достаточно нечеткие и фрагментарные представления о субкультурных стандартах: *"В середине сентября я наблюдала в магазине трех парней. Один из них был рэпером, общался так же, как двое остальных парней. Рэпером был Сергей. На нем одеты были: бандана, футболка с изображением какой-то группы (не заметила), куртка кожаная в заклепках"* (самозапись, жен., 18 лет). Рэпер, надевший клепаную куртку, - очевидный нонсенс, если не сказать оксюморон: рэперы и металлисты относятся к традиционно враждующим группировкам. И не столь важно, лодейнопольская рассказчица ошибочно причислила Сергея к рэперам, сам ли он "не до конца разобрался" в костюмном каноне своего сообщества - в любом случае, такой текст-путаница не мог бы возникнуть в мегаполисе.

Обратим внимание и на речевой оборот "наблюдала в магазине": по-видимому, явление разряженного "рэпера" - незаурядное событие для культурного опыта рассказчицы. В провинциальном городе, где общий социальный фон составляет гораздо более многочисленная "простая молодежь, которая тоже много беспредельничала, но к дьявольским группировкам не относилась", отдельные представители движений или группы неформалов - хорошо заметная редкость: *"По музыкальному принципу город особо не разделяется, существует лишь несколько небольших групп (по 5 - 6 чел.) - киноманов. Они раньше были более активными, но теперь после того как их лидер уехал в Питер учиться, они практически незаметны"* (самозапись, жен., 19 лет).

В этой связи видится вполне закономерной и распространенностью представлений, очевидно "мифологизирующих" образ той или иной субкультуры:

"Вспоминая те годы, когда я вступал в ряды молодежи, очень запомнились две группировки. Это сатанисты и киноманы. В то время только было и слышно о том, как в парке

стр. 62

резали собак и кошек. Было много случаев нападения на людей. ... По вступлению в группировку киноманов (они тусовались обычно в подвалах или лесу) нужно было выпить стакан мочи и съесть ложку говна" (самозапись, муж., 20 лет).

В провинциальном "субкультурном тексте" прослеживается интересная закономерность: говоря о существующих в городе молодежных движениях, информанты в абсолютном большинстве случаев называют два представленных сообщества:

"И в Северодвинске, когда я учился там в восьмом классе ..., там было из неформальных таких сообществ всего две группировки. Всего две. Ну, городок маленький, хочется противостоять. Всем хочется. Не быть же единым фронтом, не идти на Архангельск войной. Или там на Новодвинск. Зачем - можно разобраться внутри себя. Там были рэперы и металлисты. Все. При этом рэперы, это были люди, слушающие рэп, одевающиеся в широкие штаны и дурые кроссовки, дурые куртки и кепки, скрученные узеньким козыречком. Плеер в ушах, то есть такой рэпер идет: "Yo! Yo!" И металлисты. А металлисты - это вообще было ни то, ни сё и сбоку бантик, там были все остальные просто. То есть были рэперы и были все остальные, но все остальные просто назывались металлисты. Потому что там был только один магазин неформальный, и там продавался только рэп и металл. В общем-то, вся молодежь слушала или рэп, или металл ... Идешь... металлист рэпера... да-да: "Рэп - это кал!" - "А вы, металлюги, уроды!" И все. То есть все, все было абсолютно спокойно"" (муж., 18 лет).

Данный текст записан от бывшего жителя Северодвинска, несколько лет назад переехавшего в Петербург, в настоящее время принадлежащего к сообществу ролевиков и одновременно считающего себя панком. Временная и культурная дистанцированность от своего провинциального прошлого вкупе с субкультурным опытом и включенностью столичного жителя позволяет ему - в отличие от других рассказчиков - оценить разделение едва ли не всех школьников города на две субкультурные группировки как ситуацию чисто провинциальную. Заметим также, что, иронизируя, рассказчик, тем не менее, очень точно называет два предопределяющие эту ситуацию фактора: ограниченность информации ("только один магазин неформальный") и интенция противостояния. Одного сообщества недостаточно, два - таково число, минимально необходимое для выстраивания отношений между группами и, следовательно, для моделирования структуры молодежного субкультурного пространства, единого, но внутренне неоднородного.

Вполне закономерно, что если в небольшом городе появляются представители двух субкультур, то это, как правило, сообщества-антагонисты, между которыми сразу оформляются отношения противостояния. По-видимому, в среде провинциальной молодежи происходит естественный перенос хорошо освоенных моделей взаимодействия между территориальными (например, районными) группировками на новую для этой среды субкультурную ситуацию. Не случайно один из самых устойчивых моментов в рассказах о молодежных движениях в небольшом городе - указание на массовые драки ("масштабные разборки") между двумя враждующими идеологическими группами ("*Ну, вот сколько я учился в Сланцах в школе, по, ну, 300 человек были столкнувши около школы, так там около школы всё, валялись стёкла, там кастеты отбирали, дубинки*" - муж., 17 лет). Разумеется, драки между "неформалами" происходят и становятся предметом повествовательного фольклора и в крупных городах. Разница состоит в том, что в провинции, в отличие от мегаполиса, воинственное противостояние - не одна из многих, а единственная модель межгрупповых отношений в молодежной среде.

Вообще "разборки" между идеологическими сообществами в малом городе больше напоминают драки между районными или сельскими уличными "ватагами". Рассмотрим в этой связи один пример - продолжение цитированного выше рассказа о северодвинских рэперах и металлистах:

стр. 63

"Там летом, летом, - ну, когда Северная Двина, в общем-то, уже не скованная льдом, как обычно, там устраивалась замечательная драка. Там город, и кусочек - как у нас на Ваське, но там только один такой островок, остров Ягры называется. И там большущий

мост. Мост, он такой не изогнутый, а прямой абсолютно, и невысокий, в общем-то, но при этом очень удобный. Там по ночам сходились добрые друзья рэперы и металлисты друг с дружкой и устраивались замечательные побоища - просто так, то есть никаких разборок полетов до этого не было, никакого противостояния. Просто это был как праздник, там, День благодарения там или День независимости, - день драки. Туда все приходили просто, кто причислял себя к какой-либо из этих структур, и начиналась большущая потасовка, но потасовка была очень добрая" (муж., 18 лет).

Помимо таких показательных моментов этого рассказа, как специальное назначение встречи, сезонная приуроченность, отношение к массовой драке как к своего рода праздничному мероприятию, эпическая масштабность побоища при несколько "показном" его характере, - хочется особо отметить еще одну неслучайную, на наш взгляд, деталь: драка происходит на мосту. Мост - нейтральная территория между частями города или двумя селами, разделенными рекой, и именно мост регулярно служит местом побоищ между враждующими жителями двух берегов. Эта модель сама по себе чрезвычайно древняя и традиционная (вспомнить хотя бы баснословные драки между новгородцами Дворищенской и Софийской сторон на наплавном мосту через Волхов, отраженные в летописях и былинах о Василии Буслаеве) - и одновременно очень устойчивая. Таким образом, устраивая "потасовки" на мосту через Двину, северодвинские рэперы и металлисты по сути дела осуществляют наложение знаков, проецируя идеологическое противостояние адептов разных музыкальных направлений на более традиционную для провинциальной молодежной субкультуры территориальную сегментацию социального пространства.

Идеологические сообщества на селе. В крупных селах и поселках деревенского типа ситуация несколько иная: в них практически отсутствуют группы тинейджеров, причисляющих себя к тому или иному движению или тематическому сообществу и объединенных на основе этой идентификации, однако есть знание о существовании некоторых молодежных субкультур и набор представлений о них.

Малочисленность тинейджеров предопределяет узость круга, тесноту социального пространства: все они учатся в одной школе, ходят на дискотеки в один клуб, подчас составляют одну-две разновозрастные компании. Кроме того, отсутствие перспектив работы и учебы в деревне приводит к массовому оттоку подростков 14 - 17 лет - возраста наибольшей активности субкультурной жизнедеятельности. Кроме того, сельская молодежь получает информацию о городской жизни, в частности касающуюся и молодежных субкультурных движений, от уехавших учиться или работать в город сверстников, регулярно посещающих родное село в праздничные и каникулярные дни. Другой важный источник такой информации - дачники, приезжающие на лето целыми семьями. В некоторых селах число городских подростков в период летних каникул значительно превосходит число местных, и первые осуществляют эскалацию столичных культурных ценностей (мода, музыка, лексика, показатели престижности и т.п.) в деревенскую молодежную среду.

Следствием этого являются некоторая информированность сельских юношей и девушек о том, какие бывают и что из себя представляют различные молодежные движения (нередко весьма фрагментарная, соотнесенная с ситуацией в близлежащем городе), интерес к городской молодежной культуре и стремление связать свою самоидентификацию со знаками тех или иных ее направлений. Вместе с тем отсутствует социальный простор (что выражается формулами: "у нас все свои", "у нас все на виду" и т.п.), необходимый для формирования идеологически ориентированных групп и для реализации девиантных поведенческих установок. Если и возникает компания единомышленников, например, на основе музыкальных пристрастий, то их склонность к то-

му или иному направлению остается личным "увлечением", не приводя к формированию как таковой субкультурной группы. Поэтому чаще всего молодежные сообщества в сельской среде представлены персонально, штучно, одним или несколькими молодыми людьми, что никак не влияет на общую социокультурную конфигурацию этой среды. Приведем в качестве иллюстрации к сказанному выше несколько наиболее показательных, на наш взгляд, отрывков из беседы с группой тинейджеров села Новоселье:

Собиратель: У вас киноманы есть?

- Киноманов много у нас даже есть.

Собиратель: Есть киноманы?

- Есть. У нас как бы, ну как, киноманы, киноманы... Ну конечно, слушают другую музыку там какую-то.

Собиратель: Ну сами себя считают киноманами?

- Да: "Цой - это сила. "Кино" - круто".

Собиратель: И много?

- Ну, штук пять есть, наверно, четыре.

Собиратель: Они между собой общаются?

- Общаются, да. А если что-то про Цоя плохое скажешь - все, начинают морду бить.

Собиратель: А они ездят на могилу?

- Ну у них как бы возможности нет. Они с неблагополучных семей. Ну Жук да, Жук был на могиле (муж., 21 год; жен., 16 лет; жен., 17 лет).

Субкультурная идентичность и субкультурное поведение (представление о котором как о наборе определенных культурных практик - это видно из интервью - существует у сельской молодежи) в целом воспринимаются тинейджерами как нечто интересное, но достаточно далекое, имеющее мало отношения к деревенской повседневности, если и представленное в местной молодежной среде, то в смешном количестве и в ущербном, неполноценном виде:

Собиратель: А есть такие люди в Новоселье, которые себя считают рэперами?

- Вот рэпер.

- Я не рэпер, я рэйвер.

Собиратель: Рэйвер?

- Да какой он рэйвер? Если б он был рэйвер, он бы другую музыку не слушал, он бы фанател этим рэйвом. Он не такой уж и фанат.

- Если б он был рэйвером, он бы строился под рэйвера, ходил как рэйвер.

- Так я один...

- Может быть, я бы потом к тебе пристроилась, может быть, Маша. Ты должен был втягивать в рэйв, что это классная музыка. А так...

- Вас втягивать бесполезно.

Собиратель: То есть просто потому, что нет знакомых, да?

- Да, да. Раньше были-то, сейчас они уже уехали.

Собиратель: Поехали учиться, да? А раньше были кто - рэйверы?

- Да, у нас немного было, не очень.

- Четверо.

- Да раньше не знаю, ну вот там вот было шесть, семь, может, восемь.

Собиратель: Ну и вы как-то одевались, как рэйверам положено?

- Не, ну просто слушали музыку. Мы тогда еще не знали, что под такую музыку так одеваются.

Собиратель: А рэперов вообще нет и не было, да?

- Не, ну слушали в таком роде, но не одевались.

Вообще, в этой беседе периодически ощущалось некоторое стеснение и неуверенность говорящих при характеристике и различении субкультурных движений:

Собиратель: Так, хорошо, а скинхеды есть?

- Здесь, в Новоселье?

- Чирик, что ли?

стр. 65

- А, вот у нас новенький, новенький, да, вот он, по-моему, скинхед. Че-то я его вообще давно не видела, я его еще и ни разу не видела, между прочим.

- Панки приезжали.

- А, это не панки, вот это и есть скинхеды.

Собиратель: Да? А почему вы решили, что это панки?

- Вообще, скинхеды как считается... Вообще, я не знаю, я их и не видела. Но скинхеды считаются.

Собиратель: Так вот этот новенький - он кто?

- Даже не знаем.

Размытость и фрагментарность представлений о подростковых субкультурных сообществах у жителей тех населенных пунктов, в которых происходит интенсивное общение с приезжими городскими сверстниками, дает обратный эффект: субкультурная принадлежность индивидуума не воспринимается как нечто исключительное, требующее к себе особого отношения, возникает ощущение, что "все это мы видели". Приведем фрагмент записи, сделанной в Боровенке (село расположено в нескольких километрах от районного центра, к тому же непосредственно у железнодорожной линии Москва - Петербург, и потому каждое лето наводняется городскими, в том числе и столичными дачниками):

Собиратель: А рэперы и рэйверы здесь были когда-нибудь?

- Рэперы, конечно.

Собиратель: Рэперы были, рэйверов не было?

- Тут все есть, тут все было. Тут и скинхеды есть.

Собиратель: А как они все друг к другу относятся?

- Параллельно.

- Параллельно, да, до фени всем.

Собиратель: А что представляют из себя эти скинхеды?

- Слушают "Рамштайн", бритые головы, курят, пьют... (муж., 17 лет; муж., 18 лет).

Вторая часть этого небольшого диалога интересна тем, что, по мнению информантов, представители субкультурных движений относятся друг к другу "параллельно". Совокупность идеологических сообществ, таким образом, воспринимается не как единая система, но как дискретный ряд. И это главное, что отличает представление сельских тинейджеров о мире молодежных движений от представления, существующего у их городских сверстников. В этом плане весьма показателен ответ наших респондентов из Новоселья на прямой вопрос о причинах невосприимчивости сельской молодежной среды к субкультурным увлечениям города:

Собиратель: Почему же это сюда к вам не переносится, если все это есть?

- Ну, у нас там чего, все свои.

- Без разницы - хоть ты рэпер, хоть не рэпер, - без разницы.

Иными словами, теснота и ограниченность социального пространства (молодежи мало, все друг друга хорошо знают) не позволяет матрице субкультурного поля реализоваться в деревне даже в том минимальном виде, в котором это возможно в небольшом городе.

Территориальные сообщества в мегаполисе. Сказанное выше отнюдь не подразумевает того, что в крупных городах представлены исключительно субкультуры идеологического типа, а территориальный принцип формирования и функционирования подростково-молодежных сообществ полностью утратил актуальность. В мегаполисе существует весь реестр молодежных сообществ, включая и локальные. Последние

традиционно представляют собой группы молодежи, которые "закрепили" за собой некоторую часть городской территории (улицу, двор, квартал, район):

"Ну там, у нас в Петербурге по окраинам. По окраинам: Озерки как раз, Ленинский проспект. Малая Охта, значит, Проспект Большевиков. ... Ну там, Ленинский проспект - стр. 66

это Утюг, там такие названия, например, Монте-Карло, Вашингтон. Это Ленинский проспект тоже с ответвляющимися какими-то улицами. ...Они объединяются именно по признаку и по улице, то есть друг на друга все время там напрыгивают" (муж., 17 лет).

Обычно идентификационное обозначение такой группы в среде территориальных сообществ (если оно существует) традиционно связывается с городским топонимом - названием района, улицы и т.д. Представители же идеологических сообществ обозначают эту среду одним именем - "гопники", или "гопы" (ср. также собирательное - "гопа", "гопота"):

"Ну вообще в принципе гопники, определение гопникам - это люди, которые живут по подвалам, да, которые воруют алюминий, собственно говоря, продают его - вот это гопа, да. Ну еще гопники - люди, которые ходят, не знаю, дерутся там, чего-нибудь отбирают. Ну скажем, человек простой идет - они набегают, да, избивают его, чего-нибудь отбирают. Это гопники" (муж., 17 лет).

Два фактора, особенно проявившиеся в последние полтора-два десятилетия, определили значительное понижение статуса городских территориальных сообществ в молодежной среде мегаполиса. Во-первых, удельный вес данных сообществ значительно снизился, поскольку количество идеологических субкультур и число входящих в них тинейджеров увеличилось на порядок. Во-вторых, отсутствие какой-либо исповедуемой идеологии, вообще какого-либо осознанного группового кредо обусловило презрительное отношение к территориальным сообществам со стороны представителей сообществ идеологических: *"Не, ну понятно, что это есть такое дело: те, кто как-то по музыке или по каким-то другим причинам себя отделяет от другой компании, изначально этим отделением ставит себя выше, то есть "вы просто ходите, палками друг друга шпыняете, а мы за идеологию бьем"* (муж., 18 лет).

В свете сказанного представляется естественной заметная в последнее время миграция членов уличных группировок в идеологические субкультуры. Чаще всего "гопники" стремятся пополнить ряды футбольных хулигане. Только по результатам многочисленных выездов, "дерби", ряда акций, освоения хулиганской идеологии и атрибутики некоторые, наиболее достойные из них (иногда обозначаемые как "полугопники") попадают в команды хулсов или создают новые, пользующиеся у старых членов движения дурной славой:

"Не, ну как бы, скажем, вот Ленинский проспект, там большинство, скажем - одна гопа. Там есть и хулиганы, вот, скажем, те же "Cannibals", да, вот, ну, много там: "No Name" фирма там, молодая тоже фирма. Ну вот, в принципе, эти фирмы, чем они плохи - они молодежные, то есть сформированы самими гопниками" (муж., 17 лет).

В той же мере показательно, как понятие о "гопниках" используется при конструировании образа субкультуры скинхедов (сравнительный анализ этих сообществ см.: *Костерима* 2006). Хотя последние распространяют свою идею искоренения всего чуждого и наведения полного общественного порядка, в том числе и на уличные местные группировки, сопоставление самих скинхедов с "гопниками" у представителей других движений звучит особенно часто, можно даже сказать - является одним из общих мест в системе субкультурных реноме. При этом идеологизированности, "сознательности" одних регулярно противопоставляется стихийный, безрефлексивный характер действий других:

- ... То есть это (скинхеды. - *В. Г., М. Л.*) уже не гопники, которым просто не нравится внешний вид, они не могут даже сказать почему, то есть им это не нравится.

- Мне в прошлом году за внешний вид гопники ребра поломали.

- Да, но объяснить свою неприязнь они не могут. У них мозгов не хватает. А у скинхедов это все на идеологическую основу поставлено: вы позорите нашу нацию... (муж., 28 лет; жен., 20 лет).

стр. 67

Кроме того, сами скинхеды и адепты их движения по-своему осознают родство с "гопниками" и, борясь за чистоту своих рядов, именуют "гопниками" безразличную к идеологии, "несознательно" агрессивную часть своего состава:

"Сколько можно всяким гопам прикидываться скинами... .. надо в первую очередь убивать гопов наравне с хачами... У нас в России как такового нацизма нету. Есть единицы, которые действительно грамотные и которых я уважаю и ценю. А по большей части это гопы!!!!" (реплика на молодежном интернет-форуме)

Само слово "гопник" при этом наполняется новым смыслом, специфическим для бытования его в среде субкультурной молодежи: "гопники" - это непосвященные, простецы, если и примыкающие к тому или иному сообществу, то непременно профанирующие его идеологическую сущность в силу своей интеллектуальной и культурной несостоятельности.

Таким образом, территориальные уличные группировки молодежи, не имеющие общего самоназвания и не обладающие единым самосознанием, оказываются (прежде всего в больших городах) в ситуации, при которой они не могут существовать изолированно, игнорируя наличие развитой системы идеологических сообществ и продолжая структурировать актуальное для себя социальное пространство исходя исключительно из территориальных параметров. Поэтому они считают любых представителей мира "неформалов", наравне с враждебными локальными группировками, своими антагонистами ввиду их ощутимой инакости, а кроме того, сами становятся предметом уничижительного отношения и агрессии со стороны молодежных движений. На сайтах самых различных группировок - как в программных публикациях, так и в чатах - постоянно встречаются формулы: "Все гопники - козлы", а один из участников молодежного форума предлагает писать ему по электронному адресу: Мочи@гопника.ru.

Результат устойчивых оппонентских отношений между всей совокупностью идеологических сообществ и "гопниками" имеет двоякий характер. С одной стороны, локальные сообщества так или иначе включаются в единое поле подростково-молодежной среды, обретают собственное имя и тем самым как бы "уравниваются в правах" с иными субкультурами: *"Скинны лохи. Рокеры говноеды. Гопы лохи. Мы, рэперы, самые путевые чуваки на свете"* (реплика в молодежном интернет-форуме).

С другой стороны, если различные и многообразные идеологические молодежные движения, как уже было сказано, выстраивают друг с другом отношения сотрудничества/противоборства, образующие сложную и порой противоречивую систему, то "гопникам" противопоставляет себя весь конгломерат идеологических сообществ. Это своего рода каста неприкасаемых, и само слово "гопник" осознается как чрезвычайно обидная инвектива, которая может быть адресована и индивидууму, и целому сообществу. Таким образом, в среде молодежи мегаполиса, не относящей себя к той или иной территориальной группе, само понятие о таких группах становится негативной точкой отсчета социокультурной самоидентификации, и в противопоставлении локальным сообществам общая совокупность идеологических субкультур обретает большее сознание собственного единства.

* * *

Едва ли правомерно распространять наблюдения и соображения, изложенные в этой статье, на все пространство молодежной среды в России: наши материалы относятся к Северо-Западу, тогда как существование молодежных сообществ в других регионах, безусловно, имеет свою специфику. Вместе с тем при современном уровне развития

коммуникативных сетей наиболее общие тенденции, принимая локально специфичную форму, так или иначе неизбежно обретают общий характер.

Хочется подчеркнуть, что наши наблюдения не сводятся к простой и предсказуемой формуле:

стр. 68

в крупных городах возникают и наиболее полноценно функционируют объединения идеологического типа; в провинциальном городе они представлены меньше и более заметную роль играют традиционные уличные или районные группировки, а в селах и деревнях продолжают существовать почти исключительно территориальные сообщества. Действительно, чем крупнее и "столичнее" место, тем важнее для формирования молодежных сообществ ориентация на более или менее определенный набор идеологических постулатов и предписываемых ими поведенческих моделей и культурных практик; чем меньше и "периферийнее" - тем большую роль играет территориальный принцип и связанные с ним традиции взаимоотношений между группами. Однако такая схематическая проекция без учета суммы уточняющих нюансов, которые становятся очевидными лишь при анализе большого эмпирического материала, только в самых общих чертах отражает положение вещей. Чтобы приблизиться к более адекватному представлению, мы в своем исследовании попытались ответить главным образом на три вопроса: 1) в чем состоят конкретные различия в степени и формах представленности локальных и идеологических групп в населенных пунктах разного типа и разной величины, 2) каким образом доминирование одного из названных типов молодежных сообществ влияет на функционирование сообществ другого типа и на специфику конструирования молодежью субкультурных идентичностей и 3) каковы модели и предпочтительные практики их (субкультур различных типов) взаимодействия - реального и воображаемого - в мегаполисе, провинциальном городе и в деревне? Наблюдения и соображения, которыми мы поделились в настоящей статье, - только начало работы в этом направлении. Ее необходимо продолжать, тем более что любая социокультурная реальность динамически изменчива, и не в последнюю очередь это касается молодежных субкультур.

Литература

Бернштам 1988 - *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.

Костерина 2006 - *Костерина И. В.* Скинхеды и гопники: разные лики агрессивной маскулинности // Конструирование маскулинности на Западе и в России: Межвузовский сб. науч. -метод. матер. Иваново, 2006. С. 21 - 36.

Кулешов 2001 - *Кулешов Е. В.* Презентация маскулинности в подростковой субкультуре // Мифология и повседневность: Тендерный подход в антропологических дисциплинах: Матер. науч. конф. 19 - 21 февраля 2001 г. / Сост. К. А. Богданов и А. А. Панченко. СПб., 2001. С. 260 - 271.

Кутьина и др. 2002 - *Кутьина А. А., Лукс Г. А., Матвеева А. А.* Неформальные объединения молодежи на рубеже тысячелетий. Самара, 2002.

Морозов 1997 - *Морозов И. А.* Драки // Духовная культура северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 108 - 116.

Пирожков 1994 - *Пирожков В. Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994.

Прокументов 1993 - *Прокументов Л. М.* Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993.

стр. 70

ВВЕДЕНИЕ

Статья касается процессов, происходящих в современных обществах и городах и затрагивающих такое социально-пространственное явление, как "публичные пространства". Мы постараемся показать, с какими проблемами сталкиваются публичные пространства в городах, а также - с какими проблемами сталкиваются социальные ученые, пытающиеся понять и концептуализировать происходящие процессы, дать им определение. Речь, в частности, пойдет о том, что традиционно принятые в социальных науках определения и способы понимать и мыслить публичные пространства городов оказываются сегодня не вполне актуальными и адекватными.

На наш взгляд, поводом для пессимизма среди социальных ученых и интеллектуалов в отношении городских публичных пространств часто служит ослабление интенсивности конкретных форм общественной жизни, исчезновение отдельных видов социальной деятельности, подходящих под классические определения публичности. При этом реальные процессы, происходящие в городах, в том числе появление новых социальных форм, остаются без внимания и должного непредвзятого анализа. Другими словами, часто наблюдатели, вооруженные устаревшими критериями для идентификации "настоящих" публичных пространств, ищут проявления публичной жизни и городские публичные пространства "не там" - и потому приходят к выводу, что их нет. Вероятно, нужно искать новые способы помыслить публичную жизнь в городах; нужны новое определение, новое видение, новое понимание недавних социальных процессов и критерии, позволяющие видеть новые публичные пространства.

В данной статье речь пойдет о двух феноменах, оказывающих важное влияние на трансформацию социальной жизни городов. Это возрастающая мобильность и то, что мы назвали "злоупотреблением публичностью". Оба явления давно замечены и описаны социальными учеными. Однако авторы, подробно описывавшие последствия этих явлений для жизни общества и связанные с ними неизбежные трансформации современных городов, практически ничего не писали о том, какие последствия эти процессы имеют для понимания и функционирования именно *публичных пространств*. Этот сюжет и будет рассматриваться в статье.

ПУБЛИЧНОСТЬ И "ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА"

Существует несколько различных подходов к пониманию публичности. Характерно, что в рамках этих подходов "публичное" может пониматься совершенно по-разному, поскольку само определение этого понятия, как правило, основывается на наборе бинарных оппозиций.

стр. 419

Так, *либеральная теория* противопоставляет "публичное" государственному и отождествляет публичную сферу со свободными гражданами и их свободной экономической деятельностью. Для классических либералов XIX века и неолибералов публичная сфера является неподконтрольной государству - иными словами, речь идет о рынке.

Для *социал-демократов* и других "левых" рынок - главный враг публичной сферы, потому что экономические интересы - всегда частные, а публичное - это, по определению, то, что выходит за рамки частного; публичная сфера опирается на мышление, способное подняться над частными интересами и озаботиться общим благом. Поэтому борьба за публичную сферу и публичное пространство - это стремление вывести их за рамки

¹⁵ Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и "злоупотребление публичностью" // Новое литературное обозрение. 2012. №5. С. 419-439.

контроля, осуществляемого частными лицами - бизнесом и корпоративными структурами [Weintraub 1997].

Для *феминистских подходов* "разговоры мужчин" о публичности представляют собой не что иное, как пример доминирования маскулинного дискурса и последовательного исключения женщин из понимания "публичности" - будь то античность, где женщины не считались гражданами, или Новое время, где в кофейнях и чайных домах общественные проблемы обсуждали исключительно мужчины. Женщины оказываются принципиально исключены из публичной сферы, потому что пространство, где они вынуждены находиться, - это, по определению (данному мужчинами), "частная сфера" [Pateman 1989; Weintraub 1997].

Иными словами, единого понимания и определения публичности фактически не существует, что сильно осложняет любую дискуссию по этому вопросу. Тем не менее можно, вероятно, говорить о том, что в конце XX и начале XXI вв. в социальных науках сложился относительный консенсус относительно понимания "публичной сферы", который можно считать "мейнстримом". Но даже здесь обнаруживаются два "течения", делающие акценты на разных сторонах публичной жизни.

Первый из этих подходов понимает публичность как пространство встреч свободных граждан и выработки ими - на основе свободной и определенным образом организованной коммуникации - точки/точек зрения на некоторые общие вопросы жизни общества, не касающиеся их частных интересов. Этот подход ассоциируется с именами Ханны Арендт и Юргена Хабермаса (хотя иногда их также рассматривают как два различных подхода) [Arendt 1958; Habermas 1989; Sennett 2010; Weintraub 1997].

Второй распространенный подход к пониманию публичной сферы рассматривает публичность как "социабельность" (sociability) - способность к осуществлению социального взаимодействия, социальной жизни. Эта традиция понимает публичную сферу как пространство, где имеют место "множественные незапланированные взаимодействия", где незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга. Этот подход связывают обычно с именем Ричарда Сеннета, а он сам ссылается на драматургическую социологию Ирвинга Гофмана как на источник собственного понимания публичности [Sennett 2010].

Таким образом, первый из этих подходов в большей степени связывает публичную сферу с политикой и выработкой политических решений; второй подход скорее культурный и акцентирует возможность и способы свободного взаимодействия между незнакомыми людьми.

Для каждого из этих подходов к пониманию публичности характерны свои *пространственные корреляты*. Первый подход в меньшей степени интересу-

стр. 420

ется *физическим* пространством. Для Юргена Хабермаса важно любое пространство, где могут иметь место публичные дебаты. Скажем, пространства газет и медиа в целом являются для него очевидными публичными пространствами. Также хорошо известно, что в качестве такового Хабермас рассматривает кафе и чайные дома в европейских городах XVIII и XIX вв., где рождались публичные дебаты, а свободные граждане-буржуа формировали свое отношение к общественным вопросам.

Для Ханны Арендт идеальным публичным пространством является античная греческая агора или римский форум, то есть именно городские площади, где собирались граждане полиса для обсуждения общественных вопросов, философствования, дискуссий и предьявления себя другим гражданам.

Подход Ричарда Сеннета также связан с пространством. Этот подход в первую очередь касается именно городского образа жизни, потому что именно в городе граждане могут встречать незнакомых им людей, присутствовать и взаимодействовать с ними. Говоря о публичных пространствах в рамках этого подхода, обычно имеют в виду

площади, парки, улицы и т.п. Тем не менее, как отмечает сам Сеннет, форма здесь вторична, поскольку самая важная характеристика городского публичного пространства - это то, что в нем происходит:

Традиционно это место, которое может быть определено в терминах физической территории, вот почему дискуссия о публичном пространстве, опять же традиционно, связана с городами; публичная сфера может проявляться на площадях, главных улицах, в театрах, кафе, лекционных залах, ансамблях правительственных зданий или биржах - везде, где можно встретить незнакомца. <...> Но самое важное, что характеризует публичную сферу, - это что в ней происходит. И это - собрание незнакомцев, которое делает возможным определенные виды активности, которые нельзя себе представить или нельзя реализовать в приватной сфере [Sennett 2010: 260].

Таким образом, если мы посмотрим на эти доминирующие подходы, мы увидим, что их объединяет ряд общих черт в понимании того, что такое публичная сфера и публичное пространство. Опираясь на эту традицию, Шарон Зукин [Zukin 1995] попыталась сформулировать основные критерии публичного пространства. По ее мнению, оно характеризуется: (1) общественным управлением, (2) свободным доступом для всех, а также (3) тем, что в его рамках множество людей устремлено к общественным (не частным) целям [Zukin 1995: 32-38].

Эта наиболее распространенная (не только в среде социальных ученых) сегодня версия понимания публичного пространства имплицитно подразумевает еще два момента: во-первых, принципиальное определение публичного именно через противопоставление приватному (на уровне представленности интересов, владения и управления пространством и др.) и, во-вторых, важность наличия в публичном пространстве возможности для коммуникации между собравшимися и самой коммуникации.

Эти основные черты, характерные для конвенционального понимания публичного пространства, все реже могут быть обнаружены в жизни современного города, который подвергается воздействию со стороны некоторых тенденций, характерных для эпохи позднего модерна или постмодерна. В этом утверждении нет ничего оригинального. Основной вопрос, однако, заключается в том, что это означает для ученых, какие выводы на этом основании должны быть сделаны. Должны ли мы ориентироваться на классические определения и характеристики публичного пространства и признать, что в реаль-

стр. 421

ной жизни для них обнаруживается все меньше соответствий и, значит, мы безвозвратно теряем публичную сферу городов? Или мы должны переопределить публичную сферу и публичное пространство города? Но на чем тогда мы должны основываться?

Ниже мы постараемся показать, что классические определения публичного пространства подвергаются эрозии и входят в противоречие с реалиями жизни городов. Наш тезис заключается в необходимости выработать новые критерии и исследовать реалии урбанистической жизни, вместо того чтобы сожалеть о безвозвратно уходящем веке городских общественных пространств, безжалостно приватизируемых и уничтожаемых.

Процессов, меняющих как привычные способы понимания городов, так и их реальную жизнь, множество. Мы сосредоточимся здесь на двух, наиболее сильно влияющих, на наш взгляд, именно на пространственные изменения в городах, и на изменения общественных пространств в частности.

Применительно к основным критериям "традиционного" публичного пространства речь пойдет о *мобильности* как процессе, препятствующем реализации функции собраний и коммуникации в публичных местах. Далее, вопреки возможным ожиданиям и доминирующему среди интеллектуалов дискурсу, мы будем говорить не о приватизации

публичных пространств, но об обратном процессе. Наиболее известная и чаще всего звучащая критика адресована сегодня тотальной коммерциализации и присвоению публичных пространств частными лицами - бизнесом, корпорациями, которые превращают общественные городские пространства в источник извлечения прибыли и редуцируют публичную жизнь до потребления [Zukin 1995: 35-37]. Не оспаривая справедливости этого тезиса, мы бы хотели сосредоточить свое внимание на другом, гораздо реже обсуждаемом аспекте: на "*злоупотреблении ценностями публичности*", которые гипертрофируются и неоправданно жестко и догматично противопоставляются "приватности" в любых ее проявлениях - частным интересам, инициативам, активностям и т.п. На наш взгляд, это ведет к "обезжизниванию" публичных пространств и предотвращению свободного доступа к ним для всех желающих. Публичные пространства наших городов празднуют пиррову победу: публичность победила в войне с "приватностью", публичные пространства тщательно охраняются от любых частных посягательств на них - и потому стоят пустые и мертвые. Но означает ли все это, что у нас отсутствует публичная жизнь? Или она принимает иные формы?

ПУБЛИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И МОБИЛЬНОСТЬ

Не только у Х. Арендт или Ю. Хабермаса, но и у Р. Сеннета, связывающего публичную жизнь с социальностью и возможностью взаимодействия для незнакомых людей, речь идет прежде всего о собрании (*gathering*) людей в каком-то пространстве или месте. Таким образом, в нашем привычном понимании, публичное место - это такое место, где люди собираются и находятся вместе какое-то время. Этот паттерн сегодня подвергается регулярным вызовам со стороны реальной жизни городов и горожан.

Место теряет значение

В последние десятилетия мы видим, как "статичность", потребность собираться и быть *в/месте* постепенно теряет актуальность, уступая иному формату пространственной активности горожан.

стр. 422

Изначально восприятие пространства человеком связано с восприятием им самого себя, своего тела - именно поэтому философы и антропологи полагают, что понятие места как конкретной точки первично для человека в сравнении с понятием пространства как более абстрактным [Low 2009: 22; Agnew 2004: 2]. Так или иначе, "место" и "пространство" воспринимаются человеком на уровне "обыденной установки" как взаимосвязанные друг с другом и имеющие общую причину в том, что человек ощущает себя как физическое тело, способное к нахождению и перемещению. Неудивительно, что характерное для XX века расширение способностей человека, связанных *сперемещением в пространстве*, меняет и его восприятие *места*.

С одной стороны, может показаться, что, хотя дискурс об идентификации "места" через другие, "внешние" для него места, пространства и отношения становится слышен только в последние десятилетия XX века, новым здесь является не столько сам феномен, сколько его осознание, способность посмотреть на собственное восприятие места с неожиданной перспективы. Вспомните хорошо известную поговорку "Хорошо там, где нас нет". Что это, как не определение одного "места", во-первых, через другое, а во-вторых, в категориях не сугубо пространственных, но через человека и его отношение к точке в пространстве, то есть через социальные отношения. Масси пишет о том, что идентичность Европы, например, всегда строилась, с одной стороны, на ее роли в глобальных процессах торговли или войны и ее месте в потоках - людей и товаров, с другой стороны, на противопоставлении ее другим частям света, другим территориям - колониям, Востоку, исламскому миру и другим, однако это далеко не всегда становилось предметом рефлексии и признания:

Принято искать характер Европы *внутри*, отрицая ее всегда существовавшие внешние связи - игнорируя факт конструирования локального характера Европы через ее

постоянные ассоциации с глобальным, будь то многочисленные вторжения с Востока в далеком прошлом, изначальная связь меркантилизма с империализмом (от Китайского моря до Северной Америки и Карибских островов) или физическое присутствие "этнических меньшинств" внутри ее границ сегодня. Если в рамках этого подхода к определению места "внешний мир" и признается значимым, то скорее в рамках негативных оппозиций (это не исламское место, не часть исламского мира), чем в контексте позитивных взаимоотношений [Massey 1995: 189].

С другой стороны, некоторые качественные изменения в отношениях между человеком и пространством определенно имели место в послевоенный период - как в смысле объективном физическом, так и в смысле субъективного ощущения.

Достаточно взглянуть на цифры, чтобы увидеть тенденцию, которая стоит за трансформацией восприятия человеком физического пространства. Подробная и регулярная статистика, которая есть сейчас под рукой, начинается с послевоенного времени, и еще более подробная - с 1970-х гг. (например, статистика Всемирного банка).

Так, статистика туризма, которая ведется Всемирной туристской организацией (UNWTO) с 1950 г., говорит о следующем:

- в 1950 г. в мире насчитывалось около 25 млн. туристических поездок;
- в 1965 г. это число перевалило за 100 млн.;
- ожидается, что в 2012 г. это число преодолет отметку в 1 млрд. [Tourism 2020 Vision 2000: 9; Annual Report 2011: 6-8] - число, сопоставимое со 100 % так называемого "золотого миллиарда", чьи представители в основном и пользуются благами мобильности (хотя, безусловно, не все).

стр. 423

Что касается авиаперелетов - средства, способного доставить человека за считанные часы в точку, на попадание в которую раньше требовались дни, недели и месяцы, что лишало смысла саму идею когда-то в этой точке оказаться:

- в 1970 г. во всем мире авиатранспорт перевез 310 млн. человек, из них 173 млн. - в Северной Америке, в современных границах ЕС - 63 млн.;
- в 1980 г. - 642 млн. в мире, 318 млн. в США и 120 млн. в Европе;
- в 1990 г. авиатранспорт перевез более миллиарда человек - на тот момент это 1/5 населения земного шара;
- наконец, в 2010 г. это 2,6 млрд. человек, число, сопоставимое с 30 % населения планеты¹.

Другой мощный источник трансформации восприятия пространства человеком - информационные технологии. Если взглянуть на распространение таких технологий, как телефон и телевидение, позволяющих людям, находящимся в одной точке пространства, находиться одновременно - за счет органов чувств (слуха и зрения) - в другой его точке, за десятки и сотни тысяч километров, то картина будет похожей: прорыв в 1950-1960-е гг., массовость в 1970-1980-е и качественный скачок в 1990-2000-е.

В США взрывной рост числа телевизоров приходится на первую половину 1950-х гг.:

- в 1950 г. - 26 телевизоров на 1000 человек; - в 1955 г. - уже 218!

В Великобритании "бум" также начался в первой половине 1950-х гг., во Франции, Германии, Японии - во второй половине 1950-х гг.: в 1970 г. телевизор есть практически в каждой семье Великобритании, Германии и США. Франция и Япония чуть отстают.

Что касается телефонной связи:

- в 1928 г. в США на 100 человек было 16 абонентов (в Великобритании - 4);
- к 1970 г. телефон есть у каждого второго жителя США и у каждого четвертого в Великобритании, ФРГ и Японии;
- в 1950 г. был проложен первый трансатлантический телефонный канал между США и Европой, способный обслуживать одновременно 36 разговоров;

- в 1976 г. этих каналов было уже шесть, а число доступных разговоров за единицу времени - 4000;
- в 1988 г. был проложен первый оптоволоконный канал, способный обслуживать 40 000 разговоров одновременно;
- в 1998 г. новая кабель позволил вести 1,6 млн. разговоров [Stalder 2001];
- и уже с 1980-х гг. стало доступно соединение через спутники, обеспечивавшие сотовую связь, которой сегодня пользуется 75 % населения земного шара - 6 млрд. человек [Information and Communications 2012: XI];
- в 2003 г. появилась бесплатная и доступная всем пользователям компьютера и Интернета технология компании "Skype", дополнившая аудиальный вызов пространству визуальным; сегодня не только видеоконференции людей, находящихся в разных частях света, но и "вечеринки по "Skype"" - не редкость.

Что все это означает? То, что сегодня, когда вы, сидя в кафе в центре Петербурга, звоните по "Skype" в колл-центр авиакомпании, чтобы изменить детали брони вашего рейса Амстердам-Бостон на следующей неделе, вы не

¹ http://data.worldbank.org/indicator/IS.AIR.PSGR7order?wbapi_data_value_2010+wbapi_data_value+wbapi_data_value-last&sort=asc.
стр. 424

можете быть уверены в том, что ваш оператор не находится в эту минуту на Сейшельских островах, но на качестве общения это никак не сказывается. И главное: самое важное, что есть в этой коммуникации, - детали вашего перелета из Амстердама в Бостон - не имеет отношения ни к тому, где находится кафе, в котором вы в данный момент сидите, ни к местонахождению колл-центра, где сидит ваш оператор.

Такие изменения неизбежно породили изменение в восприятии человеком пространства, себя, своего места в этом пространстве и "места" как такового. Возможность быть "здесь", в конкретном месте, и одновременно еще где-то - при помощи органов слуха и зрения и сознания - перестала считаться аномалией. В ситуации, когда "самое важное" для человека в данную секунду происходит не в той точке пространства, где находится его тело, и он при этом является полноправным участником происходящего (об этом говорят органы чувств: глаза, уши, - сознание и эмоции), - в этой ситуации "место" в пространстве постепенно переставало восприниматься как нечто статичное, фиксированное, всегда и обязательно обладающее собственной идентичностью. Возникло ощущение, что существуют места, смысл которых находится вне их самих, места, которые существуют потому, что связаны с другими местами.

Во второй половине XX века само понятие "*место*" все чаще определяется не в категориях аутентичности, не через то, чем оно обладает, что ему принадлежит неизменно, а через те *потоки и движения, которые оно через себя пропускает*. Место (*place**) становится ориентированным не внутрь, на себя, а вовне - оно конституируется через свое отношение к другим местам; через то, что в нем *происходит*; через его позицию в *сети* (то есть в отношении других мест, находящихся не здесь, а где-то еще) и через *движение*, которое эти места связывает (движение людей, информации, товаров, денег, культурных образцов и другого) [Massey 1994; 2005]. Ученые отмечают, что пространство все больше конституируется не в категориях "места", а в категориях "потоков", движения. Мануэль Кастельс предложил в этой связи категорию "пространство потоков" (*space of flows*) [Castells 1996; 1998].

Первоначально эти изменения в отношении человека к конкретному месту воспринимаются многими как катастрофа. Философы начинают говорить о конце "места", о его смерти. В 1976 г. Эдвард Рэльф [Relph 1976], употребляя понятие "*placeless*" (букв.: "безместность"), писал о потере местом своей аутентичности; о том, что места в городе становятся "*other-directed places*" (то есть "местами, направленными на другие места").

Места, пишет он, существуют и имеют смысл постольку, поскольку связывают друг с другом другие места, принимают людей, движущихся из одного места в другое. Марк Оже ввел термин "не-места" (*non-places*), подразумевающий примерно то же самое - нигде не укорененные места, связанные с мобильностью и путешествиями, не имеющими аутентичности и собственного смысла и истории, отношений и идентичности [Auge 1995: 75-76]. Сегодня "non-places" - это не только вокзалы или аэропорты; это также улицы и площади городов, пустыри, транзитные территории и глобальные места шопинга, вроде торгово-развлекательных комплексов, неотличимые одно от другого, - это пространства, чье количество и чья роль в жизни городского жителя неуклонно росли на протяжении последних пяти-шести десятилетий (доля горожан среди населения также неуклонно росла на протяжении всего XX века, достигнув в 1990-е гг. в "развитых странах" 70-80 %). Иными словами, образ жизни современного горожанина в значительной степени проходит в "не-местах" в традиционном понимании этого термина.

стр. 425

Не все авторы сожалеют о потере человечеством "места" в городах во второй половине XX века в связи с возрастающей мобильностью. Сторонники оптимистической точки зрения акцентируют тот факт, что мобильность означает также "космополитичное бытие", где удовольствие от путешествия связано не только с возможностью попасть в какое-то место, но и с возможностью не находиться в каком-то месте, не быть к нему привязанным, не ассоциироваться с ним, всегда иметь возможность его покинуть, указать на свою связь с *другим* местом. Ценность этого "другого места" заключается не в его конкретности и важности для человека (воспоминания, дела, отношения и т.п.), но в том, что это место другое - не здесь, вовне [Chambers 1990: 57- 58; Bauman 1998].

В любом случае представители обеих традиций признают упадок значения места в классическом понимании и его роли в городской жизни. Люди *все реже собираются* в городе в тех или иных местах и пространствах: вместо этого они *движутся* через них или находятся там короткое время. Часто именно статичное и продолжительное присутствие в каком-то месте города связано с одиночеством и вынужденным временным характером происходящего: люди находятся там в ожидании встречи с теми, с кем они затем двинутся дальше². Продолжительное нахождение горожан в конкретной точке пространства оказывается не самоцелью, но вынужденной остановкой, средством, позволяющим продолжить путь. Движение становится нормой; статичность, длительное нахождение в пространстве или месте - исключением.

Индивидуализация, "легкие люди" и псевдопубличные пространства

Еще одной из угроз публичной жизни городов представляется растущая *индивидуализация*, связанная с мобильностью. Общество атомизируется, социальные связи ослабевают, переставая удерживать людей, придавая образу жизни ощущение "легкости". Не случайно способность к "легкости" (*light*) стала популярным рекламным слоганом последних десятилетий: как известно, рекламные компании уже давно продают не товар, а образ жизни. Образ жизни в стиле "light" начиная с 1990-х гг. XX века пользуется большой популярностью. Горожане движутся как легкие атомы - по жизни и в пространстве.

² В ходе исследования городских площадей в нескольких городах Европы мы наблюдали Сенную площадь в Санкт-Петербурге. Исследование показало, что эта площадь сегодня может восприниматься как типичное транзитное пространство: основная причина, по которой горожане задерживаются на ней (если они там не работают), - это встреча у выхода из станции метро, с тем чтобы отправиться затем дальше - по магазинам, в кинотеатр ТРК "ПИК" и т.п. Исследования в других городах Европы показали, что исключением из этого правила является либо некий ритуал, исполняемый на определенной городской площади (так, в Манчестере клерки окружающую площадь

Пикадилли офисов традиционно обедают на ее лужайках бутербродами, купленными в ближайшем супермаркете), либо "присвоение" площади определенными социальными или субкультурными группами горожан (например, площади Кафедральных садов в том же Манчестере, на которой местная молодежь катается на скейтах и просто проводит время). К проблеме "оккупации" определенных городских пространств конкретными группами горожан мы вернемся ниже.

стр. 426

Главное преимущество (поздней) современности - быть мобильным, свободным от связей, "легким", подвижным индивидом [Bauman 2000; 2001].

Как следствие - исчезает потребность в том самом "общественном интересе", который, согласно классической точке зрения, и является основой происходящего в публичной сфере. Все реже в повседневной жизни кому-либо хочется подниматься над своими индивидуальными интересами; общее благо и т.п. абстракции интересуют спешащих по своим делам горожан все меньше. Вместо этого мы все чаще наблюдаем, как реализуются конкретные частные либо групповые интересы индивидов, на какое-то время совпадающие с интересами других индивидов и групп. Но это скорее "общие интересы", которые по сути - не то же самое, что "общественные" (*common concerns vs. public concerns*). Закономерным образом "общественные" пространства постепенно заменяются в городах просто "общими"³.

Ричард Сеннет [Сеннет 2002] и вслед за ним Зигмунт Бауман [Бауман 2008] описывают два типа пространств, которые существуют и доминируют в современных городах и которые, не являясь приватными или приватизированными (и в этом смысле - номинально являясь общественными), в действительности лишены важного для общественного пространства качества - публичной культуры. Эти пространства не стимулируют возникновение культуры общения и взаимодействия людей, "социальной корректности" (*civility*) которая конституирует общественную сферу и городскую среду [Сеннет 2002:299], а препятствуют ему. Это, во-первых, неприветливые, "высокомерные" пространства, в которых некомфортно находиться, - как пример Бауман приводит La Defense в Париже, и, во-вторых, пространства потребления [Бауман 2008: 105-106], создающие иллюзию общности и сродства, принимаемых на веру, которые в свою очередь избавляют от потребности во взаимодействии и общении: "...потребители часто пользуются общими физическими пространствами сферы потребления, такими как концертные или выставочные залы, туристские курорты, места для занятий спортом, торговые пассажи и кафетерии, не вступая ни в какие фактические взаимодействия" [Uusitalo 1998: 221].

По всей видимости, можно говорить о том, что наши города пережили переход от доминирования псевдопубличных пространств первого типа - негостеприимных, не вызывающих желания задерживаться, к доминированию псевдопубличных пространств второго типа - потребительских. В этой связи любопытно посмотреть на трансформацию советских и затем российских городов в последние несколько десятилетий.

В советских городах общественные пространства были представлены двумя основными типами: а) территориями (площадями) вокруг официальных зданий правительства города и партийных органов (горисполкомы, горкомы и райкомы партии и т.п.); б) центральными площадями, предназначенными для проведения официальных парадов (в не самых больших городах СССР эти пространства чаще совпадали). Вряд ли кто-то станет спорить с тем, что эти пространства характеризовались известным "высокомерием", их посетители испытывали острое чувство дискомфорта [Engel 2007: 288]. Третий тип советских городских общественных пространств был в этой ситуации настоя-

³ В русском языке *понятие public*, как правило, переводится и понимается как "общественное", что слишком близко по смыслу, грамматике и фонетике к "общему" (common). О роли грамматики и адекватном "культурном переводе" понятия *public* на русский язык см. также: Волков 1997.

стр. 427

щей отдушиной, поскольку практически не был связан с контролем со стороны власти: речь идет о спроектированных, но относительно свободных общественных парках, таких как ЦПКиО, о спонтанных общественных пространствах вроде городских пляжей. Этот тип пространств был хотя и не окончательно лишен идеологии, но в значительной степени деполитизирован и позволял неподконтрольные властям социальные интеракции, спонтанную социальность.

Постсоветский период наполнил российские города новым типом псевдообщественных пространств - пространствами потребления [Желнина 2011]. Сперва спонтанные, затем все более организованные и растущие в размерах, они стали основной альтернативой приватным пространствам квартир или частных офисов, что ввело многих в заблуждение, заставив предположить, что, раз эти пространства - не приватные, значит, они - публичные. В действительности как не были общественными "открытые" пространства советских городов, так и современные пространства потребления скорее "общие", нежели общественные, поскольку не создают условий для взаимодействия, игры, общения:

Такие пространства поощряют действие, а не взаимодействие. <...> Любое взаимодействие между людьми <...> удерживало бы их от поступков, которыми они заняты индивидуально, и могло бы быть помехой, а не дополнением для того и другого. Оно ничего не добавило бы к удовольствиям от покупок товаров и при этом отвлекло бы разум и тело от решения непосредственной задачи [Бауман 2008:106].

Пространство потребления - территория изолированных индивидуумов, "пространство добровольного ограничения городского опыта в пользу безопасности и комфорта, относительной гомогенности среднего класса" [Желнина 2011: 67] и ложного ощущения общности, которое и вводит в заблуждение относительно их "общественности" [Бауман 2008: 109]. Как пишет Сеннет, общество уже давно находится в ловушке наивных попыток решить проблему отчуждения и гипериндивидуализации людей, спровоцированную капитализмом, за счет создания локальных сообществ и однородных сред. Для Сеннета это - "восхваление идеи гетто", в котором "утрачена идея того, что люди развиваются только в процессе столкновения с незнакомым" [Сеннет 2002: 337]. На Западе самой популярной закрытой псевдообщностью индивидов стал так называемый "средний класс", вставший в авангарде геттоизации и сегрегации городского пространства ради "фальшивого переживания" разделенной идентичности, предполагающей взаимное безразличие в духе "нет необходимости в переговорах, так как у всех нас одна и та же точка зрения" [Бауман 2008: 109]. И в сегодняшней России выражение "средний класс" для многих людей превращается из заимствованного научного термина в способ если не самоощущения, то самоописания. Однако наложение классовой модели (и в западных обществах переживающей не лучшие времена) на постсоветские реалии привело к тому, что для многих оказалось довольно сложно соотнести себя с классом как разновидностью общности. В итоге извечная дилемма общества и индивида [Элиас 2001] все чаще решалась постсоветскими горожанами в пользу последнего. Как следствие, гипертрофированная индивидуализация поразила постсоветское городское сообщество даже сильнее, чем западные города, ведь российское общество не обладает вырабатывающимся на Западе в течение десятилетий иммунитетом к издержкам капитализма, консюмеризма и культа индивидуума.

стр. 428

Иными словами, публичные пространства и общественная жизнь в городах исчезают не потому, что некто приватизирует их в своих интересах или запрещает, а потому, что исчезают те, кому это важно и интересно. Гражданина замещает индивид, который, по меткому замечанию Алексиса де Токвилля, - худший враг гражданина. Еще худший враг гражданина - потребитель. Таким образом, угроза тотального консюмеризма для общественной сферы, общественных пространств и городской среды - не в приватизации территорий города, это лишь верхушка айсберга; основной негативный эффект капитализма и консюмеризма заключается в продуцировании и воспроизводстве нового типа индивида, которому классические общественные пространства попросту не нужны.

Таким образом, растущая мобильность, скорость движения, сжатие времени и пространства ведут, с одной стороны, к росту возможностей индивида и степени его свободы. Но, с другой стороны, эта свобода от социальных связей ведет к растущей индивидуализации и атомизации людей, к потере интереса к чему-либо, выходящему за рамки того, что касается частных интересов личности. Эти процессы сопровождаются распространением капиталистических отношений отчуждения между людьми и ростом консюмеризма, создающего новый тип личности, склонной к ограниченным контактам с другими личностями и лишь в определенных условиях. Все это ведет к деградации публичной жизни и публичных пространств, поскольку ни в том, ни в другом просто не возникает потребности. Поэтому все чаще эпитеты, которыми мы характеризуем городское общественное пространство, снабжаются отрицательными приставками и суффиксами, означающими нехватку, отсутствие чего-то: не-, де-, недо- и т.п. (*void, -less, -ness*).

Публичность эпохи высоких технологий

Возможна, впрочем, и иная точка зрения. Важно помнить о том, что публичные пространства важны городам не сами по себе, а как средство реализации потребности в публичной культуре и практиках - как пространства, востребованные *публикой*, пространства, где может *происходить публичная жизнь*. Но если мы констатируем изменения публики, если меняются формы публичной жизни в городах, то, возможно, нам нужны и другие публичные пространства?

В ситуации возросшей мобильности, когда нужно двигаться и трудно оставаться в одном месте продолжительное время, когда есть средства, облегчающие движение и общение в процессе движения, связь публичной жизни и физического пространства ослабевает. Однако это не означает автоматически, что исчезает любая публичная жизнь. При внимательном рассмотрении жизни современного города видно, что речь идет не *об исчезновении* публичной жизни, а *о ее реконфигурации* - при помощи новых возможностей, в том числе технологических. Пропадают знакомые нам из XIX и XX веков паттерны публичной жизни, но возникают другие, чья природа может быть несколько иной. Традиционные публичные пространства города пустеют или выглядят сборищами атомизированных индивидов, которых не интересует физическое соприсутствие. Но в этой ситуации публичными пространствами становятся не площади и просто кофейни, а интернет-кафе, парки и кафе с WiFi-доступом. Характерно, что одной из первых мер по превращению московского Парка Горького в современное общественное пространство (в 2011-2012 гг.) стала организация в парке свободного WiFi-доступа. Бесплатный

стр. 429

беспроводной Интернет уже несколько лет есть и в ЦПКиО Петербурга. Публичные интересы формируются не в физическом пространстве соприсутствия тел, а в виртуальном пространстве удаленного общения. Если "пространство мест", производное от опыта собственного тела, утратило свое значение и перестало быть объектом интереса индивидов, это не значит, что индивиды полностью утратили интерес к публичным практикам: они переместились в "пространство потоков".

В ситуации сжатия времени/пространства общение становится виртуальным и все большую роль играют медиаторы. Физическое соприсутствие в одном физическом месте играет не такую важную роль, как соприсутствие в пространстве виртуальном. Можно по этому поводу с сожалением констатировать, что люди сидят в тех же кафе, о которых писал Хабермас, но сегодня они не общаются друг с другом - каждый занят своим мобильным телефоном, ноутбуком или планшетом. В то же время можно сказать, что в действительности они в данный момент общаются в "социальных сетях" "Facebook" или "ВКонтакте", в "Twitter" или "Skype".

Люди на городских улицах и площадях не общаются с теми, с кем находятся "лицом к лицу", и потому предстают изолированными индивидами. Но верно и то, что, находясь на улицах и площадях, они говорят по мобильным телефонам с другими людьми, для которых точно так же не имеет значения то конкретное физическое место, где они в данный момент находятся. Джон Урри, специализирующийся на изучении феномена мобильности в современном мире, характеризует эту ситуацию так:

...социология, как и другие социальные науки, чрезмерно фокусируется на текущем, на взаимодействии лицом к лицу между людьми и внутри социальных групп. Социология утверждает, что именно такой контакт лицом к лицу между людьми, которые непосредственно присутствуют, является самой важной формой социальной интеракции. Между тем это утверждение проблематично, поскольку существует масса связей между людьми и социальными группами, которые не основываются на регулярном взаимодействии лицом к лицу. Это множественные формы "воображаемого присутствия", которые реализуются благодаря различным объектам и изображениям, позволяющим взаимодействию осуществляться сквозь и внутри множественного социального пространства [Urry 2002: 2].

Предположим, вышесказанное можно считать утешительными выводами в отношении общественной жизни современных обществ: публичная жизнь, вероятно, не исчезает, но меняется и трансформируется, принимая иные формы, которые мы не всегда в состоянии заметить, ориентируясь на классические определения и критерии. Но как быть с городскими пространствами: как возникновение иных форм общественной жизни сказывается на них? Что описанные тенденции, связанные с возрастающей мобильностью и виртуализацией, могут означать для традиционных городских публичных пространств, для их планирования, дизайна, использования?

Не всем классическим публичным пространствам так "везет", как кафе, которым достаточно обзавестись WiFi-доступом, чтобы трансформироваться в общественное пространство актуального формата. Грозит ли другим видам общественных пространств - бульварам, площадям, променадам и т.п. - исчезновение ввиду падения спроса на них? Или замещение - но чем? К чему это приведет в контексте городской жизни? К возникновению больших невостребованных пространств, таких как модернистские площади, которые могут превратиться в отталкивающие, неприветливые и избегаемые горожа-

стр. 430

нами, а со временем и в опасные городские территории? Следует ли считать это естественным и неизбежным следствием глобальных процессов или следует вмешиваться? В каком направлении двигаться? И к чему следует стремиться в планировании городских публичных пространств, отвечающих потребностям современных горожан?

С одной стороны, события последних двух лет, имевшие место на площади Тахрир в Каире, на Болотной и проспекте Сахарова в Москве, на площадях и улицах других городов мира, которые были "оккупированы", демонстрируют, что классические формы общественно-политической жизни рано списывать со счетов, и значит, потребность в классических общественных пространствах формата площади, способной вместить

тысячи граждан, остается. С другой стороны, репертуар форм публичной жизни расширяется, и разнообразие форм доступных общественных пространств в городах должно следовать той же тенденции. Артуро Эскобар заметил, что "городские места" - это то, что "собирает вещи, мысли и воспоминания в определенной конфигурации" [Escobar 2001: 143]. Если вещи, люди и воспоминания меняются - неизбежно должны измениться и конфигурация и места. Вероятно, следует, не отказываясь от площадей для многотысячных митингов, подумать о таких пространствах, которые соответствуют трендам мобильности и индивидуальности. О публичных пространствах, ориентированных вовне, о гибких пространствах-трансформерах, о "третьих пространствах", принципиально отказывающихся от ключевых для классического модерна и монофункционального градостроительства бинарных оппозиций "дом/место работы", "работа/досуг", стремящихся объединить черты, совмещение которых раньше было немыслимо, - и именно этим привлекающих молодежь постсовременных городов. Возможно, начать следует с изменения собственного образа мысли, как это делает Тим Крессуэлл, призывающий к "мягкому", "номадическому мышлению", которое позволит понять новый мир с его новыми качествами:

В то время как конвенциональное понимание места предполагало мышление, отражавшее привычные границы и традиции, не-места требуют нового мобильного образа мысли. <...> Не только мир становится более мобильным, но и наше мышление о мире становится более подвижным... [Cresswell 2003: 17].

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОСТЬЮ

Города эпохи модерна: монофункциональность, эстетизация и контроль

Хорошо известно, что публичная жизнь средневековых городов концентрировалась на рыночных площадях, которые были средоточием всех форм общественной жизни. Эти пространства были насыщенными, полными людей, хаотичными, шумными, пахнущими, яркими; они вмещали в себя разнообразие активностей: торговлю, театр, общение, политику, публичные казни и т.п. [Calabi 2004: 47; Madanipour 2003: 196].

С приходом Возрождения и потом Нового времени организация жизни и пространства городов была подчинена идеалам, заимствованным из Античности. В их основе лежали принципы гармонии, цивилизованности, разделения функций, регулирования, чистоты и красоты [Calabi 2004: 43]. Отныне все городские пространства были функционально определены и территори-

стр. 431

ально разграничены, общественные пространства городов должны были отвечать эстетическому чувству, а жизнь городов -эффективно регулироваться и контролироваться. Эти три принципа определили жизнь города на несколько столетий.

Классическое смешанное городское общественное пространство исчезло; разные функции были разнесены по разным местам: для суда предназначалась одна площадь, для молитвы - другая, для рынка - третья. Появились и жестко соблюдались представления о подходящем и не подходящем конкретному месту, и деятельность, которая ему не соответствовала, должна была быть из него изгнана (так почти исчезла с "лица" городов уличная торговля, а рынки подверглись жесткому регулированию). Как пишет историк Ричард Деннис, городские управленцы эпохи модерна не делали различий между разнообразием и хаосом [Dennis 2008].

Другим следствием модернистского подхода к городскому планированию стало то, что Ричард Сеннет назвал доминированием "*пассивного наблюдения*" - в ущерб ценности и функции *взаимодействия* человека и города. В современных городах *интеракция*, живая жизнь города, была принесена в жертву эстетике [Sennett 2010]. Ранее, пишет Сеннет, любые пространства и здания в городе предполагали взаимодействие с ними, их использование; наблюдатель в городских пространствах одновременно был действующим

лицом. Здания и пространства не строились для того, чтобы их только наблюдали - они всегда предполагали некую социальную функцию, а значит, действия людей, взаимодействия жителей и пространств, строений, объектов. Даже королевский дворец и храмы предполагали взаимодействие, пусть и в определенных рамках и контекстах. Новое время принесло с собой архитектуру и пространства, которые создавались исключительно с целью любования. На них следовало смотреть, но не подходить близко и "руками не трогать". Доминирование эстетики над утилитаризмом привело к "социальному исключению во имя визуального наслаждения" [Sennett 2010]. Это неудивительно, поскольку любая эстетика предполагает также отношения власти: эстетика может быть - и почти всегда является - средством проведения границ и социального исключения [Bourdieu 1984].

Так город превратился в спектакль - не в смысле представления или перформанса, каким он был в эпоху Средневековья, а в смысле "мертвого спектакля", о котором писал Ги Дебор [Дебор 1999], в значении спектакля, "суть которого исключительно в том, что есть зритель, который намерен смотреть спектакль, - и в этом и заключается спектакль"; по мнению Оже, именно такой мертвый спектакль создает "не-место" [Auge 1995: 85-86].

Еще одной важной чертой модернистского проекта в архитектуре и планировании городского пространства была *возможность контроля* пространством. На уровне обыденного сознания жесткость, прочность, стабильность, неподвижность ошибочно приравниваются к безопасности. В урбанизме эти качества означают неизменность, порядок и возможность контроля, которые не способствуют активной социальной жизни, а препятствуют ей.

Здесь концептуальный круг идеи модернистского города логически замыкается: одной из форм борьбы с беспорядком и хаосом средневековых городов со стороны планировщиков эпохи модерна была попытка заранее продумать, спланировать и закрепить за каждым пространством, зданием, территорией строго определенное назначение, конкретную функцию; как правило - одну. Монофункциональность, контроль и эстетика идут рука об руку в планировании и организации жизни современного города, а связую-

стр. 432

щим звеном выступает хорошо известный дискурс о *чистоте, ясности, гармоничности*, часто связываемый с именем Ле Корбюзье. Сеннет считает, что в значительной степени благодаря этому архитектору в XX веке в европо-центричном мире восторжествовал принцип жесткого иррепланирования, закрепляющего строго определенные функции за городскими зданиями и пространствами [Sennett 2010: 263]. Одной из таких жестко закрепленных функций стала функция "публичных пространств"

Пиррова победа публичности в городском контексте

На протяжении многих веков городская жизнь характеризовалась напряженной борьбой между приватным и публичным - полем битвы было городское пространство, его улицы и площади, приватизировавшиеся горожанами и отбивавшиеся обратно другими группами горожан или представителями городской власти. В современном (модернистском) городе публичность взяла верх. Однако многие оценивают исход этой борьбы неоднозначно.

Будучи монофункцией, закрепленной за конкретными, специально для этой цели созданными пространствами, их "публичность" рьяно охранялась городскими управленцами от любых посягательств со стороны конкретных частных горожан. Достаточно вспомнить газоны, памятники, центральные площади советских городов - они считались общественной территорией и потому не могли оказаться в распоряжении никаких конкретных частных граждан с их частными интересами - власти охраняли их от подобных посягательств. Публичное пространство города было гарантировано

государством всем, оно стало всеобщим и по факту - ничьим. Публичное пространство победило приватное, но само стало совершенно иным:

Это может выглядеть как доминирование публичного пространства, потому что оно значительно расширилось, например в форме парков, в центре которых возвышались теперь высотные здания. Однако это пространство было одновременно неопределенным и неиспользуемым; оно стало "утраченным пространством" <...>, где ни одна из функций публичного пространства не могла быть реализована; социальность стала там невозможна [Madanipour 2003: 202].

При внимательном наблюдении за тем, что происходит с общественными пространствами в наших городах, можно констатировать подмену понятий: фактически смешиваются *приватизация* и *партикуляризация*. Дихотомия "публичное/приватное" подменяется дихотомией "всеобщее/партикулярное". В результате любая попытка конкретной социальной группы воспользоваться публичным пространством отвергается как посягательство на приватизацию общественного (а в действительности - абстрактно-всеобщего).

За этой подменой стоит еще одно популярное заблуждение, также имеющее грамматический характер: ошибочное представление о сингулярности и однородности *публичности* и *публики*. Так сложилось, что слово "public", используемое для обозначения как людей, так и особой сферы социальных, культурных и политических отношений в обществе (public sphere), принято употреблять в *единственном* числе. Не в последнюю очередь это связано с популярностью работы Юргена Хабермаса [Habermas 1989], где понятие "публичная сфера" употребляется в единственном числе, как если бы такая сфера была одна, а "публика" исчерпывалась той группой, на анализе которой сосредоточился в своей книге Хабермас, - городскими буржуа.

стр. 433

Справедливости ради следует заметить, что сам Хабермас ясно указал на то, что его интересует *буржуазная* публичная сфера, то есть публичная жизнь именно городских буржуа; при этом подразумевалось, что существуют и другие публичные сферы и публики. Однако эта деталь долгое время оставалась без внимания. Конвенциональным стало использование слов "публичность" и "публика" в единственном числе; при этом последняя ассоциируется либо с конкретной группой, которую в сегодняшних терминах, вероятно, можно было бы охарактеризовать как "городской средний класс", либо с абстрактной гомогенной "общественностью", которая, предположительно, должна обладать некими общими интересами. Эти интересы и призваны блюсти представители власти, оберегая то, что "принадлежит" этой абстрактной "общественности", в частности - общественные пространства.

По всей видимости, на ошибочность такого подхода первыми наиболее отчетливо указали феминистки, утверждавшие, что женщины, будучи исключены из буржуазной публичной сферы, не просто остались, как считалось, в сфере "приватного", домашнего (domestic) - в процессе эмансипации они создали свою собственную публичность, свои общественные организации и т.д. [Fraser 1990]. Точно так же можно говорить о других "не буржуазных" публичных сферах для "не среднего класса" - для рабочих, мигрантов и т.п. Нэнси Фрейзер сформулировала тезис о неоднородности публичной сферы, о множественности "публик" и сосуществовании нескольких публичных сфер, отражающих интересы различных социальных групп, обладающих при этом различным ресурсом власти для реализации своих интересов. Таким образом, в реальной жизни мы имеем дело не с гомогенной абстрактной "публикой", но с множеством более или менее "сильных" и "слабых" "публик", со своими различными интересами, различными эстетиками, стилями жизни, потребностями.

Что это означает для "публичного пространства"? В классическом модернистском городе, как было сказано, попытки конкретных представителей общественности,

представляющих интересы конкретных групп внутри нее (то есть различных "публик"), получить доступ к публичным пространствам объявляются узурпацией публичного пространства, стремлением приватизировать его и использовать то, что принадлежит всем, в интересах конкретной группы. Такие попытки объявляются нелегитимными и пресекаются городскими властями.

Хорошей иллюстрацией может служить хорошо известная дискуссия рок-музыканта Юрия Шевчука на встрече "деятели культуры" с премьер-министром В. В. Путиным; в ответ на вопрос Ю. Шевчука, почему полиция безжалостно разгоняет "марши несогласных", В. Путин сослался на необходимость для власти защищать общественные интересы (в том числе ущемленных групп населения - в примере Путина это были абстрактные "больные дети") в ситуации, когда маргинальные социальные группы в своих партикуляристских интересах пытаются захватить городское пространство:

Ю. Шевчук. <...> завершаю таким вопросом: 31 мая будет "Марш несогласных" в Питере. Он будет разгоняться?

В. Путин: <...> По поводу "Марша несогласных". Есть определенные правила, они предусматривают, что такие мероприятия регулируются местными властями. Кроме тех людей, которые выходят на марш согласных или несогласных, есть и другие люди, о правах которых мы не должны забывать. Если вы решите провести "Марш несогласных", - я прошу прощения за слишком резкие вещи, скажем, у больницы, где будете мешать больным де-

стр. 434

тям, - кто из местных властей вам позволит там проводить этот марш? И правильно сделают, что запретят!.. [Шевчук и Путин 2010].

Таким образом, слишком буквально понимаемый тезис о публичности ставит под вопрос одну из основополагающих черт общественного пространства - возможность свободного доступа и использования этого пространства кем угодно.

Мы полагаем, что эта практика представляет собой злоупотребление тезисом о публичном характере городских пространств, догматически (и политически) последовательно противопоставляем не столько приватности, сколько партикулярным интересам конкретных социальных групп, и ведет к деградации публичной жизни в городах. Под прикрытием принимаемого на веру тезиса о гомогенности некой городской "публики" горожанам фактически отказывают в праве на использование общественных пространств; их единоличным пользователем оказывается государственная и городская власть, объявившая себя единственным легитимным представителем абстрактной "общественности". "Общественными" событиями, которые могут проходить в публичных пространствах города, соответственно, считаются лишь те, которые организованы властями (парады, демонстрации, официальные карнавалы и т.п.) или санкционированы ею. От остальных горожан это пространство надежно и жестко охраняется.

Мы, однако, живем в переходный период от классического модерна к позднему и далее к постмодерну и потому можем наблюдать переход от одного типа реализации власти к другому. Это позволяет наблюдать, как трансформация общественных пространств в наших городах совпадает с трансформацией качества власти. Если для классического модерна была характерна репрессивная власть с четкой локализацией в пространстве а-ля "паноптикум Бентама", то для поздней "текучей" современности характерна дисперсная, рассеянная, нелокализуемая власть, закрепленная в дискурсе, в теле, в отношениях, в новом типе личности, который сам является носителем власти, осуществляемой в отношении его. Первый тип власти, реализованный в городском пространстве, требовал конкретных мест, эту власть воплощающих, требовал их почитания и всеобщего участия в общественных ритуалах, проходивших на этих местах по определенным поводам, тогда как все остальное время они тщательно охранялись от горожан в качестве сакральных, оставаясь неприветливыми и высокомерными. Второй

тип власти, предполагающий значительно меньшую степень явной внешней репрессивности, не стремится охранять и огораживать те пространства, которые эту власть символизируют, но, напротив, стремится привлечь в них как можно больше людей. Природа общественных пространств и отношение к ним изменились вместе с природой власти и особенностями личности. В эпоху модерна охрана общественных пространств и превращение их в псевдообщественные, работающие по специальным праздникам и с разрешения, требовались потому, что власти опасались превращения горожан в публику, в общественность, в некое коллективное тело, способное "собратиться вместе и артикулировать общественный интерес перед лицом государства" [Habermas 1989: 176]. Сегодня эти общественные пространства, как правило, никем не охраняются, потому что охранять не от кого: все индивиды, потенциально способные "артикулировать общественный интерес", - в шопинг-моллах и торгово-развлекательных комплексах.

стр. 435

ОККУПИРУЙ! (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Итак, классическое и привычное социальным ученым понимание концепции городских "публичных пространств" и практика жизни этих пространств испытывают кризис. Что можно предложить в этой ситуации? Что должно считаться публичным пространством в этом контексте и что из этого должно следовать? Другими словами - надо ли сокрушаться о потере и бороться за прежние публичные места, возвращать людей на площади и т.п.? Или надо, сохранив право для желающих пользоваться площадями и собираться там для выражения своего мнения по значимым поводам, одновременно переосмыслить "обыденные", каждодневные публичные пространства, подумать о других формах общественной жизни и иных пространствах, ее вмещающих?

Классическая форма публичной жизни была представлена собраниями граждан, и для этого им требовались площади. И сегодня защитники городских публичных пространств сетуют на то, что площади заняты моллами, парковками и дорогами и тем самым препятствуют публичной жизни. Отчасти это так; но возникла и потребность в иных формах общественной жизни, и для них требуются иные пространства. Эти формы - *мобильны*; они не требуют собственной территории, с удовольствием пользуясь "чужой". Таковы, например, флешмобы, стрит-дэнс или паблик арт в формате перформанса. Первое - новая форма общественных собраний, второе и третья - новые формы культуры и досуга. Урбанистические по своей природе, обыгрывающие существующую городскую культуру и инфраструктуру, они не требуют создания специальных пространств, но позволяют реализовывать потребность горожан в социальности, провоцируют как запланированную, так и спонтанную коммуникацию.

Возможно, ключевой характеристикой современных городских публичных пространств является способность к *трансформации*, а основными категориями - не место, но *время* и *действие*. Выше речь шла о множественности городских "публик", обладающих различными интересами и испытывающих потребность в различных пространствах. Следуя классической модели организации города, за каждой из этих публик должно быть закреплено свое пространство. Но такой подход, во-первых, способствует воспроизводству социальных границ, а во-вторых, достаточно утопичен, поскольку в современном городе число групп, способных потребовать собственного, отличного от других пространства, бесконечно велико. С другой стороны, попытка объединить разные публики на одном пространстве вполне способна привести к конфликту.

На помощь приходит временное измерение, которое позволяет расширить пространство: в разное время (суток, недели, года) одно и то же пространство способно принимать различные "публики". Таким образом, "мобильность" может пониматься не только в контексте пространства, но и в темпоральном измерении - как временность и сменяемость. Таковы, например, чрезвычайно популярные во всем мире "блошинные

рынки", а также фермерские и другие "рынки выходного дня". Эти виды городской активности производят публичное пространство временно, используя территорию, принадлежащую шесть дней в неделю другой деятельности, - они довольствуются пространствами, служащими в другие дни парковками или парками, а также обычными площадями и улицами; они не создают конфликта публич, исчезая с приходом рабочей недели, освобождая пространство для использования другими группами горожан. Такие виды активности служат хорошей иллюст-

стр. 436

рация тезиса Мишеля де Серто [de Certeau 1984] о *тактическом* характере использования пространства людьми, противостоящем *стратегическому* подходу к пространству "системы": похоже, что сегодня горожане стремятся избегать закрепленных за ними "общественных пространств", которые самим фактом обозначения и закрепления автоматически переходят в категорию "мест", контролируемых "системой". Вместо этого современные публики предпочитают именно "партизанские" тактики временного присвоения стратегического пространства, которое они используют для своих целей и затем освобождают для других публик⁴.

Этот пример иллюстрирует еще одну важную черту актуальных общественных пространств - отказ от закрепления за ними одной функции. Простые, легко прочитаемые, понятные, всегда одинаковые монофункциональные пространства уже не интересны; скорость, интенсивность, многообразие современной урбанистической жизни предъявляют к городским пространствам другие требования. Спросом пользуются пространства-трансформеры. Они могут не иметь собственной стабильной идентичности "места" - они определяются через ту активность, которую вмещают, превращаясь в "места-процессы", о которых писала Дорин Мэсси [Massey 1994].

Возможно, право жителей на город, в том числе право менять его своими действиями, своим присутствием [Харви 2008], в нынешнем контексте может быть реализовано именно в ситуации отказа от жесткой охраны публичных мест от посягательств частных граждан, в ситуации признания за частными лицами и партикулярными инициативами различных "публик" права присваивать публичные места под конкретные события и акции на время, давая вскоре место другим частным инициативам с их идеями и акциями. Может быть, развитие публичной сферы и ее пространственных коррелятов в современном городе возможно именно через создание и культивирование публичных пространств разных типов - как классических, отвечающих критериям всеобщей доступности и принципиальной "неприсваиваемости", так и новых, мобильно-временных, способных принять сменяющие друг друга перформансы, акции, скульптуры, просто собрания.

Опыт публичности - не только в политических протестах: в "социальности" современные города и горожане нуждаются не меньше. По мнению Сеннета, главная ценность публичного пространства - опыт встречи с незнакомым и с незнакомцем, потому что "странные вещи и незнакомые люди могут опровергать знакомые идеи и прописные истины; познание новых мест играет положительную роль в жизни человека" [Сеннет 2002: 337]. Значит, публичные места могут быть организованы вокруг функции обогащения новым опытом, знакомства с неизвестным, с непривычным. Они могут не иметь аутентичности - иной, нежели их способность удивлять и быть разными. Они должны быть "незаконченными", "открытыми" - не только в значении физической доступности, но и в значении открытости смыслам, которые могут быть им приписаны, и событиям, которые могут быть в них вписаны; они должны быть готовы принять в себя любые действия, мероприятия, инициированные разными "публиками", разными группами с разными интересами, эстетиками, стилями - поскольку идея публичности связана с опытом "расширения ментальных горизонтов, экспериментом, приключением, открытием, сюрпризом" [Bianchini, Schwengel 1991: 229].

⁴ Ср., например, такие проекты, как "Партизанинг" (<http://partizaning.org>) и "Уличный университет" (<http://news.treetuniver.livejournal.com>).
стр. 437

На практике это может означать, что такие пространства будут временно "оккупированы" конкретными группами горожан, но в то же время ни одна группа не сможет присвоить себе это пространство навсегда. Такая оккупация всегда будет временной, и на следующий день пространство будет захвачено другой группой, затем третьей и т.д. Так оно останется пространством потоков, событий, действий, коммуникации жителей - живым городским пространством, и любой горожанин знает, что в этом месте его всегда ждет сюрприз, что-то новое, кто-то незнакомый и интересный. Это и есть характеристика публичного места в современном городе. Это и есть квинтэссенция городского опыта.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауман 2008 - *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Волков 1997 - *Волков В.* Общественность: забытая практика гражданского общества// Pro et Contra. 1997. N 4. Т. 2.
- Дебор 1999 - *Дебор Г.* Общество спектакля / Перевод с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999.
- Желнина 2011 - *Желнина А.* "Здесь как музей": торговый центр как общественное пространство//Лабораториум. 2011. N 2.
- Сеннет 2002 - *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.
- Харви 2008 - *Харви Д.* Право на город // Логос. 2008. N 3.
- Шевчук и Путин 2010 - Шевчук и Путин. Полная стенограмма встречи (<http://povayaagazeta.livejournal.com/207484.html>; посещение: 29.05.2010).
- Элиас 2001 - *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
- Agnew 2004 - *Agnew J.* Space-place // Spaces of geographical thought / P. Cloke, R. Johnston (Eds.). London: Sage, 2004.
- Annual Report 2011 - Annual report 2011 World tourist organization, UNWTO, Madrid (http://dtxqt4w60xqpw.cloudfront.net/sites/all/files/pdf/annual_report_2011.pdf; посещение: 26.07.2012).
- Arendt 1958 - *Arendt H.* The human condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958.
- Auge 1995 - *Auge M.* Non-places: Introduction to an anthropology of super-modernity. London: Verso, 1995.
- Bauman 1998 - *Bauman Z.* Globalisation: The human consequences. Cambridge: Polity Press, 1998.
- Bauman 2000 - *Bauman Z.* Liquid modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Bauman 2001 - *Bauman Z.* The individualized society. Cambridge: Polity Press, 2001.
- Bianchini, Schwengel 1991 - *Bianchini F., Schwengel H.* Re-imagining the city//Enterprise and heritage /J. Corner, S. Harvey (Eds.). London: Routledge, 1991.
- Bourdieu 1984 - *Bourdieu P.* Distinction: A social critique of the judgement of taste / Tr. by R. Nice. Cambridge; MA: Harvard University Press, 1984.
- Calabi 2004 - *Calabi D.* The market and the city: Square, street and architecture in early modern Europe. Burlington: Ashgate Publishing, 2004.
- Castells 1996 - *Castells M.* The information age: economy, society and culture. Vol. 1: The rise of the network society. Oxford: Blackwell, 1996.
- Castells 1998 - *Castells M.* The information age: economy, society and culture. Vol. 3: End of Millennium. Oxford: Blackwell, 1998.
- Chambers 1990 - *Chambers L.* Border dialogs: Journeys in postmodernity. London; New York: Routledge, 1990.

Cresswell 2003 - *Cresswell T.* Introduction: theorizing place // *Thamyris intersecting place, sex and race.* 2002. N 9.

de Certeau 1984 - *Certeau M. de.* The practice of everyday life. Berkeley: University of California Press, 1984.

Dennis 2008 - *Dennis R.* Cities in modernity. Representations and productions of metropolitan space, 1840-1930. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Engel 2007 - *Engel B.* Public space in the "blue cities" of Russia// *The post-socialist city / K. Stanilov (Ed.).* New York: Springer, 2007.

Escobar 2001 - *Escobar A.* Culture sits in places: Reflection on globalism and subaltern strategies of globalization// *Political Geography.* 2001. N 20.

Fraser 1990 - *Fraser N.* Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy // *Social Text.* 1990. N 25/26.

Habermas 1989 - *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: The MIT Press, 1989.

Information and Communications 2012 - *Information and Communications for Development 2012: Maximizing Mobile (2012)* The World Bank Conference Edition. Washington: InfoDev; The World Bank, 2012.

Low 2009 - *Low S.* Towards an anthropological theory of space and place // *Semiotica.* 2009. N175.

Madanipour 2003 - *Madanipour A.* Public and private spaces of the city. London: Routledge, 2003.

Massey 1994 - *Massey D.* Space, place, and gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Massey 1995 - *Massey D.* Places and their pasts // *History Workshop Journal.* 1995. N. 39.

Massey 2005 - *Massey D.* For space. London: Sage, 2005.

Pateman 1989 - *Pateman C.* Feminist critique of a the public/private dichotomy // *The disorder of women: Democracy, feminism and political theory.* Stanford: Stanford University Press, 1989.

Relph 1976 - *Relph E.* Place and placelessness. London: Pion, 1976.

Sennett 2 010 - *Sennett R.* The public realm // *The blackwell city reader / G. Bridge, S. Watson (Eds.).* London: Blackwell Publishers, 2010.

Stalder 2001 - *Stalder F.* The space of flows: Notes on emergence, characteristics and possible impact on physical space (http://felix.openflows.com/html/space_of_flows.html; посещение: 27.07.2012).

Tourism 2020 Vision 2000 - *Tourism 2020 Vision.* Vol. 4.: Europe. Madrid: World Tourist Organization; UNWTO, 2000.

Urry 2002 - *Urry J.* Mobility and connections. Paris, April 2002 (<http://www.ville-en-mouvement.com/telechargement/040602/mobility.pdf>; посещение 15.05.2012).

Uusitalo 1998 - *Uusitalo O.* Consumer perceptions of grocery stores. Jyvaskyla: University of Jyvaskyla, 1998.

Weintraub 1997 - *Weintraub J.* The theory and politics of the public/private distinction // *Public and private in thought and practice / J. Weintraub, K. Kumar (Eds.).* Chicago: The University of Chicago Press, 1997.

Zukin 1995 - *Zukin S.* The cultures of cities. Oxford: Blackwell, 1995.

Н. Ю. Лысова, кандидат философских наук, доцент

Феномен памяти стал особенно актуален в культурфилософском дискурсе на рубеже XIX—XX вв. Одно из его основных значений — способность воспроизводить образы, ощущения или идеи, выработанные в прошлом. Память рассматривалась как духовная субстанция и первооснова всех вещей и процессов природы (А. Бергсон, Ф. Ницше, Н. Бердяев и др.), а само существование человека — как постоянное углубление в прошлое.

В отечественной философской традиции исследуются два типа памяти: индивидуальная как способность индивида к сохранению и воспроизведению своего опыта и машинная (компьютерная) память. Типологически память объединяется в четыре группы: двигательную, образную, логическую и эмоциональную. Культурфилософский дискурс обобщает их свойства и наряду с психологической, индивидуальной памятью вводит тип памяти, которую принято называть исторической.

Этот вид памяти ассоциируется с функцией культуры как мнемонического феномена, системы, воспроизводящей прошлый опыт посредством традиций, обрядов, морали, конкретных артефактов. Исторический город, ценностно наполненный пласт культурного наследия, тоже может рассматриваться в качестве функции исторической памяти, так как отображает усвоение, запоминание и воспроизведение прошлого опыта в системе художественно-культурных образов.

Уникальность исторического города связана с его способностью репрезентации утраченного прошлого в культурном пространстве современности. В его веками складывающейся и непрерывно меняющейся материальной среде аккумулирована коллективная память и творческая энергия множества поколений. Созданное их стараниями культурное пространство, отредактированное временем, воспринимается современностью в качестве сложнейшего произведения без персонализированного автора.

В связи с этим определяется ряд основных черт города как хранителя культурно-исторической памяти. Прежде всего, город является достоверным историческим фактом. В его арсенале находятся подлинные памятники архитектуры, произошедшие в нем события, известные и неизвестные горожане, некогда населявшие городское пространство, и т. д.

Город, являясь сложным семиотическим механизмом, представляет собой «котел текстов и кодов» (Ю. Лотман), разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным культурным уровням. Постоянно накапливая информацию, материализуя и сохраняя ее в реальных объектах, он является хранителем человеческого опыта.

Благодаря накопленной истории город становится мощным генератором новой информации. Город — механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность синхронно сопоставляться с настоящим. В этом отношении город, как и культура, — механизм, противостоящий времени.

¹⁶ Лысова Н.Ю. Город как пространство культурно-исторической памяти // Регионоведение. 2011. 32. С. 290.

Абрамова Е. "Круглый стол" и открытая дискуссия "Коллективная память в городском пространстве"¹⁷

(Москва, "АрхМосква 2011", 25 мая 2011 г.)

"Круглый стол" и открытая дискуссия на тему "Коллективная память в городском пространстве" были организованы Комитетом активизации коллективной памяти в рамках выставки "АрхМосква 2011".

стр. 483

Комитет АКП, созданный кураторами Евгенией Абрамовой и Оксаной Саркисян, ставит своей задачей поиск новых форм прямого взаимодействия между жителями города с использованием эмансипирующих возможностей памяти и средств современного искусства. Комитет АКП обращается к истории монументов советского времени в разных районах Москвы, рассматривая их как места ритуальных и повседневных практик, а также политических конфликтов.

В рамках "круглого стола" обсуждались проблемы, связанные с социокультурными трансформациями, происходившими в XX веке и оказавшими влияние на монументальное искусство, включая архитектуру. Произошел отказ от монументальных форм репрезентации, который стал результатом кардинальных изменений в отношении между идентичностью, коллективной памятью и обитаемым пространством. В то же время предпринимаемые попытки осмыслить происходящий распад порождают новые формы утопии, "утопии абсолютной коммуникации".

В российском и западногерманском контекстах проблема монументального искусства в городском пространстве связана с переосмыслением советского и нацистского прошлого, форм репрезентации истории и коллективной памяти. В то же время в общеевропейском контексте практики современного искусства в городской среде отказываются от работы с монументальным и обращаются к общественным пространствам, таким образом, иначе формулируя и решая социальные, политические и экономические проблемы города.

Сергей Ситар в докладе "*Постутопическая идентичность*" рассказал о том, что за утратой монументами своей валентности стоят масштабные и долговременные социокультурные трансформации. Суммарная энергия этих трансформаций не оставляет шансов на возвращение к традиционной монументальной форме. Это возможно сегодня только в форме стилизации, т.е. пастиша. В применении к российскому контексту это урбанистическая, технологическая и лингвистическая трансформации. К ним можно добавить постлингвистический переворот, который изменил сам способ существования не только языка и прочих средств коммуникации, но также концепций, идеологий и общественного сознания как такового. Урбанистический поворот, как его обозначал Анри Лефевр, начался около 1910 года, в промышленную эпоху, когда развитие городов приобрело иной масштаб и качество по сравнению с естественным ростом городов XIX века. В России урбанизация была нагоняющей, скачкообразной, и ее сценарий можно разделить на два этапа. Первый этап - когда государственная политика концентрировалась на развитии промышленности, а проблема жилья решалась в основном за счет уплотнения и строительства общежитий казарменного типа. Второй этап - массового типового домостроения - начался в середине 1950-х годов. С 1956 по 1989 год в СССР было построено 50 млн. изолированных квартир - это беспрецедентный акт централизованной строительной политики во всей мировой истории. К началу 2000-х годов российский строительный комплекс вполне успешно преодолел организационный кризис, связанный с

¹⁷ Абрамова Е. "Круглый стол" и открытая дискуссия "Коллективная память в городском пространстве" // Новое литературное обозрение. 2011. №6 С. 483-487.

переходом к рыночной экономике. Строительство превращается в прибыльный бизнес, но без радикальной смены управленческой и экономической модели. Темпы ввода жилья постепенно возрастают, расширяется номенклатура типовых серий, хотя и без принципиальных нововведений. В итоге в России складывается урбанизированная среда исторически нового типа, которую нельзя определить как город в традиционном, европейском смысле. Ее специфика состоит в остаточной "советизации" строительной отрасли, ригидности управления, отсутствии традиции частной собственности на землю. Только в последние годы начинают создаваться льготные условия приватизации и аренды для крупных застройщиков. Это парадоксально тождественно наиболее инерционному в культурном смысле типу пространственной организации, а именно "городу-джеренику", что означает разрыв с территорией как таковой, развитие транспортной и инженерной инфраструктуры, преобладание типовых элементов над уникальными. Данному виду детерриториализированной городской среды соответствует новый субъект, описывае-

стр. 484

мый современными теоретиками (в том числе Паоло Вирно) с помощью понятия *множества* (multitude), которое противопоставляется таким традиционным концептам, как "народ", "общество", "публика". Представитель множества - это бывший индустриальный рабочий, превратившийся в прикаретного работника "третьего сектора". Это и типичный представитель российского города, возникший из-за стагнации промышленных предприятий. Коллективная идентичность множества определяется, по Вирно, отношением этой категории к *всеобщему интеллекту* (general intellect), где информация обретает специфическую предметность. Это, в свою очередь, отсылает к лингвистической трансформации, которая в постсоветском городском пространстве представлена в виде микрорайона, планировавшегося как множество различных комбинаций типовых элементов с неограниченной сетью коммуникаций - нечто, весьма близкое по структуре к печатному тексту. В российском современном искусстве следы этой трансформации можно найти в работах художников-концептуалистов - Ильи Кабакова, Андрея Монастырского, Дмитрия А. Пригова. Таким образом, идентичность нового субъекта проявляет себя как отсутствие дистанции между фактом и репрезентацией. Субъект может проявляться, только играя некую роль. Но когда субъект пытается углубиться в себя, то единственное, что может возникнуть, это фрагментированная идентичность, связанная с ощущением непостоянства, незавершенности. Но так как это состояние субъекта уже стало объектом рефлексии, можно ожидать появления новой утопии, которая приведет к ликвидации разграничений между полюсами коммуникации. Эту утопию можно назвать *утопией абсолютной коммуникации*.

Ксения Полуэктова-Кример в выступлении "*Немецкие мемориальные практики и взаимоотношение с нацистским прошлым: контрмонумент*" рассказала об изменениях, которые произошли в мемориальной культуре Западной Германии к 1970-м годам. Монументальное искусство как важнейший инструмент государства поставил Германию перед трудноразрешимой задачей консолидации общества вокруг канонизированной версии прошлого. Однако традиционные формы искусства были призваны прославлять победителей или оплакивать жертвы с позиции собственного морального превосходства, что в случае с Германией после Второй мировой войны было совершенно невозможно. Поэтому новые мемориальные практики были призваны увековечить варварство, а не героизм, стыд, а не гордость. Это стало серьезным испытанием для национального консенсуса и национального чувства гордости и идентичности. Концепция "контрмонумента", как показал Джеймс Янг, концентрируется на двух особенностях новых мемориальных практик. Во-первых, в них произошел пересмотр предмета мемориализации. Во-вторых, была деконструирована сама идея памятника как некоего "сосуда с прошлым", который способен реактивировать это прошлое в любой момент.

Авторы "контрмонументов" манифестируют невозможность репрезентации памяти о войне, невозможность представить разрыв между внутренним опытом и последующим коллективным воспоминанием о нем, невозможность выразить невыразимое. Приемлемо ли обозначить фигуративным материальным присутствием зияющую лакуну умерщвленных людей, от которых не осталось даже пепла? Как можно представить изъятие не только людей, но культур, языков, самой цивилизации? Допустимо ли, чтобы памятник доставлял зрителю эстетическое удовольствие? Если нет, то допустимо ли уродовать город? "Контрмонументы" отвечают на это отказом от прямой иллюстративности, декоративности, христианских коннотаций, искупительного пафоса и романтизации страданий. Художники (Сол Левит, Йохен Герц, Хортс Хохайзель, Питер Айзенман, Гунтер Дэмниг) предлагают многозначные мемориальные объекты, обращенные против самих себя: исчезающие, невидимые, мобильные, уродливые. Это попытка переломить стремление гармонизировать пространство, его статичность и нивелировать терапевтическую, успокаивающую функцию памятника. Памятник нужен не как рубец на месте былой травмы, успокаивающий зрителей и выполняющий работу памяти за него, но как открытая кровоточащая рана. А зритель должен быть не пассивным, но вовле-

стр. 485

ченным в проект, рассерженным, но не равнодушным. Памятник, тем самым, должен работать как триггер общественных дискуссий, которые, как заметил Янг, никогда не должны прекращаться.

Наталья Конрадова в выступлении на тему "*Хронология московских мемориалов: общественная, государственная и личная память*" показала, какие изменения происходили в мемориальной практике в Москве с 1920-х годов по настоящее время. После 1917 года новая власть занимается поисками новых художественных форм для "символической мобилизации" (по Пьеру Бурдьё): она сносит старые памятники и устанавливает новые. Для советской власти эта экспансия была едва ли не важнее экономической или силовой. Реализация Плана монументальной пропаганды в СССР привела к тому, что памятники стали служить сетевым узлом территории: типовые монументы на центральных площадях советских городов, которые как бы объединяют разные географические точки. Однако такой монумент не структурирует городское пространство, а лишь насыщает его. В "закрытой культуре" СССР, так же как и в нацистской Германии и коммунистическом Китае, памятники не являются результатом общественного консенсуса, не играют роль художественного высказывания, не являются способом высказать авторскую идею. Это средство агитации и пропаганды, то, что должно вписываться в прагматику власти. К середине 1920-х годов в Москве было установлено множество памятников, часть из которых была прямо заимствована из классической скульптуры - взята из мастерских художников, часть - установлена и вскоре демонтирована из-за "низкой художественности", некоторые памятники развалились из-за плохого качества использованного материала. С 1924 года начинает оформляться жанр "ленинианы", и этот новый канон просуществует до 1980-х годов. Фигура Ленина, портретные черты которого представлялись в максимально обобщенном виде, в развевающемся плаще, - таким мы видим изображение Ленина сегодня. Миновав период гигантомании 1930- 1950-х годов, власть после 1953 года продолжает захватывать сферы памяти, устанавливая бесконечных "головастиков": еще не ясно, как должна работать машина памяти, но понятно, что она должна работать. Появляется множество памятников в скверах, при больницах, на заводах. Во второй половине 1960-х - начале 1970-х годов происходит новая волна гигантомании. В результате оказывается, что чем больше памятник, тем больше у него шансов стать "символом места". Новая тенденция замещает прежнюю: во второй половине 1980-х - начале 1990-х монументальное искусство начинает тяготеть к документализму. Памятники представляют уже не гигантов, а

соразмерные человеческому росту фотографические изображения людей. Но начнется ли новая история памятников, которые станут символами коммуникации и гражданского консенсуса? Один из важных пунктов новой программы десталинизации - установка памятников жертвам сталинизма, однако пока мемориальная парадигма остается все той же.

Елена Яичникова в выступлении *"Искусство в публичном пространстве: опыт Западной и Восточной Европы"* подчеркнула важность практик современного искусства, которые разворачиваются в городском пространстве на протяжении последнего десятилетия. Располагаясь в широком спектре от активистских до концептуальных, эти проекты реагируют на социальные, политические и экономические условия современной ситуации. Так, проекты художницы Лары Альмарсеги разворачиваются как критика современного города. Первый проект, "Путеводитель по пустырям Амстердама" (1999), показывает, что городское пространство теряет свой общественный характер из-за джентрификации, приватизации, регламентирования. В результате этих процессов уже почти не осталось свободных пространств. Единственная зона свободы в городе - это пустыри. Развивая этот проект, художница начала в 2003 году создание таких пространств, где властвуют только солнце, дождь и ветер, договариваясь с владельцами пустырей о том, что до 2018 года они оставят эти пространства нетронутыми. Другая художница, Катерина Шеда, в проекте "Там ничего нет" (2003) преобразовывала повседневную жизнь жителей чешской деревни Понетовичи под Брно: в одну из

стр. 486

суббот они делали свои дела синхронно. Шеда предложила скептически настроенным к коллективным формам деятельности деревенским жителям сыграть в игру, где пространство нереального позволяет моделировать события, которые затем становятся реальными. В другом проекте, "Каждой собаке - свой хозяин" (2007), художница объединила жителей квартала Лишен в чешском городе Брно, создав своим проектом новые социальные связи в районе, который сами жители считали неблагополучным. В ходе проекта каждый житель района получил посылку с рубашкой, отправленную якобы его соседом по району, но в действительности отправителем была художница. В течение месяца люди обсуждали эти посылки, а затем получили приглашение на вернисаж, где познакомились с художницей, замыслом проекта и с соседями. Третий художник, Нильс Норман, создал "Геоавтобус" (2001), в котором располагались библиотека и ксерокс, работающий от солнечных батарей. Посетители могли ознакомиться с литературой о радикальной экологии, исторических моделях утопий и публичном пространстве и сделать для себя копии этих книг. Автобус работал как активистско-пропагандистский проект, курсируя по всей Великобритании. Все эти три проекта так или иначе обращаются к осмыслению природы и функций общественного пространства и ищут новые пути взаимодействия с жителями города в попытке вернуть общественному пространству его публичный характер.

Подводя предварительные итоги деятельности Комитета активизации коллективной памяти и состоявшегося "круглого стола", Оксана Саркисян отметила, что цель проекта - выйти из автономии искусства и тех институциональных форм, которые российское современное искусство приобрело к началу 2000-х годов. Однако обращение художников, в том числе тех, которые работают как активисты, к более широкой аудитории наталкивается на препятствия, связанные, прежде всего, с медиализацией городского и общественного пространства. Большинство акций, в том числе группы "Война", направлены не на поиск новых форм взаимодействия с жителями города, а на представление событий в пространстве массмедиа. Такой подход был отмечен и в так называемом неофициальном, нонконформистском искусстве в СССР, когда художники сформировали альтернативное сообщество, а их первые акции в городе, такие как "бульдозерная выставка", через обращение к публичному пространству обращались к

власти, используя западные массмедиа. Все это остается элитарными практиками и до сих пор затрудняет развитие новых форм взаимодействия между современным искусством и обществом в рамках городского пространства.

стр. 487

Сальникова В. П. Образ города в контексте региональной культуры¹⁸

В. П. Сальникова, доцент кафедры истории и теории мировой культуры Самарского государственного педагогического университета, к. искусствоведения

Подойдя к окну своего гостиничного номера, я увидела холмы на горизонте и подумала: как ландшафт напоминает Флоренцию! Наверное, мысль о Флоренции была навеяна не только ландшафтом, но и людьми, с которыми довелось общаться. Саранск, каким он мне представляется, — университетский город, где на один «квадратный метр» культурного пространства приходится столько умных и образованных людей, что выброс интеллектуальной энергии буквально зашкаливает за «точку кипения». Это и титулованная профессура, и студенты — «жадное до обучения юношество», как выразился в свое время И. С. Бах. Заседание ученого совета по защите диссертации больше похоже на собрание флорентийских гуманистов, чем на строгое протокольное мероприятие. Каждый вдохновенно исполняет свою «арию», радуется слуху красоте слога, полет мысли вызывает ответную реплику собеседника, и время как бы остановилось ... Что там, за окнами — ренессансная Италия или российская Мордовия начала XXI в. — уже не столь важно.

Самара и Саранск расположены в одном регионе, связаны научными, экономическими, художественными и др. отношениями. Впечатления самарцев о Саранске и его жителях — достояние истории, «путевые заметки» в дополнение к официальным источникам. Вероятно, у других гостей свой образ Саранска. Экономические, социальные, этнические и т. д. составляющие очень важны, но все же региональная культура воспринимается нами именно как целостный образ. С одной стороны — непосредственный, субъективный, с другой — тесно связанный с мировым культурным контекстом.

Приведу пример из самарской культурной истории. Немногим более 100 лет назад Максим Горький, обосновавшийся тогда ненадолго в Самаре, предлагал поставить на пристани щит со следующей надписью: «Смертный, входящий в Самару, в надежде в ней встретить культуру — вспять возвратись. Ибо город сей груб и убог, ценят здесь только скотов, знают цены на сало и шкуры, но ценить не умеют к высшему в жизни дорог». Позднее Горький увидел и другую Самару, оценил высокий духовный потенциал самарской интеллигенции, даже влюбился и женился на самарской девушке Кате Волжиной.

Целостный образ культуры персонифицируется титульной личностью — Ното. Мы, самарцы, «Ното samagus»^ы. Самара — слово женского рода. «В Самаре самые красивые девушки» — этот бренд энергично раскручивается в СМИ, в бизнес-проектах и т. д. Саранск — слово мужского рода. Его, наверное, тоже можно персонифицировать и сделать узнаваемым и хорошо продаваемым брендом.

¹⁸ Сальникова В. П. Образ города в контексте региональной культуры // Регионоведение. 2008. №2. С. 356-357.

Интерес к Юрию Лотману, все чаще проявляемый в последнее время исследователями российской и советской культуры, - я имею в виду прежде всего вышедший под редакцией Андреаса Шёнле сборник статей "Лотман и cultural studies" и монографию Максима Вальдштейна "Советская империя знаков: история тартуской школы семиотики" - демонстрирует тот факт, что появляется потребность по-новому взглянуть на научное наследие Лотмана в широком теоретическом контексте¹. Как замечает Уильям Миллс Тодд III в своем "Послесловии" к сборнику "Лотман и cultural studies", "пришло время проверить на прочность лотмановское наследие, сопоставив его с альтернативными теориями и поместив в контекст различных социальных наук и новых культурных сфер" (р. 348). В этой статье идеи Лотмана сопоставляются с положениями Георга Зиммеля, Вальтера Беньямина и Мишеля де Серто. Я анализирую статью Лотмана "Символика Петербурга и проблемы семиотики города" (1984), сравнивая ее с двумя эссе Зиммеля, "Большие города и духовная жизнь" и "Венеция", размышлениями о городах Вальтера Беньямина в его многочисленных эссе и осмыслением городских практик у Мишеля де Серто². Сопоставляя статью Лотмана с этими теоретическими концепциями городского пространства, я пытаюсь "проверить на прочность" городскую семиотику Лотмана и его идею "эксцентрического города", перенеся их из контекста русской культуры в новую сферу и сопоставив с теми подходами к городской среде, которые оказали большое влияние на исследование города как культурного пространства в европейских и североамериканских университетах и за их пределами.

ГОРОД КАК СПЕКТАКЛЬ

Георг Зиммель, философ культуры и социолог, живший в Берлине на рубеже веков, написал очерк о Венеции, посетив ее в 1907 году³. В этом эссе

¹ Lotman and Cultural Studies / Ed. by Andreas Schonle. Madison: University of Wisconsin Press, 2006; *Waldstein Maxim. Soviet Empire of Signs: a History of the Tartu School of Semiotics*. [Germany:] VDM Verlag, 2008. См. также: *Kupovykh Maxim. Russifying Estonia? Juri Lotman and the Politics of Language and Culture in Soviet Estonia* // *Kritika*. 2007. Vol. 8. N 3. P. 561 - 596.

² Статья основана на презентации, сделанной на секции "Городская феноменология: за пределами города как мифа" на съезде AAASS в Филадельфии (2008). Здесь представлены предварительные соображения, которые требуют более полного исследования городской семиотики Лотмана в контексте того, как были представлены пространство и культурные смыслы в российских интеллектуальных практиках позднесоветского периода. Я благодарю Джонатана Плата, организатора и участника дискуссии этой секции за его компетентные и полезные замечания.

³ Это эссе было опубликовано вместе с другими очерками Зиммеля о Риме и Флоренции в появившемся после его

Зиммель подходит к городу как к автономному артефакту; с его точки зрения, город создает впечатление "независимости от реальности", словно он возникает по своей собственной воле, выступая как кантианская "*Ding an sich*, сущностный объект, независимый от воспринимающего субъекта"⁴. В соответствии с аристотелевской установкой Зиммеля, каждое произведение искусства выражает либо метафизическую

¹⁹ Турома С. Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления // Новое литературное обозрение. 2009. №4. С. 66-76.

внутреннюю истину, либо некую ложную сущность. Венеция относится к последнему разряду. Развивая свои соображения о Венеции, Зиммель сравнивает этот город с Флоренцией. Во Флоренции "внешний облик дворцов совпадает с их внутренним смыслом <...>, каждый камень предстает выражением силы и самосознания отвечающей за себя личности". Венецианские дворцы, напротив, походят на "изощренную, напыщенную игру" (*ein prezioses Spiel*). Это просто фасады, оторванные от жизни, "покров, чьи складки повинуются только правилам собственной красоты и указывают на протекающую за ними жизнь только тем, что ее скрывают". Флоренция производит впечатление истинного произведения искусства, тогда как "Венеция - искусственный город" (*Florenz wirkt wie ein Werk der Kunst - Venedig aber ist die kunstliche Stadt* (S. 69)). Согласно Зиммелю,

Флоренция никогда не станет одной только маской, поскольку явила себя как подлинный язык действительного бытия; но здесь [в Венеции], где все безмятежное и веселое, непринужденное и свободное служило только фасадом для мрачной и жестокой, безжалостно целесообразной жизни, после ее конца осталась только бездушная театральная декорация, лживая красота маски. В Венеции люди как будто передвигаются по сцене - все действия здесь разворачиваются словно на переднем плане, за которым второй, внутренний план отсутствует⁵.

В этом и состоит *die Luge von Venedig*, "ложь Венеции". Венеция была для Зиммеля городом, лишенным действительного бытия, городом лживым, обманчивым, искусственным, двусмысленным и театральным, городом, который воплощает шопенгауэровскую идею "абсолютной двусмысленности", - явлением жизни, которая, по приведенному Зиммелем выражению Шопенгауэра, оказывается *durchweg zweideutig* (насквозь двусмысленной).

Спустя почти 80 лет после Зиммеля Юрий Лотман, пишущий о Петербурге, бывшей столице Российской империи, охарактеризовал город в словах, удивительно схожих с той феноменологией Венеции, которую развивал Зиммель. В лотмановском восприятии Петербург предстает "призрачным", "искусственным" и "театральным"⁶. Сходства между представлением Зиммеля о венецианской театральности и лотмановским описанием пе-

смерти издания "Zur Philosophie der Kunst. Philosophische und kunstphilosophische Aufsätze" (Potsdam: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1922). (См. также недавний перевод на русский: Логос. 2002. N 3 - 4; <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zimmflor.html>. - *Примеч. ред.*)

⁴ Английские цитаты приводятся по книге Тони Таннера: *Tanner Tony. Venice Desired*. Harvard: Harvard University Press, 1992. P. 366 - 368. Немецкий текст см. в книге: *Simmel G. Zur Philosophie der Kunst*.

⁵ *Simmel G. Zur Philosophie der Kunst*. S. 69.

⁶ Параллели между Зиммелем и Лотманом см. также в: *Turoma Sanna. Lotman's Petersburg, Simmel's Venice, and the "Eccentric City" Observed // Varietas et Concordia. Essay in Honour of Pekka Pesonen*. Helsinki, 2007. P. 210 - 219.

стр. 67

тербургского пространства весьма примечательны. Лотман начинает говорить о театральности в связи с путевыми записками маркиза де Кюстина, относящимися к первой трети XIX века, переходя затем к архитектурному восприятию города. Согласно Лотману, театральность Петербурга обязана главным образом тому, что архитектура города отличается "уникальной выдержанностью огромных ансамблей, не распадающейся, как в городах с длительной историей" (39)⁷. Эта уникальная выдержанность стиля "создает ощущение декорации". В лотмановской концептуализации петербургского пространства облик городских зданий, напоминающих декорацию, производит семиотическое

разделение на передний и задний планы, схожее с тем, которое Зиммель наблюдал в Венеции. Лотман пишет:

Театральность петербургского пространства сказывалась в отчетливом разделении его на "сценическую" и "закулисную" части, постоянное сознание присутствия зрителя и, что особенно важно, - замены существования "как бы существованием": зритель постоянно присутствует, но для участников сценического действия "как бы не существует": замечать его присутствие - означает нарушать правила игры. Также все закулисное пространство не существует с точки зрения сценического. С точки зрения сценического пространства реально лишь сценическое бытие, с точки зрения закулисного - оно игра и условность. <...> Постоянное колебание между реальностью зрителя и реальностью сцены, причем каждая из этих реальностей, с точки зрения другой, представляется иллюзорной, и порождает петербургский эффект театральности⁸.

Продолжая свою мысль, Лотман, говорит о том, что театральность и искусственность, присущие самой идее основания Петербурга, связаны со спецификой формирования петербургской идентичности; она всегда предполагает сознание наличия внешнего наблюдателя, "взгляда из Европы" или "взгляда из России (= взгляд из Москвы)"⁹. И более того, "потребность в зрительном зале", как утверждает Лотман, "представляет семиотическую параллель тому, что в географическом отношении дает эксцентрическое пространственное положение"¹⁰.

Семиотическая параллель, о которой говорит здесь Лотман, отсылает к типологии городской семиотики, с которой он начинает свою статью. По мнению Лотмана, Петербург представляет собой "эксцентрический город", будучи антитезой государству, с одной стороны, и природе, с другой. Он расположен "на краю" культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка - с другой. Вокруг имени такого города будут кон-

⁷ Ссылки на статью Лотмана "Символика Петербурга и проблемы семиотики города" даются по изданию: Семиотика города и городской культуры // Tartu riikliku ulikooli toimetised. Ученые записки Тартуского государственного университета. 644. Труды по знаковым системам. Вып. XVIII. Тарту, 1984. С. 30 - 45.

⁸ Лотман Ю. М. Символика Петербурга... С. 39 - 40, 41.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 40.

стр. 68

центрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это - потоп, погружение на дно моря".

Противоположностью этому городу является город, который Лотман описывает как занимающий не **эксцентрическое**, а **концентрическое** положение (<...> в семиотическом пространстве"). Этот город расположен внутри страны, как правило на горах, и является "посредником между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца - это "вечный город", Roma aeterna" (31). Этот "концентрический город"

может быть не только изоморфен государству, но олицетворять его, *быть им* в некотором идеальном смысле <...> В случае, когда город относится к окружающему миру как храм, расположенный в центре города, к нему самому, т.е. когда он является идеализированной моделью вселенной, он, как правило, расположен в центре Земли.

Вернее, где бы он ни был расположен, ему приписывается центральное положение, он *считается* центром¹².

Но воображение Лотмана притягивает не столько этот "концентрический" город, сколько город "эксцентрический". В его понимании именно город как спектакль, как театральная сцена, как арена для различных культурных и геополитических столкновений оказывается городом, который обнаруживает свою "эксцентричность".

Вальтер Беньямин, если обратиться теперь к одному из самых ярких авторов, писавших XX веке о городе, тоже подчеркивал те особенности городской жизни, которые делают ее похожей на театр или спектакль. Однако для Беньямина все это не составляло характерных черт "эксцентрического города", а было главными свойствами города вообще, города как сущностного места современной эпохи (Modernity). Беньямин написал несколько эссе о различных городах, в том числе о Марселе, Неаполе и Москве, но помимо этих "*Denkbilder*", как он называл небольшие характеристики городов, им был написан ряд более обширных текстов о Париже и Берлине. Топографический метод Беньямина, описанный им в "Берлинской хронике", заключающийся в нанесении на карту мест его детства и юности, берет начало в представлении о городе как о ряде топосов, в которых происходят встречи, события и собрания, где возникают дружеские отношения и заключаются союзы. Эти места, или *Schauplatze* (слово, которое использует Беньямин), - кафе, площади, парки, улицы - становятся сценами, аренами, где разворачиваются события, образуя прерывистый нарратив его жизни:

Уже давно, годами, я развлекаюсь тем, что пытаюсь разметить сферу моей жизни - bios - графически, на карте. <...> Я разработал целую систему условных обозначений, и они бы запестрели на сером фоне карты, если б я четко отметил на ней квартиры друзей и подруг, дома, где собирались всевозможные группы - от "дискуссионных залов" молодежного движения [*Jugendbewegung*] до мест собраний молодых коммуни-

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Там же. С. 30.

стр. 69

стов, - комнаты гостиниц и борделей, где мне доводилось ночевать, решающие для меня скамейки Тиргартена, школьные маршруты и заполненные при мне могилы, адреса модных кафе с ежедневно бывшими на устах, но ныне забытыми названиями, теннисные корты, на месте которых теперь пустые доходные дома, и комнаты с позолотой и лепниной, навевавшие не меньший ужас, чем спортзалы, поскольку в них проводились уроки танца¹³.

Значение этих мест для формирования ретроспективного опыта, воспоминаний автора о его жизни было осознано Беньямином в Париже: "день в Париже наглядно продемонстрировал, какую властью города обладают над воображением", он продемонстрировал, почему мы помним "образы людей гораздо реже, чем те подмостки, на которых мы повстречали других или самих себя"¹⁴. Постоянно возникающие образы мест, *Schauplatze*, где происходят автобиографические встречи автора, образуют бесконечный театр городского опыта и жизни в целом¹⁵.

Участвуя в современных им спорах о большом городе как социальном и культурном феномене, как Зиммель, так и Беньямин - причем Зиммель очевидным образом повлиял в этих обсуждениях на Беньямина - считали, что современный городской опыт наделен эксцентрическим потенциалом. Современный город был шоком или целой серией шоков, прерывистых хаотических импульсов и стимулов, переживаемых в толпе и благодаря толпе. У беньяминовского фланера (*flaneur*) двойственность городского шока, вызванного непрерывным движением толпы, ведет одновременно к опьянению и скуке, тогда как, с точки зрения Зиммеля, высказанной им в "Больших городах и духовной жизни", это сначала ведет к видимому безразличию, пресыщенности, а затем к тому, что человек

начинает культивировать разного рода "эксцентричности", чтобы только его увидели и заметили в толпе¹⁶.

Для Беньямина город был эксцентрическим феноменом еще и в том отношении, что, как показывает следующий иронический пассаж из его автобиографического произведения "Улица с односторонним движением", город демонстрирует борьбу между искусственностью и природой:

Город, как и все вещи, которые, находясь в бесконечном процессе смешивания и загрязнения, утрачивают свои первоначальные черты, в то время как двусмысленность вытесняет подлинность, тоже переживает нечто подобное. Большие города - чья бесподобная поддерживающая и обнадеживающая сила охраняет, подобно крепостным стенам, покой всех тех, кто занят там своими делами, и избавляет их, вместе со зрелищем

¹³ Рус. пер. Е. Павлова цит. по изданию: *Беньямин Вальтер*. Берлинская хроника // Павлов Евгений. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М.: НЛО, 2005. С. 166 - 167.

¹⁴ Там же. С. 187.

¹⁵ Об этом см. подробнее: *Jacobs Carol*. Walter Benjamin: Topographically Speaking // *Walter Benjamin: Theoretical Questions / David S. Ferris (Ed.)*. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 100; *Weber Samuel*. "Street, Squares, Theaters": A City on the Move-Walter Benjamin's Paris // *boundary*. 2003. Vol. 30. N 1; см.: <http://muse.jhu.edu/journals/boundary/v030/30.1weber.pdf>.

¹⁶ См.: *Gilloch Graeme*. Myth and Metropolis. Walter Benjamin and the City. Cambridge, U.K.: Polity Press, 1996. P. 144 - 46.

стр. 70

горизонта, от сознания никогда не дремлющих стихийных сил, - похоже, везде уже теряют отчетливость своих границ под натиском сельской местности. И это не только сельский пейзаж, но и то, что мучительнее всего в природном раздолье, - вспаханная земля, шоссе, ночное небо, не скрываемое больше завесой дрожащих красных огней. Ненадежность даже самых оживленных районов ставит городского жителя в какую-то неопределенную и совершенно жуткую ситуацию, в которой он должен ужиться с чудовищами, явившимися из открытой местности, и недоносками городской тектоники¹⁷.

Чудеса технологических новшеств, эксцентричность городской жизни, как, видимо, считает Беньямин, служат подтверждением того факта, что современный большой город поработил природу. Современность (Modernity) и ее наиболее озадачивающее достижение - большой город - свидетельствуют о конце мифа о неконтролируемых силах природы.

Таким образом, в понимании Беньямина, город, по крайней мере современный большой город, **всегда является** искусственным и эксцентрическим, независимо от его географического или культурно-семиотического местоположения. Большой город, по мнению Беньямина, обладал способностью создавать динамические "культурно-семиотические" конфликты", если использовать лотмановский идиолект, конфликты, которые, с точки зрения Лотмана, характеризуют лишь определенный вид города - эксцентрический город, каким является Петербург.

ГОРОД КАК ТЕКСТ

Как указывает Дэвид Фрисби (David Frisby), исследователь модернизма и городской среды, понимание города как текста, "потенциально расшифровываемой констелляции знаков и символов", было в различных формах распространено в литературе и критике начиная "по крайней мере с девятнадцатого века"¹⁸. Понятие города как текста предполагает наличие языка и читателя. У Зиммеля, Беньямина и Лотмана как "читателей" города есть между собой нечто общее, но в то же время они радикально отличаются друг от друга. Эти различия выходят на первый план, если сопоставить их работы с текстами Мишеля де Серто.

Изучая практики тех, кто теоретизировал о городе, Мишель де Серто описывает свою собственную исходную позицию как позицию Икара-вуайериста, наблюдающего за большим городом сверху - в случае де Серто речь идет о вершине Всемирного торгового центра на Манхэттене (что происходит в конце 1970-х, то есть в то самое время, когда Лотман работал над своей семиотикой городского пространства):

Поднимаясь вверх, я оставляю позади себя поток, похищающий и перемешивающий любые "я", будь они творца или зрителя. Икар над волнами может позволить себе пренебречь уловками Дедала, пригодными лишь для бесконечных подвижных лабиринтов вниз. Возможность

¹⁷ *Benjamin Walter. One-Way Street / Translated by Edmund Jephcott and Kingsley Shorter. London: Verso, 1997. P. 59.*

¹⁸ *Frisby David. The metropolis as text. Otto Wagner and Vienna's "Second Renaissance" // The Hieroglyphics of Space. Reading and Experiencing the Modern Metropolis / Ed. by Neil Leach. London: Routledge, 2002. P. 15.*

стр. 71

смотреть со стороны, вознесенность делает из меня вуайериста: превращает чарующий мир, которым я был околдован, в лежащий перед глазами текст - я могу читать его, стать солнечным Оком, смотреть свысока, подобно богу¹⁹.

Отступая от этого опыта и описывая свое собственное "падение Икара", Мишель де Серто проводит различие между двумя когнитивными структурами, которые характеризуют артикуляции города: обобщающее видение тех, кто создает всеобъемлющие паноπτические и теоретические конструкции, глядя на город с птичьего полета, и городские практики тех, кто анализирует город "снизу". Первые - "вуайеристы", аналитики городской "текстуриологии", теоретики неподвижной пространственной тотальности. Вторые - "пешеходы", *Wandersmanner*, "тела которых, следуя всем изгибам городского "текста", записывают его, но неспособны его прочесть", те, кто очарован "фрагментами траекторий и переменой мест", которые "по отношению к репрезентациям" остаются другими "в своей ежедневности и неопределенности"²⁰.

Сам Зиммель и особенно фланер Беньямина напоминают "пешеходов" де Серто, практически осваивающих среду городского пространства. Их подход к городской повседневности сосредоточен на определенных местах города, использует субъективный опыт того, кто передвигается по городу пешком. Лотман, напротив, напоминает "вуайериста" де Серто: он не выдвигает на передний план свой субъективный опыт, но, скорее, сосредоточивается на широких мифологических категориях, при помощи которых город предстает статичным и нечеловеческим. В феноменологии Зиммеля, так же как в теоретически многостороннем проекте Беньямина, город всегда и прежде всего - место человеческих взаимодействий, и часто это взаимодействие тех, кто ходит по городу пешком. У Лотмана город - это прежде всего понятие; операциональное основание для семиотического воображения ученого, используемое для создания абстракции и типологии.

Одно из главных различий между феноменологией Зиммеля и Беньямина, с одной стороны, и семиотической моделью Лотмана, с другой, состоит в том, что Лотман читает текст прошлого, тогда как Зиммель и Беньямин расшифровывают текст современной им действительности. Лотман исследует мифологию Петербурга и показывает, как она развивалась в русской устной традиции и канонической литературе, тогда как его собственный текст - исследование мифа, его анализ и пересказывание - является вкладом в культурную мифологию, окружающую городское пространство и архитектуру Петербурга. Лотман занимается дискурсом не о Ленинграде, советском маргинализированном городе 1980-х годов, а о Петербурге - о городе, которого больше нет. С этой точки зрения город, который описывает Лотман, кажется, как недавно

отметила Джульетт Баклер (Juliet Buckler), "застывшим в его тексте"²¹. Понятие "театральности" в этом от-

¹⁹ *Certeau Michel de. The Practice of Everyday Life / Translated by Steven Rendall. Berkeley: University of California Press, 1988 (1984). P. 92 (рус. пер.: Communitas. 2005. N 2. С. 81).*

²⁰ *Certeau Michel de. The Practice of Everyday Life. P. 93 (рус. пер. С. 82).*

²¹ *Buckler Juliet. Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityshape. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 38.*

стр. 72

ношении весьма показательна. Зиммель проходит по театральному пространству Венеции; Лотман вновь обращается к театральности, но главным образом посредством литературных и культурных цитат. Даже когда интерпретация Лотмана как будто основывается на непосредственных наблюдениях о городе, она вновь открывает миф, восприятие, нечто, уже многократно встречавшееся в русской культуре. Акцент, который Лотман делает на уникальном единстве архитектурных ансамблей, заставляет вспомнить один из самых устойчивых петербургских мифов. Это "воображаемое классическое единство", если привести цитату из недавней статьи Баклер, или, говоря иными словами, тенденция представлять архитектурный Петербург навсегда застывшим в классической пушкинской эпохе, неизменно присутствует в работах наиболее известных авторов XX века, писавших об этом городе. Ретроспективный взгляд накладывает пушкинский Петербург на современное восприятие города. Русские источники Лотмана, Николай Анциферов и Александр Бенуа, также обнаруживают эту "консервирующую" функцию²². Кроме Лотмана, Баклер, в качестве примера такого подхода, также упоминает эссе Иосифа Бродского; подобное мифологизированное восприятие петербургской архитектуры определяло, например, позицию Ефима Эткинда в дискуссиях о петербургской эстетике²³.

Лотмановское прославление Петербурга и его мифа, его обобщающее видение городской семиотики должны, конечно, рассматриваться в том пространственно-временном контексте, в котором они возникли. Точка зрения, с которой Лотман смотрит на город, - это взгляд не с высоты небоскреба, символа современного городского столпотворения, а из советского Тарту, одной из университетских гетеротопий советского пространства, удаленной от двух городских центров официального интеллектуального мейнстрима советской эпохи, Ленинграда и Москвы. Из них Ленинград, бывшая столица Российской империи, была маргинализована, оттеснена советским режимом на периферию, а Москва представляла собой настоящую космополитическую столицу советского государства. Именно об этой дихотомии свидетельствует этот лотмановского текста. Его эссе о городской символике было вкладом в те расходящиеся с официальными, нонконформистские репрезентации Ленинграда/Петербурга, которые ностальгически поддерживали историческое значение и культурный престиж прежней столицы России и бывшей имперской метрополии, которая, с точки зрения специфики семиотического объекта, "по количеству текстов, кодов, связей, ассоциаций, по объему культурной памяти <...> по праву может считаться уникальным явлением в мировой цивилизации"²⁴, как с воодушевлением пишет Лотман в конце своей статьи "Символика Петербурга...".

²² *Ibid. P. 35 - 39.*

²³ *Эткинд Ефим. Олигархическая эстетика // Петербург - окно в Европу / Ed. by N. Baschmakoff, E. Hellberg-Hirn, V. Krivulin, P. Pesonen. [Studia Slavica Finlandensia XIII]. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 1996. С 58.*

²⁴ *Лотман Ю. М. Семиотика города и городской культуры. С. 45.*

стр. 73

ГОРОДА И БИНАРНЫЕ МОДЕЛИ

Наконец, в заключение можно предложить еще одну "проверку на прочность", касающуюся бинарной типологии Лотмана, когда она выходит за пределы культурного контекста России и Советского Союза. Лотман упоминает Стамбул как пример эксцентрического города. Венеция - в качестве одной из вершин петербургско-стамбульского треугольника - видимо, тоже дополняет его определение городской эксцентричности. Венеция, как и Петербург, является "эксцентрической" в том отношении, что она расположена одновременно на границе двух стихий (моря и земли) и двух культурных сущностей (Востока и Запада), и ее можно назвать "искусственной" в том смысле, что ее основание не на земле, а на воде включает ее в оппозицию природным силам. Кроме того, исторически значимая трансформация мифа о Венеции, которая имела место в XIX веке, предполагает дуальность, присущую мифологическому потенциалу эксцентрического города. Мифологии Венеции, появлению которых способствовали венецианские ученые XV и XVI веков, использовали рациональную интерпретацию эксцентрического города, в варианте, если говорить об этом в лотмановских терминах, "победы разума над стихиями". Венеция была, по словам современного исследователя венецианской истории, "совершенным обществом, реализованной утопией, сравнимой с современными утопиями, придуманными в спекулятивных философиях континентальных обществ, сопоставимых с Венецией, которая, однако, превосходила их в практическом выражении. Венеция... была совершенна, потому что первые поселенцы с лагун усвоили рациональную структуру созидания и инкорпорировали эти правила в свои институты"²⁵. Однако после падения Венецианской республики в 1789 году, которое совпало с появлением романтической чувствительности и открытием того, что город уходит под воду (о чем впервые заговорили французские инженеры в 1810 году), венецианские мифологии, создаваемые и умножаемые венецианскими учеными, превратились в литературных репрезентаций преимущественно не венецианских поэтов и путешественников в миф о городе, который пришел в упадок²⁶. Такие достоинства Венеции, как свобода, централизованность, суверенность и величие, стали рассматриваться как уже утраченные, а им на смену пришли вневременные понятия красоты, тайны и мечты. Декадентская ассоциация этого города со смертью стала к концу XIX века общим местом²⁷. Этот мощный общеевропейский миф о Венеции подорвал преж-

²⁵ *Cosgrove Dennis. The Myth and the Stones of Venice: An Historical Geography of a Symbolic Landscape // Journal of Historical Geography. Vol. 8. N 2. 1982. P. 145 - 169, особенно p. 154 - 155, 147.*

²⁶ О трансформации восприятия Венеции в массовом сознании и художественной литературе во второй половине XIX века см.: *Pemble John. Venice Rediscovered. Clarendon Press: Oxford, 1995*; а о репрезентациях Венеции в романтической литературе см.: *Meregalli Franco. Venice in Romantic Literature // Arcadia. 1983. Vol. 18. N 3. P. 225 - 239.*

²⁷ Именно этот миф вдохновлял те репрезентации Петербурга в начале XX века, в которых проводились параллели между Петербургом и Венецией (см.: *Топоров В. Н. Италия в Петербурге // Италия и славянский мир: Советско-итальянский симпозиум / Simpozium in honorem*

стр. 74

ние мифологии Венецианской республики, используя обратную сторону дуальности, которая, согласно Лотману, характеризует мифологический потенциал эксцентрического города; новый миф сконцентрировался на "искажении порядка природы".

Но несмотря на эту аналогию между Венецией и Петербургом, городские истории и мифологии этих двух городов отличаются друг от друга во многих отношениях. По-видимому, эсхатологический элемент никогда не был столь же силен в венецианской мифологии, как это было в петербургской устной традиции; гибель и смерть были включены в миф о Венеции европейскими авторами и художниками XIX века. Кроме того, еще одно существенно отличное было в том, что миф о Венеции предполагал особенность и уникальность, противопоставленные идее копии или симуляции, характеризующей восприятие Петербурга как города искусственного и неорганического. Венеция, как напоминают нам Барри Кертис (Barry Curtis) и Клэр Паячковска (Claire Pajaczowska) в своем исследовании венецианской мифологии, является одновременно "архетипической и уникальной", тогда как Петербург, как напоминает нам Лотман, создан по модели Венеции и других европейских городов²⁸. Кроме того, согласно мифологиям, созданным венецианскими учеными-гуманистами, "море охраняло девственность Венеции от варварских нападений, начиная от Аттилы и до Франциска I... [а] острова вокруг Риалято были расположены в центре мира, месте, в котором сходились торговые пути и которое служило посредником между Римом и Византией, Империей и папством"²⁹. Если пользоваться лотмановской терминологией, то можно сказать, что в своей оригинальной мифологии Венеция ассоциировалась с качествами, приписываемыми не "эксцентрическому", а "концентрическому городу", такому как Рим, Иерусалим и Москва, которые, согласно Лотману, были "не только изоморфны государству", но еще и "воплощали его" и рассматривались как "идеализированные модели вселенной", расположенной в "центре земли"³⁰. Венеция на протяжении многих столетий была процветающей морской державой, и хотя она не была расположена в центре земли и воды, но "считалась центром" своих владений, что являлось чертой, типичной для мифологии "концентрических" городов, как их описал Лотман.

Есть, однако, по крайней мере один город, который соответствует Петербургу по своей эксцентричности и, кажется, прекрасно подходит под описание Лотмана. Но чтобы найти его на карте, мы должны выйти за пре-

Professore Ettore Lo Gatto. Москва, 1990. С. 49 - 81, особенно с. 66). Апокалиптические видения умирающего "Петрополя" в сборнике Мандельштама "Tristia" имеют параллель в присутствующих там же декадентских образах умирающей Венеции ("Венецианской жизни мрачной и бесплодной..."). См. также: *Turoma Sanna. Empire, Geography, Space in Late Soviet Russian Literature // Revisiting Perestroika: Processes and Alternatives* (The Aleksanteri Institute Annual Conference). Helsinki, 2007.

²⁸ Лотман Ю. М. Символика Петербурга... С. 43; Curtis Barry, Pajaczowska Claire. Venice: Masking the Real // *The Hieroglyphics of Space: Reading and experiencing the modern metropolis* / Neil Leach (Ed.). London: Routledge, 2002. P. 152 - 163, особенно p. 154.

²⁹ Cosgrove Dennis. *The Myth and the Stones of Venice*. P. 154 - 155.

³⁰ Лотман Ю. М. Семиотика города и городской культуры. С. 30.

стр. 75

делу Евразийского континента. Этот город - Лос-Анджелес. Конфликт между артефактом городского пространства и природными силами, который подразумевается существованием города, расположенного на стыке двух тектонических плит, окруженного пустыней и живущего за счет искусственной системы водоснабжения; утопический элемент, связанный с его основанием (золотоискательство, идея Земли Обетованной и так далее), судьба коренных жителей, постоянно происходящие столкновения двух культурных сфер, североамериканской и тихоокеанской, эсхатологические мотивы городской мифологии с характерным для нее ожиданием стихийных бедствий, вроде землетрясений и пожаров, богатый мифогенный потенциал города, поддерживаемый массовой культурой, которую воплощает Голливуд, - все это, конечно, делает Лос-

Анджелес эксцентрическим городом *par excellence*³¹. Но как обстоит дело с его собственной "Москвой", "концентрической" бинарной оппозицией? Может ли эту роль выполнять Нью-Йорк? Вряд ли. Скорее, можно сказать, что он конкурирует по "эксцентричности" с Лос-Анджелесом. Может ли это быть какой-нибудь другой североамериканский большой город? Или ситуация такова, что этот специфический бинаризм модели, изобретенной внутри русскоязычной культурной сферы в советском имперском пространстве, где соперничество Москвы-Ленинграда почти не оставляло места для других городских пространств, в конечном итоге не может быть напрямую использован за пределами России и/или Советского Союза?

Авторизов. пер. с англ. Нат. Мовниной

³¹ См.: *Davis Mike. Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster.* London: Picador, 1999.

стр. 76

Рыжова Т.С. Город в социокультурном пространстве региона²⁰

РЫЖОВА Татьяна Сергеевна, профессор кафедры ЮНЕСКО Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук.

На рубеже веков и тысячелетий тема города имеет особую остроту в связи с той ролью, которую город, интегрирующий культурный, интеллектуальный и экономический потенциал общества, играл и играет на протяжении всей истории цивилизации. В настоящее время накоплен огромный историко-архитектурный материал по изучению градостроительного наследия, который до сих пор мало осмыслен с точки зрения философско-культурологического анализа. Актуальные проблемы сохранения и возрождения материально-пространственных форм культуры, на наш взгляд, невозможно решить без понимания их места и значения в структуре ландшафтов стран и регионов, что на фоне тотальной урбанизации делает эту проблему особенно актуальной.

Города разного конкретно-исторического типа (древнейший, античный, средневековый, современный, социалистический, колониальный, капиталистический, «третьемирский» и т. д.) стали предметом научного познания отнюдь не сегодня, когда они стали «средой обитания» большинства населения мира, а гораздо раньше. Но «проблема города» находилась в поле зрения исследователей ряда научных дисциплин, так или иначе связанных с изучением городской феноменологии, и сравнительно долго исследовалась как бы попутно наряду с другими процессами и явлениями, которым и посвящались общие комплексные труды по истории, экономике, культуре, архитектуре и т. д.

Дело в том, что на Западе лишь с конца XIX в. *город*, а спустя полвека *урбанизация* стали самостоятельными и полноправными объектами изучения. С 20-х гг. XX в. город во всех его проявлениях и с 50-х гг. урбанизация — основные феномены всестороннего познания зарождавшейся социологии города, урбаносоциологии или урбанистики. Фундамент урбанистского социологического знания, городской социологии заложили труды, посвященные историческим и современным городам, А. Вебера, М. Вебера, В. Зомбарта, Л. Мамфорда, Э. Говарда, представителей чикагской школы — Р. Парка, Л. Вирта, Э. Барджесса, Р. Редфилда и др.

В связи с этим интересна последовательность в исследовании конкретных исторических типов городов в западной урбаносоциологии, ставшей историографическим фактом. Так, в 20—30-е гг. детально изучали современный капиталистический

²⁰ Рыжова Т.С. Город в социокультурном пространстве региона // Регионоведение. 2010. №1. С. 250-257.

(промышленный) город с его чрезмерной профессиональной специализацией и всеохватывающим отчуждением людей. В 40—50-е гг. историков, социологов, этнографов, археологов заинтересовали традиционные / доиндустриальные средневековые феодальные города, античные города-полисы, восточно-азиатские имперские центры. В 60—70-е гг. наступило время познания неуниверсальных, промежуточных — колониальных и постколониальных (третьемирских) городов афроазиатского и латиноамериканского ареалов.

В американской социологии города в течение полувека, начиная с 20-х гг. XX в., господствовал город, а процесс урбанизации долгое время не изучался. Город, отсеченный от социальных противоречий урбанизационных процессов остального общества, представлялся в качестве автономного целого как «основная переменная величина», главный источник и генератор развития, основная социологическая лаборатория для изучения поведения человека и уяснения состояния всего общественного организма.

При таком подходе к феномену города урбанизация должным образом не учитывалась и не исследовалась, что было вполне закономерно. В зарубежной и отечественной научной урбанистской мысли утвердилось и доминировало представление, что город был в древности и в последующие эпохи, но урбанизации не было. Появление и развитие ее связывали исключительно с радикальными изменениями в обществе — в экономике, социуме и общественном сознании, начало которым было положено мануфактурой.

Наряду с таким пониманием урбанизационных процессов в последнее время получил признание иной взгляд, сторонники которого предлагают рассматривать *урбогенез* как появление первых городов и урбанизируемого сознания, начиная с древнейших эпох, момента возникновения первых городских поселений, где размещались культовые, ритуально-магические центры (святилища, обсерватории), резиденции правителей, оборонительные укрепления. В этом случае понятие и сам феномен урбанизации интерпретируются более широко независимо от специфики цивилизаций. Наконец, существует точка зрения, согласно которой процесс урбанизации связывается с формированием отношений, свойственных цивилизации, которые зарождаются в процессе перехода к ней и интегрируются нарождающимся городом. Урбанизация исторически связывается с цивилизацией.

В формировавшихся социологических теориях развития третьего мира, разных неоклассических теоретических моделях модернизации по западному образцу (индустриализация—урбанизация—вестернизация), в многочисленных общих концепциях («зависимости», «центра—периферии», «нового международного разделения труда», «асимметрического взаимодействия», «мировой политической экономии», «мир—система» и др.) вся городская проблематика была сведена к урбанизационным процессам. Город как объект изучения, уступив первенствующее место и значение, растворился в исследованиях феномена урбанизации¹.

Множеством связей и действий город соединен и срашен с различными сферами общественной жизни, и одновременно он в своем социокультурном и экономическом пространстве выступает в качестве самостоятельного социума, особого, но не изолированного организма, который с огромной силой влияет и существенным образом определяет специфику развития общества, процессы урбанизации, происходящие в градостроительном пространстве. Работа со столь обширным материалом, на наш взгляд, невозможна без привлечения методологических стратегий новой комплексной научной дисциплины — *культурной географии*. Именно ее подходы применимы при исследовании пространственных (т. е. поддающихся картографированию) объектов в системе культурных представлений. При этом «градостроительный объект» рассматривается как ментальное, смысловое явление.

Культурный ландшафт — базовое понятие, обеспечивающее принципиально новый взгляд человека на культуру, на свою деятельность в земном пространстве культуры². По-

новому начинает просматриваться и роль градостроительного искусства как одного из наиболее древних и фундаментальных видов деятельности, которое, являясь активной материально-формирующей силой, составляет часть культурного ландшафта. Культурный ландшафт складывается из совокупности территориальных культурно-природных комплексов, образующих взаимосвязанную систему объектов и явлений инновационной и традиционной культур. Тем самым задаются исходное разнообразие культурного ландшафта, основа его иерархической структуры, определенная соподчиненность его внутренних частей. Это важное пояснение к пониманию структуры *социальных пространств*: они, с одной стороны, всегда существуют вокруг личности или социального сообщества в виде индивидуально-личностных или коллективных культурно-природно-хозяйственных комплексов повседневности. С другой стороны, они всегда занимают реальное физическое пространство.

Основной принцип нашего анализа связан с особенностью культурологического понимания социального пространства, которая состоит в том, что оно формируется и развертывается активностью социального субъекта вокруг социального объекта, делая его своим центром и носителем. Есть активность субъекта — живое пространство локальной культуры; нет активности — нет «ячейки» пространства культуры: вместо живого пространства культуры — ее имитации и декорации. Так, в частности, каждая личность — центр, «начало отсчета» личностного мира, границы которого, хотя и расплывчаты, но определены масштабами ее активности, направленностью в «определенное русло».

Каждое социальное сообщество, в том числе и городское, — тоже носитель и субъект собственного социокультурного пространства, сферически развернутого вокруг центра. Каждый социальный субъект есть отдельная фракция социального пространства. Сколько социальных субъектов, столько и социокультурных пространств-микрокосмов, причем каждое из них имеет собственное «начало координат», которое всегда находится в одном и том же месте и не подчиняется теории относительности. В качестве такого «начала координат» выступает социальный субъект, его система ценностей.

В контексте нашего исследования важно обратить внимание на то, что исторические регионы культуры имеют устойчивую «радиально-кольцевую» основу структурной организации своего внутреннего пространства. Эту основу можно выразить формулой «центр региона + провинция региона + граница региона». Иначе говоря, если перед нами живая региональная культура, то в ней всегда можно найти центр, окружающую его провинциальную зону и более или менее явно выраженную границу. Как показал ряд исследований, эти структурные элементы сохраняют свои особенные роли внутри региона культуры, не «перемешиваются». В то же время бытование региональной культуры всегда связано с постоянными «диалогами» этих структурных элементов между собой³.

Своеобразие *градостроительного пространства* страны, региона, на наш взгляд, наиболее очевидным образом проявляется в предметных формах его «тела» — в его ландшафтах, масштабах и пропорциях, в темпе его повседневной жизни, формах самоорганизации жителей. С другой стороны, все это элементы предметной, видимой части структур коллективной социально-исторической памяти сообществ. Вне анализа структур социально-исторической памяти трудно, если не невозможно, выявить и описать особенности российских регионов. Наш тезис состоит в том, что внутренняя природа градостроительного пространства имеет своим фундаментом особого рода феномен — структуры коллективной социально-исторической памяти сообществ. Именно от их состояния зависит характер жизнедеятельности «организма» региона культуры. С некоторой долей условности можно сказать, что от состояния структур социально-исторической памяти зависят особенности национального характера, «европейских» и «российских» городов.

Использование в российских условиях теории урбанизации предполагает, что в ее объективы попадает не только город, но особое социокультурное образование — *город-и-провинция*. Как целостный регион культуры город-и-провинция

причудливым образом соединяет в себе черты урбанизации и рурализации. Это, если можно так выразиться, «сиамский близнец», у которого кровеносная система одна, но тела два. Город-и-провинция является специфически российским таксоном системы расселения, он исторически связан с отсутствием на Руси такого европейского феномена, как полис (город-государство). Понятно, что конструкцией слова «город-и-провинция» мы указываем не на чисто географическую близость населенных пунктов и не на известные процессы поглощения растущим городом прилегающих к нему поселков. Конструкция слова указывает на социокультурные дистанции внутреннего пространства региона культуры, в соответствии с которыми для жителей ряда сел и деревень, например, Нижегородской губернии, «столицей мира» был Нижний Новгород, а Москва воспринималась как нечто далекое и периферийное. Провинциальная культура, кроме того, что многими нитями связана с культурой регионального центра, является носителем сложных провинциальных процессов, идущих в обход центра и напрямую его не затрагивающих.

Провинциальная среда исторического города — это сложное скопление различного рода поселений, объединяющихся в более или менее крупные анклав. Малые города были наиболее широкой и постоянной, но отнюдь не единственной, зоной соприкосновения горожан и крестьян. Так вокруг Нижнего Новгорода сложился анклав, который принято называть Нижегородское Поволжье.

Необходимо отметить и то, что провинциальная культура российских регионов представляет собой особый феномен, являющийся неотъемлемым структурным компонентом, не менее значимым, чем феномен центра региональной культуры. В пространстве провинциальной культуры более активны структуры социально-исторической памяти, с которыми связаны особенности провинциальных укладов (инертность, традиционализм, консервативность и др.). Именно провинциальная культура является основным носителем этничности, традиционных моделей муниципальной и субмуниципальной самоорганизации. В целом культура России немыслима вне этого феномена. Более того, провинциальная культура является неотъемлемым контекстом существования исторического российского города, поэтому реально существуют не просто отдельные города (как острова в море), а структуры, которые можно представить понятием «город-и-провинция»⁴.

Каждая историческая эпоха трансформирует культурный ландшафт региона, насыщая его своими произведениями. Современные культурные ландшафты возникли в результате длительного эволюционного развития природных ландшафтов под воздействием творческой деятельности человека разных эпох. У каждой эпохи есть своя территориальная система культурных ландшафтов, на каждом временном отрезке в ландшафт привносились свои ценности, стили и образы. В результате происходит «перекрытие» прежнего исторического пласта, который остается в социокультурной памяти сообщества и о котором напоминают отдельные, чудом сохранившиеся памятники. Мало, конечно, где можно наблюдать, как поколение за поколением накапливает культурные достижения, не отказываясь от прошлого и не разрушая его. Поэтому так остро стоит вопрос о сохранении культурного наследия.

Архитектурно-градостроительная культура России как сверхсистема, в чьей относительно молодой культуре еще недавно отчетливо проявлялись ее языческие, глубоко архаичные корни, имеет историко-культурную динамику, свою систему архитектурно-градостроительных типов, определенные закономерности развития, отличающие ее от многих других пространств. Она обусловлена как процессами мирового развития, так и геофизическими, и геокультурными факторами регионального масштаба.

Главное условие достижения результата во всяком исследовании — его целеполагающая направленность. В нашем случае эта направленность имеет два аспекта: онтологический и аксиологический.

Онтологический аспект заключен в заранее принимаемом нами априорном положении: каждое сообщество, обладающее коллективной социально-исторической памятью, сознательно или неосознанно руководствуется целью создания среды обитания, стремится представить в своем произведении (регионе, агломерации, городе, селе и т. п.) максимально выраженную и развернутую картину мироздания. Именно эта целевая установка служит стержнем для всего множества смыслов социокультурных пространств, пружиной их становления и структурирования.

Аксиологический аспект вытекает из онтологического. Мы не ставим своей целью рассмотрение технических, стилевых и авторских особенностей того или иного градостроительного объекта. Мы ведем поиск следов реализации, принятой нами, целеполагающей установки градостроительства; анализ процесса социокультурного развития как творения *миро-здания*, обобщая исторические, религиозные и многие-многое иные факторы его создания. Именно в этом аспекте мы стремимся раскрыть и понять смысл и логику становления и развертывания градостроительных пространств. Это позволяет надеяться, что рабочая гипотеза, развиваясь и уточняясь, может перерасти в теорию, постепенно приобретая необходимые качества: через постижение внутренней логики зодчества — к непротиворечивости, через понимание смысла памятников архитектуры и градостроительства — к объяснительности, через заполнение лакун по этапам развития — к прогностичности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что региональная формация культуры является одной из характерных особенностей социокультурного пространства России. Это отличительная макрохарактеристика ее культуры, источник ее разнообразия на микроуровне, источник разнообразия форм социокультурной жизни локальных социальных пространств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рыжова Т.С. Градостроительство как объект исследования современных наук // *Философский контекст науки и техники*: сб. науч. тр. Вып. 2. Н. Новгород, 2009. С. 81-95.

² См.: Веденин Ю.А. *Очерки по географии искусства*. СПб., 1997. 224 с.

³ См.: Рыжова Т.С. *Социокультурная организация градостроительного пространства провинциальной России*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2001.

⁴ См.: Дахин А.В., Рыжова Т.С. *Российский исторический «город» и проблема сохранения разнообразия культур в контексте глобализации* // *Крупные города и вызовы глобализации*. Смоленск: Ойкумена, 2003.

С. 201-214.